

**ВИТАЛИЙ
РАПОПОРТ
ЮРИЙ
АЛЕКСЕЕВ**

15 ИЛИ 20 ЛЕТ

**Очерки по истории
Нарасной
армии**

ИЗМЕНА РОДИНЕ

**Vitaly Rapoport
and Yuri Alexeev**

HIGH TREASON

Essays on the History of the Red Army

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1988**

**Виталий Рапопорт
и Юрий Алексеев**

ИЗМЕНА РОДИНЕ

Очерки по истории Красной Армии

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1988**

**Vitaly Rapoport and Yuri Alexeev: IZMENA RODINE.
Otserki po istorii Krasnoi Armii.**

**First Russian edition published in 1988
by Overseas Publications Interchange Ltd
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England**

**First published in English under the title «High Treason»
by Duke University Press, Durham 1985**

**Copyright © Vitaly Rapoport, 1985 & 1988
Copyright © Russian edition
Overseas Publications Interchange Ltd, 1988**

All rights reserved

**No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission**

ISBN 1 870128 45 1

Cover design by Danuta Niekrasow-Heller

Printed in West Germany

Измена Родине – тяжчайшее преступление перед народом.

*Конституция СССР 1977 года,
ст. 62.*

*Память, как ты ни горька,
Будь зарубкой на века.*

Твардовский

Нагая истина ненависть рождает.

Тредьяковский

*Неужели нельзя хвалить Отечество,
не соплетая чудес в его славу?*

*Анонимный орловский
публицист XVIII века*

*Напрасно в годы хаоса
Искать конца благого.
Одним – казнить и каяться,
Другим – кончать Голгофой.*

Пастернак

Вот что они сказали перед казнью.

Командарм Иона Я к и р: "Да здравствует Сталин!"

Маршал Михаил Т у х а ч е в с к и й: "Вы стреляете не в нас, а в Красную Армию".

Оба вышли проろками. Сталин царствовал еще полтора десятилетия, а в ближайшие год-два высшее командование РККА было уничтожено почти поголовно — потери, немыслимые в самой тяжелой военной кампании. Жертвами этой Варфоломеевской ночи стали люди, которые создали Красную Армию, привели ее к победе в гражданской войне и превратили в лучшую армию Европы.

Через недолгое время немецкие танки ревели на ближних подступах к Москве, а гениальный полководец всех времен и народов Сталин лихорадочно обдумывал планы личного спасения.

Почти двадцать лет потребовалось, чтобы это неслыханное избиение собственной армии было признано преступлением. Но н и к т о не понес наказания. Большинство фактов и деталей не было предано гласности, ничего по сей день не сказано о том, почему это стало возможным.

Молчать об этом — надругательство над памятью безвинно погибших. Молчать об этом — предательство интересов Родины. Без обнаружения таких трагических событий, без их беспощадного разбора невозможно сделать выводы, столь необходимые нам, нашим детям и внукам. Иначе незачем изучать историю.

Цель наша далека от призыва к отпущению или возмездия. Дать исчерпывающий исторический анализ нам пока не под силу. Это задача потомков, в руках которых окажутся все необходимые документы. Мы стремимся рассказать о том, что у ж е известно — пусть не все с абсолютной достоверностью.

Книга эта, нескладная и путаная, со множеством пробелов и неясностей, не лезет в академический ряд. Она только напоминание о великой трагедии. Она — малый камень в основание будущего памятника Армии, Которой Стреляли в Спину.

П Р О Л О Г

Накануне катастрофы

Глава 1

АССАМБЛЕЯ НА НИКОЛЬСКОЙ

*Историческими памятниками более
всего богата Никольская улица.*

Путеводитель по Москве 1903 г.¹

То, с чего нам предстоит начать повествование, произошло на Никольской улице, самой старой в кремлевском посаде — Китай-городе. По этой улице, за плечами которой семь веков, начиналась когда-то от Никольских ворот Кремля дорога на Владимир, Суздаль, Ростов Великий.

Все здесь дышит русской историей. В XIII веке заложен на Никольской древнейший монастырь, в XVI напечатана первая русская книга, по Никольской князь Пожарский теснил к Кремлю отступавших поляков, а через семьдесят лет открылось на ней первое высшее учебное заведение страны.

Издавна Никольская была средоточием монастырей и храмов, книжной премудрости и бойкой торговли. Уже в середине прошлого века это одна из самых деловых улиц города. "Домище на домище, дверь на двери, окно на окне, и все это, от низу до верху, усеяно вывесками, покрыто ими, как обоями", — писал мемуарист Кокорев. На стыке столетий она обстроилась богатыми торговыми зданиями, первой в Москве покрылась асфальтом.

В октябрьские дни улица видела бои красных с юнкерами, при военном коммунизме попритихла, но с наступлением НЭПа снова забурила торговлей и коммерцией. По-прежнему она кишела складами, магазинами и конторами. Но перемены в ее судьбе уже подкрадывались, стояли на

пороге. Уже "Славянский базар" был отдан различным советским учреждениям во главе с Осоавиахимом. Перестала действовать знаменитая гостиница, в ресторане которой русские композиторы чествовали Дворжака; там же в отдельном кабинете Станиславский с Немировичем больше суток просидели за вином и закуской, сговариваясь о создании Художественного театра. Верхние торговые ряды длиной в четверть километра со сплошной стеклянной крышей, выстроенные в древнерусском стиле, превратились в ГУМ — Государственный Универсальный Магазин. В Синодальной типографии разместился Центроархив, в Чижовском подворье — общежитие Реввоенсовета. Но то были сдвиги тихие, скрытые.

В 1932 году грянула реконструкция Москвы, больно и хлестко, не слабее прежних пожаров, ударившая по Никольской. Утрачено было древнее имя, она стала улицей 25 Октября и одновременно лишилась многих замечательных строений. Исчез Казанский собор с чудотворной иконой Казанской Божьей Матери. На месте этого храма, воздвигнутого кн. Пожарским в ознаменование конца польского нашествия, теперь газон и общественный туалет. Почти ничего не осталось от Заиконоспасского мужского монастыря. Здесь учил и настоятельствова! Симеон Полоцкий, один из основоположников русского просвещения, он погребен под стеной главного храма. В стенах Заиконоспасского монастыря была открыта первая высшая духовная школа, Греко-славяно-латинская академия из стен которой вышли великий Ломоносов, математик Магницкий, поэты Кантемир и Тредиаковский, географ Крашенинников.

Исчезли древние постройки Никольского греческого монастыря с двумя церквями и часовней, в которой находилась чудотворная икона св. Николая Чудотворца. Монастырь был основан Иоанном Грозным, в стенах его похоронили Кантемира.

Разрушен Богоявленский монастырь, заложенный в 1276 году при князе Даниле. Из пяти его храмов уцелел только один — Богоявленский собор. Он дал пристанище каким-то мастерским и стоит облупленный, разрушающийся на глазах, лишенный купола. А ведь еще в середине 20-х гг. советский путеводитель писал:

”Это одно из лучших созданий московского барокко. Его каменная ”резь” так легка и изящна, что создает впечатление кружевной отделки. Внутри собора есть скульптурные изображения (”коронование Богоматери”), что в московских православных церквях является большой редкостью”.

Не осталось и следа от Нижней Казанской церкви монастыря, где была усыпальница кн. Голицыных, ”целый музей, прекрасно отражающий все развитие русской скульптуры XVIII века”².

Рухнули стены Китай-города с Владимирскими воротами и стоявший рядом храм Владимирской Божьей Матери. Теперь из Кремля расчищен путь на Лубянку (пл. Дзержинского), от местопребывания Советского правительства к дому его главного органа — органа безопасности.

Но историческая роль Никольской не кончилась. В конце ее, по левой, считая от Кремля, стороне, за аптекой Феррейна сохранилось неприметной архитектуры здание в три этажа. Выстроенное в 1830-х гг., оно было известно лишь тем, что в нем долгое время жил Станкевич, которого посещал Белинский. Утром 11 мая 1937 года в этом доме открылось заседание.

Должности и звания собравшихся дают основание думать, что то было совещание высших военных руководителей страны: заместители Наркома Обороны, начальник Генерального Штаба, начальники управлений Наркомата, командующие округами; четыре маршала Советского Союза из тогдашних пяти, все четыре командарма I ранга, флагман флота I ранга, четыре командарма II ранга...

Если добавить некоторые детали, то освещение картины изменится. Да, идет заседание, но такое, в котором военным доводится участвовать редко. Одна группа, в подходящих мундирах, расположилась за длинным столом; вторая, в воинской форме с сорванными знаками отличия, — за загородкой. В здании, о котором идет рассказ, размещается Главная Военная Прокуратура.

Теперь уже естественным кажется, что во главе стола восседает армвоенюрист I ранга В. В. Ульрих, Председатель

Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР. Это человек известный. В 20-х годах он председательствовал на знаменитом процессе Савинкова; совсем недавно, в августе 1936 и январе 1937, в одной упряжке с Генеральным Прокурором Союза ССР А. Я. Вышинским провел еще более громкие "московские процессы". Его коллегами в этом с у д е б н о м заседании выступают: командарм II Я. И. Алкснис, зам. Наркома и командующий ВВС, командарм I И. П. Белов, командующий Московским военным округом; маршал В. К. Блюхер, командующий Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией; маршал С. М. Буденный, инспектор кавалерии; комдив Е. И. Горячев, командир 6 казачьего кавалерийского корпуса им. т. Сталина; командарм II П. Е. Дыбенко, командующий Ленинградским военным округом; командарм II Н. Д. Каширин, командующий Северо-Кавказским военным округом; командарм I Б. М. Шапошников, зам. Наркома и начальник Генерального штаба.

Восьми военным судьям, в отличие от Ульриха, их роль явно внове и нельзя сказать, что нравится — возможно, с непривычки. Все они — прославленные командиры Красной Армии, видные ее организаторы. То же справедливо в отношении подсудимых и даже в большей степени. Стоит полистать любую историю гражданской войны, равно и Красной Армии, изданную до 1937 или после 1956 года, как непременно встретятся их имена, причем с добавлением самых лестных эпитетов. Подсудимых тоже восемь (должности и звания приводятся на день ареста): А. И. Корк, командарм II, начальник Академии им Фрунзе; комкор В. М. Примаков, зам. командующего Ленинградским военным округом; комкор В. К. Путна, военный атташе в Англии; маршал М. Н. Тухачевский, до 11 мая 1937 г. — первый заместитель Наркома и начальник боевой подготовки РККА, до 26 мая — командующий Приволжским военным округом; командарм I И. П. Уборевич, командующий Белорусским военным округом; комкор Б. М. Фельдман, начальник Главного управления РККА; комкор Р. П. Эйдемман, председатель Осоавиахима; командарм I И. Э. Якир, командующий Киевским военным округом.

Налицо, как видим, вся верхушка Красной Армии, недостает разве Наркома — маршала К. Е. Ворошилова. Немногие зрители подстать остальным присутствующим: маршал А. И. Егоров, зам. Наркома (на него возложена ответственность за охрану и порядок в суде); флагман флота I ранга В. М. Орлов, зам. Наркома и командующий ВМФ; комдив М. Ф. Лукин, комендант г. Москвы...

При схожести титулов и послужных списков между подсудимыми и судьями существует важное различие, и обозначилось оно давно. Первые — сливки армейской интеллигенции, авторы капитальных научных трудов первопроходцы новых путей организации армии и пионеры новых методов вооруженной борьбы; вторые, за вычетом Шапошникова и Алксниса, — лихие вояки и рубаки, чуждые теоретическим изысканиям, ретрограды-службисты. Хотя все они люди большой воинской доблести, но интеллектуальный уровень у них явно неодинаков, а взгляды по большинству военных вопросов — прямо противоположные. Мы еще покажем в дальнейшем изложении, что состав обеих групп не случаен, но не только споры о направлении будущего развития армии привели их в этот зал.

11 июня 1937 г. одни военачальники судят, другие — судимы. Пройдет совсем немного времени, и большинство судей сложит голову в подобных же обстоятельствах. Кое-кого это ждет через несколько месяцев, иных — через год-два. Возможно, у них есть такое предчувствие. Но не станем забегать вперед.

За что судят заслуженных командиров? Даже нам, через четыре десятилетия, нелегко ответить на этот вопрос. В еще более затруднительном положении находились современники. Того же 11 июня в газетах появилось следующее сообщение:

”В ПРОКУРАТУРЕ СССР

Дело арестованных в разное время органами НКВД: (перечисление знакомых нам фамилий).

...обвиняются в нарушении воинского долга (присяги), измене родине, измене народам СССР, измене РККА.

Следственными материалами установлено участие обвиняемых, а также покончившего самоубийством Я. Б. Гамарника, в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли военным кругам сведения о состоянии Красной Армии, вели вредительскую работу по ослаблению мощи Красной Армии, пытались подготовить на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов.

Все обвиняемые в предъявленных им обвинениях признали себя виновными полностью.

Рассмотрение дела будет происходить сегодня в закрытом заседании Специального судебного присутствия Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР: (следует состав суда).

Дело слушается в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 г."

Вот и все, что могли узнать из газет советские граждане. В дальнейшем цитированное сообщение оставалось, пожалуй, единственным, что им полагалось знать об этом деле.

Воздержимся пока от анализа документа. Отметим бросающуюся в глаза стилистическую шероховатость текста, что позволяет предположить поспешность написания. Суммируем кратко основные положения:

- подсудимые были агентами иностранной разведки (шпионаж и диверсия);

- они готовили поражение страны в войне и государственный переворот (государственная измена);

- приговор, по всей вероятности, будет вынесен в тот же день (на это указывает формулировка: "рассмотрение дела будет происходить сегодня", иначе было бы сказано "начнется". Об этом говорит также ссылка на закон от 1 де-

кабря, предусматривающий ускоренную процедуру суда над врагами народа).

Так и случилось. Приговор вынесли 11 июня и назавтра обнародовали. Ход процесса ни тогда, ни позже в печати не освещался. Широкая публика и узкие партийные круги так и остались в неведении, каким образом за несколько часов безапелляционно осудили цвет командования собственной армии.

Попытаемся воссоздать ход процесса. Сведения, которыми мы будем пользоваться, отрывочны и существуют в виде изустных рассказов. Проверке поддается далеко не все. Иногда приходится иметь дело с мифами. Но не будем ими пренебрегать. Народ наш — великий мифотворец поневоле, потому что значительная часть истории от него сокрыта. Мифы, однако, не произвольные измышления. Основа у них реальная, чаще всего кровавая.

Заседание началось в 10 часов утра. Формула обвинения была столь же неконкретна, как в газете, хотя более развернутая. Никакие документы или иные вещественные доказательства на процессе не фигурировали.

Более или менее известны обвинения, предъявленные троим. Тухачевский:

1. организатор государственного переворота,
2. связь с германской разведкой,
3. моральное разложение (так обычно именуют в официальных бумагах пристрастие к прекрасному полу).

Якир также обвинялся в попытке свержения советской власти и связях с немцами, но здесь были специфические детали, не вполне, впрочем, ясные. Так, Якиру инкриминировалась связь с арестованным в 1936 его подчиненным Д. А. Шмидтом, командиром единственной тогда в РККА тяжелой танковой бригады. По одной версии, Якир дал Шмидту указание держать бригаду в боевой готовности, чтобы в нужный момент бросить ее на Москву, по второй — приказал уничтожить и приводить в негодность матчасть. Неясно, какое из взаимоисключающих обвинений было предъявлено командиру. Известно только, что, по утверждению НКВД, оба показания Шмидт дал, точнее, подписал.

Уборевич обвинялся, в частности, в том, что при строительстве линии пограничных укреплений в Белоруссии в ней намеренно оставлялись бреши для облегчения прорыва противником. Такие разрывы действительно существовали, но диктовались они условиями местности. В районе Пинска оборонительные сооружения были отодвинуты за непроходимые болота, что их, разумеется, усиливало. Когда член суда Шапошников спросил Уборевича, какими соображениями это вызвано, председательствующий Ульрих пресек наводящий вопрос.

Насколько известно, остальным подсудимым вменялись связь с германской разведкой и преднамеренное ослабление боевой мощи Красной Армии.

Все восемь на вопрос о виновности ответили отрицательно. В сохранившейся машинописной справке из дела эти НБТ чернилами исправлены на ДА, исключение сделали для одного Тухачевского. Тухачевский больше вообще на вопросы не отвечал. Остальные все отрицали. По окончании допроса не выдержал Якир. Этот человек, известный своей беспримерной храбростью и самообладанием, закричал своим бывшим товарищам по оружию: "Посмотрите мне в глаза! Неужели вы не понимаете, что все это ложь?!" Сидевший рядом Примаков пытался его остановить: "Брось, Иона, перед кем бисер мечешь! Не видишь разве, кто здесь сидит..." Якир все же попросил, чтобы ему дали бумаги, и написал письма Сталину и Ворошилову.

Некоторым членам суда было не по себе. Явную неловкость ощущал Шапошников, который своим вопросом хотел дать Уборевичу возможность для оправдания. Блюхер сослался на недомогание и ушел из зала. Он отсутствовал довольно долго, но вернулся к вынесению приговора.

Буденный, напротив, ничуть не размягчился. В ходе заседания он послал донесение Наркому Ворошилову (оно сохранилось): все сволочи, ни один не сознается, по лицам видно, что враги и пр.

К 14 часам все было кончено. Приговор, не подлежащий обжалованию, был для всех одинаков: к высшей мере наказания. Осужденных увезли на Лубянку.

Командарм Якир был расстрелян в тот же день, остальные на рассвете 12 июня. Тела вывезли на Ходынку на место, где шли строительные работы. Было выставлено оцепление из красноармейцев. Расстрелянных свалили в траншею, засыпали негашеной известью, потом землей³.

За четверть века до того на Ходынке располагался полевой лагерь Александровского юнкерского училища, в котором обучался Тухачевский.

Глава 2

РАЗНОГЛАСИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ УГРОЗЫ

В 1936 году Михаил Тухачевский достигает апогея служебной карьеры. 4 апреля его назначают первым заместителем Наркома Обороны и начальником боевой подготовки РККА. Этому предшествуют события и факты, свидетельствующие о неуклонном повышении официального положения Тухачевского и усилении его влияния. Лето 1931 — заместитель Наркома и Председателя Реввоенсовета и начальник вооружений РККА. 21 февраля 1933 г. награжден орденом Ленина, 7 ноября принимает парад войск на Красной площади — редкое отличие, потому что обычно это делает Нарком. В 1934 выступает на XVII съезде партии и избирается кандидатом в члены ЦК. В ноябре 1935 вводятся персональные воинские звания, и Тухачевский среди пяти первых носителей высшего из них — Маршала Советского Союза. В феврале 1936 едет в Англию на похороны короля Георга V. Визит, цели которого выходят за рамки простой репрезентативности, проходит успешно. На англичан производит впечатление и личность сорокалетнего маршала, и привезенный им фильм о массовом (1000 парашютистов) воздушном десанте на маневрах под Киевом. Любимое дитя Тухачевского — десантные войска — получает признание даже у скептиков, таких, как генерал Бэлл. На обратном пути — остановка в Париже и беседа с генералом Гамеленом, начальником французского Генштаба. Вскоре по возвращении — назначение на высокий пост, созданный специально для него.

Казалось, все идет хорошо. Между тем, закулисная сторона, столь важная в российских делах, не выглядит так

оптимистично. Особенность и парадокс ситуации в том, что Сталин Тухачевского всегда недолюбливал, однако в пору борьбы за власть он вынудил Тухачевского уйти в тень (с поста начальника Штаба РККА на должность командующего ЛВО), а добившись победы, д о п у с т и л его возвращение в центральный аппарат Наркомата и еще большее возвышение. Одной фразой эту антиномию разрешить невозможно. Более того, мы не можем с абсолютной достоверностью воспроизвести мотивы, ограничения и логику поступков Сталина. Остается сделать правдоподобные предположения. Их читатель найдет в третьей части книги.

В 1931 году Тухачевский возвращен из ленинградской ссылки, длившейся три года. В своей новой роли он развивает кипучую и исключительно плодотворную деятельность. Он инициирует, поддерживает, опекает, обеспечивает разработку новых видов вооружения, которые впоследствии составят основу боевой мощи Красной Армии. Самые современные для того периода самолеты; Т-34, оказавшийся лучшим танком Второй мировой войны; воздушно-десантные войска; уникальные разработки и большой задел в области радиолокации, ракетостроения и реактивного оружия — вот зримые и ныне признанные плоды этой работы. Мы опускаем подробности, потому что все это освещено в мемуарной и специальной литературе. Для нас более существенно, что Тухачевский трудится на этом поприще не как одержимый технопоклонник, а как полководец, для которого техническое оснащение армии есть необходимое условие исповедуемой им военной доктрины. Эта доктрина, теория глубокого боя и операции, была выдвинута им в начале двадцатых годов и на протяжении десятилетия продумана, развита и детально проработана группой молодых его соратников. Наибольшая заслуга в окончательном оформлении доктрины принадлежит В. К. Триандафиллову и его коллегам по I (оперативному) управлению Штаба РККА, среди которых особенно выделялся Г. С. Иссерсон.

За несколько лет Тухачевский достиг очень много. На XVII съезде горячий Нарком Ворошилов провозгласил: "Сейчас основные задачи реконструкции армии нами ре-

шены". Оказалось, что в 1933 г. на одного красноармейца приходилось 7,74 механических лошадиных сил. Это выше, чем во французской, американской, даже английской армии, самой механизированной по тому времени. Конечно, на цифры парадных докладов особенно полагаться не приходится. Тут же Ворошилов, прозорливо оглядываясь на 16 лет назад, ратовал за лошадку, поскольку к концу Первой мировой войны во французской армии их было свыше миллиона, в германской — 880 тысяч, а в царской — 1142 тысяч голов!

Пока Ворошилов витийствует с трибун и напоказ стреляет из пистолета, Тухачевский и его единомышленники создают новую армию. В двух важнейших военных округах — Украинском и Белорусском — Якир и Уборевич смело внедряют новые принципы обучения войск, отрабатывают совершенно неизвестные до того формы взаимодействия наземных и воздушных соединений. Украинские маневры 1935 и особенно 1936 года вызвали нескрываемое восхищение у иностранных военных наблюдателей, взбудоражили военную мысль во всей Европе и направили ее по новому руслу. Одновременно строится линия мощных укреплений вдоль западных и южных границ СССР.

Чем бы ни занимался Тухачевский по роду службы, он всегда оставался по преимуществу стратегом. Проблемы стратегического и оперативного искусства всегда были излюбленной пищей его ума. В глазах западных специалистов Тухачевский тоже был прежде всего стратег. Высокую оценку получил его обходной маневр вокруг Варшавы в 1920 году, несмотря на неудачу всей операции. Даже в 1936, в спешном порядке работая над Полевым Уставом РККА, Тухачевский параллельно готовил новый вариант своего сочинения "Новые вопросы войны" (1932). Рукопись эта, видимо, погребена в недрах НКВД.

По свидетельству Г. Иссерсона, "в стратегическом отношении Тухачевский был на голову выше многих представителей высшего командования Красной Армии". Но именно в середине тридцатых годов он "не имел прямого доступа к плану стратегического развертывания наших вооруженных сил, который разрабатывался в Генеральном штабе".

Кадры решают все, потому во главе Генштаба был поставлен маршал Егоров, которого Сталин со времен гражданской хорошо знал как человека послушного и лояльного, к тому же с темным пятном в биографии. Тухачевский такими достоинствами не обладал и допущен быть не мог.

С приходом фашистов к власти Тухачевский пристально следит за положением в Германии. В работе "Военные планы нынешней Германии" (1935) он указывает, что ускоренная милитаризация страны смертельно угрожает миру на континенте. Время работает на Гитлера. Его первой целью будет сокрушение Франции, но и для СССР он являет первостепенную опасность. Уже в 1935 г. численность вермахта достигает 849 тыс. человек. Тухачевский предостерегает, что СССР, по населению превосходящий Германию в 2,5 раза, располагает армией в 940 тысяч.

Стратегия Тухачевского всегда была наступательной — "сокрушение". Теперь ему приходится усиленно размышлять над тем, как видоизменить свою стратегию и применить эффективно по отношению к противнику, который сам рвется в бой. Что Гитлер будет наступать — в этом нет сомнения, более того, нападение будет внезапным. Винер как-то заметил, что в мирное время невозможно определить пригодность генералов для будущей войны. Сегодня хорош тот, кто успешно действовал в прошлой войне, а плох — кто был на высоте в позапрошлой. При огромном честолюбии Тухачевский чужд самообольщения. Он не надеется предугадать ход и даже характер грядущей войны. Предсказанию доступен только начальный период войны, поскольку он в полной мере обуславливается явлениями и факторами мирного времени. В статье "Характер приграничных сражений" Тухачевский отвергает общепринятый тезис о "сосредоточении массовых армий к границам по железным дорогам" из-за уязвимости их для действий авиации. По той же причине отбрасываются старые схемы мобилизации и сосредоточения армии.

Еще совсем недавно Тухачевский с порога отвергал концепцию крупнейшего военного писателя А. А. Свечина, доказывавшего преимущество для нас стратегической

обороны ("измор"). События в Европе говорили в пользу правоты Свечина.

Новые взгляды требовали проверки. Но как проверить представления о войне, пока она не началась? Существует способ, далекий, впрочем, от совершенства, — военная игра, или, как принято теперь говорить, моделирование, воспроизведение условий войны. В конце 1935 года Тухачевский предлагает провести в Генштабе такую игру. Мысль эта, хотя и не сразу, была принята наверху. Игра состоялась в ноябре 1936 года. Опубликованы два кратких свидетельства о ее подготовке и проведении. Одно оставил уже упоминавшийся Г. С. Иссерсон, в звании комбрига он был тогда фактическим руководителем оперативного управления Генштаба и начальником кафедры оперативного искусства Академии Генерального штаба. Иссерсон разрабатывал задание для игры. Второе принадлежит перу А. И. Тодорского, который в 1936 был начальником Военно-воздушной академии. Комкор Тодорский в игре командовал авиасоединением на стороне "немцев".

Западным фронтом "красных" командовал Уборевич, войсками "немцев" — Тухачевский, "поляков" — Якир. При разработке условий игры Генштаб исходил из текущей военно-политической обстановки в Европе, не стремясь заглядывать в будущее. Силы Германии оценивались на основании мобилизационной формулы 3 : 1, 36 наличных дивизий в составе вермахта и неуточненных данных о формировании 3 танковых дивизий и ВВС, которые будут располагать 4—5 тыс. самолетов. Выходило, что в начале войны Германия может поставить под ружье всего 100 дивизий, из них против нас, к северу от Полесья (игра проводилась на этом участке), — 50—55 плюс поляки 20. На политзанятиях кремлевские стратеги хорошо усвоили, что все капиталисты, империалисты и фашисты — одна шайка-лейка. Другими словами, кто не с нами, тот против нас. Полякам поэтому ничего не оставалось, как помириться с Германией и совместно ударить по СССР¹. Даже умный и тонкий писатель Иссерсон через 18 лет после Второй мировой войны отстаивает правильность такого прогноза: "В 1936 г. еще не было оснований предполагать, что Германия сначала полностью поглотит Польшу и прекратит ее существование

как самостоятельного государства, лишив себя поддержки такой организованной и подготовленной армии, как польская, которая могла по мобилизации выставить свыше 50 дивизий". Конечно, тогда Генштаб еще не мог знать, что сговор Гитлера со Сталиным приведет к разделу Польши, но он обязан был заметить отсталую организацию польской армии и ее устаревшее вооружение.

Тухачевский возражал прежде всего против принятой расстановки сил. Если в начале Первой мировой войны Германия смогла выставить 92 дивизии, то теперь следует рассчитывать на 200, иначе битые немцы в драку не полезут. Поэтому, настаивал Тухачевский, к северу от Полесья одних немецкий дивизий будет не менее 80 (полякам он, видимо, большого значения не придавал). Для справки: в 1941 году по плану "Барбаросса" против нас было 79 немецких дивизий в составе групп "Центр" и "Север", а всего на Востоке — 152 дивизии.

Еще Тухачевский настаивал, что группировка немецких сил между Наревом и устьем Немана — всего лишь предварительное сосредоточение после переброски по железной дороге. Он потребовал, чтобы ему еще до начала оперативного времени игры позволили так развернуть "германские" войска, чтобы упредить сосредоточение "красных" и первому открыть военные действия. Тухачевский чувствовал, что немецкая пропаганда блицкрига — не одно бахвальство, так как у Германии не было ресурсов для ведения длительной войны. Он серьезно относился к фактору внезапности.

Известен также предложенный им для игры ход войны в начальном периоде, о чем, правда, не пишут мемуаристы. Благодаря неожиданности нападения немцы в первые месяцы добиваются серьезных успехов и продвигаются на 100—250 км в глубь нашей территории. "Красные" не могут сразу провести полную мобилизацию армии и восполнить потери начального периода. Им придется в течение 8—12 месяцев вести упорные сражения, прежде чем перейти в решительное контрнаступление. Правда, Тухачевский не допускал, что в реальных условиях нападение может быть полностью внезапным — из-за деятельности разведки. Это мнение Сталин блестяще опроверг в сорок первом...

Что и говорить, условия для игры были предложены исключительно тяжелые, они не вытекали непосредственно из тогдашних представлений о противнике, но для учебных целей это было оправданно. Как мы знаем, действительность оказалась куда беспощаднее.

Руководил игрой маршал А. И. Егоров, человек, в натуре которого было больше от чиновника, чем от полководца. Егоров всегда был послушный исполнитель любой воли начальства: в 1905 году командовал в Тифлисе разгромом демонстрации, во время гражданской послушно следовал безграмотным указаниям члена РВС фронта Сталина, наконец, 11 июня 1937 г. по поручению того же Сталина наблюдал за порядком в зале суда... Егорову надо было прежде всего выставить с хорошей стороны работу своего ведомства, сиречь показать, что разработанный Генштабом план развертывания на случай войны — правильный и единственно возможный. Поэтому он напрочь отверг прозорливые соображения Тухачевского в полной уверенности, что Хозяин будет на его стороне. Егоров не хотел пользоваться методологией Суворова, который, как было установлено, стоял на феодальных позициях. Утруждать себя он не собирался и в учении. Войска противника не получили никаких стратегических преимуществ: они подходили к границе по з ж е развертывания наших главных сил. Вот что пишет Иссерсон:

”В конечном счете на игре создалось в общем равное соотношение сил обеих сторон. Главные силы красной стороны были даны в развернутом положении на границе, и возможное упреждение противной стороны в сосредоточении и открытии военных действий не было учтено. В итоге фактор внезапности, которому немцы придавали столь большое значение и который по их же открытым высказываниям в печати составлял главную черту их стратегической доктрины, не нашел на игре никакого выражения. В такой обстановке, лишавшей игру основной стратегической остроты, ход событий привел к фронтальному встречному столкновению сторон в форме по-

границных сражений 1914 года и не дал никакого решительного исхода”.

Круг замкнулся. Красной Армии предписывали воевать по разработкам двадцатипятилетней давности, оказавшимся трагически бесплодными. Тодорский в описании игры полностью согласен с Иссерсоном. Кое-какие важные подробности, не попавшие в печать, дополняют картину.

Перед началом игры Тухачевский выехал в пограничные округа для уточнения данных о германской стороне. Тем временем в Москву съехались участники игры: все командующие округами, начальники окружных штабов или их заместители, командиры корпусов, многие командиры дивизий. За день до начала все собрались во 2-ом доме НКО (угол ул. Куйбышева, б. Ильинки, и Красной площади). Вечером поступило важное сообщение: игра переносится в Кремль, в ней пожелали принять участие члены Политбюро. Наутро все были в Кремле. Тухачевский запаздывал. Несколько часов прошли в ожидании. Сталин спросил, чем вызвана задержка. Ему ответили, что из-за отсутствия Тухачевского нет полных сведений о ”синих” — противнике. Сталин резонно заметил, что у нас как-никак имеется Генштаб — пусть он представит недостающую информацию. Егоров со своими сотрудниками работал всю ночь. Наутро снова собрались участники игры. Егоров огласил свои данные.

Германия и Польша объявляют мобилизацию — соответственно 90 и 20 дивизий — и начинают военные действия. Мы тоже не дремлем. Сразу выставляем на границе 60 отмобилизованных дивизий, через две недели еще 40, чуть позже — 20—25 из внутренних округов. Агрессор пытается в течение 2—3 недель преодолеть нашу линию обороны, но успеха не имеет. Красная Армия наносит сокрушительный контрудар и переносит военные действия в Польшу. В Германии и Польше вспыхивают восстания против фашистских правительств. Все как в песне или докладе: если завтра война, если завтра в поход... малой кровью на чужой территории... Сталин одобрительно кивнул. Командиры получили задания и приступили к работе со своими штабами.

Появился, наконец, Тухачевский. Снова собрали всех участников игры. Сталин предложил Тухачевскому ознакомиться с установкой Егорова и высказать свое мнение. Тухачевский ответил, что у него другие данные. Германия отмобилизовывает 150—200 дивизий и нападает на СССР без объявления войны. Из-за внезапности и численного превосходства противника мы длительное время ведем оборонительные сражения на своей территории и только после этого получаем возможность перейти в контрнаступление.

Сталин реагировал немногословно: "Вы что, Советскую власть запугать хотите?" Игра пошла по плану Егорова.

"Тухачевский был явно разочарован", — сообщает Иссерсон. Здесь он поскупился на краски. Тухачевский понял, н е м о г не понять: накануне неизбежной мировой бойни оборона страны, ее судьба, в руках самонадеянных, близоруких и невежественных людей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Гражданская война: несколько страниц

Прославим, братья, сумерки свободы...

Мандельштам

Мы делаем большой шаг назад в попытке отыскать истоки катастрофы, постигшей Красную Армию. Гражданская война наложила неизгладимый отпечаток на все развитие новой армии. В этой необычной войне, войне братоубийственной, где главными противниками выступали не иноземные захватчики, а соотечественники, РККА не только зародилась и возмужала. Именно тогда начали складываться традиции молодой армии, ее доктрина, ее отношения с новой политической властью.

Из этого богатого событиями периода мы возьмем несколько эпизодов. Их выбор в основном диктуется действующими лицами, которым суждено в дальнейшем сыграть решающую роль в судьбе армии. Мы хотим также коснуться негативных аспектов, которые намеренно замалчиваются или искажаются. При этом мы вовсе не намерены порочить Красную Армию и прибавлять величия ее противникам. Кто возьмется быть судьей в трагической междоусобице нации... Если нам здесь придется рассказывать о некоторых деятелях Красной Армии не вполне похвальные вещи — не наша то вина: слишком долго об этом говорили неправду или попросту молчали. Зато о деяниях их оппонентов написано предостаточно.

Глава 3

1918: ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ РККА

Декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии на добровольных началах был подписан Лениным 28 января 1918 года. До формирования регулярных частей прошло почти четыре месяца. Между тем, начиная с 1922 г., день рождения Красной Армии отмечается 23 февраля.

История возникновения этого праздника заслуживает того, чтобы на ней остановиться. Долгое время в ходу была официальная версия, согласно которой в этот день молодые красные формирования получили боевое крещение: они остановили наступающие германские войска под Нарвой и Псковом. В середине шестидесятых годов это было опровергнуто в печати (статья С. Найды). С тех пор 23 февраля отмечается как день всенародного подъема для отпора врагу. Таким образом, вернулись к толкованию, существовавшему до 1938 года.

Перечислим вкратце события того далекого периода. 10 февраля 1918 произошел срыв переговоров в Брест-Литовске. Положение молодой Республики было отчаянное. Советскому правительству ничего не оставалось, как ждать реакции немцев. 18-го началось германское наступление. Из-за недостатка сил оно развивалось медленно, причем наличные дивизии были в основном ландверные, т. е. ополчение. Занимавшие фронт части старой русской армии, не принимая боя, откатывались на восток. Красной Армии еще реально не было. Того же 18 февраля ЦК после двух бурных заседаний принимает ультиматум Ленина о немедленном заключении мира на любых условиях, о чем извещается германская сторона.

Одновременно, поскольку немцы продолжают наступать, идет формирование красных гвардейских (ополченческих) отрядов. 21 февраля Ленин обратился ко всем способным носить оружие с воззванием "Отечество в опасности!" Начиная с 22-го в течение десяти дней в Петрограде тревожно гудели гудки. Под ружье пошли практически все мужчины — рабочие города. Вместе с ранее созданными отрядами, солдатами петроградского гарнизона и балтийскими моряками они двинулись навстречу немцам. Однако оказать противнику сопротивление они не могли.

Германское командование, основные заботы которого были на Западе, не стремилось к обострениям, но не отказывалось от легкой добычи. Вечером 22 февраля немцы заняли Псков. С 23 по 27 на советско-германском фронте было спокойно, никаких боев не отмечено. На следующей неделе происходили мелкие столкновения. 3 марта, в день подписания Брестского мира, отряд П. Е. Дыбенко сдал Нарву (в мае Дыбенко судил трибунал, он был снят с поста Наркома по военно-морским делам).

В феврале следующего, 1919 года питерские работницы в письме к Ленину предложили отметить эту памятную декаду праздничным днем в честь "зарождения Красной Армии". Ленин согласился, не проявив, впрочем, особого энтузиазма. Ввиду трудного положения праздник назначили на воскресенье, которое в том году приходилось на 23 февраля. Как видим, выбор даты был в достаточной степени случаен.

Праздник не отмечался в 1920 и 21 годах, ему, возможно, еще не придавали особого значения. С 1922 он вошел в официальные "святцы". Теперь, после победы в гражданской войне, стихийно зародившийся праздник пришелся как нельзя более кстати.

Так или иначе День Красной Армии был необходим. Однако выбрать для него любую, самую случайную победу в войне междуусобной, внутренней не позволяла идеология. Красная Армия обязана была родиться в боях с внешним врагом — не с соотечественниками. Исходя из той же идеологической установки, главным врагом объявили Антанту, а Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля — ее

агентами, ставленниками. В дальнейшем сталинская историография довела этот тезис до логической стройности: вся гражданская война превратилась в отражение чужеземной агрессии в виде трех походов Антанты. Война, таким образом, лишилась характера гражданской, становилась оборонительной, но от привычного словосочетания не отказались, возможно, по недосмотру. Так и утвердилось 23 февраля, потому что на заре советской власти другого эпизода, связанного с наступлением захватчиков, не было.

Потом повод для праздника усовершенствовали. В 1938 появилась формулировка об отпоре немецким захватчикам под Псковом и Нарвой, в 1942 Сталин заявил о "разгроме отборных немецких корпусов и дивизий". Ничего, что 23 февраля Псков уже был в руках немцев, а до Нарвы им оставалось около 300 км. Более интересно, что в силу тех же причин Сталин никогда не пытался привязать День Красной Армии к своему участию в гражданской войне, например, к обороне Царицына.

Красная Армия появилась на свет. Обстоятельства, связанные с регистрацией рождения, не предвещали ей легкой судьбы.

Глава 4

1918: ЦАРИЦЫН

Весной 1918 г. Сталин впервые появляется на фронте гражданской войны. Это произошло в мае под Царицыным, когда эшелоны отступавшей V Украинской армии под командованием Ворошилова наводили переправы через Дон. Сталин прибыл в качестве чрезвычайного комиссара продовольственного дела Юга России. Позже услужливые историки превратят царицынский участок в решающий фронт гражданской войны, а самого Сталина провозгласят главным организатором Красной Армии. Но Сталин еще не знает о своем предназначении. Он пишет Ленину 7 июля 1918: "Гоню и ругаю всех, кого нужно. Надеюсь скоро восстановим (железнодорожное сообщение с Центром. — Авт.). Можете быть уверены, что не пощадим никого — ни себя, ни других, а хлеб все же дадим".

В Царицыне Сталин входит в состав Реввоенсовета Северо-Кавказского военного округа. Используя свое высокое положение члена правительства (он остается наркомом по делам национальностей), он немедленно начинает вмешиваться в чисто военные вопросы, разобраться в которых не может из-за отсутствия знаний и опыта. Сам Сталин думает иначе. Из той же записки к Ленину: "Если бы наши военные "специалисты" (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия (железнодорожная. — Авт.) не была прервана, и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им". Сразу заметно, что сын сапожника т. Сталин ни в грош не ценит военспецов, во всяком случае он намерен стать над ними.

Военруком (командующим войсками) СКВО 2 мая

сареву удалось отвести эту угрозу и восстановить сообщение 1918 года был назначен генерал-лейтенант царской армии Андрей Евгеньевич Снесарев, опытный военачальник и выдающийся ученый-востоковед. Он добровольно вступил в Красную Армию и в конце мая прибыл в Царицын с мандатом Совета Народных Комиссаров, подписанным Лениным. В условиях разгула партизанщины, очень слабо поставленной партийной и советской работы (донесение комиссара К. Я. Зедина) Снесарев принимается за создание регулярных частей.

Действия военрука многим давили на любимую мозоль. Прежде всего они пришлись не по нраву группе партработников во главе с К. Е. Ворошиловым и С. К. Мининым, которые еще не понимали, для чего нужна регулярная армия. Лихую партизанщину, митинги, выборность состава они признавали единственным методом революционной борьбы, а установление воинской дисциплины рассматривали как возвращение к "царским порядкам". Таких же взглядов придерживались командиры многочисленных отрядов, все эти главкомы и комы (обычно руководитель отряда штыков в 200 именовал себя командующим или главнокомандующим войсками на данной территории) — в большинстве солдаты и унтер-офицеры старой армии. Доставшуюся им власть над людьми, почти бесконтрольную, они ценили очень высоко. Они интуитивно чувствовали, что в регулярной армии у них нет шансов удержаться наверху: там для занятия командных должностей необходимы элементарные знания и грамотность. История показала, что эти опасения были преувеличены. Старые партийцы, попавшие на военную работу, вроде Ворошилова и Минина, в тот момент меньше думали о карьере, но к царским офицерам испытывали классовое недоверие.

Сталин мгновенно разобрался в обстановке и поддержал партизан. Во-первых, как истый революционер он зарабатывал себе популярность в массах, во-вторых, его всегда отталкивали люди типа Снесарева, стоящие на более высоком интеллектуальном уровне.

В этих условиях созидательная работа Снесарева и штаба СКВО продвигалась медленно. На Царицын наступали казачьи части генерала Краснова. Ценой огромных усилий Сне-

сареву удалось отвести эту угрозу и восстановить сообщение с Центром. В этот момент, в середине июля, Сталин при содействии Ворошилова и Минина арестовал почти всех офицеров штаба и заключил их в плавучую тюрьму. Вскоре был взят под стражу и Снесарев. Обвинения в саботаже были голословными, их не подтверждала местная ЧК. Но Сталин уже в 1918 знал, что действительная виновность не играет роли. Врагами следует объявлять тех, кого сейчас нужно убрать с дороги.

Репрессии коснулись не одних офицеров штаба. Вот как реагировал Сталин на известие о раскрытии монархической организации:

“Резолюция Сталина была короткая “Расстрелять”. Инженер Алексеев, два его сына, и вместе с ними значительное количество офицеров, которые частью состояли в организации, а частью лишь по под о з р е н и ю в соучастии с ней, были схвачены Чрезвычайкой и немедленно, безо всякого суда, расстреляны” (выделено нами. — Авт.).

Цитата взята из журнала “Донская волна”. Можно было бы не верить белогвардейскому органу, но как раз эту выдержку приводит Ворошилов, живописуя сталинский стиль революционной работы.

Москва не поверила сталинским обвинениям. На место была направлена комиссия Высшей военной инспекции во главе с А. И. Окуловым. Узнав об этом, Сталин отдал приказ уничтожить арестованных. Баржа-тюрьма была выведена на глубокое место и затоплена в Волге. Через несколько дней прибыла комиссия Окулова, которая установила неосновательность обвинений против Снесарева. Он был освобожден и переведен на другой фронт. Офицеров-утопленников списали как издержки гражданской войны. К ответственности никого привлекать не стали, что было делом обычным для того времени.

В стратегическом отношении деятельность Сталина также не была бесплодной. Весной 1918 года у советской власти были на юге два главных врага: донские казаки и добро-

вольческие офицерские отряды генералов Л. Г. Корнилова и М. А. Алексеева, отступавшие на Кавказ.

Уставшие от войны казаки не хотели ни с кем воевать, в том числе и с Советами. Когда в апреле свежеизбранный атаман Краснов провозгласил независимое Донское государство, куда наряду с исконными казачьими землями, включил Таганрогский, Царицынский и Воронежский округа, станичники реагировали вяло. Как свидетельствует сам Краснов, казакам было не до завоевания новых земель. Но политика хлебных реквизиций, которую большевики проводили с весны 1918, заставила их взяться за оружие.

Добровольцы оказались естественными союзниками казаков. Первоначально Корнилов и Алексеев намеревались вывести офицерские формирования за пределы России через Кавказ, чтобы сохранить кадры для будущей армии. Однако у добровольцев, как и у Краснова, было очень мало сил. В мае Краснов имел 17 тыс. бойцов (среди них много ненадежных) и 21 орудие. Ему противостояли следующие силы красных: Южная Завеса — 19 820 штыков и сабель, 38 орудий; 10 армия — 39 465 шт. и саб., 240 орудий. В добровольческих отрядах в феврале насчитывалось около 3,5 шт. и саб., из них почти тысяча больных и раненых. До конца марта добровольцы отсиживались в южных станицах под прикрытием казаков. Чтобы осуществить свой план, они должны были пройти через Кубань, где их путь преграждали значительные красные силы: группа Калнина (30 тыс. шт. и саб.), Таманская армия (30 тыс.) и 11 армия (80—100 тыс.). Таким образом, превосходство Красной Армии было подавляющим. Все эти войска подчинялись СКВО, штаб которого ввиду казачьей опасности был переведен из Ростова в Царицын.

В апреле добровольцы предпринимают отчаянную попытку прорыва. 13-го при штурме Екатеринодара погиб генерал Корнилов. Белые под командованием генерала Деникина отошли на Дон. Казалось, в сложившейся обстановке красные могли быстро добить противника. Этому, однако, помешали отсутствие полноты власти в руках командующего и сверхреволюционная деятельность РВС округа во главе с только что подоспевшим Сталиным. Мы уже осветили ее содержание, остается указать на результаты.

Пока Сталин со товарищи воюют со штабом своей армии, Краснов и Деникин накапливают силы и действуют. Хотя отношения между ними натянутые и идет борьба за верховное руководство, все же летом 1918 года противники советской власти добиваются серьезных успехов. В августе армия Краснова состоит из 40 тыс. надежных бойцов, а его власть распространяется на всю Область Войска Донского. В мае Добровольческая армия, сформированная из офицерских отрядов, имела в своем составе 5 тыс. шт. и саб. В июне Деникин разгромил группу Калнина, занял станицы Торговую и Великокняжескую, а 13 июля — Тихорецкую. Стратегическое положение советских войск на Северном Кавказе стало критическим. Теперь Добрармия представляет собой внушительную силу — 20 тыс. бойцов — и непрерывно пополняется офицерами, главным образом с Юга.

Успехи Донской и Добровольческой армий развиваются на фоне узурпации Сталиным военного руководства в Царицыне и в значительной степени благодаря этому обстоятельству. Сталин самовластно управляет СКВО на протяжении двух месяцев, начиная с отстранения Снесарева (середина июля). Как раз в это время Деникин успешно наступает и наращивает численность своих войск. 16 августа он взял Екатеринодар. К концу сентября под белым знаменем уже 40 тыс. бойцов.

Избавившись от Снесарева, Сталин произвольно изменил план обороны Царицына. Благодаря этому осенью возникла реальная угроза падения города и нарушения взаимодействия красных на всем Юге. К тому же Сталин снова вступил в конфликт — на этот раз с бывшим генералом П. П. Сытиным, назначенным командующим войсками Южного фронта.

Это было тяжелое для Советской республики время. Раненый Ленин лежал в своей квартире в Кремле. Работой правительственного аппарата руководили Свердлов и Цюрупа. 2 сентября создается новый орган руководства войсками — Реввоенсовет Республики во главе с Л. Д. Троцким, назначен Главком — И. И. Вацетис. По всей стране объявлен беспощадный красный террор. Оборонительные мероприятия советской власти принимают новые формы. Создаются

новые фронты и армии. ЦК и СНК утвердили, а РВСР провел приказом назначение командующих фронтами. Во главе Южного фронта, образованного на базе СКВО, стал Сытин. Сталин не подчинился директиве Москвы. Сначала он саботировал приказ о передислокации управления фронта в Козлов, затем и вовсе решением РВС фронта отстранил Сытина как бывшего генерала и заменил его Ворошиловым. Сталина, разумеется, волновало не прошлое Сытина, а власть, которую тот получал в качестве командующего войсками. К вопросам власти товарищ Сталин всегда относился со всей серьезностью. К этому времени обстановка вблизи Царицына и на всем Северном Кавказе стала настолько угрожающей, что центру пришлось, наконец, вмешаться... 6 октября произошел гневный обмен телеграммами между Свердловым и Сталиным, после чего ЦК отозвал Сталина с Южфронта и переместил состав РВС. Ворошилов и Минин были выведены, их места заняли К. А. Мехоношин, Б. В. Легран и П. Е. Лазимир.

Новое фронтовое руководство принялось расхлебывать сталинскую кашу. Казаки подходили к Камышину, и советское командование для спасения Царицына перебросило часть сил с Восточного фронта. Сытин отстоял Царицын, но на Северном Кавказе ничего спасти не удалось. Там начался развал фронта. Ободренные примером РВС, таким же порядком действовали начальники рангом ниже. Командарм Таманской Матвеев отказался подчиниться решению Кубано-Черноморского ЦИКА, за что был расстрелян тамошним главкомом Сорокиным. В свою очередь, Сорокин саботировал формирование регулярных частей 11 армии, арестовал и расстрелял членов Кубано-Черноморского правительства. Он был объявлен вне закона, бежал, но был схвачен одним из матвеевских дружков, который рассчитался с ним за своего командира. Окруженный деникинцами комбриг Кочубей с частью своих сил перешел на сторону врага, однако по приказу генерала Лукомского был повешен.

Весь Северный Кавказ попал в руки Добрармии. Деникин вырос в грозного врага, с которым пришлось отчаянно бороться еще два года.

Глава 5

1918–1919: ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

Как ни важны были события, разыгравшиеся в Царицыне, все же с весны 1918 года главным фронтом для советской республики был Восточный. Так продолжалось до конца лета 1919, когда Колчак потерпел решительное поражение в борьбе за Урал. Между тем до недавнего времени роль этого фронта намеренно принижалась. Это было связано с тем, что участие Сталина, а также Ворошилова и прочих соратников вождя в делах Востфронта было незначительным или никаким, в то время как, согласно официальной историографической концепции, Сталина всегда посылали на решающие участки гражданской войны.

Теперь истина нехотя восстановлена. Главенство Восточного фронта признают даже те, кто в тридцатых, сороковых и пятидесятых составил себе научное имя, прославляя деяния Сталина на судьбоносном царицынском участке.

Однако мало сказать, что на протяжении полутора лет вопрос о существовании советской власти решался на Востоке. Этот фронт, кроме того, был горнилом, в котором была выкована РККА. Там были созданы первые регулярные части, там начали боевую деятельность и проявили себя в качестве полководцев многие (большинство) руководителей Красной Армии. Вот далеко не полный перечень: оба главкома гражданской войны — И. И. Вацетис и С. С. Каменев, комфронта, впоследствии наркомвоенмор и Председатель РВС СССР М. В. Фрунзе, командующие фронтами М. Н. Тухачевский, А. А. Самойло, В. И. Шорин, командармы В. К. Блюхер, Г. Д. Гай, Н. Д. Каширин, М. М. Лашевич,

С. А. Меженинов, И. П. Уборевич, Р. П. Эйдеман, видные политработники Л. Н. Аронштам, А. С. Булин, И. М. Варейкис, В. В. Куйбышев, И. Н. Смирнов, командиры рангом ниже, выдвинувшиеся впоследствии на высокие должности — И. П. Белов, М. Д. Великанов, Н. В. Куйбышев, К. К. Рокоссовский, В. Д. Соколовский, В. И. Чуйков, легендарные начальники В. М. Азин, В. И. Чапаев и множество других.

Войска, переброшенные после разгрома Колчака на юг и запад, создали перелом на этих направлениях. Военные руководители Восточного фронта в дальнейшем играли видную роль в Красной Армии. Почти никто из них не пережил репрессий 1937—1938...

Восточный фронт возник в мае 1918 в результате мятежа 50-тысячного чехословацкого корпуса. Под прикрытием чехословаков на Востоке создается белое правительство с центром в Омске. В августе это правительство располагает 40—50 тыс. войск. Однако эти части только формируются и накапливаются. Фронт держат 40 тыс. чехословаков (в момент мятежа 12 тысяч перешло на сторону красных). Красная Армия под командованием Вацетиса насчитывает 80—90 тыс. бойцов. К этому времени Москва уже осознала свою ошибку, заключавшуюся в недооценке опасности на Востоке. Поначалу чехословацкий корпус доминирует во всем Поволжье. В Казани в его руки попал золотой запас России. В середине августа советские войска перешли в наступление и сокрушили белочехов. Были взяты Казань, Симбирск, Самара. Чехословаки вышли из борьбы и начали продвижение на Дальний Восток. Русские белогвардейские части генерала В. Г. Болдырева отходили в оренбургские степи.

Болдыреву было ясно, что единственным спасением является прорыв на Пермско-Котласском направлении с целью установить прямую связь с правительством Чайковского-Миллера и англо-американскими войсками на Севере. Только так можно было наладить снабжение белогвардейцев оружием и военным снаряжением. 25 декабря белые захватили Пермь. Само по себе это событие не выделяется из ряда подобных эпизодов гражданской войны. Официальные историки раздули его значение по той причине, что на

расследование была послана комиссия ЦК в составе Сталина и Дзержинского. Был придуман звучный термин "пермская катастрофа". Сталину создавали простор для деяний.

Действительность была более прозаической. 3-я армия, оборонявшая Пермь, сдала город из-за недостатка сил. Сменявшие друг друга командармы М. М. Лашевич, Р. И. Берзин, С. А. Меженинов настойчиво просили подкреплений, которых не получали.

В то время после сдачи любого города без приказа дело разбирала специальная комиссия, и виновников отдавали под трибунал. Так, после сдачи Нарвы судили Дыбенко, после сдачи Харькова — Ворошилова. Комиссия, расследовавшая оставление Перми, подтвердила выводы командования 3-й армии. Никого не судили. Армии была оказана помощь, после чего наступление противника было остановлено. Вот, собственно, и все. Однако эпизодическое появление Сталина на Восточном фронте имеет ту особенность, что это был единственный случай из истории гражданской войны, когда он, находясь на театре военных действий, не нанес Красной Армии никакого вреда.

Основные события на Восточном фронте развернулись через два месяца после отъезда Сталина — в борьбе с Колчаком.

Вице-адмирал Александр Васильевич Колчак, бывший командующий Черноморским флотом, был один из самых способных и образованных офицеров русского флота. После окончания Морского корпуса он несколько лет прослужил на флоте, а затем в качестве гидролога и океанографа участвовал в северных и дальневосточных экспедициях Академии Наук. Колчак был крупным ученым, одно время работал вместе с Ф. Нансеном.

После бегства из Севастополя Колчак, совершив кругосветное путешествие, оказался в Омске в качестве военного министра белого правительства. 18 ноября 1918 года он совершил переворот и объявил себя Верховным главнокомандующим и Верховным Правителем России. Армии Колчака представляли грозную, порой смертельную опасность для Советов. Красная Армия была еще малочисленной, а набор предстоял трудный. Политика поголовных хлебных реквизиций привела к отходу значительной части крестьян-

ства от советской власти. Много крестьян оказалось в колчаковских частях. Однако правительство Колчака взяло решительный курс на восстановление помещичьего землевладения, особенно в Заволжье. Крестьян, захвативших помещичьи земли, карали с отменной жестокостью. В ход пошли массовые расстрелы и порки. Напротив, Ленин, оценив размеры опасности, переменял тактику по отношению к крестьянству. Комбеды были распущены, изъятие хлеба временно — до весны — приостановили. Благодаря этому Колчак лишился притока людских ресурсов, а Красная Армия их получила.

Самое большее, чего удалось добиться Колчаку, — это набрать 150 тысяч активных штыков и сабель. К этому времени силы красных насчитывали приблизительно тысяч 200 и продолжали расти. В Сибири, в тылу белых, широко разлилось партизанское движение крестьян. Участь колчаковской армии была решена.

Глава 6

1919–1921: ПЕРВАЯ КОННАЯ

Первая Конная — священная воинская корова советской власти. В сознании рядового человека Первая Конная — это и есть Красная Армия времен гражданской войны, та непобедимая сила, которая отстояла рабоче-крестьянскую Республику от нашествия 14 держав, Деникина, Колчака, Юденича и Шкуро. В гражданской войне на стороне красных действовали 17 полевых и 2 конных армии общей численностью 5 млн. человек, но в памяти народной сохранилась одна 30-тысячная Конармия. О ней написано множество книг, в ее честь слагались песни, ее героическая борьба послужила темой кинофильмов, пьес, картин и монументальной скульптуры.

На протяжении двадцатых и тридцатых годов конармейцы доминировали в руководстве вооруженных сил страны. Следы этого господства очень зримые. За 58 лет, с 1918 по 1976, у нас сменилось — под различными наименованиями — 10 военных министров. Три из них служили в Конармии, они руководили обороной страны на протяжении 25 лет: 1925–1940 К. Е. Ворошилов, 1940–1941 С. К. Тимошенко, 1967–1976 А. А. Гречко. Надо еще помнить, что за 19-летний промежуток между окончанием гражданской и началом Отечественной войны только 3 года, да и то в самом начале, у руля Красной Армии не стоял конармеец.

Пребывание в Первой Конной служило пропуском для занятия высших командных должностей. Такая беспрецедентная для XX века диктатура кавалерии в армии великой державы смогла утвердиться по той причине, что страной

правил крестный отец Первой Конной Сталин, а вооруженными силами — ее политический наставник Ворошилов. Подобно тому, как император Калигула ввел свою лошадь в сенат, эти два лошадепоклонника наводнили кавалеристами армейскую верхушку. Конармейцы С. М. Буденный, Г. И. Кулик, Е. А. Щаденко, А. А. Гречко, К. С. Москаленко (последний до сих пор) были заместителями министра (наркома) обороны, К. А. Мерецков — начальником Генерального штаба. При введении в 1935 году персональных воинских званий два из пяти первых маршалов были конармейцами, а третий, Егоров, командовал фронтом, на котором была создана Первая Конная. Стоит упомянуть, что оба главкома гражданской войны не получили маршальских званий, равно как Якир и Уборевич. Всего из конницы Буденного вышли 8 маршалов Советского Союза, 9 генералов армии и маршалов родов войск, а также значительное число других генералов.

До войны буденовцы играли исключительную роль в Красной Армии. На них, естественно, лежит огромная доля ответственности за катастрофу 1937—1938 гг. и поражения первых лет войны. Только с началом боевых действий обнаружилась полная военная несостоятельность Ворошилова, Буденного, Тимошенко, Щаденко, Тюленева, Апанасенко и Кулика. Последний за позорное поведение на фронте был дважды разжалован и из маршала превратился в майора; Сталин все же не дал окончательно скатиться одному из своих главных советников предвоенных лет, и Кулику дали умереть генерал-майором. В середине шестидесятых ему посмертно вернули маршальский жезл. Для полноты отметим, что некоторые конармейцы, малозаметные перед войной, проявили себя способными военачальниками и добыли высшие звания на полях сражений: Еременко, Рыбалко, Богданов, Катуков и др.

Все это заставляет внимательно приглядеться к Первой Конной. Мы не ставим себе целью освещать ее историю в полном объеме. Попытаемся только восстановить истину относительно некоторых фактов и эпизодов.

В советской литературе считается бесспорным, что Первая Конная представляет собой первое в новейшей истории

войн объединение стратегической кавалерии. Дело обстоит не так просто. Действительно, конных армий раньше не существовало. В то же время мысль о создании стратегической кавалерии, выполняющей в отрыве от главных сил самостоятельные решительные задачи в глубоком тылу противника, принадлежит Антону Ивановичу Деникину. Он не только выдвинул эту смелую идею, но и сформировал в августе 1919 года объединение конницы из двух корпусов. В дальнейшем к этой группе под командованием генерала Мамонтова был присоединен конный корпус Шкуро. Таким образом, Деникин имел в своем распоряжении стратегическую конную группу, по силе равную армии. Группа Мамонтова осуществила прорыв Южного фронта красных и в течение месяца успешно действовала в тылу, захватив Тамбов, Козлов, Воронеж. Контрнаступление советских войск было сорвано. Более того, действия Мамонтова позволили армии генерала Май-Маевского продвинуться далеко на север. После того, как белые овладели Курском и Орлом, возникла непосредственная угроза Туле с ее оружейными заводами и самой Москве.

В III томе "Истории гражданской войны" (1930) читаем: "Значение действий крупных конных масс в условиях гражданской войны было правильно учтено красным командованием из примера рейда Мамонтова. Этот рейд окончательно оформил решение о создании крупных конных масс красной конницы..." (с. 261). Это свидетельство о приоритете Деникина тем более ценно, что оно принадлежит высшим руководителям Красной Армии той поры — редакторами тома были С. С. Каменев, Бубнов, Тухачевский, Эйдеман. В дальнейшем советские историки постарались на чистоту забыть это признание.

Второй важный и донельзя запутанный вопрос: из чего родилась Первая Конная? Долгое время нам сообщали, что она возникла на базе конкорпуса Буденного, выросшего из 4 кавдивизии Буденного же. В шестидесятых годах усилиями честных историков (Т. А. Иллерицкая, В. Д. Поликарпов) завеса лжи была на время приподнята. Это вызвало исключительно острую реакцию в стане буденовцев, и дальнейшее исследование прекратилось.

Чем же был вызван бурный гнев престарелых, но не потерявших влияние людей? Например, начальник Академии им. Фрунзе генерал армии А. Т. Стученко даже препоясаясь шашкой и в таком виде явился в редакцию "Недели", поместившей очерк Поликарпова. Их возмутила, даже оскорбила попытка восстановить истинные обстоятельства гибели одного из участников гражданской войны — Б. М. Думенко. Из изложенных ниже фактов его биографии станет ясно, что ветераны волновались не напрасно.

Донской казак Борис Мокеевич Думенко в 1918 году сформировал кавалерийский отряд из повстанцев Сальского и других округов. В июле на его базе был образован Первый кавалерийский крестьянский социалистический карательный полк. Командовал полком Думенко, через некоторое время его помощником стал Буденный. В дальнейшем под руководством Думенко полк разворачивается сначала в кавбригаду, затем в дивизию, ту самую 4 Петроградскую кавдивизию, из которой, как говорят сами буденовцы, взяла начало Первая Конная. Думенко командовал дивизией до мая 1919 и был в этот период награжден орденом Красного Знамени. Затем в связи с организацией более крупных формирований конницы его назначают начальником кавалерии 10 армии. Под его началом оказываются 4 кавдивизия, которой теперь командует Буденный, и 6 кавдивизия И. Р. Апанасенко. Вскоре тяжелое ранение до осени выводит Думенко из строя. За время его лечения создается Первый конкорпус в составе 4-й и 6-й дивизий. По выздоровлении Думенко получает новое назначение — командиром формирующегося Конно-сводного корпуса. В январе 1920 корпус Думенко разгромил деникинскую кавалерию под Новочеркасском, что облегчило Первой Конной и 8 армией взятие Ростова.

В феврале Думенко навестили два буденовца: начдив С. К. Тимошенко, временно снятый за пьянство, и Б. С. Горбачев, командир Особой кавбригады (конармейская ЧК). Они пожаловали с целью ареста Думенко, но поскольку проделать это на глазах его корпуса было невозможно, пришлось прибегнуть к хитрости. Гости уговорились спойть комкора, у которого была удалена часть желудка, отчего

он быстро хмелел. План удался. Правда, первым свалился Тимошенко, вслед за ним выбыл из строя хозяин. Горбачев закатал Думенко в ковер и оттащил его в свою тачанку, потом под белы руки приволок будущего маршала и наркомма Тимошенко.

Думенко доставили в штаб Первой Конной, а оттуда вместе с тремя подчиненными в Ростов, где их судил трибунал. Им вменялась в вину организация убийства комиссара Конно-сводного корпуса Микеладзе, который погиб при невыясненных обстоятельствах. Никакими доказательствами трибунал не располагал, тем не менее Думенко и его товарищи были расстреляны. Через сорок с лишним лет заместитель Генерального Прокурора СССР Блинов, изучавший материалы дела, был вынужден констатировать: "Если это закон, что же тогда вопиющее беззаконие?!"

Имя комкора Думенко было вычеркнуто из истории Красной Армии, его заслуги приписал себе Буденный. В 1920 Думенко составлял серьезную конкуренцию Буденному в его претензиях на роль первого красного кавалериста. Есть основания считать, что Буденный вместе с Ворошиловым приложил руку к устранению комкора. В пользу этого предположения говорят не только обстоятельства ареста Думенко, но и наличие в составе трибунала конармейца Е. А. Щаденко, и позднейшие многолетние злопыхательства по поводу Думенко, и поведение Буденного в отношении другого своего соперника — Ф. К. Миронова, о чем речь впереди. Стоит еще отметить, что командование Первой Конной неоднократно ставило вопрос о подчинении ему корпуса Думенко.

После того, как группа Уборевича нанесла Добрармии поражение под Орлом, конница Буденного стала козырной картой в руках красного командования. В октябре 1919 конкорпус Буденного, усиленный кавдивизией и стрелковой бригадой, в Воронежско-Которенской операции обрушил смертельный удар на стратегическую кавалерию белых. По существу, под началом Буденного уже находилась конная армия, создание которой было формально закреплено в ноябре. Результат выразился не только в разгроме группы Мамонтова, от которого она так и не оправилась, но и в

колоссальном моральном воздействии: теперь деникинские тылы находились под постоянной угрозой.

Белый фронт развалился на всем его протяжении. Советское командование быстро развило стратегический успех. В январе 1920 года Первая Конная молниеносным броском захватила Ростов. Успех кавалерии закрепила 8 армия. Отступившие деникинские войска создали линию обороны по левому берегу Дона с ключевым пунктом в Батайске. Замысел командования Кавказским фронтом (В. И. Шорин), в распоряжение которого поступила Первая Конная, состоял в том, чтобы посредством обхода или захвата Батайска не дать основным силам белых отойти к Новороссийску. Тем самым Деникин лишался возможности переправиться на Крымский полуостров и образовать там новый фронт.

История показала, что Шорин правильно оценил обстановку. Деникин действительно рассчитывал в случае, если не удастся закрепиться за Доном, отойти в Крым через Новороссийск. Прорыв белого фронта с ходу не удался. Первая Конная и 8 армия несколько раз предпринимали попытки взять Батайск, но все они оказались безуспешными. Наступила опасная задержка наступления Красной Армии, которой в конце концов воспользовался Деникин. План Шорина был сорван. 40 тысяч белых переправились в Крым.

"Батайская пробка" породила крайне острые разногласия в стане красных. Шорин обвинял Буденного и командарма 8-й Г. Я. Сокольников в отсутствии активных действий. Буденный жаловался на "совершенно непригодную для действий конницы местность", Сокольников упрекал Конармию в проявлении "чрезвычайно малой боевой устойчивости". Не вдаваясь в существо спора, отметим, что под Батайском впервые обнаружилась неспособность стратегической кавалерии преодолевать плотную подготовленную оборону. Несомненно сыграли роль неблагоприятные условия местности: водная преграда (Дон) и заболоченность левого берега. Но нельзя исключить и психологический фактор. Ворошилову и Буденному было исключительно трудно в разгар зимы вывести своих конников из теплого и богатого Ростова.

Весной 1920 Первую Конную походным порядком перебрасывают с Кавказа на польский фронт. 18 мая она появляется под Елизаветградом. К этому времени овладевшие Киевом поляки по всему фронту перешли к обороне. Ввод в действие Конармии создает перелом в пользу советских войск. 5 июня она прорвала фронт противника у деревни Озерная и всеми четырьмя дивизиями вышла в польский тыл. Это был крупный оперативный успех и кульминация боевого пути Первой Конной. Над 3-ей польской армией генерала Рыдз-Смиглы нависла угроза полного окружения и уничтожения. Но операции "Киевские Канны" не суждено было осуществиться¹. Группы Якира и Голикова запоздали с выполнением своих задач. Первая Конная в нарушение приказа не ударила по тылам Рыдз-Смиглы, обошла укрепленный Казатин и захватила Бердичев и Житомир с богатыми складами. Крупный успех Юго-Западного фронта был неполным. Поляки потеряли всю захваченную на Украине территорию, но сумели сохранить живую силу.

В ходе советского наступления главком С. С. Каменев разработал план дальнейшего проведения кампании, получивший утверждение Политбюро. Было намечено, что после выхода всех сил красных на линию Брест—Южный Буг управление Юго-Западного фронта (командующий Егоров, члены РВС Сталин, Берзин) передает в распоряжение командзapa Тухачевского Первую Конную, 12 и 14 армии, а само обращается против Врангеля, выдвинувшегося в то время в Северную Таврию. Но Сталину вовсе не улыбалась перспектива отказаться от участия в близком, как казалось, захвате всей Польши. Тухачевский впоследствии написал, что "на карту ставилось существование капиталистического мира, не только Польши, но и всей Европы". Неистовый революционер Сталин хотел лично атаковать мировой капитализм.

К середине июля 1920 года войска Тухачевского, опрокинув противостоящий им фронт генерала Шептицкого, заняли Бобруйск, Минск, Вильно и ворвались на территорию Польши. Положение поляков стало отчаянным. Возникла угроза Варшаве и самому молодому польскому государству. На помощь Пилсудскому ринулась западная дипло-

матия. 12 июля последовал ультиматум Керзона. Английский министр иностранных дел требовал прекратить боевые действия и установить между Польшей и Советской Россией т. н. этнографическую границу, примерно соответствующую нынешней. Ультиматум был отвергнут, но после прямого обращения поляков начались переговоры в Борисове. Между тем наступление красных продолжалось на обоих фронтах.

В начале августа главком принимает решение о концентрическом ударе всех сил по Варшаве. В связи с этим он отдает приказ о передаче в подчинение Западного фронта (Тухачевского) сначала 12-й и Первой Конной армий, а затем и 14-й армии. В этот момент правитель Польши Ю. Пилсудский оценивает свое положение как катастрофическое. Он считает, что польские войска не в состоянии сдержать наступление с востока и юга и просит коменданта Львовского укрепрайона отвлечь на себя хотя бы три дивизии красных.

Неожиданно у Пилсудского появилась надежда на спасение, потому что командование Юго-Западного фронта бросило на штурм Львова те самые армии, которые предназначались для удара на Варшаву. Таким образом, первоначальный план красных был сорван, и противник получил непредвиденную возможность для организации ответного наступления. Частичная вина лежит на главкоме Каменеве, который был недостаточно настойчив в проведении собственной директивы, вдобавок в последнюю секунду он испугался мнимой румынской опасности. Но основную ответственность несет Сталин, которому уж очень хотелось шумного успеха в виде захвата Львова. Аморфный Егоров не смог противостоять напору будущего вождя. Между тем хорошо укрепленный Львов оказался не по зубам Первой Конной и 12 армии. Ленин категорически возражал против удара "растопыренной пятерней" и настаивал на взятии Варшавы. Сталин стоял на своем. 10 дней продолжался бесплодный обмен телеграммами. Наконец, под нажимом Ленина главком 13 августа категорически потребовал выполнить директиву о передаче трех армий Тухачевскому. Сталин остался верен себе и не подписал заготовлен-

ный Егоровым приказ по фронту. Следует помнить, что в те годы приказ командующего не имел законной силы без подписи одного из членов РВС. До этого времени Сталин как первый член РВС скреплял все оперативные приказы командующего. Еще один политкомиссар фронта Р. И. Берзин находился в стороне от чисто военных дел. На этом основании он поначалу тоже не хотел ставить свою подпись и сделал это только после прямого указания Троцкого.

Своеволие Сталина на 20 лет прервало его военную карьеру. Он было послал в Москву телеграмму об отставке — в расчете, что будет принят его план действий. Однако проходивший в те дни пленум ЦК снял Сталина с фронта и вообще отстранил от военной работы. Он не попал также в следующий состав РВС Республики.

Только после описанных телеграфных сражений Первая Конная переключилась на варшавское направление. Однако время было упущено. Ситуация кардинально изменилась. Поляки воспользовались передышкой и перешли в контрнаступление. Польское командование нанесло в разрез между фронтами удар по слабой Мозырской группировке красных и добилось перелома в ходе кампании. Теперь некоторый численный перевес поляков и лучшая оснащенность их армии дополнились солидным оперативным преимуществом. Война кроме того всколыхнула национально-патриотические чувства польского народа. Расчет русских большевиков и их польских единомышленников (Дзержинский, Мархлевский, Уншлихт) на поддержку пролетариата Польши оказался фикцией².

Войска Красной Армии на обоих фронтах откатились назад, уступив полякам западную часть Украины и Белоруссии. Первая Конная, выдвинутая к Замостью, с трудом избежала уничтожения. Рижский мир в марте 1921 года установил границу намного восточнее "линии Керзона".

Тухачевский, у которого своекорыстные расчеты Сталина отняли возможность успешно завершить операцию, никогда не искал конкретных виновников поражения (см. "Поход за Вислу")³. Сталин и сталинцы не были столь деликатны. Еще до ареста Тухачевского обвиняли в ошиб-

ках на польском фронте. После гибели маршала во все учебники и военные труды вошла стандартная формулировка: предатели Троцкий и Тухачевский сорвали взятие Львова и Варшавы.

Уроки польской кампании позволяют трезво оценить сильные и слабые стороны Первой Конной, а также стратегической конницы вообще. Крупные кавалерийские массы были эффективны при прорывах, рейдах в тылу врага и набегах. Гражданская война отличалась от предшествовавшей мировой отсутствием сплошной линии фронта и малой плотностью огня. На версту фронта приходилось 135—180 винтовок, что было даже ниже соответствующего показателя для сторожевого охранения в мировой войне. Количество пушек и пулеметов было ничтожным. В этих условиях прорыв фронта, имевшего, кстати, огромную протяженность, сильно облегчался. Из-за отсутствия эшелонированной обороны передвижение в тылу противника происходило почти беспрепятственно, что обеспечивало полную внезапность нападения на сосредоточение войск. А вот в случае преодоления подготовленной обороны конница теряла свои преимущества: несла большие потери и не добивалась успеха. Так было у Батайска, это же обнаружили неоднократные бесплодные попытки овладеть Львовом. Сама кавалерия была плохо приспособлена к ведению оборонительных боев. Здесь ей требовалась солидная поддержка пехоты. Но ведь сила конницы как раз состояла в ее способности решать крупные задачи независимо от главных сил. Возникло противоречие, казавшееся неразрешимым. Выходило, что крупные конные массы были нужны только на короткий период гражданской войны, пригодны только для ее специфических условий. Вооруженная диалектикой марксистская военная мысль в лице Ворошилова, Буденного и Егорова справилась с этой антиномией. Они объявили, что все войны впредь будут исключительно маневренными, а Красная Армия будет только наступать — значит без мощной конницы ей не обойтись...

Во всех видах боевых действий Первая Конная была легко уязвима с воздуха. Авиационные налеты принесли ей большие потери под Львовом и позднее в борьбе с Вран-

гелем. "Бомбометание с аэропланов, группами летающих над конными массами, ничем не парализуется с нашей стороны", — жаловался Ворошилов Фрунзе в ноябре 1920 года.

Но еще раньше, по пути на врангелевский фронт, Конной пришлось пройти через тяжелейшие испытания. Только что познавшая горечь поражения, изрядно потрепанная Первая Конная начала **р а з л а г а т ь с я**. Разношерстный личный состав буденовской армии никогда не грешил пристрастием к воинской дисциплине. Реввоенсовет Первой Конной с трудом сдерживал страсти этой вольницы. Из-за необходимости заниматься самоснабжением то и дело возникали острые эксцессы в отношениях с мирным населением. Командованию армии по этому поводу приходилось не раз оправдываться перед высоким начальством — вплоть до Ленина и Троцкого. Еще в Ростове за организацию еврейского погрома Ворошилов отдал коменданта города А. Я. Пархоменко под трибунал, который приговорил его к расстрелу. Только вмешательство Сталина и Орджоникидзе спасло жизнь легендарному начдиву.

То, что происходило при переброске Первой Конной с польского фронта, было куда серьезнее. Нравы конармейцев, правдиво описанные Бабелем, ужаснули многих читателей. Но Бабель не видел Конной на пути к Крыму, когда, по свидетельству Ворошилова, наступили ее "черные дни". Пошли разнузданные грабежи мирного населения. При попытке их остановить был убит комиссар 6-й кавдивизии Шепелев. Ворошилов реагировал решительно. Как пишет его биограф Орловский, бывший секретарь РВС Конной, Ворошилов понял, что эта вспышка "партизанщины" способна погубить армию. Дивизия была отдана под суд (случай беспрецедентный в Красной Армии) и расформирована. Под дулами особистов бойцы дивизии, сложив знамена и оружие, начали указывать мародеров. Таковых набралось 150 человек. 101 из них был расстрелян. Личному составу дивизии дали возможность кровью смыть этот позор.

На врангелевский фронт Первая Конная двигалась медленно и пришла туда сильно ослабевшей. Сверх того, Воро-

шилов с Буденным добивались для себя особого статуса и хотели воевать по собственному плану. В силу этих причин Фрунзе использовал Первую Конную под занавес Крымской операции, когда победный исход уже не вызывал сомнения.

Последняя крупная вспышка "партизанщины" произошла в 1921 году на Северном Кавказе. Под впечатлением хлебных реквизиций бригада Маслакова с комбригом во главе откололась от Первой Конной и превратилась в анти-советский партизанский отряд. Параллельно с этим продолжалось самоснабжение с неизбежными грабежами. За дело принялись трибуналы. Значительная часть состава Конармии пошла под расстрел. Вскоре и сама она была расформирована.

МИРОНОВ

Борьба за Крым, развернувшаяся осенью 1920 года, полна напряжения и драматизма. Противоборство войск Врангеля и Фрунзе завершилось полной победой последнего. История Крымско-Таврической операции долгое время представлялась в неверном свете. Упор делали на те персонажи, которым полагалось играть главную роль в гражданской войне. Как легко догадаться, речь идет о Первой Конной, участие которой в этой операции было второстепенным и малоуспешным¹.

Положение было серьезно исправлено выходом в свет книги В. В. Душенькина "Вторая Конная". Но рассказать всю правду о судьбе командарма Миронова в подцензурной публикации было невозможно. Это сделали С. Стариков и Р. Медведев в фундаментальном — 320 машинописных страниц — историческом очерке "ЖИЗНЬ И ГИБЕЛЬ ФИЛИППА КУЗЬМИЧА МИРОНОВА. Советская власть и донское казачество в 1917—1921 гг." (1974). Из этой неопубликованной работы², содержащей множество подлинных документов эпохи, мы взяли главные сведения для краткого жизнеописания Миронова.

Филипп Миронов родился в 1872 году в бедной казачьей семье. В своем родном Усть-Медведицком округе закончил церковно-приходскую школу и два класса гимназии. За остальной гимназический курс сдал экстерном. Миронов получил военное образование в казачьем юнкерском училище и в 30 лет имел чин хорунжего. В русско-японской войне заслужил 4 ордена и следующий чин подъесаула. В 1906 году, в разгар революции, выступил на станичном сходе против мобилизации казаков на внутреннюю,

то есть полицейскую службу. За это вскоре после возвращения в полк был лишен офицерского звания. Миронов возвратился в родную станицу. В 1910—1912 гг. служил начальником земельного стола в Донском областном управлении, где разработал проект об уравнивании наделов казаков верховых и низовых станиц, а также о наделении землей иногородних.

С началом мировой войны Миронов пошел на фронт добровольцем. Офицерское звание ему вернули. Дрался он храбро, тому свидетельством — Георгиевское оружие, 4 ордена, чины есаула и войскового старшины (подполковника).

Миронов — казачий интеллигент, бунтарь, защитник народных прав, ставит идеалы свободы выше любых партийных программ. Революция открывает простор общественному темпераменту этого человека. Потом, на суде, защитник с полным правом назовет его "львом революции".

В апреле 1917 после столкновения с командиром полка Миронов берет отпуск и едет на Дон. В родной станице основывает местную группу народных социалистов-трудовиков. Во время корниловщины открыто выступает против Каледина и делает неудачную попытку его арестовать.

В октябре Миронов возвращается на фронт в свой полк. Большевистский переворот он, по его словам, встретил "не сочувственно". Его политическая платформа: "демократическая республика на федеративных началах, право народного референдума, право народной инициативы и т. д.". Однако Миронов активно и успешно борется против использования казачьих частей для подавления большевиков. Он берет под свое командование 32 полк и уводит его на Дон, куда прибывает в январе 1918 года.

К этому моменту симпатии Миронова уже на стороне большевиков. Он, однако, большевик неполноценный и не станет таковым никогда. Сразу вступает Миронов в противоборство с ревкомом в слободе Михайловка, который пачками, из принципа, расстреливает офицеров. Он добивается переизбрания ревкома, затем распускает полк и едет в Усть-Медведицкую устанавливать советскую власть. Миронов становится военным комиссаром округа и членом исполкома.

Каледин застрелился. Советы к марту 1918 подчиняют себе почти весь Дон, но длится это недолго. Генерал Краснов создает белоказачью армию и призывает на Дон немцев. Туда же пробиваются офицерские отряды. Донская советская республика прекращает существование, ее Совнарком переезжает в Царицын. Дольше других держится север — Усть-Медведицкий и Хоперский округа, где войсками командует Миронов. Сил очень мало, но воюет он успешно. Популярность его растет по обе стороны фронта. Краснов как-то сказал: "Офицеров у меня много, но Миронова нет ни одного".

Сдерживая белоказачьи полки, рвущиеся к Царицыну, Миронов делает возможное и невозможное. Это, однако, не увеличивает доверия к нему в глазах большевистских политкомиссаров. Сталин пишет Ленину 4 августа:

"...казачьи части, именующие себя советскими, не могут, не хотят вести борьбу с казачьей контрреволюцией; целыми полками переходили казаки на сторону Миронова, чтобы получить оружие, на месте познакомиться с расположением наших частей и потом увести в сторону Краснова целые полки; Миронов трижды был окружен казаками, которые знали всю подноготную мионовского участка и, естественно, разбили его наголову".

Сталин, естественно, мало считался с фактами и сочинил троекратное разбитие Миронова, чтобы оправдаться за общее тяжелое положение в районе Царицына, возникшее из-за сталинско-ворошиловского спеедства и вопиющей безграмотности. Кстати, именно Сталин, активно уничтожавший честных офицеров в рядах РККА, проглядел-таки форменного предателя Носовича, а когда тот бежал к белым, назначил военруком деникинского агента Ковалевского. Нужды нет, что Миронов не выполнял предательских приказов Носовича. Москва склонна верить члену ЦК Сталину, а не казаку и подполковнику Миронову, который так и не получил просимых подкреплений.

Миронов дерется несмотря ни на что. Вместо подкрепле-

ний, его представляют к ордену. Его бригада все же растет за счет перебегающих от Краснова казаков и преобразуется в дивизию — 1-ю Усть-Медведицкую, впоследствии — 23-ю. Миронов старается высоко держать честь революционной армии. Он борется с мародерством, антисемитской агитацией и погромами. Миронов не расстреливает пленных, он распускает их по домам.

В период наступления красных в начале 1919 года Миронов уже командует группой войск 9-й армии. Отбив у Краснова север Донской области, большевики больше не играют в выборные советы. Повсеместно учреждаются ревкомы, властные над жизнью, смертью и имуществом жителей. У Миронова сердце обливается кровью, когда он видит, как во главе ревкома в его родных местах становятся люди, которые "в окружную власть не могут быть допущены по тому поведению, которое проявили в тяжкий момент революции. Теперь, когда революция сильна, все слизняки ползут на солнце и делают пятна на нем".

Миронов энергично протестует, но его донкихотские порывы заведомо бесплодны. Все понимают, что комиссары, на которых он указывает, никуда не годятся. Их все же оставляют. На Дону подступают такие дела, что на счету каждый свой человек, пусть никудышный. Самому же Миронову здесь не место. Сначала о его отозвании просит председатель Донбюро С. Сырцов, потом РВС Южфронта: "удалить Миронова от родных станиц, хотя с повышением в должности". Троцкий приказывает Миронову прибыть в ставку главкома в Серпухов. Как ни стараются член РВС Южфронта (и ЦК) Сокольников и командарм 9-й Княгиницкий, Миронову приходится бросить свои части в разгар наступления. Внешне отозвание выглядит вполне пристойно: РВСР награждает Миронова золотыми часами с цепочкой, а 23-ю дивизию — почетным Красным Знаменем. Если вдуматься, то это отозвание — хорошее, человеколюбивое дело. Потому что именно в начале 1919 на Дону, как и в других казачьих областях, начинается такое, что не вынести Миронову, крайне чувствительному к несправедливости, произволу и насилию. Партия большевиков приступает к расказачиванию.

Беспартийному к а з а к у Миронову об этом неизвестно. Во время вынужденного бездействия в ставке он посылает в РВСР докладную записку, где, в частности, пишет:

”Чтобы казачье население удержать сочувствующим Советской власти, необходимо:

1. Считаться с его историческим, бытовым и религиозным укладом жизни. Время и умелые политические работники разрушат темноту и фанатизм казаков, привитые вековым казарменным воспитанием...

2. В революционный период борьбы с буржуазией, пока контрреволюция не задушена на Дону, вся обстановка повелительно требует, чтобы идея коммунизма проводилась в умы казачьего и коренного крестьянского населения путем лекций, бесед, брошюр и т. п., но ни в коем случае не насаждалась и не прививалась насильственно, как это обещается теперь всеми поступками и приемами ”случайных коммунистов”.

3. В данный момент не нужно бы брать на учет живого и мертвого инвентаря, а лучше объявить твердые цены, по которым и требовать поставки продуктов от населения, ... причем необходимо считаться со степенью зажиточности его...”

Между тем умелые политические работники, равно и случайные коммунисты, в это время руководствуются циркулярным, конечно, секретным, письмом ЦК РКП(б) от 29 января 1919 г. Вот этот потрясающий документ (разрядка наша. — Авт.):

”Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления.

1. Провести *массовый террор* (подчеркнуто в оригинале. — Авт.) против богатых казаков, истребить их поголовно, провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам,

принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти”.

Какие меры имеются в виду, лучше всех разъяснил И. Якир, член РВС 8 армии, действовавшей в ту пору на Дону:

”... В тылу наших войск и впредь будут разгораться восстания, если не будут приняты меры, в корне пресекающие даже мысль о возникновении такового. Эти меры: полное уничтожение всех поднявших восстание, расстрел на месте всех, имеющих оружие, и даже процентное уничтожение мужского населения. Никаких переговоров с восставшими быть не должно”.

Итак, поголовное истребление а) богатых, б) принимавших хоть какое-нибудь участие в восстаниях, в) имеющих оружие (интересно, какой казак не имеет оружия?). Остальные, случайно не попавшие в перечисленные категории, подлежат процентному уничтожению, чтобы неповадно было даже думать — о восстании и всем прочем. Кто же будет жить на сих облагодетельствованных революционной справедливостью землях? Ответ содержится в том же письме ЦК, к которому мы возвращаемся:

”2. Конфисковать хлеб (раз не сказано у кого, следовательно — у всех. — Авт.) и заставить ссыпать все излишки (налицо логическая избыточность, ибо какие могут быть излишки после конфискации. — Авт.) в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющей с пришлою бедноте, организуя переселение, где это возможно.

4. Уравнять пришлых иногородних с казаками в земельном и во всех прочих отношениях (видимо, кроме поголовных расстрелов. — Авт.).

5. Провести полное разоружение, расстреливать к а ж д о г о, у которого обнаружено оружие после срока сдачи.

6. Выдавать оружие только надежным элементам из и н о г о р о д н и х.

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.

8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить м а к с и м а л ь н у ю т в е р д о с т ь и неуклонно проводить настоящие указания.

Центральный Комитет постановляет провести через соответствующие Советские учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по м а с с о в о м у переселению бедноты на казачьи земли. ЦК РКП (б) ”.

Казаки представляют собой н а р о д н о с т ь³, близкую русским по языку и религии, но с совершенно особым укладом жизни, сложившимся в продолжение вековой истории.

Директива ЦК была твердым планом геноцида казаков во всех 11 областях их проживания. Намечалась, кроме того, организованная колонизация высвобождающихся земель другим этническим элементом, отобранным по имущественному признаку. Эта политика проводилась все первое полугодие 1919 года и особенно заметные результаты дала на Дону и Урале.

Проскрипции приняли размах стихийного бедствия. Точного итога не подводили, но счет шел на многие тысячи. Надежные элементы из иногородних под руководством пришлых комиссаров разили казаков направо и налево, размахивая при этом красным знаменем. Тонкая оболочка классовой борьбы немедленно разлезлась, обнажив зоологическую сущность. Убивали зажиточных, среднедостаточных, не щадили недовольных, обмолвившихся резким сло-

вом. Просто сводили счеты. Если в курене не оказывалось казака, выводили на расстрел жен, даже дочерей.

Конечно, не все казни были самочинными. Функционировала ЧК, "трудились" армейские трибуналы. С приходом на Дон они были образованы в каждом полку. В приказе РВС Южфронта говорится: "Опрос свидетелей может иметь место, если трибунал находит это необходимым". Трибуналы этим правом почти не пользовались, предпочитая судить по спискам. Обычно на разбор дела и вынесение приговора (надо ли указывать, что это был расстрел) уходило несколько минут. Только одна 8-я армия официально оформила на тот свет 8 тыс. жителей. Не отставали и другие армии, в частности 10-я. Издавшее виды казачество вынуждено было признать, что большевики "дюже свирепы".

Вся эта чудовищная жестокость не могла остаться без ответа. В ночь с 11 на 12 марта вспыхнуло восстание в станицах Казанской и Вешенской. Его описание можно найти в романе "Тихий Дон". Однако данная там картина неполна. Шолохов, используя рукопись Крюкова, разбавил краски. Он сам признал это в письме к Горькому, сказав, что

"...сознательно упустил такие факты, служившие непосредственной причиной восстанию, как безрассудный расстрел в Мигулинской станице 62 казаков-стариков, или расстрелы в станицах Казанской и Шумилинской, где количество расстрелянных казаков в течение 6 дней достигло солидной цифры 400 с лишним человек".

Из текста романа следовало, что были отдельные злоупотребления ревкомов, стоившие жизни нескольким десяткам людей. Но и в таком виде шестую часть "Тихого Дона" долго не пропускали в печать.

Когда гладкое циркулярное письмо отозвалось отчаянным восстанием, да еще разгоравшимся в опасной близости от Деникина, Москва призадумалась. 16 марта ЦК по докладу Сокольников принял решение **п р и о с т а н о в и т ь** рассказывание. В этот же день умер тяжело больной Я. Свердлов, не присутствовавший на заседании. По этому

поводу некоторые историки пытаются взвалить вину на него одного. Они утверждают, что директива от 29 января была разослана Оргбюро во главе со Свердловым самовольно, без ведома ЦК и Ленина. Единственное доказательство состоит в том, что Свердлов подписал сопроводилку к циркулярному письму. Как, однако, объяснить, что во исполнение заключительной части директивы СНК в апреле (!) издал декрет о порядке переселения бедноты на казачьи земли.

На местах долго не хотели прекращать расказачивания. Донбюро продолжало прежнюю политику до июня, несмотря на протесты отдельных партработников⁴. Южфронт отменил свои приказы о терроре только в конце апреля. Фактически расказачивание было прекращено наступлением Деникина, войска которого к исходу июня оккупировали всю Донскую область и овладели Царицыным.

Мы расстались с Мироновым в момент, когда он оставил фронт по приказу Троцкого. В серпуховской ставке наркомвоенмора уже не было, пришлось ехать в Москву. Разговор с Троцким сразу показал, что у того нет никаких конкретных планов относительно использования Миронова. Договорились все же, что Миронов сформирует казачью кавалерийскую дивизию в составе 6-ти полков, что и было закреплено постановлением РВСР от 15 марта. Миронов отправился в Козлов, где размещалось командование Южного фронта. Там он должен был получить 15 млн. руб., главным образом на приобретение лошадей.

Снова закипела закулисная работа. Комиссары из Донбюро и Южфронта ни за что не хотели допустить возвращения Миронова, который мог стать знаменем для истребляемого казачества. Троцкому вдалбливали, что Миронов грозит разогнать Донбюро, советскую власть и самого Троцкого. Денег в Козлове не дали, выезд на Дон запретили, потом отправили в Серпухов в распоряжение главкома Вацетиса. Миронов получил назначение в Смоленск на должность помощника командующего Белорусско-Литовской армией. Вскоре он стал командующим, но чувствовал себя как в ссылке. Смутные слухи о событиях на Дону

долетали до него, но общей картины он, понятно, знать не мог.

Между тем кровавый хаос, царивший в Донской области, подготовил поражение красных войск. Повстанцы раскололи посланный на усмирение Донской экспедиционный (карательный) корпус Хвесина. Три деникинских полка прорвали фронт с юга и вышли к станице Казанской. Северные донские области оказались под угрозой восстания.

Пришла пора вспомнить о Миронове. По представлению Сокольников РВСР назначает его командиром экспедиционного корпуса, переименованного в Особый. Миронов бросается на Дон, где в северных округах, висящих на волоске, идет спешная мобилизация. На митингах Миронов горячо агитирует казаков идти на Деникина. Его огромный личный авторитет делает дело.

Миронов вместе с новоназначенным комиссаром В. Трифоновым едет принимать корпус у Хвесина. Корпус являет собой жалкое зрелище: казачьи сотни ушли к противнику, в полках по 80 штыков, в бригадах — по 120. Его нужно создавать заново, о чем докладывается командованию Южного фронта.

К этому времени Миронов знает правду о рассказывании и Вешенском восстании. И в бесконечных хлопотах по формированию новых частей его не оставляют мучительные раздумья. Он страстно ищет выхода из кровавого кошмара. Он понимает, что с Деникиным ему не по пути, а красные во имя своих социологических схем готовы под корень извести казачество. Всю силу своей истерзанной души вкладывает Миронов в длиннейшую телеграмму на имя Троцкого, Ленина и Калинина, посланную со станции Анна 24 июня. Этот документ невозможно читать без волнения.

”... Я стоял и стою не за келейное строительство народной жизни по узко-партийной программе, а строительство гласное, в котором народ принимал бы живое участие. Я тут буржуазии и кулацких элементов не имею в виду. Только такое строительство вызовет симпатии крестьянской толщи и части истинной интеллигенции”.

Дальше следует картина состояния корпуса:

"... особкор имеет около трех тысяч штыков на протяжении 145 верст по фронту. Части измотаны и изнурены. Кроме трех курсов остальные курсанты оказались ниже критики и их осталось от громких тысяч жалкие сотни и десятки. Коммунистический полк разбежался: в нем были люди, не умевшие зарядить винтовку. Особкор может играть роль завесы. Положение особкора спасается сейчас только тем, что вывезены мобилизованные казаки из Хоперского округа. Расчет генерала Деникина на этот округ полностью не оправдался. Как только белогвардейщина исправит этот пробел, особкор, как завеса, будет прорван".

Без экивоков и уклончивых фигур Миронов называет причины надвигающейся катастрофы:

"Не только на Дону деятельность некоторых ревкомов, особотделов, трибуналов и некоторых комиссаров (Миронов пишет н е к о т о р ы х только потому, что не знает о директиве ЦК) вызвала поголовное восстание, но это восстание грозит разлиться широкой волной в крестьянских селах по лицу всей республики. Если сказать, что на народных митингах в селах Новая Чигла, Верхо-Тишанка и других открыто раздавались голоса "давай царя", то будет понятным настроение толщи крестьянской, дающей такой большой процент дезертиров, образующих отряды зеленых. Восстание в Иловатке на реке Терсе пока глухое, но сильное брожение в большинстве уездов Саратовской губернии грозит полным крахом делу социальной революции. Я человек беспартийный, но слишком много отдал сил и здоровья в борьбе за социальную революцию, чтобы равнодушно смотреть, как генерал Деникин на коне "Комуния" будет топтать красное знамя труда".

Сделав анализ положения и ухватив суть, Миронов выдвигает предложения. Первые касаются Особого корпуса:

”Устремляя мысленный взор вперед и видя гибель социальной революции, ибо ничего не настраивает на оптимизм, а пессимист я редко ошибающийся, считаю необходимым рекомендовать такие меры в экстренном порядке: первое — усилить особкор свежей дивизией; второе — перебросить в его состав 23 дивизию, как основу будущего могущества новой армии, с которой я и начдив Голиков пойдем лично захватывать инициативу в свои руки, чтобы другим дивизиям и армиям дать размах; или же (третье) назначить меня командармом девять, где боевой авторитет мой стоит высоко...”

Затем идет политическая программа:

”...четвертое — политическое состояние страны властно требует созыва народного представительства, а не одного партийного, чтобы выбить из рук предателей-социалистов почву из-под ног, продолжая упорную борьбу на фронте и создавая мощь красной армии. Этот шаг возвратит симпатии народной толщи, и она охотно возьмется за винтовку спасать землю и волю. Не называйте этого представительства ни земским собором, ни учредительным собранием, но созовите. Народ стонет. Я передал в реввоенсовет Южфронта много заявлений и между ними такое: крестьянин 34 отдела, переименованного в Ленинскую волость. Семья 21 человек, 4 пары быков. Своя коммуна. За отказ идти в коммуну комиссар быков отобрал, а когда крестьянин пожаловался, его убили. И туда же передал доклад председателя одного из трибуналов Ермакова, от его слов становится жутко. Повторяю, народ готов броситься в объятия помещицкей кабалы, но лишь бы муки не были так больны, так очевидны, как теперь”.

Последнее предложение относится к святой святых — партии большевиков:

”Пятое: чистка партии должна быть произведена по такому принципу — все коммунисты после октября-

ской революции должны быть сведены в роты и отправлены на фронт. Вы сами увидите тогда, кто истинный коммунист, кто шкурник, а кто просто провокатор и кто запоганил все ревкомы, особотделы. Пример — Морозовский ревком, зарезавший 67 человек и потом расстрелянный.

Подлинную подписал комкорособый гражданин Миронов”.

За давностью лет нет смысла рассуждать, какие и насколько предложения Миронова были реалистическими. Но это был крик души честного и пламенного бойца революции. Телеграмма осталась без ответа.

Деникин продолжал наступать. Красные потеряли Дон, Донбасс, Царицын. Особый корпус стал не нужен ни в качестве карательного, ни в качестве завесы. Миронов выдвигает идею создания Казачьего корпуса из мобилизованных и беженцев Донской области для удара по кавалерии Деникина. На этот раз центр не остался глух. Комкора вызвали в Москву. 7 июля он выступил в Казачьем отделе ВЦИК, был введен в его состав, на следующий день вместе с комиссаром отдела Макаровым побывал у Ленина. Тот поддержал создание корпуса из казаков, а после ухода Миронова сказал Макарову: “Такие люди нам нужны. Необходимо их умело использовать”. Людей мионовского типа действительно использовали — пока в них нуждались.

Обласканный начальством Миронов поехал в Саранск на формирование корпуса. Но снова все ожидания, обещания и надежды оказались химерой. Не давали ничего — ни лошадей, ни людей, ни боеприпасов, ни даже приличных политработников. В РВС и Политотделе корпуса засели так наз. “хоперские коммунисты” — Ларин, Болдырев, Рогачев, Зайцев — с головы до ног обрызганные казачьей кровью и взамен чувства вины испытывавшие к своим жертвам лютую ненависть. Казачий отдел ВЦИК предупреждал, что их “нельзя пускать в Донскую область, так как они там оставили после себя отчаянную память... им вообще нельзя доверять ни в коем случае...” Это не было принято

во внимание. Комиссар Особкорпуса В. Трифонов вовсе отказался работать с Мироновым после того, как было решено укомплектовать корпус казаками. Старый партиец чувствовал себя на месте в карательном соединении, но казачье формирование считал авантюрой.

“Хоперские коммунисты” повели смертельную борьбу с командиром. В Москву полетели клеветнические донесения с требованием распылить создаваемый корпус и по меньшей мере убрать Миронова.

Миронова теснят со всех сторон. РВС Южфронта и собственные комиссары-казакоборцы тормозят укомплектование корпуса. Донские беженцы сообщают ему новые страшные подробности расправы с казачеством. Миронов решает обратиться к Ленину, с которым теперь знаком лично. Письмо отправлено 31 июля.

Миронов начинает с изложения своей телеграммы от 24 июня, после чего переходит к описанию репрессий на Дону и в Саратовской губернии. Он пишет, что известия о массовых казнях его мало удивили, —

“потому что я уже в главных чертах видел политику коммунистов по отношению к казачеству, виноватому только в том, что оно темно и невежественно, виноватого в том, что оно по роковой ошибке родилось от свободного русского крестьянства, бежавшего когда-то от гнета боярского и батогов в вольные степи Дона, виноватого в том, что русский же народ при Петре I задушил ценой потока крови его свободу, виноватого в том, что после навязанного рабства царская власть стала в меру внимательною к казачеству и путем долгого казарменного режима вытравила из него человеческие понятия и обратила в полицейского стражника русской мысли, русской жизни; виноватого в том, что агенты советской власти оказали ему еще большее внимание и вместо слова любви принесли на Дон и Урал — месть, пожары и разорение. Чем оправдать такое поведение негодяев, проделанное в станице Вешенской, той станице, которая первой поняла роковую ошибку и оставила в январе 1919 Качаево-Богу-

чарский фронт? Это поведение и вызвало поголовное восстание на Дону. Если не роковое, то во всяком случае грозное, чреватое неисчерпаемыми последствиями для хода всей революции”.

Снова идут примеры казней и грабежей. Трибуналы 8-й армии нередко расстреливали казаков за одно требование оплатить отнятых лошадей и зерно.

”Невозможно, нехватит времени и бумаги, Владимир Ильич, чтобы описать ужасы ”коммунистического строительства” на Дону... Нужно ли удивляться восстанию на Дону? Некто Д. Варов в № 136 газеты ”Правда” в статье ”На Дону” касается событий в станице Вешенской, боясь, видимо, обидеть коммунистов. События эти для него приняли только ”неутешительный вид”, а восставшие против насилия и гнета казаки переименованы в ”белогвардейски настроенных”... А другой советский корреспондент, некто А. В., все зверства, насилия и ужасы вылил в одной фразе: ”Не всегда тактичные действия представителей власти”. Подленькая душа писак самодержавия перешла в писак советской власти. Слуги свободного слова в лакейской ливрее народу не нужны”.

Миронов не верит, что Ленину известно положение дел:

”Не могу согласиться, не могу допустить, чтобы на все эти ужасы Вы смотрели поверхностно, и чтобы это делалось с Вашего одобрения. Не могу далее молчать, нет сил выносить народные страдания во имя чего-то абстрактного, отдаленного”.

Переходя к положению на Южном фронте, Миронов указывает Ленину:

”Только при успешном закреплении тыла боевая линия фронта могла быть несокрушимой. Для закреп-

ления тыла необходимо было знать его психологию, особенности, слабые места и т. д. К сожалению, такого знания у политических руководителей Южного фронта не оказалось... Наши части проходили вперед в полном порядке, ничем не вызывая ропота и возмущения у казаков, которым так много рассказывали и писали о "зверствах" большевиков. Впечатление, следовательно, было самое благоприятное... Когда же наши части прошли, за организацию взялись Политотделы армий, дивизий и бригад, но к сожалению, в силу технической ограниченности и чисто бюрократической организации они не сумели выполнить ни одной из своих грандиозных задач... Наскоро сколоченные окружные и волостные ревкомы своих функций не знали, на казачество смотрели глазами у с м и р и т е л е й. И вот начались реквизиции, конфискации, аресты и т. п. ... Делалось именно то, что должно было питать контрреволюционное течение на Дону... Уничтожение казачества стало неопровержимым фактом, как только Дон стал советским... Не верю, чтобы честные работники фабрик и заводов примирились с фактом вырезывания честных людей и безвинных расстрелов таких же рабочих деревни, как они сами, хотя бы и во имя социальной справедливости..."

Миронов бросает в лицо Ленину тяжелейшее обвинение:

"Как назвать эти деяния красных? Вся деятельность коммунистической партии, возглавляемой Вами, направлена на истребление казачества, на истребление человечества вообще".

Миронов напоминает:

"В телеграмме к Вам, Владимир Ильич, я молил изменить политику, сделать революционную уступку, чтобы ослабить страдания народа и этим шагом привлечь народные массы на сторону советской власти и

в сторону укрепления революции... С такими взглядами, повторяю, мне не по пути с коммунистами. Вот где кроется корень недоверия ко мне. И коммунисты правы: их политику истребления казачества, а потом зажиточного крестьянства я поддерживать не стану... На безумие, которое только теперь открылось перед моими глазами, я не пойду и всеми силами, что еще есть во мне, буду бороться против уничтожения казачества и среднего крестьянства... Я сторонник того, чтобы не трогая крестьянство с его бытовым и религиозным укладом, не нарушая его привычек, увести его к лучшей жизни личным примером, показом, а не громкими, трескучими фразами доморощенных коммунистов, у которых на губах еще не обсохло молоко и большинство которых не может отличить пшеницы от ячменя, хотя и с большим апломбом во время митингов поучает крестьянина ведению сельского хозяйства”.

Во взволнованном и не слишком последовательном письме многократно повторяется призыв остановить уничтожение казачества:

”Требую именем революции и от лица измученного казачества прекратить политику его истребления... Если будет так продолжаться, то придется покончить борьбу с Красновым и воевать с коммунистами”.

Все-таки беспартийный Миронов заявляет:

”Буду до конца идти с партией большевиков — если они будут вести политику, которая не будет расходиться ни на словах, ни на деле, — как шел до сих пор...”

И тут же выставляет программное требование:

”Социальная жизнь русского народа, к которому принадлежит и казачество, должна быть построена в

соответствии с его историческими, бытовыми и религиозными традициями и мировоззрением, а дальнейшее должно быть предоставлено времени... В практике настоящей борьбы мы имеем возможность видеть /.../ для марксизма настоящее только средство и только будущее — цель. И если это так, то я отказываюсь принимать участие в таком строительстве, когда весь народ и все им нажитое растрачивается для цели отдаленного будущего, абстрактного. А разве современное человечество не цель? Разве оно настолько лишено органов чувств, что ценой его страданий мы хотим построить счастье какому-то отдаленному человечеству?! Нет, пора о п ы т ы прекратить. Почти двухгодовой опыт народных страданий должен был убедить коммунистов, что отрицание человеческой личности — есть безумие”.

Действительность рвет Миронова на части:

”Я не хочу быть в силу своих давнишних революционных и социальных убеждений сторонником Деникина, Колчака, Петлюры, Григорьева и других контрреволюционеров, но я с одинаковым отвращением смотрю и на насилия лжекоммунистов, какие они чинят над трудовым народом, и в силу этого не могу быть и их сторонником...”

Миронов отлично сознает, что его борьба с тем злом, ”какое чинят отдельные агенты власти”, может стоить ему жизни, но ему придает силы уверенность, что это не ”индивидуальный протест против разлившегося по лицу республики зла, а протест коллективный, протест десятков миллионов людей”.

Миронов хочет остаться бойцом революции:

”Всею душой страдая за трудовой народ и возможную утрату революционных завоеваний, чувствую, что могу оказать реальную помощь в критический момент борьбы п р и у с л о в и и ясной и опре-

деленной политики по казачьему вопросу и полного доверия ко мне и моим беспартийным, но жизненно здоровым взглядам. А заслуживаю ли я этого доверия — можете судить по этому письму.

Отражая этим письмом не личный взгляд на создавшееся положение, а взгляд многомиллионного крестьянства и казачества, — счел необходимым одновременно копии этого письма сообщить моим многочисленным верным друзьям.

Искренне уважающий Вас и преданный Вашим идеям Комдонкор гражданин-казак Усть-Медведицкой станции — Миронов”.

Миронов не получил ответа на свою исповедь, отчаянный призыв, крик души. Точно так же было с телеграммой со станции Анна. Ленин прочел письмо Миронова — об этом свидетельствуют пометки его рукой ”важно”, ”очень важно”, ”очень хорошо” и т. п. Говорят, он получил письмо с большим опозданием — только осенью. Возможно, хотя и странно. Но, по совести говоря, что можно было написать в ответ?..

Не получив отклика на свое обращение, Миронов делает еще одну попытку наладить отношения с советской властью. 8 августа он подает в Политотдел заявление с просьбой ”зарегистрировать его членом РКП” и довести это до сведения Калинина, Троцкого и Ленина. ”Хоперские коммунисты” с удовольствием отказывают. Положение на фронте скверное. Прорыв конного корпуса Мамонтова отдал в руки белых Тамбов и Козлов. Бездействие становится невыносимым. Миронов начинает готовить корпус к выступлению против Деникина, о чем идет донесение в РВС Республики. Член ЦК и РВСР И. Смилга вызывает Миронова к прямому проводу. Смилга, которому комкор доверяет, приказывает ”не отправлять ни одной части без разрешения”. В ответ на жалобы Миронова он предлагает ему приехать в Пензу.

Миронов собирается в дорогу, но начальник станции не дает вагонов для конвоя из 150 человек, оговоренного со Смилгой. 18 августа становится известно, что политотдел

официально потребовал расформировать Донкорпус, мотивируя обвинением Миронова в "григорьевщине". Ехать без конвоя невозможно. Комкор хорошо знает, как скоры на расправу комиссары. Миронов решается на выступление. Приближается развязка.

22 августа Миронов выпустил "Приказ-воззвание". Обрисовав истребление казачества, содеянного "новыми вандалами, воскресившими своими злодеяниями времена средневековья и инквизиции", он заявляет:

"Чтобы спасти революционные завоевания, остается единственный путь: свалить партию коммунистов. И лишь только это известие на южном фронте дойдет до слуха казаков — они тотчас же остановятся и отвернутся от генералов и помещиков, за которыми идут только во имя попорченной правды.

Граждане казаки и солдаты Донской области! Умрем на фронте, истекающем кровью в неравной борьбе, за землю и подлинное счастье человечества, которое оно может выковать только само, но не кучка людей, не знающих жизни. Своим появлением корпус поднимет дух красных бойцов. Помните, вы не одиноки. С вами подлинная душа измученного народа. Если и погибнете в боях, то погибнете за правду. Любить же правду и умирать за нее завещал Христос. Лучше смерть в открытом поле, чем возмущение на печке при виде народных мук".

В тот же день Миронов выступил на митинге, назавтра информировал Южфронт:

"...выступаю с имеющимися у меня силами на жестокую борьбу с Деникиным и буржуазией".

24 августа, в день выступления, идет телеграмма "члену РВС Республики гражданину Смильге, копия — русскому народу". Миронов заявляет, что не хочет крови коммунистов и первым не выстрелит. Он предлагает им союз против Деникина для спасения революции:

”...Не забывайте, что Парижскую Коммуну зарезал мужик. Донской корпус ждет от вас политической и государственной мудрости, чтобы общими силами разбить Деникина...”.

Выпускается воззвание к русскому народу:

”Измученный русский народ, при виде твоих страданий и мучений, надругательств над тобой и твоей совестью, — никто из честных граждан, любящих правду, больше терпеть и выносить этого насилия не должен.

Возьми всю власть, всю землю, фабрики и заводы в свои руки.

А мы, подлинные защитники твоих интересов, идем биться на фронт с злым твоим врагом генералом Деникиным, глубоко веря, что ты не хочешь возврата помещика и капиталиста, сам стараешься, как это ни тяжело, все силы приложить и спасти революционный фронт, спасти завоевания революции.

На красных знаменах Донского революционного корпуса написано: вся земля крестьянам, все фабрики и заводы рабочим, вся власть трудовому народу в лице подлинных советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов, избранных трудящимися на основании свободной социалистической агитации. Долой самодержавие комиссаров, погубивших революцию.

Я не одинок. Подлинная исстрадавшаяся по правде душа народа со мной и в этом залог спасения революции.

ВСЕ ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ ДЕЗЕРТИРЫ присоединятся ко мне и составят ту грозную силу, перед которой дрогнет Деникин и преклонятся коммунисты.

Зову всех любящих правду и подлинную свободу в ряды корпуса”.

Корпус выступил, имея целью соединиться с 23-й дивизией, которой прежде командовал Миронов.

Напрасны были упования на мудрость коммунистов.

”Люди, не знающие жизни”, хорошо зато узнали вкус власти и усмотрели в действиях Миронова единственно посягательство на свою власть. Тот же Смилга выпустил обращение, в котором Миронов объявлялся изменником и мятежником, стоящим вне закона. Предписывалось ”живым или мертвым доставить его в штаб советских войск”. В следующем приказе Миронов был обвинен в сношениях с Деникиным. Ленин потребовал от Склянского поимки ”крестника Сокольникова”.

Русский народ остался глух к призыву своего Мессии. Никто не пришел к нему на помощь. Под влиянием приказа Смилги большая часть бойцов корпуса разбежалась. Миронов с отрядом в 500 человек пробирался лесными тропами, сторонясь жилья. Он старался не завязывать боя с посланными на усмирение красными частями. Были только незначительные столкновения, где погибло 10 человек с обеих сторон. Наконец, 14 сентября Миронов наскочил на конкорпус Буденного и сдался ему без боя.

Иногородний Буденный намеревался на месте расстрелять казака Миронова. Как на грех, тут же оказался Троцкий, который не допустил расправы.

Председатель РВСР имел свои соображения: его больше интересовала политическая сторона дела. Миронов и все захваченные в нем были отвезены в Балашов и переданы судебно-следственной комиссии (тройке) во главе с кубанским казаком Д. Полуяном. Три дня спустя комиссия была наделена правами трибунала.

Троцкий считал, что ”процесс должен иметь большое воспитательное значение для казачества”. Своим эмиссаром в Балашове он назначил Смилгу, который руководил всем ходом судебного разбирательства.

Троцкого постоянно держали в курсе дела. Еще до поимки Миронова он поместил в газете РВСР ”В пути” статью ”Полковник Миронов”. Зоркий революционный глаз обнаружил у Миронова ”личное честолюбие, карьеризм, стремление подняться вверх на спине трудящихся масс”, даже намерение стать донским наказным атаманом. Следующая статья ”Уроки мироновщины” вышла, когда комкор находился в руках трибунала. Троцкий истолковал не в пользу

Миронова даже то обстоятельство, что восставший корпус сдался без боя. Но не стоит строго судить Льва Давидовича, потому что, как показывает дальнейшее его поведение, он не верил в то, что писал. Пылкому партийному публицисту Троцкому агитация была важнее правды. Ввиду этого в ход пошли неизбежные ярлыки. Миронов был объявлен выразителем колебаний среднего казачества, а мироновщина олицетворением партизанщины, с которой надлежало покончить. Отдадим, однако, должное Троцкому: он не был кровожаден. Окажись на его месте Сталин, Миронова без проволочек поставили бы к стенке.

Судебное следствие продолжалось три дня. Заседания были открытые. Потомков, привыкших к хорошо организованным процессам, обвинительное заключение должно удивить своей объективностью. В нем изложены воззвания Миронова, разговор со Смилгой, нарисована правдивая картина поведения Миронова после выступления. О связи с Деникиным нет ни слова. Действия Миронова квалифицировались как предательство и измена.

Миронов признал свою вину, большинство подсудимых ее отрицало. Комкор подробно изложил свои мотивы и просил снисхождения. По его просьбе было оглашено письмо к Ленину и допрошен ряд свидетелей. Суд также заслушал показания "хоперских коммунистов".

Обвинителем выступил Смилга. Он довольно долго упражнялся в развязном красноречии, видимо, по шпаргалке своего патрона Троцкого. Он потребовал расстрелять Миронова, расстрелять каждого десятого из комендантской сотни и каждого двадцатого из остальных бойцов отряда.

У Миронова был защитник — Рыбаков. Он обрисовал Миронова как блестящего военачальника и "льва революции" (Смилга обозвал его "селезнем"). Рыбаков подробно изложил боевые заслуги комкора. Вина Миронова только в том, что "он, как боец Красной армии, был плохой политик... и как боец был прям в своих поступках". Рыбаков не побоялся назвать истинные причины мятежа: репрессии на Дону, равнодушие центра к судьбе казачества и молчание Ленина. Он сравнил поступок Миронова с заявлением

Толстого "Не могу молчать!" Защитник призвал суд помиловать Миронова.

Миронов в последнем слове долго говорил о том, что привело его на скамью подсудимых. Не отрицая вины, он ссылаясь на политическую безграмотность (не читал Маркса) и просил о снисхождении: "Я прошу вас об испытании, дайте мне возможность остаться на позиции революционного бойца и доказать, что я могу защищать Советскую власть..."

Приговор гласил: Миронова и еще 10 человек из числа командиров и коммунистов — к расстрелу, остальных — к различным срокам заключения; исполнение — в 24 часа.

Это произошло 7 октября. Но в тот же день еще до вынесения решения суда участь обвиняемых была определена Троцким в телеграмме Смилга:

"Отчет о мироновском процессе наводит на мысль, что дело идет к мягкому приговору. Ввиду поведения Миронова полагаю, что такое решение было бы целесообразно. Медленность нашего наступления на Дон требует усиленного политического воздействия на казачество в целях его раскола. Для этой миссии можно, может быть, воспользоваться Мироновым, вызвав его в Москву после приговора и помиловав его через ЦИК, при его обязательстве направиться в тыл и поднять там восстание..."

Вам, надеемся, ясно. Целесообразно воспользоваться Мироновым для раскола казачества. Идет крупная игра — судьбами людей, страны, революции, а суд, равно и ВЦИК, суть простые инструменты для игры, вроде хоккейной клюшки.

Смилга учел пожелание шефа. На следующий день в Москву пошло ходатайство суда о помиловании осужденных. Предварительно с них взяли "честное слово впредь честно служить советской власти и революции". Спектакль удался на славу. Поучительная цель была достигнута.

Дорого стоили Миронову и его товарищам долгие часы и дни в ожидании казни! Миронов описал их через две неде-

ли, будучи в Москве. Осужденных по их просьбе собрали в одной камере. Они пели песни, писали письма, тосковали...

”...смерть в бою не страшна: один момент... и все кончено. Но ужасно для человеческой души сознание близкой, неотвратимой смерти, когда нет надежды на случай, когда знаешь, что ничто в мире не может остановить приближающейся могилы, когда до страшного момента остается времени все меньше и меньше, и, наконец, когда тебе говорят: ‘яма для тебя готова’ ”.

Даже твердый коммунист Смилга, не признававший существования души, был тронут видом Миронова:

”За ночь Миронов сильно постарел. Когда я заявил ему, что буду ходатайствовать о помиловании, с т а р и к (комкору 47, Смилга на 20 лет моложе. — Авт.) не выдержал и зарыдал. Старому солдату было легче расстаться с жизнью, чем вернуться к ней”.

Пришло ли это на память Смилге, когда он в 1937 г. ожидал своего расстрела?

8 октября вышло помилование ВЦИК, но смертникам его объявили лишь на четвертый день. Миронов написал заявление в партию.

10-го Троцкий придумал новую комбинацию: казачество получает автономию, естественно, в кавычках.

”Казачи целиком порывают с Деникиным. Должны быть созданы соответствующие гарантии, посредниками могли бы выступить Миронов и его товарищи, коим надлежало бы отправиться вглубь Дона”.

План не нашел поддержки — из-за “автономии”, показавшейся излишней даже в кавычках.

Мироновцев под конвоем отправили в Москву, где ими занялась комиссия Дзержинского. Впечатление было благоприятное. 23 октября Политбюро постановило освободить всех от наказания и направить в армию. О Миронове гово-

рили особо. Ему разрешили прием в партию на общих основаниях и ввели в состав Донисполкома. При решении об использовании мнения разделились. Ленин и Каменев стояли за Донисполком, Крестинский — за командную работу, Калинин — воздержался. (Добрейший Михаил Иванович хотел избежать ответственности; он и потом воздержится помочь Миронову в минуту смертельной опасности.) Из-за неясности большинства положено было запросить отсутствовавшего Троцкого. И чтобы вы думали? Л. Д. высказался, чтобы полковника Миронова, карьериста, деникинца и наказного атамана, отправить на Юго-Западный фронт на командную должность. Дело, однако, не вышло — скорее всего потому, что Миронов находился на пределе сил.

Мионов написал воззвание к донским казакам, одобренное ЦК, и поехал в Нижний Новгород к жене. По пути он подхватил сыпняк и попал в больницу. В начале декабря возвратился в Москву, где состоялась у него встреча с Лениным и Дзержинским.

На Дону Мионов застал другой курс советской власти. Море пролитой крови и провалы на деникинском фронте убедили Москву, что нельзя безнаказанно воевать с собственным населением. Выгоднее привлечь его на свою сторону, особенно казаков, столь ценных для армии. В сентябре 1919 года Троцкий сформулировал "Руководящие начала ближайшей политики на Дону", которые легли в основу тезисов ЦК "О работе на Дону". Теперь — конечно, на время — подход к казачеству определяется не классовым принципом, а его отношением к Красной Армии. Войска и органы власти получают предписание не чинить насилий, а за все предметы снабжения платить своевременно и точно.

Все познается в сравнении, даже беда. После расстрелов и реквизиций 1919 года продразверстка 1920, которая тоже не сахар, уже не выглядит для казаков столь ужасной.

Мионов становится во главе земельного отдела Донисполкома. Дело знакомое, но тыловое существование тяготит. Все мысли устремлены к фронту. Мионов пишет несколько воззваний к казакам, находящимся в войсках Врангеля.

В июле 1920 года на врангелевском фронте создается Вторая Конная армия во главе с буденовским начдивом О. И. Городовиковым. В первых же боях ее постигают неудачи. Тогда вспоминают о нужном человеке — Миронове. 30 августа РВС Республики по представлению Юго-Западного фронта (Егоров, Сталин) назначает Ф. К. Миронова командующим Второй Конной.

Как на крыльях летит Миронов в Таврию. Армию он принимает в довольно скверном состоянии: плохо съезженные части, полуграмотный комсостав, налицо 2760 сабель, 130 пулеметов, 19 орудий. Миронов работает, не покладая рук. Наряду с армейскими пополнениями, к нему прибывают многочисленные добровольцы с Дона. Уже к концу сентября командарм имеет 6228 сабель.

20 сентября против Врангеля оформлен самостоятельный Южный фронт во главе с М. В. Фрунзе при члене РВС С. И. Гусеве. В РВС Второй Конной вводят Полуяна, бывшего председателем трибунала в Балашове. Миронов тяжело переживает это иезуитское оскорбление. Фрунзе и Гусев шлют в Москву протестующую телеграмму, но ничего изменить не могут. Видимо, кто-то в центре решил, что Полуян будет хорошим надзирателем, заодно живым предупреждением командарму.

8 октября ударная группировка Врангеля начинает Заднепровскую операцию с целью закрепиться на Правобережье. На ее пути встает Вторая Конная. Белые овладели Никоподем, но большего достичь не смогли. Вторая Конная ценой огромных потерь разгромила отборные белые войска (корпус Барбовича, Марковскую и Корниловскую дивизии, конницу Бабиева) и отбросила их на левый берег Днепра. Мощь врангелевской армии подорвана, дух сломлен, начинается ее агония. В тяжелейший момент сражения Миронов сам повел в атаку своих кавалеристов, под ним убили коня.

Недоверие к Миронову нет-нет да и проглядывает. В период боев в Северной Таврии главком, а затем Ворошилов и Буденный делают поползновения присоединить Вторую Конную к Первой. Фрунзе решительно пресекает эти попытки.

Успехи Второй Конной подрывали гегемонию Ворошилова и Буденного в кавалерии. Тем более, Фрунзе, один из наиболее авторитетных и независимых руководителей Красной Армии, не особенно жалует командование Первой Конной. Получив приказ о переброске с польского фронта, Ворошилов с Буденным пытаются добиться самостоятельности и подчиняться главкому, а не командованию фронтом. Ленин и С. С. Каменев отвергают эту инициативу. По приходе в Таврию, совершенному с большим опозданием (причины мы называли), РВС Конармии снова пытается навязать свои условия и выдвигает собственный план захвата Крыма. Главком оставляет его без рассмотрения. В результате при штурме полуострова Фрунзе предпочел держать Первую Конную в резерве и ввел в дело только на шестой день операции.

Мы воздержимся от описания боевых действий в Крыму. С достаточной полнотой это сделано в книге Душенькина. Интересно только отметить, что Миронову была подчинена также махновская Повстанческая армия, воевавшая против Врангеля на стороне красных. Миронов не побоялся взять под начало гуляй-польских анархистов. Он блестяще использовал их в решающем бою на Литовском полуострове, когда отчаянная контратака белых едва не сбросила в море ворвавшиеся в Крым войска Фрунзе. Вот как описывает сам Миронов дело 11 ноября:

“52 и 15 стрелковые дивизии были смяты и в беспорядке отступили. Конница генерала Барбовича, Дроздовские и Корниловские кавалерийские части, состоящие в большинстве из отборных офицерских частей, которым ничего не оставалось делать — как умереть, прорвались к северу и угрожали зайти в тыл 6 армии. Вслед за отступавшими красноармейцами мчалась конница белых с обнаженными клинками, с диким криком и свистом, сметая на пути отступающих красноармейцев. Навстречу озверелым бандам появилась лава 16 и 2 кавдивизий, соотношение сил было один к трем. Лавы сближались. Крики “ура” заглушали стрельбу пулеметов и взрывы снарядов. Вот уже тыся-

ча шагов, семьсот, пятьсот. Сейчас скрестятся сабли. Вдруг части 2 Конной отскакивают в стороны, и на противника из 250 пулеметов, двигавшихся на тачанках вслед за красной конницей, льется смертельный пулеметный огонь. На землю катятся кони и люди. Первые ряды сметены, задние повернули назад и в свою очередь попали под ружейный и пулеметный огонь 51 стрелковой дивизии (Блюхера. — Авт.). Враг в панике бежит”.

На пулеметных тачанках сидели махновцы. Позднейшие сочинители песен всегда упускали из виду, что тачанка — легкая повозка с пулеметом — появилась у Махно и была главным его оружием.

Белые покатались в глубь Крыма. Того же 11 ноября Фрунзе предложил Врангелю прекратить борьбу, гарантируя сдавшимся жизнь и возможность выезда за границу. На завтра Ленин дал комфронта телеграфную нахлобучку за либерализм, но об этом особо.

Вечером 11-го мионовцы и махновцы добились Барбовича и заняли станцию Воинка. 12-го они были в Джанкое, через день — в Симферополе. Первая Конная шла следом, отставая на один дневной переход.

Кампания завершилась. Врангель не ответил на обращение Фрунзе, но 13 ноября распустил свою армию.

Мионов — в зените воинской славы. Решающий вклад Второй Конной в завоевание Крыма признается всеми. Командарма награждают Почетным революционным оружием (шашка с позолоченным эфесом и наложенным орденом Красного Знамени), а затем в числе 200 бойцов Второй Конной — орденом Красного Знамени. Это его первый орден, потому что под Царицыным его только представили, но по неясным причинам награждение не состоялось.

Кончилась война, и Вторую Конную преобразуют во 2 Конкорпус. Но борьба продолжается. 23 ноября Фрунзе ультимативно предложил Нестору Махно, который во время крымской кампании оставался с солидным войском в Гуляй-Поле, распустить все свои отряды. Тот не подчи-

нились и был объявлен врагом советской власти. Миронова бросают на борьбу с Махно. Нож острый в самое сердце комкора эти карательные функции. Он объявляет приказ Фрунзе своим кавалеристам, но при этом предписывает избегать столкновений. Одновременно просит Москву о своем отзывании: воевать с недавними товарищами по оружию он не хочет. Перемещение Миронова на другую должность центр признает целесообразным, но временно он остается на прежнем месте — до прибытия нового командира. Больше месяца мотается Конкорпус по Южной Украине, неохотно преследуя неуловимого Махно, наконец, передается на Кавказский фронт (ст. Лихая). Лишь в конце января 1921 года Миронов получил новое назначение — помощником главнокомандующего (главным инспектором) по кавалерии.

Идет последний акт трагедии Миронова. Сдав командование Н. Д. Томину, он 30 января выезжает в Москву со станции Усманская. Герою подают спецсостав: пульман, где размещается Миронов с женой, два ординарца и повар, и теплушка — для пары лошадей с тачанкой. Едет он без охраны. Да и какая нужна охрана, когда почти на каждой станции триумфальная встреча — толпы, оркестры, приветствия...

В Ростове после торжественной церемонии мироновский вагон посещает Смилга. Разговор происходит дружественный, о страшных днях балашовского суда можно теперь вспоминать с юмором... Но не рано ли умиляется Миронов? ЧК, как ей и положено, не дремлет. Обстановка на Дону совсем не благодушная. Продразверстка донимает казаков, снова поворачивает их против власти. Впрочем, такая же картина по всей крестьянской России. Малосознательные мужички не желают отдавать весь выращенный хлеб во имя идеалов, которые еще не успели усвоить. Демобилизованные красноармейцы возвращаются по домам, но им при отнятии хлеба не делают скидки. По стране прокатываются крестьянские бунты и восстания. Советская власть поначалу относится к ним не слишком серьезно. Председатель ВЦИК Калинин как раз в эти дни — начало февраля — находится на Кубани. Ему жалуется местный работник:

”Плохо, что у нас разверстку берут с винтовкой: идут и все берут, бабы просят оставить хоть на детей или на лошадку что-нибудь, а они только знают кричать — забирай все, и действительно все забирают, ничего не оставляют...”

Тверской мужичок Калинин отвечает:

”Кзаков о с о б е н н о обижать нельзя, народ они воинственный, станут поднимать восстание, пойдут беспорядки, но при всем желании правительство ничего не может сделать иначе, потому что было бы преступно, если бы у него в одной части государства население объедалось, а в другой буквально вымирало. Правительство должно взять до последнего потроха у крестьянина, который имеет и может дать тому, кто помирает...” (всюду выделено нами. — Авт.).

Вот поди ж ты, каков шалун, пардон, диалектик! Особенно не обижать, но взять до последнего потроха. Где-то голод, следовательно, у вас возьмем все. Что будут жевать те, у кого хлеб заберут подчистую, на данном историческом этапе Михаил Иванович обсуждать не намерен.

Казаки в который раз обнаружили неосознанность и взялись за оружие. Бывший командир полка 23 ”Мироновской” дивизии Вакулин поднял восстание на севере Донской области и в начале февраля 1921 года занял Камышин. В своих прокламациях он обещал казакам поддержку тамбовского вождя Антонова, а также Миронова и Буденного. 2-й Конкорпус — уже без Миронова — был брошен на подавление.

В этой накаленной обстановке Миронов решает по пути из Ростова в Москву навестить родные места. Словом: ”В Европе холодно, в Италии темно. Власть отвратительна, как руки брадобрея...” Дончека и его голове Бурову этот визит Миронова сильно не по душе. Опережая командарма, летит депеша с указанием усилить бдительность и принять меры.

В Усть-Медведицкой Миронов сразу по приезде выступает на многолюдном митинге, созванном ревкомом. Он призывает казаков сохранять спокойствие, обещает помощь в исправлении о ш и б о к местной власти. Станичная парторганизация делегирует его на окружную конференцию, которая должна открыться в слободе Михайловка, где недавно поднял мятеж Вакулин — кстати, кавалер ордена Красного Знамени. Миронов торопится в Москву, но после уговоров земляков соглашается.

Назавтра у него собирается группа сослуживцев по 23-ей дивизии. С ними приходит продработник и штатный осведомитель ЧК Скобиненко. Последний имеет конкретное задание и заводит разговор о злоупотреблениях местных властей. Миронов говорит откровенно. По его мнению, продолжение хлебных реквизиций вызовет к весне новые восстания. Перед тем, как разойтись, присутствующие договариваются посылать Миронову в Москву ш и ф р о в а н н ы е письма, чтобы держать его в курсе донских дел. Материал на Миронова готов, дальнейшее его пополняет.

Выступая на конференции, Миронов обрушивается на местную ЧК, в открытую говорит о чинимых безобразиях. Он призывает допустить частную торговлю, заменить продразверстку прямым налогом — словом, отвергает "военный коммунизм". Эти еретические требования нагоняют ужас на местных комиссаров. Они разгоняют конференцию и берут Миронова под арест.

Правда, аналогичная ересь в эти дни обсуждается в Политбюро. 16 февраля оно решает в дискуссионном порядке опубликовать статью о продналоге. Но что пристало Юпитеру, за то быка везут на Лубянку. Арестованы также жена Миронова и несколько участников совещания. Складский информирует Ленина, что Миронов сидит в ЧК по обвинению в попытке поднять восстание. Это установлено документально. Реакция Ленина неизвестна.

У кремлевских вождей в это время хлопот полон рот: мужички бунтуют, в Кронштадте мятеж, в партии — дискуссия о профсоюзах и X съезд (8—16 марта). Отшумели споры на съезде, разверстка заменена налогом, усмирили крон-

штадтских моряков, а Миронов все сидит — правда, не на Лубянке, а уже в Бутырской тюрьме.

Не следует строго судить председателя ВЧК Дзержинского. К его многотрудным обязанностям партия добавляет пост наркомпути. Воротившись из Кронштадта, Феликс вдруг требует спешно доставить в Москву Миронова со товарищи. В сложном лубянском хозяйстве нелегко отыскать человека...

Уж и март на исходе, а делу Миронова нет решения. Идет неторопливое следствие. В середине месяца он объявил голодовку — тщетно. Несколько раз на прогулке встречается с женой, содержащейся тут же. Режим, по всей видимости, был еще неустоявшийся. Даже газеты давали Миронову, даже перо и бумагу. 30 марта, потеряв надежду, пишет он предсмертную исповедь:

”В порядке партийного письма. Председателю ВЦИК гражданину М. И. Калинину.

Копии: Председателю Совнаркома В. И. Ульянову
Председателю РВС Республики Л. Д. Троцкому
Председателю ЦК РКП Л. Б. Каменеву...”

Письмо обширное. Миронов отмечает предъявленные обвинения, рассказывает о провокации Дончека. Вопросы: за что я сижу? За то, что громил Врангеля? За то, что готов был вести красные полки на Бухарест, Будапешт и т. д.? За то, что протестовал против злоупотреблений и ошибок, признанных партией и ее вождями, и требовал установления налога, который введен теперь законом?

”...Люди вообще, а я тем паче, перед смертью не лгут, ибо я не утратил веры в своего бога, олицетворяемого совестью; по указке которой я поступал одинаково всю жизнь и с врагами и с друзьями... Повторяю, это мой бог, и ему я не переставал молиться и не перестану — пока в брэнном теле живет дух...

... И если Вы, Михаил Иванович, останетесь глухи до 15 апреля 1921 года, я покончу жизнь в тюрьме голодной смертью...

...Не хочу допускать мысли, чтобы советская власть по подложному, необоснованному доносу гильотинировала одного из лучших своих борцов — "доблестного командира 2 Конной армии" (приказ РВС от 4/XII 20 г.)...

...Да не будет сей позорной страницы на радость битым мною генералам Краснову и Врангелю...

Остаюсь с глубокой верой в правду — бывший командарм 2 Конной армии, коммунист Ф. К. Миронов".

Михаил Иванович остался глух. Не подали голоса и прочие председатели. А Миронов надеялся. В день отправления письма он назначил жене свидание на 2 апреля, думая, что к тому времени ответ б у д е т. В этот день произошло другое. Прогулку для всех заключенных отменили. Кроме Миронова. Его вывели гулять в каменный мешок внутреннего двора. Раздался выстрел охранника... Так показал через много лет один из надзирателей Бутырки.

Снова нам с прискорбием сообщают, что письмо Миронова не нашло адресата. Впрочем, не совсем так: прочел товарищ Калинин, да было поздно. Помните, телеграмма Ленина с помилованием Н. Гумилева тоже пришла с опозданием. "Слишком поздно", — сказал Лафайет посланцам короля. Что нам остается? Будем верить... в добрые намерения.

Осталось дело Миронова со всеми документами. Там есть карточка, на которой неизвестной рукой, карандашом, начертано: "Расстрелян по решению коллегии ВЧК 2 апреля 1921 г.". Привлекавшихся по делу Миронова еще немного поддержали в тюрьме и выпустили без суда. Освободили и жену. В 1922 году ее вызвал Калинин. Беседа была длительная, но о смерти Миронова — ни слова. Всесоюзный староста обнаружил наличие сердца: дал указание выделить жене командарма путевку на кавказские Минеральные Воды. В 1924 году Наркомат по военным и морским делам установил ей п е р с о н а л ь н у ю пенсию.

Дальше о Миронове как будто забыли. Правда, в двадцатых Смилга помянул его незлым словом в мемуарах. Потом наступило молчание. В энциклопедиях и книгах по истории

гражданской войны Мионов не значится. С 1937 он стал изменник и мятежник. Боевые заслуги Миронова были перечислены на счет Буденного, частично — Городовикова.

Мы не знаем, кто распорядился убить Миронова. То ли вождям надоело возиться со строптивым казаком, тем более война кончилась. Может кронштадтский переполох решил его судьбу: в нем могли разглядеть средоточие будущих возмущений. Весьма вероятно, что с ним свели личные счета — кто-нибудь из тех, кому предстояло служить под началом нового инспектора кавалерии (через пару лет на этот пост двинули Буденного).

Калинин скорее всего прочел письмо вовремя. Да не с руки ему было вступаться за беспокойного человека перед страшной ЧК. Вы еще не забыли, как он в 1919 после помилования умыл руки на Политбюро?

В 1956 г., в пору разоблачений и реабилитаций, в мокропогодь крокодиловых слез по миллионам безвинно загубленных, вспомнили и о Миронове. Четыре года Военная Коллегия Верховного Суда так и эдак вертела дело, пока не пришла к знаменательному заключению: "Постановление Президиума ВЧК от 2 апреля 1921 года в отношении Ф. К. Миронова отменить и за отсутствием в его действиях состава преступления дело прекратить".

Только и всего. Отменили постановление, которого не было. Мы так и не узнали, кто повинен в смерти Миронова. Зато те, кому эта смерть была на руку, отозвались без промедления. В 1961 году 25 бывших командиров и политработников Первой Конной направили в ЦК гневное письмо с требованием отменить решение Военной Коллегии. Ответа не последовало.

Главный конармеец так и не смирился. В 1966 году в Центральном музее Советской Армии после смены экспозиции появился стенд, посвященный Второй Конной и Миронову. На открытие пригласили Буденного. Увидев фотографию Миронова, маршал покраснел и затопал сапогами. Возникли опасения за его здоровье. Работники музея нашли соломоново решение: Миронова заменили на Городовикова. Буденный постепенно остыл. После его ухода

экспозицию восстановили в прежнем виде. Но каждый раз перед посещением маршала портрет Миронова приходилось удалять.

*

Кончена история Миронова. Мы потому уделили ей столько места, что в ней, как редко в какой биографии, выразилась сущность гражданской войны — плоть ее и обильная кровь.

Особняком стоит фигура Миронова среди крупных военачальников красных. Другие, независимо от своего прошлого, были служилыми людьми новой власти. Миронов, будучи военным, оставался революционером. Он понимал революцию как свободное творчество народа, создающего себе новые формы жизни.

Для других революция завершалась взятием власти, образованием нового государственного руководства. Для Миронова, напротив, это было начало. По его убеждению, только народ может определить свое будущее, определить по собственному разумению, а не по указке далеких от жизни людей. Он сделает это для себя, не принося ныне живущих в жертву партийным догматам, ради сомнительного блага грядущих поколений. Он желал свободы и справедливости для народа сегодня, твердо веруя, что живущее человечество не менее нуждается в них, чем потомки. Один народ самодержавен, но не комиссары, ЧК, ЦК или СНК.

Пришедшее к власти в результате октябрьского переворота новое государственно-политическое руководство узурпировало державные права населения России. Любое решение ЦК стали выдавать за волю революции. Такая форма правления получила наименование диктатуры пролетариата. Все, конечно, понимали, что диктатуру осуществляет даже не рабочий класс, который тогда был до смешного мал — полтора-два миллиона на 150 миллионов жителей, а партия коммунистов, еще точнее — партийная верхушка, фактически бесконтрольная и несменяемая.

Высшие военачальники красных за немногими исключениями — офицеры старой армии⁵. Отречение Николая II

освободило их от прежней присяги. Они присягнули новой власти и служили ей верно. Любая директива, любой приказ сверху для них обязательны, независимо от цели и содержания. Не в лучшем положении и коммунисты. Их революционное сознание не свободно, оно подчинено воле ЦК. Каждое решение партийного руководства должно быть выполнено, иначе ты перестаешь быть членом партии. Трудно предположить, что каждый большевик, а их насчитывалось сотни тысяч, были согласны с истреблением казачества, но практически все, кому положено, проводили в жизнь изуверскую директиву от 29 января.

Если коммунисты лишены свободы воли, что можно сказать о военных, над которыми тяготеет проклятие нечистого происхождения и прошлой службы? Только беспрекословное подчинение создает хоть какие-то гарантии их жизни, в противном случае — обвинение в предательстве и расстрел. Мы уже не говорим об офицерах, загубленных без всякой вины, например, о тех, кого по приказу Сталина и Ворошилова утопили в Волге. Все работают на совесть, независимо от происхождения. Бывший дворянин и поручик Тухачевский умело командует подавлением кронштадтского восстания, после чего отправляется усмирять тамбовских крестьян. Недоучившийся студент из бедной еврейской семьи Якир не только руководит массовыми казнями, но сочиняет программу геноцида, под которой обеими руками подписались бы такие мастера этого дела, как Гитлер, Геббельс и Розенберг⁶.

Миронова невозможно вообразить в роли усмирителя. Он воюет по долгу совести и хочет сражаться только с теми, кого считает врагами свободы. Он против расстрелов — мирных жителей, пленных, даже мятежников. По этой причине он так страстно борется против рассказаживания и избиения крестьянства. Поэтому он не желает бороться с повстанческой армией Махно. Миронов знает, что на махновцев, еще недавно сражавшихся с ним в одном строю, его посылают не из-за грабежей, а в результате их нежелания покориться воле Москвы. Разумеется, хлопцы Махно любят побаловаться чужим добром, но и на совести красноармейцев таких грехов тоже достаточно.

У Миронова есть черты, сближающие его с Махно и Антоновым, которые, что бы про них ни плели казеннокоштные историки, были и д е й н ы е борцы. Эти люди верили, что они имеют право на собственное — не согласованное с Кремлем — понимание свободы и дрались за эту свободу.

Народный интеллигент, прирожденный полководец, самобытная личность, человеколюбец и правдоискатель Миرون о б р е ч е н, как и всякий другой, кто не желал или не мог стать исправной деталью новой государственной машины. Мало сказать, что ему все равно не пережить тридцать седьмого года. Никак не представишь его комиссаропослушным по окончании войны — безразлично в армии или на гражданке. Его убили прямые недоброжелатели, но оказался их тогдашняя попытка неудачной, Миронова непременно ждало новое столкновение с властью — скорое и непременно гибельное.

Глубоко символично, что во время гражданской Миرونу прощают самостоятельность и даже мятеж, но расправляются с ним в первые дни победы. Новой власти, именовавшей себя революционной, потребна была сильная армия, которую она называла защитницей революции. Но льву революции Миرونву, как и другим истинным, не ручным революционерам, уже не оставалось места — ни в этой армии, ни в этой жизни.

Глава 8

1921: УСМИРЕНИЯ

Победой над Врангелем завершилась для Красной Армии большая гражданская война в Европейской России. Еще на протяжении двух лет, в 1921—22 годах, велись кампании в Средней Азии и на Дальнем Востоке, имевшие результатом завоевание этих далеких окраин бывшей империи. В это же время нашлось для армии другое занятие, не принесшее ей боевой славы, но жизненно важное для нового государства. В этой малой гражданской войне РККА добивала партизанские движения, которые для пропагандистского удобства именовали бандами: недавнего союзника красных Махно, польского наймита Тютюнника, многих других... В 1921 вооруженной десницей подавили два народных восстания: солдатско-матросское в Кронштадте и крестьянское на Тамбовщине. Эти два эпизода армейской истории заслуживают особого разговора. Причин тому несколько, и не последняя та, что красными войсками в обоих случаях командовал Михаил Тухачевский.

На основании ложных исторических аналогий можно было предположить, что победитель в гражданской междоусобице проявит великодушие к поверженному противнику, пусть даже просто милосердие. Казалось, нет иного способа побыстрее залечить отверстые раны недавней бойни, изгладить в народной памяти кровавые воспоминания, загасить разбушевавшееся пламя ненависти и озверения. Пуще хлеба насущного или наравне с ним страна нуждалась в национальном примирении, которое одно могло обеспечить ей спокойное будущее. По такому пути, к примеру, пошли

американцы после ожесточенной гражданской войны. В России вышло иначе...

В 1921 году при переходе основной части страны к мирной жизни произошло ужесточение режима. Оно было прямым следствием победы. Руководство большевиков почувствовало, наконец, что ни в стране, ни за ее пределами нет больше сил, способных к его немедленному свержению, и взяло курс на упрочение своей власти. Нас не должно вводить в заблуждение, что именно в этом году была провозглашена новая экономическая политика. НЭП был всего лишь тактическим маневром в хозяйственной области, вынужденным отступлением перед лицом голода и нарастающего недовольства населения, в первую очередь, крестьянского (кстати, Троцкий предлагал отказаться от прямой экспроприации крестьянства — продразверстки — еще в феврале 1920 г.).

Политическая власть стала откровенно тоталитарной. Чрезвычайные полномочия, которые прежде оправдывались условиями военного времени, стали теперь нормальным атрибутом режима. Начал набирать силу всепроникающий карательный аппарат и его производственный базис — ГУЛАг. Ограничения гражданских прав потеряли временный характер, они, наоборот, еще более ужесточились и закрепились. Так, были закрыты последние небольшевистские органы печати, лютость цензуры возросла. Смертельный удар получила православная Церковь, прихожане которой еще недавно составляли большинство российского населения. Положение других религиозных культов было не лучше. Были окончательно ликвидированы все партии, кроме большевистской. Коммунисты, таким образом, добились монополии на идеологию и политическую деятельность.

В самой партии большевиков все более утверждался аракчеевский режим, задавивший слабые ростки внутрипартийной демократии в виде фракций и группировок. Печально знаменитая резолюция "О единстве партии" была проведена Лениным тотчас после победы в гражданской войне. Выходило, что в условиях смертельной схватки за существование партии и ее власть можно было дискутировать и отстаивать свою точку зрения, но когда борьба

была выиграна, такая свобода стала непозволительной роскошью. Аргумент Ленина, что дискуссия о профсоюзах перед лицом мелкобуржуазной стихии поставила партию на грань катастрофы, не следует понимать буквально¹. Руководящая группа, которая через партию осуществляла власть над страной, сочла момент подходящим, чтобы закрепить свое доминирующее положение. Борьба мнений в форме язвительной полемики и конфликтующих резолюций на ежегодных съездах подрывала авторитет вождей и мешала подлинно научному руководству. Принудительное единство открыло пути для всевластия аппарата, а через него — диктатуре Сталина.

Тотальная жестокость как форма государственной политики нашла яркое выражение осенью 1920 года. Когда исход крымской битвы был решен в пользу красных, Фрунзе поддался неизжитой слабости и попытался избежать бессмысленного кровопролития. 11 ноября он выпустил обращение к командованию белых войск:

"Ввиду явной бесполезности дальнейшего сопротивления ваших войск, грозящего лишь пролитием лишних потоков крови, предлагаю вам прекратить сопротивление и сдаться со всеми войсками армии и флота, военными запасами, снаряжением, вооружением и всякого рода военным имуществом.

В случае принятия вами означенного предложения Революционный военный совет армий Южного фронта на основании полномочий, предоставленных ему центральной Советской властью, гарантирует сдающимся, включительно до лиц высшего комсостава, полное прощение (разрядка здесь и далее наша. — Авт.) в отношении всех проступков, связанных с гражданской борьбой. Всем нежелающим остаться и работать в социалистической России будет дана возможность беспрепятственного выезда за границу при условии отказа на честном слове от дальнейшей борьбы против рабоче-крестьянской России и Советской власти. Ответ ожидаю до 24 часов 11 ноября.

Моральная ответственность за все возможные последствия в случае отклонения делаемого честного предложения падает на вас...”

Этот призыв был послан по радио. Параллельно РВС Юж-фронта (М. Фрунзе, И. Смилга, Б. Кун, М. Владимиров) выпустил радиовоззвание к офицерам, солдатам, казакам и матросам армии Врангеля:

”...Мы не стремимся к мести. Всякому, кто положит оружие, будет дана возможность искупить свою вину перед народом честным трудом. Если Врангель отвергнет наше предложение, вы обязаны положить оружие против его воли...

Одновременно с этим нами издается приказ (где он? — Авт.) по советским войскам о р ы ц а р с к о м о т н о ш е н и и к сдающимся противникам и беспощадном истреблении тех, кто поднимет оружие против Красной Армии”.

На следующий день Ленин дал телеграфную нахлобучку своему полководцу, ”наделенному полномочиями центральной Советской власти”:

”Только что узнал о Вашем предложении Врангелю сдать. Крайне удивлен непомерной уступчивостью условий. Если противник примет их, то надо реально обеспечить взятие флота и невыпуск ни одного судна; если же противник не примет этих условий, н е л ь з я больше повторять их и нужно расправиться беспощадно”².

Обращение Фрунзе осталось без ответа, не то не избежать бы ему партийной епитимьи. Врангель предпочел эмиграцию капитуляции. Морским путем ему удалось вывезти до 83 тыс. человек — военнотружущих и беженцев. Десятки тысяч остались в Крыму — мирные граждане со всех концов России и арьергардные части, прикрывающие отход белой армии. Советские источники о пленных не говорят ничего,

как будто их не было вовсе. (Только в неопубликованных воспоминаниях Ф. Миронова встречаем упоминание, что Вторая Конная захватила 25 тыс. пленных). У Маяковского в поэме "Хорошо" (1927) есть такие строчки: "Врангель опрокинут в море. Пленных нет. Покамест точка..."

Пленных нет... Возможно, очень возможно поэт знал, что это означает. Устроитель его концертов П. И. Лавут был очевидцем крымских событий — об этом говорится в поэме.

Пленные врангелевские офицеры были расстреляны, равно как многие нижние чины и беженцы. Избежавшие плена в середине ноября ушли в горы и присоединились к отрядам зеленых. Покинуть Крым было невозможно: все побережье и узкий перешеек на материк контролировались красными. После нескольких месяцев преследований советские власти Крыма призвали их сложить оружие — под гарантию сохранения жизни. Многие откликнулись. Все они были расстреляны.

Мы не знаем почти никаких подробностей этой акции. Один очевидец событий называет число расстрелянных — 80 тысяч³. Во главе дела стояли пламенные революционеры Розалия Землячка и Бела Кун⁴, члены РВС Южного фронта. О причастности Фрунзе сведений нет. Так же неизвестна роль московского руководства. Белу Куну с выговором убрали из Крыма, но это произошло уже в 1922 году.

Если Врангель был сильным военным неприятелем, то в кронштадтском мятеже таилась опасность другого рода — политическая. Лозунг "Советы без большевиков" грозил последним полной изоляцией от всего населения, отнимал у них присвоенную монополию на революционность. Ленин и его партия не могли выбросить лозунга "Власть народу". В этом случае они оставались ни при чем, так как на сей предмет имелось враждебное им Учредительное собрание. Красноармейцы, в большинстве — из крестьян, шли сражаться за Советы депутатов трудящихся, в которых еще видели свою власть, отнюдь не за правление большевиков⁵. Уничтожение слабых ростков демократии, зажимание и ликвидация прочих политических партий осуществлялись за спиной народа и без особой огласки. Если бы выводы,

к которым пришли питерские рабочие и кронштадтские матросы, стали достоянием всей России, то большевики не смогли бы удержать в своих руках Красную Армию — боевой щит и разящий меч большевистской власти.

Выводы, сделанные революционным классом в колыбели революции, были ох как неутешительны для Ленина и его соратников. Правовверные пролетарии надумали бороться с голодом, засильем ЧК и бюрократов посредством т р е т ь е й революции. В феврале 1921 года Петроград охватили забастовки (власть предержажшие предпочитали говорить — в о л ы н к и). В прокламации от 27 февраля читаем:

”...Рабочим и крестьянам нужна свобода. Они не хотят жить по большевистской указке, они хотят сами решать свою судьбу. Товарищи, поддерживайте революционный порядок. Организованно и настойчиво требуйте:

Освобождения всех арестованных социалистов и беспартийных рабочих. Отмены военного положения, свободы слова, печати и собраний для всех трудящихся. Свободных перевыборов завкомов, профсоюзов и советов”.

На следующий день в Невском районе было расклеено такое воззвание:

”...Мы знаем, кто боится Учредительного собрания. Это те, кому грабить нельзя будет, а придется еще отвечать перед народными избранниками за обман, за грабеж, за все преступления”.

Падение большевистской власти в Кронштадте произошло подозрительно легко. Только треть коммунистов сопротивлялась мятежу, столько же к нему присоединилось, остальные пребывали в пассивном выжидании. Восставшие выпускали ”Известия временного ревкома матросов, солдат и рабочих”. Вот несколько выдержек из этого органа:

”То, что сейчас происходит, подготовлено самими коммунистами, их кроваво-разрушительной работой. Письма из деревень полны жалоб и проклятий коммунистам...”

”Прав был крестьянин, сказавший на VIII съезде советов: ”Все обстоит хорошо, только... земля-то наша, да хлебушко ваш; вода наша, да рыба-то ваша; леса-то наши, да дрова-то ваши” ... ”

”Они кричат с кровавых подмостков, что вся земля крестьянам, а заводы — рабочим. Коммунисты... сели на шею беднейшего крестьянина крепче помещика...”⁶

На такие заявления с л о в а м и сказать было нечего. Ответ писался пулями и штыками Красной Армии. Она пошла подавлять крестьян и рабочих, своих классовых братьев, хотевших лучшей и свободной жизни. Большинство штурмовавших Кронштадт имело точно такие же основания для недовольства, что и мятежники.

После неудачи приступа 8 марта в Петроград была брошена тяжелая командная артиллерия: предреввоенсовета Троцкий, председатель ВЧК Дзержинский, главком Каменев, командзап Тухачевский. Последний был временно назначен командующим 7 армией, которую усилили отборными батальонами красных курсантов. Первый штурм был приурочен к открытию X съезда партии. Когда он оказался безуспешным, прямо с заседаний был отправлен большой отряд политработников — 300 делегатов, 140 из них с решающим голосом (в том числе Ворошилов, Бубнов, Дыбенко, С. Урицкий).

Тухачевский подошел к своей задаче по всем правилам военного искусства. Направление для атаки было выбрано такое, откуда осажденные меньше всего ожидали удара — со стороны Финского залива, лед которого начал подтаивать. Пошли на риск и по льду даже подтащили артиллерию. 16 марта, скомкав повестку дня, закрыли съезд, потому что на местах было неспокойно. 17-го — советские части в белых маскировочных халатах по зыбкому льду двину-

лись на Кронштадт. Им удалось быстро ворваться в крепость, после чего гарнизон прекратил сопротивление. Сдались и корабли Балфлота. Руководителям мятежа — в их числе коменданту крепости б. генералу Козловскому и председателю ревкома матросу Петреченко — удалось бежать в Финляндию.

В этом месте советские авторы обычно ставят точку. Один раз, правда, назвали потери. С. Урицкий в I томе капитального труда "Гражданская война 1918—1921" (М.-Л., 1928) определил их следующим образом: красные — 700 убитых, 2500 раненых и контуженных, белые, т. е. восставшие — 600 убитых, 1000 раненых.

О том, как поступили с попавшими в плен, говорить избегают. Более того, в академическом исследовании С. Семанова (Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа 1921 года. М., Наука, 1973) есть любопытное место. В сноске на стр. 185 читаем:

"Автору в период работы над настоящей монографией приходилось беседовать с бывшими участниками кронштадтского мятежа — их удалось обнаружить пять человек, некоторые дали интервью, однако просили не использовать эти материалы (обратите внимание — материалы, добро бы фамилии. — Авт.). Заметим лишь, что все они единодушно (здесь и далее наша разрядка. — Авт.) утверждали, что репрессиям подвергались только главарь мятежа и офицеры, активно в нем участвовавшие. Рабочие, крестьяне и матросы, сдавшиеся в Кронштадте, были демобилизованы или переведены на другие флоты и в воинские части".

Итак, нашлось всего пятеро, только некоторые захотели разговаривать с честным историком (сколько: двое, один, никто?), ни один не позволил использовать им сказанное, зато все единодушно показали, что ничего такого не было. "Заметим лишь ..."

Задышавшись от напряжения, бедный С. Семанов в приведенном отрывке вступает в противоречие с логикой, с рус-

ской грамматикой — все для того, чтобы не проговориться. В другом месте его затаенная мысль вылезает в ином виде. Не было, не было никаких большевистских зверств, в противном случае русская эмиграция и западные антисоветчики непременно раздули бы эту тему...

Дело разъясняется просто. Бежавшие при занятии крепости ничего видеть не могли, а оставшиеся в живых пленные знали такое, что и через пятьдесят лет не имели охоты рассказывать. Основная масса мятежников сразу утратила способность говорить.

Вот рассказ военного инженера И. Ц., который командовал при штурме батальоном курсантов. После конца боев батальон в составе трех рот строем проходил по узкой кронштадтской улице. Внезапно на замыкающую роту из подвалов обрушился кинжальный огонь, уничтоживший ее почти полностью. Озверевшие курсанты без приказа оцепили квартал и на месте штыками перекололи всех захваченных лиц мужского пола, "кто ростом был выше пояса взрослому мужику". Месть пришлось не по адресу, отмечает рассказчик, потому что пулеметчики, скорее всего, успели скрыться (надо учесть, что стреляли в спину по с л е д н е й роте). Не беремся судить, кто был человечнее (бесчеловечнее): курсанты или мятежники, стрелявшие из засады.

Но послушайте, послушайте, что было дальше. Тухачевский был разгневан. Батальон объявили штрафным и лишили орденов, которые пачками получали участники штурма — в одном Петроградском округе их было выдано свыше 350. Однако это было не все наказание. Курсантам вместе с другими провинившимися (грабежи, насилия) приказали расстреливать пленных матросов, которых выгнали на рыхлый лед залива. Так погибло 7500 человек; весь мятежный гарнизон насчитывал тысяч 12. Некоторые курсанты сходили с ума на месте, лежа за пулеметом. Стоял март, вскоре лед растаял, и тела матросов ушли под воду.

Мы не знаем, имел ли Тухачевский личное отношение к этой расправе. Но уже через пару месяцев он, получив личную аудиенцию у Ленина, возглавил специальные войска

Тамбовской губернии, отряженные на подавление крестьянского восстания.

На Тамбовщине всегда преобладали эсэры — партия, тяготевшая к крестьянству. Большевики после Октября держались там силой одного оружия. В конце 1917 г. губернский съезд советов избрал эсэровский исполком — для блага трудового народа его пришлось разогнать. И все равно среди местных работников насчитывалось много социалистов-революционеров. Эсэр Евфорицкий был председателем губернского совнаркома, его товарищ по партии Булатов возглавлял губернскую милицию.

Поначалу эсэры воздерживались от активного противодействия центральной советской власти. В 1918 они даже поддержали комбеды. Тут, наверное, сказалась и борьба с белочехами и то, что прижим населения был еще недостаточно силен. Но с самого начала социалисты-революционеры были себе на уме. Они, например, создали в Нахатном Углу образцовую эсэровскую коммуну, члены которой работали на земле и обучались военному делу. Когда в 1920 после окончания военных действий по деревням пошли продотряды, мужики ответили восстанием. Во главе стал Александр Антонов.

Сын слесаря Антонов состоял в эсэровской партии с 1905 года и до Февральской революции отбывал длительную ссылку. Сходная биография и у его помощника Ишина. После Октября Антонова послали из Тамбова в Кирсанов начальником уездной милиции. Милицию он привел в порядок и хорошо оснастил — за счет оружия, добытого из чехословацких эшелонов, которые следовали в Заволжье. Во время мамонтовского прорыва он со своими людьми ушел в партизаны. После того, как белых отбили, он уже не вернулся к легальной службе, объявив себя защитником обиженных советской властью крестьян. ГубЧК ничего не могла сделать с новоявленным отрядом: Антонова своевременно предупреждали свои люди, засевшие в местных органах и самой Чрезвычайке.

Восстание началось 20 августа 1920 года и вскоре разлилось по всей Тамбовщине. Главным двигателем было недовольство крестьян хлебными реквизициями. В январе

1921 мятежники уже контролировали пять уездов: Тамбовский, Кирсановский, Борисоглебский, Моршанский, Козловский. Вооруженные силы восставших насчитывали 50 тысяч бойцов. Они подразделялись на две армии, а те, в свою очередь, — на полки, привязанные к определенной территории. Во многом антоновцы копировали РККА: у них имелись комиссары, политотделы, трибуналы. Повстанческими силами руководил оперативный штаб во главе с Антоновым. Источником боевого духа было сознание каждого бойца, что он защищает родной дом и землю. Хорошо была поставлена разведка.

Мятежники создали свою партию — Союз трудового крестьянства. Губкомитет СТК возглавлял Токмаков, крестьянин села Иноковка. Губком вел агитацию среди красноармейцев, присланных на усмирение. При этом формы обращения нередко были самые безыскусные. Чего стоит например, листовка, которую приводим с соблюдением орфографии:

”Друзья мобелизованные пора проснутся довольно слушать нахалов коммунистов порозитов Всего трудового народа. Долой, порозитов Всего трудового народа, долой братоубийственную войну, друзья мобилизованные бросайте оружие идите домой защищать свой хлеб, добытый потом и кровью своего гражданского права. Вспомни брат мобилизованный дай справедливый отчет что Вы делаете, за что вы защищаете этих нахалов коммунистов террористов Всего трудового Народа. Долой Лениных еврейских декретов и поганый совет. Да здравствует комитет учредительного собрания.

Губком”.

В других воззваниях обнаруживается эсэровский почерк:

”В борьбе обретишь ты право свое!”

”Мобилизованные красноармейцы!

Прочь свое несознание. Прочь свои подлые действия по отношению к крестьянству, а в особенности

к восставшим. Время Вам сознаться и опомниться в своих негодных поступках. Вступая в борьбу против крестьянских восстаний, вместе с коммунистами, Вы наводите народный гнев на себя. Разве Ваши отцы, братья и семейства находят-ся не при таких же условиях, как повстанческое крестьянство, всячески теснимое коммунистами и советами? Обратите свое внимание: где свобода слова, печати, союзов, собраний и вероисповеданий, неприкосновенность личности?..”

Чисто крестьянский, неполитический и стихийный характер восстания признают, вынуждены признать советские источники, особенно те, которые датированы началом двадцатых годов. По горячим следам событий труднее огульно извращать факты. Некий Литовский пишет (Антоновщина. Сборник Тамбовского губкома РКП. Под редакцией С. Егенова, О. Литовского. Тамбов, 1923, с. 14) :

”Не подлежит, однако, никакому сомнению, что антоновщина, в которой руководящее активное участие принимали только кулаки, дезертиры, уголовный элемент и отчасти ”сельская интеллигенция”, все же питалась и держалась стихийным, чаще всего пассивным недовольством широких крестьянских масс продполитикой советской власти (выделено нами. — Авт.).

Деревня в целом, если и не поддерживала активно движения, то и не мешала ему, а это в условиях партизанщины означало ту же поддержку”.

Знаменательное признание! Конечно, с одной стороны, т о л ь к о кулаки, дезертиры, уголовники, а также сельская интеллигенция, которую т. Литовский, не в силах скрыть своего отвращения, заключает в кавычки, и это очень дурно. Но была, оказывается, маленькая загвоздка другого рода — п р о д п о л и т и к а — и с ней широкие крестьянские массы никак не могли смириться. Неудивительно, что мужики не мешали мятежникам, защищавшим их от грабителей-продотрядчиков. Более того,

местные крестьяне дали восстанию основную людскую силу.

В другой книжке (Вл. Докукин. Правда о бандитах. Тамбов. Госиздат, 1921), выпущенной в разгар антоновщины, тон более злобный и заушательский. Что поделаешь — свобода слова! Итак, повстанцы это

"...кулаки, злостные дезертиры из Красной Армии, отъявленные мошенники и головорезы — любители легкой наживы путем грабежа и убийств. Там есть старые царские офицеры, интеллигенция, попики". Ну, а руководят "социалисты-революционеры. Они-то и подготовили восстание и организовали разбойничьи банды" (выделено в оригинале).

Дело, как видим, обстоит скверно. Какой уважающий себя крестьянин захочет оказаться в компании с интеллигентами, офицерами и мошенниками, да еще под водительством социалистов-революционеров. Но, странное дело! Тот же Вл. Докукин приводит выдержку из резолюции крестьянской беспартийной конференции Тамбовского и Лебединского уездов, писаной, несомненно, большевистской рукой (здесь разрядку пришлось сделать нам):

"Некоторые из Тамбовских крестьян поддались на буржуйский обман. ... Советские учреждения работают не так, как желательно. В них имеются и бестолковые работники и примазавшиеся преступники".

Позволительно спросить: а чем, собственно, примазавшиеся преступники одной стороны (Бог с ними, с бестолковыми работниками) приятнее мошенников и головорезов другой? Или свое не пахнет?

Кое-какие намеки на характер обращения советских властей с крестьянством находим в уже цитированном сборнике "Антоновщина":

”...Главными пострадавшими были крестьяне, не имевшие отношения к эсэро-бандитизму. Они попадали под удары и красных и белых.

Совершенно неизбежно и с той, и с другой стороны были весьма нередки случаи чрезмерных репрессий” (с. 16).

Помилуйте, что же это получается? Ну, белые, точнее — антоновцы, с ними понятно: у них природа волчья, эсэровская, бандитская. Но красные?! Почему с их стороны были совершенно неизбежны чрезмерные репрессии по отношению к мирным крестьянам, не имевшим ни к чему такому nikоторого отношения? И зачем было ставить красных на первое место в сих неблагоприятных делах?

Воистину далеко может завести слово, и не одних поэтов... Исполать товарищам Евгенову, Литовскому и Вл. Докукину за то, что сквозь шоры партийной пристрастности они донесли нам эти крупницы правды. В дальнейшем бдительные редакторы из новых интеллигентов — без кавычек — удалили из писаной истории последние намеки на достоверность.

Кремль был не на шутку встревожен большим восстанием, полыхавшим в самом сердце России. Поначалу, осенью 1920 года, думали обойтись центральной директивой и местными силами. На Тамбовщину прибыла полномочная комиссия ВЦИК во главе с Антоновым-Овсеенко. Решили против повстанческого Антонова выставить двух своих: председателем ГубЧК был назначен некий Антонов. Не помогло.

Пришлось обратиться к мерам более серьезным. 10 февраля 1921 г. за месяц до X съезда и всероссийской отмены продразверстки она была упразднена на Тамбовщине, оттуда убрали все продотряды. 14 февраля Ленин принял делегацию тамбовских крестьян и лично подтвердил это решение. Восстание продолжалось.

Перед лицом такой черной неблагодарности пришлось пойти дальше.

Были образованы специальные войска Тамбовской губернии, подчиненные непосредственно главкому. Сперва

ими командовал П. А. Павлов, а с мая 1921 — Тухачевский при начальнике штаба Н. Е. Какурине. Планомерного натиска регулярных частей тамбовские мужички не выдержали⁷. Тем более, что ни поддержки, ни снабжения получить им было неоткуда. Тем более, что их постоянно призывали сдаваться, обещая полное прощение. К сожалению, у нас нет никаких данных о том, как выполнялось это обещание...

Летом 1921 года началась агония восстания. Вот официальные сведения. С 28 мая по 26 июля явились добровольно: с оружием — 1260 человек, без оружия — 4325; взято в облавах: с оружием — 572, без оружия — 4713, в плен — 985, убито — 4555; всего за два указанных месяца — 16370. Вместе с дезертирами (7646) и явившимися добровольно до 28 мая (12903) это дает общую убыль повстанческих войск на 36919 чел. Обращает внимание большой удельный вес захваченных без оружия — похоже, с винтовками у мятежников было не густо...

Остатки повстанцев сопротивлялись еще долго — до конца 1922 года. 22 июня 1922 г. Александр Антонов и его брат Дмитрий были окружены в глухом селе Нижний Шибрйй Борисоглебского уезда отрядом М. Покалюхина (2 чекиста, 6 бывших мятежников) и погибли в перестрелке.

Тамбовское восстание не было изолированным и исключительным эпизодом. На протяжении 1921 и 1922 гг. у Красной Армии было достаточно работы в малой гражданской войне против мужика. Вот перечень эсэро-кулацких, читай — крестьянских, мятежей за этот период, который дает официальная историография:

Сургутский,
Зауральский (Курган),
Иркутский,
Ишимско-Петропавловский,
Витебский,
Верненский (Казахстан),
Ярославский,
Костромской,
Ойротский (банда Кайгородова),

Украинский (Махно),
Екатеринбургский,
Северо-Кавказский,
Заволжский (Сапожков)
Карельский,
Башкирский.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Эти бурные двадцатые годы

*Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.*

Мандельштам

Сталин еще со времен гражданской претендовал на ведущую роль в армии. Польский казус и окончание войны временно отвлекли его внимание от РККА. В пору борьбы за власть, вспыхнувшей после смерти Ленина, поползновения в сторону военного ведомства возобновились, но велись чрезвычайно скрытно и в ограниченном масштабе. Только овладев положением в партии, значит — в стране, он в 1929 году решился нанести по армии первый открытый удар...

Глава 9

ПАРТИЯ: БОРЬБА ЛИНИЙ ИЛИ ДРАКА ЗА ПОРТФЕЛИ

Весь отрезок нашей политической истории от болезни и смерти Ленина до экспроприации крестьянства можно представить как ряд последовательных сражений Сталина против других вождей РКП. Каждое из них приближало его к безраздельному господству в партии.

С этой точки зрения можно для двадцатых годов предложить следующую пунктирную периодизацию:

1923—1924. Блок с Зиновьевым и Каменевым против Троцкого. Тайный сговор с группой Бухарина. Назначение Рыкова на пост Председателя Совета Народных Комиссаров, Фрунзе — заместителем Председателя Реввоенсовета СССР.

1925. Замена Троцкого Фрунзе. Поражение Зиновьева и Каменева. Ликвидация Фрунзе. Назначение Ворошилова Наркомвоенмором и Председателем РВС.

1926. Борьба с объединенной троцкистско-зиновьевской оппозицией. Смерть Дзержинского.

1927—1928. Полный разгром Зиновьева, Каменева, Троцкого и их сторонников. Уход Тухачевского из штаба РККА. Погром в Госплане, массовое избиение инженерных кадров. Индустриализация. Начало кампании против правых.

1929. Политическая ликвидация Бухарина, Рыкова, Томского. Коллективизация. Статья Ворошилова "Сталин и Красная Армия".

На политической сцене тех лет Сталин проявил себя как незаурядный стратег. Особенность в том, что свой талант он использовал в сфере закулисных махинаций, интриг, заговоров и провокаций. Сталин, скорее всего интуитивно, мастерски применял не прямые действия. Его излюбленный прием заключался в моральном разложении противника, благодаря чему достигалось решающее ослабление в момент удара. Соперники Сталина почти всегда несогласны между собой и боятся решительных действий. Он искусно пользовался их раздорами, славливал своих противников, в подходящий момент изолировал самого опасного и, блокируясь с остальными, устранял его.

В 1923—1924 Сталину удалось руками — и ногами — Зиновьева-Каменева нанести несколько сокрушительных ударов по Троцкому, от которых тот так и не смог оправиться. Так он, оставаясь в тени, устранил со своего пути к власти политика, имя коего с момента Октябрьского переворота неизменно ассоциировалось с именем Ленина, чьим законным преемником он казался большинству населения. Троцкий и другие видные деятели — достаточно самостоятельные во взглядах, но получившие удобный объединяющий ярлык троцкистов — стремились, прежде всего, не к личной власти, но к преодолению тенденций, которые представлялись им губительными для революции: засилья партийного аппарата и бюрократического перерождения. Зиновьев и Каменев были столь запуганы мнимыми бонапартистскими поползновениями Троцкого, которые частично внушил им Сталин, что в пылу борьбы не заметили ослабления собственных позиций. Каменев, друг и недавний покровитель Сталина, в январе 1924 года не стал главой правительства. Между тем во время болезни Ленина он год с лишним исправлял эту должность и был первым кандидатом на

ее занятие. Был пущен довод, что из-за предрассудков крестьянской массы политически невыгодно иметь еврея во главе правительства. Вопрос о том, удобен ли грузин на посту генерального секретаря партии, поднять не догадались. Председателем Совнаркома стал А. И. Рыков. Каменеву пришлось удовольствоваться портфелем Председателя Совета Труда и Оборона. Прежде эту должность тоже исправлял Ленин, теперь их разделили и с помощью такой бюрократической увертки немного подсластили пилюлю.

Рыков был из группы новых, пока тайных союзников Сталина, куда также входили Бухарин и Томский. Не исключено, что главной привлекательной для Сталина чертой новых друзей было чисто русское происхождение, выгодно контрастировавшее с еврейским засильем в партийной верхушке, особенно в окружении Зиновьева-Каменева и Троцкого. Бухарин принялся за дело рьяно и с похвальным усердием набросился на Троцкого, с которым еще недавно блокировался (на X съезде в дискуссии о профсоюзах).

В 1925 Зиновьев с Каменевым сами почувствовали сталинскую руку и поспешили сколотить собственную фракцию с базой в Ленинграде. Но время было потеряно. На XIV съезде Сталин нанес им чувствительное поражение — силами вошедшей в раж бухаринской команды и безликого партийного большинства, тон которому задавали его ставленники-аппаратчики. Побитый и обиженный Троцкий предпочел не вмешиваться.

Не следует, однако, рассматривать успех Сталина на этом съезде исключительно как результат закулисных маневров. Дело обстояло не так просто. На XIV съезде впервые обнаружились личные склоки вождей. Раньше происходили ожесточенные столкновения взглядов, платформ, позиций, но никогда речь не заходила об организационных репрессиях против отдельных личностей, особенно — высших руководителей. В первые годы революции Каменев, Зиновьев, Бухарин, Ногин, многие другие, расходясь с Лениным по коренным вопросам политики, подавали в отставку с занимаемых постов, заявляли о выходе из ЦК — но каждый раз дело улаживалось бескровно.

Тут действовала ленинская концепция строения партии.

Ленину еще в начале века партия представлялась как спаянная железной дисциплиной централизованная организация во главе с устойчивым, читай — несменяемым, коллективом руководителей. Именно таким образом он надеялся обеспечить преемственность политики и неприкосновенность идеологических основ.

Ленинский штаб включал Свердлова (умер в 1919), Каменева, Зиновьева, Сталина, Троцкого, Бухарина, Дзержинского, Калинина и ряд других. Считалось само собой разумеющимся, что указанные товарищи должны стоять у руля партии и государства. Разногласия по отдельным вопросам выносились наружу только с дозволения ЦК, а после принятия решения все ему подчинялись¹. При любом ожесточении словесных баталий никогда не требовали крови оставшихся в меньшинстве.

Так шли дела, пока тяжелая болезнь не выбила Ленина из седла. Между соратниками немедленно вспыхнула вражда. Можно выразиться иначе: они обнаружили неспособность к коллективному руководству. Все началось с конспираций против Троцкого. Зиновьев выдвинул хитроумный план, который обсуждался узким кругом в гроте под Кисловодском ("пещерные совещания"). Для усиления руководства на время болезни Ильича предлагалось заменить Политбюро на "политизированный" Секретариат в составе Зиновьева, Сталина и Троцкого (Каменев оставался во главе СНК и СТО). При такой комбинации Троцкий был обречен оставаться постоянно в меньшинстве и сидеть с заткнутым ртом, тогда как в более широком по составу Политбюро он мог блокироваться то с одними, то с другими по разным вопросам. План был похоронен... Сталиным, который относился к Троцкому крайне неприязненно, но до поры остерегался облекать вражду в оргвыводы. Он сам рассказал об этом в 1925 году:

"В 1923 году, после XII съезда, люди, собравшиеся в "пещере" (с м е х) выработали платформу об уничтожении Политбюро и политизировании Секретариата, т. е. о превращении Секретариата в политический и организационный руководящий орган в составе

Зиновьева, Троцкого и Сталина. Каков смысл этой платформы? Что это значит? Это значит руководить партией без Рыкова, без Калинина, без Томского, без Молотова, без Бухарина. Из этой платформы ничего не вышло не только потому, что она была беспринципной в то время, но и потому, что без указанных мной товарищей руководить партией невозможно. На вопрос, заданный мне в письменной форме из недр Кисловодска, я ответил отрицательно, заявив, что если товарищи настаивают, я готов очистить место без шума, без дискуссии, открытой или скрытой, и без требования гарантий прав меньшинства. (С м е х.)”

Сталин по понятным причинам не хочет обнародовать все кулинарные секреты ЦК. Он также не раскрывает своих личных мотивов в этом деле. Он, видимо, сразу почуял, что при перемене погоды легко оказаться в глухом меньшинстве ему самому. Во всяком случае, внешне Сталин выглядит охранителем партийных устоев и противником интриг.

После смерти Ленина, в конце 1924 г., Зиновьев-Каменев задумали попросту расправиться с тем же Троцким. Опять слово т. Сталину:

”Ленинградский губком² вынес постановление об исключении тов. Троцкого из партии. Мы, т. е. большинство ЦК, не согласились с этим (г о л о с а: ”Правильно!”), имели некоторую борьбу с ленинградцами и убедили их выбросить из своей резолюции пункт об исключении. Спустя некоторое время после этого, когда собрался у нас пленум ЦК, и ленинградцы вместе с тов. Каменевым потребовали немедленного исключения тов. Троцкого из Политбюро, мы не согласились и с этим предложением, получили большинство в ЦК и ограничились снятием тов. Троцкого с поста наркомвоена”³.

Немедленно вслед за этим Сталин делает высказывание, потрясающее по искренности и прозорливости:

“Мы не согласились с т. т. Зиновьевым и Каменевым потому, что знали, что политика отсечения чрева-та большими опасностями для партии, что метод отсе-чения, что метод пускания крови — а они требовали крови — опасен, заразителен: сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего, — что же у нас останется в партии? (А п л о д и с м е н т ы.)” (См. Заключительное слово на XIV съезде.)

Не имеет значения, что тогда думал Сталин, возражая против о т с е ч е н и й. Другое существенно: он стоял за единство и неприкосновенность ленинского штаба, а его оппоненты проповедовали погром. Такая позиция обеспечи-ла Сталину популярность в верхах и низах партии, его ав-торитет вырос неимоверно.

Во второй половине 1925 года дуумвират разошелся с большинством ЦК, которое возглавил Сталин, при форму-лировании общей политической линии. Зиновьев и Каменев предлагали противоречивый и психологически неприемле-мый курс: с одной стороны, поприжать капиталистические элементы, то есть продолжать в мирное время гражданскую войну, с другой — признать, что социализма в России по-строить не удастся, пока не подоспеет мировая революция. Бухарин возражал: незачем разжигать войну, она нам не-выгодна, поскольку мы у власти; крестьянство трогать не следует — оно сейчас дает нам хлеб, а после мирно встет в социализм. Сталин говорил: раз совершили социалисти-ческую революцию, то давайте строить социализм. Будет мировая революция — прекрасно, нет — обойдемся без нее, не топтаться же на месте, ибо сроки ее неведомы. Не вда-ваясь в существо спора, следует признать, что позиция Сталина выглядела более логичной и привлекательной.

Накануне съезда Зиновьев решил через свою ленинград-скую опричнину ударить по Бухарину, прицепившись к его лозунгу “Обогащайтесь!” (Сталин, видимо, тогда принимал эту идею — но не формулировку.) На самом съезде, имея за

собой явное меньшинство (одна ленинградская делегация), неразлучная пара устроила шумную демонстрацию. Зиновьев сделал длиннейший политический содоклад, где не сказал ничего, кроме того, что социализм в одной стране невозможен. Каменев, поддержанный Сокольниковым, открыто потребовал перетряхнуть органы ЦК и у б р а т ь Сталина с поста генсека.

Со своей стороны Сталин, располагавший подавляющим большинством, ограничился дискредитацией оппозиционеров как беспринципных интриганов и плохих ленинцев, но не потребовал их крови: оба битых вождя остались в составе Политбюро.

Зиновьев и Каменев жесточайше просчитались. Стремясь к абсолютной власти, они планировали при содействии работяги-организатора Сталина устранить Троцкого и подмять остальных. С этой целью они посягнули на организационные устои партии. Своего они не добились, зато расчистили путь Сталину к единоличному господству.

Очень вероятно, что Сталин и раньше мечтал о собственной диктатуре, да не знал, как к ней подступиться. Не имея славного прошлого и непререкаемого авторитета, осторожный кавказец не хотел раньше времени рисковать. Если бы он посягнул на власть вскоре после смерти Ленина, то в случае неудачи его устранение прошло бы без серьезного резонанса; для большинства он был тогда цековский середняк, вроде Крестинского или Молотова. (В январе 1925 он устроил своим противникам проверку на прочность — предложил свою отставку, которую они не приняли.) На XIV съезде он одним махом нажил огромный политический капитал. Кроме того, средства достижения власти — метод отсечения — были так или иначе поставлены на повестку дня. Хотя табу на употребление мяса вождей не было отменено, но ореола святости на нем поубавилось. Нерасчетливое поведение следующей оппозиции еще более усилило Сталина.

В 1926 году зиновьевцы спохватились и побежали блокироваться со своими недавними жертвами — прежде всего, с Троцким. Но вожди блока уже потеряли ключевые посты и позиции. В глазах рядовых партийцев, число кото-

рых резко увеличилось после ленинского призыва 1924 года, они выглядели как раскольники, выступившие против линии партии, а теперь стремящиеся вернуть утраченное влияние. Только партийная интеллигенция с дореволюционным стажем была способна различать оттенки мнений и нередко позволяла себе иметь собственное суждение. Большинству смысл споров был непонятен, распространенным объяснением была "драка за портфели". В таких условиях партийное пополнение предпочитало голосовать по указке местных аппаратчиков, а для тех Секретариат ЦК, прочно захваченный Сталиным, был свят и непогрешим, как римский папа. Секретариат давал директивы и указания, чаще всего устные и всегда не подлежащие разглашению, которые очень произвольно, к выгоде сталинской группировки, истолковывали решения съездов и пленумов. Фактически оппозиционеры были лишены возможности свободно излагать свою точку зрения перед местными парторганизациями. Трудности были особенно велики накануне съезда или конференции. Всякая попытка прямого обращения к партии квалифицировалась как нелегалщина и нарушение устава. То, что на съезде оппозиционерам давали трибуну, не имело особого значения: выступать приходилось перед подобранной и враждебной аудиторией. К новому съезду форма разногласий менялась, и все приходилось начинать сначала.

Новоявленная "объединенная" оппозиция не смогла выдвинуть стройной программы. Прежде Троцкий и Зиновьев редко приходили к одному мнению. По характеру, по убеждениям они были антиподы. Троцкого отличали темперамент революционера, решительность и склонность к авантюрам. Зиновьев, много лет проходивший в литературных секретарях Ленина, был нудный теоретик, интриган и трус. В Октябре Троцкий был душой восстания⁴ (Ленин — головой), Зиновьев же и Каменев дезертировали, убоявшись исторической ответственности.

Ради единства фракции пришлось свалить в одну эклектическую кучу довольно противоречивые взгляды. От троцкистов туда попал лозунг борьбы с бюрократизацией и термидорианским перерождением партии, а также сверх-

индустриализация за счет крестьянства, от зиновьевцев — тезис о невозможности построения социализма без помощи извне в виде мировой революции (спрашивается: зачем было так торопиться с развитием промышленности, если социализма все равно своими силами не достичь?). Наспех скроенная программа в сочетании с тактической беспомощностью и организационной рыхлостью — все это предопределило поражение оппозиции.

В 1926 году на всех важнейших постах сидели сталинцы или деятели, так или иначе враждебные оппозиционерам. Генеральным секретарем партии был сам Сталин, председателем ЦКК Орджоникидзе, председателем Совнаркома Рыков, редактором "Правды" Бухарин, руководителем профсоюзов Томский, главой ОГПУ, НКВД и ВСНХ Дзержинский. Последний, не будучи явным приверженцем Сталина, был в тоже время непримиримым противником Зиновьева и Каменева. В июле 1926 он скоростижно скончался прямо на заседании ЦК, где выступил дважды по второстепенным вопросам, исключительно горячо полемизируя с Каменевым и Пятаковым, своим заместителем в ВСНХ. Смерть эта была сильно на руку Сталину. Железный Феликс слыл ярым и неподкупным фанатиком, беспощадным к любому врагу партии и социализма. Был ли он таким на самом деле — сказать трудно, но имел такую репутацию. Как бы то ни было, Сталин мог считать себя пропащим человеком, если бы Дзержинский заподозрил его в неблагоприятных действиях или намерениях. А опасаться было чего — совсем недавно произошла очень не гладкая кончина Фрунзе. Поэтому руководитель карательных органов ушел со сцены весьма своевременно. Мы еще будем иметь случай поговорить об этом деле.

Положение руководителей оппозиции выглядит к тому времени куда менее внушительно: Троцкий — председатель Главконцесскома, Каменев — нарком торговли, Зиновьев — после снятия с Исполкома Коминтерна и вовсе неизвестно где... То, что они остаются членами ЦК и Политбюро, только ослабляет их дополнительно. Согласно партийным правилам, члены Политбюро не имели права выступать публично без согласия этого органа, а там у Сталина было большин-

ство. Кроме того, на их пути к центральной партийной печати стоял Бухарин. Так что довольно долго шла игра в одни ворота.

Когда оппозиция, потеряв терпение и махнув рукой на устав, распространила свою платформу и даже рискнула устроить собственное шествие на праздновании X-летия Октября, это были эффектные жесты — не более. Сталин, похоже, только этого и ждал. Организационный разгром начался еще до съезда. 14 ноября 1927 года Объединенный пленум ЦК и ЦКК постановил исключить Троцкого и Зиновьева из партии (Каменева пока оставили). Все было сделано на основании партийного закона: впервые применили седьмой пункт резолюции "О единстве партии", который на X съезде вызвал столько споров и сомнений⁵.

Через месяц с небольшим собрался XV съезд, где сталинско-бухаринская коалиция довершила сокрушение противника. Попытка Троцкого и Зиновьева апеллировать к высокому собранию ничего не дала. После драки кулаками не машут... Делегаты были тщательно подобраны и проинструктированы. На этом съезде оппозиционеры последний раз получили возможность высказать свои взгляды. Это было жалкое зрелище: немногочисленные ораторы оппозиции один за другим изгонялись с трибуны хорошо спепетированными клакерами. Только Каменеву хватило выдержки, чтобы довести свое выступление до конца, несмотря на адский шум.

Игра во внутрипартийную демократию кончилась. Принимается решение, что все участники оппозиции скопом изгоняются из партии; заявления об обратном приеме будут рассматриваться в индивидуальном порядке Центральным Комитетом — не съездом. Часть оппозиционеров, включая вожаков, немедленно сложила оружие, прислав съезду покаянное заявление. Ее ждало новое унижение: капитуляция не была принята, и весь вопрос передан на усмотрение ЦК⁶. Троцкий был сослан в г. Верный (Алма-Ата), а в 1929 году выдворен из страны. Сотни рядовых троцкистов пошли в сибирскую ссылку. Это были первые

репрессии большевиков по отношению к членам собственной партии.

Сталин был далек от опьянения успехом. Победа была полная, но не окончательная. В партии оставались силы, для которых он, Сталин, был признанный лидер, проводник роли большинства, но не богоданный вождь. Таких товарищей насчитывалось довольно много, хотя с каждым месяцем они все жиже растворялись в безликой массе новобранцев — того чиновного и просто корыстного люда, который потоком хлынул в правящую партию. Эти мнимо самостоятельные деятели пользовались популярностью и влиянием, в их активе — годы подполья, революция, гражданская война, литературная известность. Еще не настало время для их поголовного обуздания, посему Сталин решил ударить по наиболее заметным в руководящем штабе. Члены Политбюро Бухарин, Рыков, Томский, руководитель московской парторганизации Угланов и ряд их единомышленников представляли достойный объект для нападения. Они продолжали верить в собственную значительность и делали потуги на особенную линию в теории и практических делах. Сталин давно разглядел их беспомощность; кроме того, он многим им обязан за борьбу с Троцким и Зиновьевым. Генсеку не нравится ходить в должниках, он предпочитает сам выбрать момент для расплаты. Наконец, они широко популярны и отвлекают на себя часть народного внимания и любви, по праву принадлежащих одному Сталину.

В 1928--1929 Сталин осуществил внезапный перенос огня на новую цель. Раньше — когда надо было избавиться от оппозиции — он шел за бухаринской группой, проповедовавшей гражданский мир и открытие социальных и экономических возможностей для сельских производителей, фактически — для кулака. Но после того, как зиновьевцы вкупе с Троцким были выброшены из руководящей кибитки, Сталин переложил руль круто влево — много дальше, чем хотели Зиновьев с Каменевым, и решительнее, чем это сделал бы сам Лев Давидович. На этом повороте в канаву полетели бухаринские деятели, которых стали именовать п р а в ы м и. Был достигнут еще более внушительный,

хотя и не такой шумный успех. Потому что к Бухарину, который ратовал за мирную дорогу в социализм для всего крестьянства, тянулись очень и очень многие.

Иначе и быть не могло в мужицкой стране: сельский хозяин жаждал сытой и спокойной жизни, как бы ее ни обзывали ученые теоретики.

Бухаринцы, однако, обманули надежды и чаяния своих стихийных сторонников. Когда Сталин под видом коллективизации объявил крестовый поход против мужика, они короткое время оказывали кабинетное сопротивление, но открытого боя не приняли. Уже в 1930 они на XVI съезде выкинули белый флаг: Рыков, Томский и Угланов вымученно каялись в ошибках, которых не совершали, Бухарин, сказавшись больным, не появился вовсе. Предательство бухаринцев по отношению к другим вождям вышло им боком — они все равно не удержались наверху.

Нет нужды, что Бухарин состоял личным, лучше сказать — бытовым другом Сталина: они дружили домами и проживали на одной даче. В партийных делах Иосиф Виссарионович умел перешагнуть через сантименты. Правда, в избиении правых он долго не доходил до крайних мер: их только вывели из Политбюро и сшибли с командных высот. Они остались членами ЦК и получили посты поплотше. Возможно, личные чувства здесь сыграли некоторую роль. Колотя своих друзей, Сталин работал не на пределе сил, хотя по-сталински целеустремленно. Он даже вспоминал, что Бухарчик — любимец партии.

Но Сталин не был бы Сталиным, если бы без остатка отдал себя борьбе с жалкими оппозиционерами — действительными или мнимыми. Товарищ Сталин хорошо изучил Ленина, он читал Энгельса (это точно!), кое-что знал из Маркса. Он твердо усвоил, что главное — это политическая власть, в основе которой лежит овладение экономикой и вообще производственные отношения. И как раз в экономической области дела обстоят совсем не блестяще. Национализированная промышленность действует не слишком ретиво, от чего наблюдается товарный голод. Крестьянство и вовсе существует своим отсталым мелким хозяйством. Оно в любой момент может придержать хлеб, тогда про-

изойдет голод настоящий. Правда, пока мужики продукт дают, но ворчат, что в лавках маловато красного товару. А т. Сталин, только вчера открывший построение социализма в отдельно взятой лапотной России, ворчанию предпочитает — довольство и всенародную благодарность. Он озирается округ в поисках средств, и они немедленно отыскиваются.

Сталинской натуре была свойственна широта взглядов. Он не оставлял без употребления ни одной полезной для себя идеи, ни одного лозунга только потому, что они выдвинуты другими. Нет, он их подбирал и в подходящее время пускал в дело.

Когда троцкисты, пылкие революционеры и нетерпеливые фантазеры, ратовали за ускоренное развитие промышленности (сверхиндустриализацию) и за обуздание крестьянства, сильно напоминающее ограбление, Сталин, разумеется, был против. Он спустил на них свору теоретиков во главе с Бухариным, которым была свойственна осмотрительность, а по отношению к мужичку — даже покровительственная снисходительность. Бухарин в партии слыл экономистом — не тем, упаси Господь, которые занимаются вульгарным хозяйством, — нет, он был по части прибавочной стоимости и неизбежного краха мирового капитализма. В часы досуга он любил поразмыслить о деревне и выдумал лозунг "Обогащайтесь!" — о мирном вращении кулака в социализм через культурное хозяйствование. Такой подход в глазах крестьянства был удачный контраст требованиям троцкистов — жидов и мужикоедов. (Лично Сталин этого лозунга публично не поддерживал, и когда тактическая необходимость в нем отпала, заставил Бухарчика от него отказаться; это было в 1925—1926 гг.) Так вот, Сталин боролся с троцкистскими идеями, но, будучи человеком бережливым, мотал их на свой генсековский ус. Хотя принять их из рук заклятых врагов было невозможно, он по достоинству оценил выгоды кавалерийского отношения к экономике, прокладывавшего дорогу чудовищной централизации и полному уничтожению самостоятельности хозяйственных единиц.

Едва троцкизм перестал быть реальной силой, Сталин

вытащил на свет эти лозунги. Он только слегка подправил фразеологию (пятилетка, коллективизация) и забыл сослаться на источник. Благодушный Бухарин со товарищи в один миг превратились в правый уклон и выразителей кулацких настроений.

Троцкий из прекрасного зарубежного далека силился отстоять свой приоритет. Он утверждал, что мысль о поголовном заколачивании крестьян в колхозы принадлежит ему и его сторонникам. Сталин только посмеивался. Во-первых, для нас, марксистов, является аксиомой, что роль личности в истории не следует преувеличивать, особенно такой личности, как Троцкий, это первое. Во-вторых, важность представляет великое дело построения социализма, а не мелкие дразги по поводу того, кто первый сказал, а кто первый промолчал. В-третьих, необходим полный учет переживаемого момента, поэтому преждевременное выбрасывание лозунга есть левацкое забегание вперед и отрыв от масс. В-четвертых, наконец, если спросить эти самые массы, наших рабочих, наше колхозное крестьянство, они прямо скажут: есть сталинский план коллективизации, есть сталинская пятилетка. Так обстоит дело с индустриализацией, с коллективизацией сельского хозяйства и с претензиями господина Троцкого.

Сталин не только заимствовал. Его собственная творческая мысль тоже не дремала. К 1928 году он, видимо, додумался до тезиса: "Кадры решают все" и, не обнаружив его, решил начать с уничтожения старых инженерных кадров. В это время некий ретивый следователь из г. Шахты Ростовской губ. состряпал дело по обвинению в саботаже группы горных специалистов. Председатель ОГПУ Р. Менжинский расценил это как провокацию и пригрозил трибуналом, если не будут представлены реальные доказательства вины. Сталин же, напротив, ухватился за это дело и придал ему всесоюзный масштаб. Такие судилища, сфабрикованные с показательными целями, позволяли создать и поддерживать в стране атмосферу неуверенности, подозрительности и страха, что сильно облегчало управление. При советской неразберихе и головотяпстве ярлык саботажа, вредительства, легко приклеить к любому работнику или

группе, поэтому объект репрессий можно было выбирать по желанию. Наконец, шахтинское дело помогло освоить и развить методику, технологию такого рода процессов, что очень пригодилось в будущем.

Суд прошел успешно. Правда, поначалу сопротивлялся Менжинский, но Сталин победил в Политбюро⁷, и пришлось взять руки по швам. В дальнейшем карательные органы делали, что велено, и даже проявляли инициативу...

Зарождающаяся личная диктатура получила в руки подходящее оружие. Сталин незамедлительно перешел к испытаниям на большом объеме подопытного материала. Он ударил по технической интеллигенции.

В этом месте стоит немного задержаться. По существу, диктатура Сталина была не только личной, ибо за ним уже тогда стояла партийная бюрократия, состоявшая из старых большевиков-заднескамеечников и свежееиспеченных карьеристов-партийцев. Разжижение революционной партии началось сразу после Октября. В начале двадцатых годов оно приняло угрожающие размеры. Беспощадные чистки не давали результатов. Это был сизифов труд: на место изгнанных карьеристов и жуликов приходили новые, более многочисленные и напористые. Монополия на политическую деятельность обнаружила неприятную изнанку. К большевикам шел весь тот нечистоплотный люд, который в других условиях распределился бы между многими партиями⁸.

Новые люди, как все нувориши и выскочки в истории, были нахальны, торопливы и неразборчивы в средствах. Они вступили в правящую партию, чтобы управлять и урвать свой кусок государственного пирога, а отнюдь не затем, чтобы претворять в жизнь наметки Маркса из "Критики Готской программы" или в соответствии с "Анти-Дюрингом" совершить прыжок из царства необходимости в царство свободы, и уж точно не для ведения философских и политэкономических дискуссий. Им, надо признать, приходилось заучивать определенный набор догматов из партийного катехизиса, но они рассматривали это как "плату за вход" и неизбежное зло. В середине двадцатых годов на их пути к власти стояла и н т е л л и г е н ц и я : п а р т и й - н а я , оваянная ревзаслугами, марксистски эрудирован-

ная, владевшая пером и навыком публичных выступлений, и техническая, без которой, как считали первые руководители советской власти, невозможно обойтись в хозяйственном и культурном строительстве. Новообращенные коммунисты взирали на интеллигентов с неприязнью: органической, потому что сами происходили преимущественно из мещан, и социальной — как на привилегированных конкурентов.

Сталин давно разглядел эту силу и понял, что будущее за ней. Именно к ней адресовал он свои проповеди, где сложнейшие проблемы разжевывал до абсурда и по семинаристской привычке сводил изложение к вопросам и ответам. Бюрократическая масса быстро оценила Сталина. Ее подкупала ясность, по существу примитивность, сталинских речей — без ученых выкрутасов и мучительных противоречий. Но самое главное — он всегда натравливал ее на тех, на кого и так чесались руки. То на оппозиционеров, которые выступали заумно, мешали выдвижению простых людей и были чуть не поголовно жидами (о чем, правда, вслух произносить не полагалось, но невольно приходило в голову при взгляде на эти носы, глаза навывкате и курчавые головы), то на спецов, которые относились к выдвиженцам свысока, кичились своими знаниями и культурой, вдобавок происходили из бывших эксплуататоров (такие вопросы обсуждать разрешалось). По уровню интеллектуального развития, по образованности Сталин был такой же верхогляд и недоучка, как новое крапивное семя, и исповедывал те же самые предрассудки.

Когда Сталин изобрел вредительство и щедро поделился своим открытием с рядовыми партийцами, они не только благодарно откликнулись. Они поняли: именно Сталин есть мессия новой религии, тот боговождь, потребность в котором так ощущалась со дня смерти Ленина. Процесс встречного движения Сталина и партийно-бюрократической массы жгуче интересен, но ждет своих исследователей.

При борьбе с оппозицией были неизбежны колебания, путаница и потеря ориентации, потому что части молодых членов партии все же застили глаза имена и заслуги: Троцкий — вождь Красной Армии, Зиновьев — руководитель

Коминтерна и т. п. Зато со спецями все было ясно. Как удачно отметил А. Белинков, отношения интеллигенции и революции (советской власти) стали недискуссионными.

Разгром старых инженерных кадров прошел быстро и без потерь со стороны атакующих. Часть спецов была уничтожена или посажена — за строптивость, в целях дальнейшего использования на стройках пятилетки, а также для массовости. Остальные затаились и не смели больше противоречить любым затеям начальства. В 1937 году их еще заставят взапуски принародно вылизывать окровавленные сапоги НКВД, но это особая тема и о ней в своем месте.

Один из ярких примеров был погром экспертов — меньшевиков-экономистов, банковских и промышленных тузов — в Госплане и ВСНХ. Теперь были созданы все условия для первой сталинской пятилетки, для подлинно сталинского, то есть чисто бумажного планирования, когда в планы закладывались совершенно недостижимые показатели, а пятилетка тем не менее выполнялась в 4 года. Теперь Куйбышев и Орджоникидзе могли, зажмурив глаза, выкрикивать любые миллиарды рублей и миллионы тонн стали — никому не приходило в голову отослать их к "Арифметике" Малинина и Буренина.

Вот в какой обстановке появилась статья Ворошилова "Сталин и Красная Армия".

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ И КОНАРМЕЕЦ

С началом двадцатых годов произошли серьезные перемены в положении Красной Армии. Содержание пятимиллионного войска становится для Республики непосильным бременем. Проведение демобилизации осложняется двумя факторами: боязнью слишком рано разоружиться и стремлением правительства следовать букве партийной идеологии. Уволенным красноармейцам не позволили сразу вернуться домой: из них по рецепту Маркса образовали трудовые армии для восстановления хозяйства, фактически — для принудительного труда. Затея оказалась бесплодной и через несколько месяцев от нее пришлось отказаться. Как бы то ни было за 1922 и 1923 годы численность армии снизилась гигантски — до 500 тысяч.

Но и после этого характер армии находится в противоречии с марксистской доктриной. Основоположники, вслед за ними Ленин, считали регулярную армию инструментом угнетения, к тому же главной статьёй расхищения народного богатства. Образцом считалась милиция, вооруженный народ — по примеру Швейцарии. Трудящиеся без отрыва от производства обучаются военному делу, в минуту опасности встают на защиту отечества. Действительная служба в мирное время исключается, разрешены только краткосрочные учебные сборы.

Интересно привести взгляды Ленина относительно армии. В 1903 году он писал ("К деревенской бедноте") :

"Для защиты государства от нападения неприятеля вовсе не нужно постоянное войско; для этого доста-

точно народное ополчение. Если каждый гражданин государства будет вооружен, тогда никакой неприятель не может быть страшен России. А народ избавлен был бы от гнета военщины: на военщину уходят сотни миллионов рублей в год, от этого и подати так высоки и жить становится все труднее. Военщина еще более усиливает власть полиции и чиновников над народом”.

В 1905 году Ленин считал необходимым (“Войско и революция”):

”...уничтожение постоянного войска, замену его всеобщим вооружением народа. Постоянное войско — везде и во всех странах — служит не столько против внешнего, сколько против внутреннего врага. Постоянное войско повсюду стало орудием реакции, ... палачом народной свободы... Уничтожим совершенно постоянное войско. Пусть армия сольется с вооруженным народом... Никакая сила в мире не посмеет посягнуть на свободную Россию, если оплотом свободы будет вооруженный народ, уничтоживший военную касту”.

В разгар империалистической войны он стоит на прежних позициях (“Итоги дискуссии о самоопределении”, 1916):

”Теперешняя народная армия, благодаря искусному механизму, все еще представляет орудие в руках определенного лица, фамилии, класса... Армия же демократической общины социалистического общества представляет собой не что иное, как вооруженный народ, так как она состоит из высококультурных людей, непринужденно работающих в общественных мастерских и принимающих полное участие во всех областях государственной жизни”.

Накануне Февральской революции он заявил (“Двенадцать тезисов о защите Грейлихом защиты отечества”, январь 1917):

”Социал-демократы мыслят уничтожение всякой армии... после победоносной социалистической революции”.

После свержения самодержавия напомнил (”Государство и революция”, август 1917):

”Первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска”.

Если сегодня, не называя автора, показать эти выдержки советскому генералу, он в лучшем случае посмеется. Но и на заре советской власти эту благородную схему никак не удавалось приспособить к требованиям реальной жизни. Красная Армия была создана как добровольческая, но вскоре перешли к формированию воинских частей на основе принудительного призыва. После окончания гражданской войны была сделана еще одна попытка выполнить соответствующий пункт программы партии. Это была известная военная реформа 1923—1925 гг. Ее авторы, в первую голову Фрунзе, выработали паллиатив. Красная Армия получила двойственную структуру: регулярные части соседствовали в ней с территориальными, имевшими милиционный характер. Однако это была всего лишь формальная уступка идеологии. За образец взяли схему, которую внедрял фельдмаршал Д. Милютин в 1864—1874 гг.; у Аракчеева позаимствовали идею военных поселений в приграничных армиях (на Украине их быстро ликвидировали — из-за Чугуевского восстания 1922 г., но на Дальнем Востоке они существовали до конца тридцатых годов).

Мы остановимся на реформе Фрунзе очень кратко; заинтересованный читатель может обратиться за деталями к обстоятельной книге И. Берхина¹. В течение 1921—1925 гг. армия была сокращена с 5,3 млн. до 562 тыс. человек. Военная служба стала обязательной. В 1925 г. из 77 наличных пехотных дивизий кадровых было меньше половины — 31. Перед милиционными формированиями ставилась задача всеобщего военного обучения населения в мирное время; кроме того, они должны были дать приблизитель-

но 30 первоочередных дивизий в первые недели войны, пока идет мобилизация. С самого начала большевики относились с опаской к возможности дать населению в руки оружие. Берхин жалуется, что территориальные части были заражены "крестьянскими" настроениями, там раздавались требования о создании "союза хлеборобов", который защищал бы интересы крестьян. Поэтому в 20—30-х гг. основные усилия власти были направлены на укрепление и рост кадровой армии. Значение милиционных формирований постоянно уменьшалось, им отводились вспомогательные функции (военное обучение населения, охрана оборонных объектов и т. п.).

В описываемый период армия, точнее — ее верхи, оказалась втянутой в водоворот политических страстей. Борьба развернулась вокруг одной из самых ярких и самых спорных фигур революции — руководителя РККА Льва Троцкого. Во время гражданской войны за Троцким закрепился титул "вождя и организатора Красной Армии" (возможно, что формулировка была сочинена Сталиным — во всяком случае, она встречается в его статье 1919 г.).

Личность Троцкого легко описать одним словом: он был революционер. Революция была господствующей страстью его жизни. Троцкий быстро выдвинулся в разгар революции 1905 г., когда он стал фактически руководителем Петербургского Совета. В период упадка движения он пытался примирить большевиков и меньшевиков, писал статьи о литературе и искусстве, но оставался в поразительном одиночестве, не находя приложения своей энергии. Он был интернационалистом и противником империалистической войны, однако не стал, подобно Ленину, пораженцем. Февральская революция возвращает его в Россию. Первое время Троцкий не примыкает организационно к большевикам, но согласен с ними в главном — в необходимости захвата власти.

В июльские дни 1917 года Троцкий вел себя чрезвычайно смело. У входа в Таврический дворец он буквально вырвал министра земледелия Чернова из рук матросов, которые хотели учинить над ним расправу. Когда Временное правительство начинает гонения на большевиков, Ленин и Зиновьев

вьев по решению ЦК уходят в подполье. Троцкий, напротив, добровольно отдается в руки властей, требуя гласного суда. Не принадлежа к большевикам формально, заявляет он, я разделяю их взгляды и готов разделить с ними ответственность. Правительство Керенского продержало его два месяца в "Крестах", но было вынуждено выпустить на свободу. К этому времени он чрезвычайно популярен, особенно в солдатской массе, благодаря кипучей энергии и незаурядному ораторскому таланту. Когда большевики добились большинства в Петроградском Совете, Троцкий становится его председателем. Таким образом, в руках Ленина теперь находится главный плацдарм для переворота, потому что части петроградского гарнизона никого, кроме Совета, знать не хотят. Троцкий идет рука об руку с Лениным в спорах о немедленном взятии власти. В эти исторические часы им недосуг вспомнить прежнюю литературную полемику: Ленин называл Троцкого "Иудушкой", а вот квалифицировал Ильича как "эксплоататора всего отсталого в русском рабочем движении". Поскольку Ленин вынужден скрываться, Троцкий, безусловно, главная фигура в подготовке Октябрьского восстания. Даже момент созыва II съезда Советов, к которому приурочен переворот, выбран не произвольно: 25 октября — день рождения Троцкого.

В первом ленинском кабинете Троцкий получил портфель наркома по иностранным делам, но деятельность на поприще дипломатии была кратковременной и крайне неудачной. Троцкий не годился для интриг и маневрирования. Его позиция в переговорах с немцами — "ни мира, ни войны" плюс обращение к мировому пролетариату — получила поддержку Ленина, но привела к провалу. Последовало германское наступление, сопротивляться которому не было сил. Пришлось пойти на "похабный" Брестский мир.

Троцкого перемещают на пост наркома по военным и морским делам, где он оказывается как нельзя больше на своем месте. Его бешеная энергия и незаурядные организаторские способности помогли в кратчайшие сроки создать вооруженные силы советской республики, отстоявшие ее в гражданской войне. Это был звездный час Троцкого,

когда его личность открылась с неожиданной стороны. По своим взглядам он был марксистский доктринер, возможно более правоверный, чем его духовные отцы. Но у него был незаурядный интеллект и способность — не всегда, правда, — ставить здравый смысл выше идеологических предрассудков.

Партийное вероучение требовало создать милиционную армию из пролетариев и беднейшего крестьянства, которую поведут на поля сражений командиры-революционеры. Первое время Ленин думал именно так. 24 ноября 1918 года он заявил ("Речь в День Красного офицера"):

"Теперь, строя новую армию, мы должны брать командиров т о л ь к о (разрядка наша. — Авт.) из народа. Только красные офицеры будут иметь среди солдат авторитет и сумеют упрочить в нашей армии социализм".

Троцкий уразумел, что из этого выйдет голая партизанщина и гибель. Спасение было в регулярной армии под руководством военных профессионалов. Он смело привлек на службу находящихся без дела офицеров старой армии, которых стали именовать в о е н с п е ц а м и. Солидная часть офицерского корпуса воевала на стороне красных. Одновременно решалась другая проблема: если бы этим офицерам не дали возможности служить центральной московской власти, большинство оказалось бы у белых.

Привлечение военспецов вызвало серьезное недовольство в партии. Ворчали доктринеры-теоретики, истошно вопили и сопротивлялись армейские коммунисты, не желавшие исполнять приказы классовых врагов. Троцкий, всецело поддержанный реалистом Лениным, стоял на своем и победил². Высшие командные посты в Красной Армии, не говоря уже о штабах, были отданы офицерам: оба главкома — Вацетис и С. Каменев, все командующие фронтами, кроме Фрунзе, все командующие армиями, кроме Ворошилова, Сокольников и Буденного. К штабам это относится в еще большей степени: во главе полевого штаба РВСР стоял бывший генерал П. Лебедев, даже в Первой Конной

при спешеедах Ворошилове и Буденном работал офицерский штаб.

Всю войну Троцкий на своем поезде носился по фронтам, вселял энтузиазм и железной рукой наводил порядок. Его решающий вклад в победу красных в свое время признавался всеми безоговорочно — и Лениным, и Сталиным, и другими. Завершилась война, и таланты Троцкого снова не находят применения. Революционеру нечего делать в обстановке спокойной жизни. Порой острый ум находит выход в смелых предложениях (он выдвинул идею НЭПа за год до Ленина), но это только эпизоды. Опять ему душно в рамках партийной дисциплины. В 1922 году он с тоски пишет цикл литературно-критических статей, где, кстати, впервые провозглашает главные положения социалистического реализма.

Болезнь Ленина еще больше подчеркивает одиночество Троцкого. Разгорается кабинетная война, интриги и комбинации, в которых он не хочет, да и не умеет участвовать. В 1923 году он выступает против термидорианского перерождения и засилья аппаратчиков в партии. Это никакая не борьба за личную власть, как это пытаются представить официальные историки, напротив, это протест против реальной агонии революционного духа, против действий тех, кто рвется к личной диктатуре — Зиновьева, Сталина, Каменева. В обличительном пафосе Троцкого чувствуется стиль еврейских пророков — неисправимый революционер клеймит бывших товарищей по борьбе, размякших, овельможившихся, обюрократившихся. Троцкий вопиет в пустыне: только полсотни известных партийцев выступает рядом с ним (платформа 46-ти), да еще несколько тысяч на местах. Партия его не поняла. Троцкий мог зажечь массы на немедленное революционное действие, но конспирировать, потакать настроениям, вербовать сторонников посулами, подачками и обманом был неспособен. На XIII партийной конференции он потерпел полное поражение.

В нашу задачу не входит сравнительная характеристика Сталина и Троцкого, и мы далеки от идеализации последнего. Мы останавливаемся только на роли Троцкого в становлении Красной Армии и тех последствиях, которые были

вызваны его отстранением от военного руководства. В этом контексте достаточно отметить, что оба видных деятеля большевистской революции были сторонниками крайних мер, но с важным различием. Троцкий представлял радикализм европейского образца и в целом не выходил за рамки цивилизации. Сталин же был концентрированным выражением азиатской дикости, тем более жестокой, что она была замешана на беспредельном коварстве. Спору нет, Сталин не раз заглядывал в поваренную книгу троцкизма, но его кушанья, по замечанию Ленина, получались невыносимо острыми — до несварения.

Мы уже говорили, что неприкосновенность ленинского штаба впервые была нарушена не Сталиным, а зловеще-комическим дуэтом Зиновьева и Каменева. Троцкий всегда презирал их за трусость и паникерство, они в открытую обвиняли его в бонапартизме. Пословица говорит, что истинные несчастья рождаются из боязни мнимых. Эти двое интригами против Троцкого развязали руки Сталину и наклали гибель на собственные головы.

Подкоп под Троцкого начался с ослабления его позиций в армии. После войны Секретариат ЦК забрал из РККА множество политработников. Частично это был естественный процесс, связанный с демобилизацией, но сторонников Троцкого перемещали в первую очередь. В период дискуссии 1923 года враждебные действия против наркомвоенмора принимают открытый характер. 2 июня пленум ЦКК принял решение относительно обследования деятельности военного ведомства. Была образована комиссия под председательством В. В. Куйбышева при заместителе Н. М. Швернике; обоих деятелей трудно заподозрить в троцкистских симпатиях. В сентябре во главе комиссии стал С. И. Гусев, в свое время смещенный Троцким с поста начальника Политуправления РККА.

Сталинско-зиновьевская аппаратная машина всерьез взялась за вождя Красной Армии и обкладывает его со всех сторон. 30 октября в РВС СССР вводят сторонника Зиновьева М. М. Лашевича и сталинскую креатуру К. Е. Ворошилова; пройдет два года и они возглавят высший орган обороны. 12 января 1924 года начальником ПУ РККА становит-

ся А. С. Бубнов, сменивший В. А. Антонова-Овсеевского. Два дня спустя пленум ЦК РКП(б) образует комиссию для обследования текущей личной состава и состояния снабжения вооруженных сил. В такой формулировке задачи комиссии заметна провокационная нота: при десятикратном сокращении армии текучесть обнаружить нетрудно. Состав одиозен: Сталин и его люди (Ворошилов, Егоров, Орджоникидзе, Шверник, Андреев), только что навязанный наркомвоену Бубнов, обиженный Гусев, метящий на его место Фрунзе, а также Уншлихт и Складанский. Тот самый Складанский, который с первого дня существования РВСР был заместителем председателя и вынес на себе всю тяжесть оперативноканцелярской работы; Ленин высоко его ценил и полностью ему доверял. Складанский включен для проформы, потому что именно он намечен в качестве первой явной жертвы.

Пленум проходил в отсутствии Троцкого, который был тяжело болен и отправился для лечения на Кавказ. Комиссия ЦК не занималась разбором дела по существу, она работала только с материалами, представленными Гусевым. Как легко было предвидеть, выводы были направлены против Троцкого: он устранился от работы в военном ведомстве, а замещающие его Э. М. Складанский и начштаба П. П. Лебедев не обеспечили квалифицированного руководства.

21 января скончался Ленин. Но интриги против Троцкого не прекращались даже в эти трагические для молодой Республики дни. Сталин сообщил ему неверную дату похорон — на день или два ранее, чем в действительности. Получалось, что Троцкий, поезд которого находился на пути из Тифлиса в Сухум, к назначенному сроку в Москву не успеет (тогда на кавказское побережье ездили кружным путем через Баку). Официально объявили, что ЦК предписал т. Троцкому продолжать поправку своего здоровья, столь ценного для революции. Таким образом, в момент дележа власти Троцкий находился вдали от Москвы и остался там до апреля.

2 февраля ЦИК утвердил состав нового правительства во главе с А. И. Рыковым. Троцкому по-прежнему отвели пост

наркомвоенна и Председателя РВС СССР. Но уже на следующий день на совещании в ЦК был заслушан доклад Гусева, который дал отрицательную оценку работе военного ведомства, а Красную Армию изобразил как небоеспособную. Гусева поддержал Уншлихт, Лашевич, Фрунзе, Ворошилов, Орджоникидзе. Ранее на комиссии в том же духе высказались Тухачевский, Каширин и другие военные.

Эта закулисная деятельность не была известна широкой публике. Напоказ пелись иные песни. Пленум ЦК 31 марта — 2 апреля не согласился с комиссией и полностью одобрил работу военведа. Однако еще до этого Сталин и Зиновьев сделали оргвыводы. 21 марта Складанского вывели из РВС СССР³. Первым заместителем председателя стал Фрунзе, вторым — Уншлихт⁴.

Фрунзе немедленно сосредоточил в своих руках громадную власть. В апреле его по совместительству назначили начальником штаба РККА, начальником всех военных академий и командующим внутренними войсками; одновременно была ликвидирована должность главкома. Цель была прозрачная: свести к минимуму влияние Троцкого в военном ведомстве, чтобы впоследствии доказать, что он там вовсе не нужен.

По всей видимости, главным загонщиком в этой облаве выступал Зиновьев. Сталин, которому ослабление Троцкого было на руку, не мешал и держался в тени. Когда в мае открылся XIII партсъезд, Троцкому было не до армейских дел. Ему противостояло монолитное большинство, которое формально группировалось вокруг Зиновьева, выступившего с политическим отчетом ЦК. Доклад содержал яростные нападки на Троцкого и троцкизм, но об армии не было сказано буквально ни слова. Сталин в ораторском напоре на статистику и внутрипартийную канцелярщину; критика оппозиции была очень умеренной. Генсек безусловно стремился выглядеть как практик и организатор, далекий от грызни внутри ЦК. Последующие ораторы ему очень в этом помогли. Каменев в хорошо построенном выступлении разобрал троцкизм по косточкам и заклеил его как мелкобуржуазный уклон. Ту же линию с жаром продолжили Бухарин, Угланов, Рютин. Где было знать указанным

деятелям, что впоследствии их поставят к стенке как со-общников Троцкого...

С трибуны съезда Троцкий защищался вяло. То ли он не вполне оправился после болезни, то ли понимал, что плетью обуха не перешибешь... Он сделал руки по швам и красноречиво заявил, что нельзя быть правым перед своей партией, надо разделять с ней все, включая ошибки и заблуждения.

Как бы спохватившись, что он совсем обошел военные вопросы, Зиновьев ненадолго задержался на них в заключительном слове:

"Реформа, проведенная в военном ведомстве, ... возникла по инициативе военных чекистов, при полной и горячей поддержке Центрального Комитета, обсуждавшего в пленумах и в Политбюро не раз эту в высшей степени назревшую реформу. Инициатива здесь принадлежала не столько ведомству, сколько ЦК партии. Мы все считаем, что она проведена правильно и результаты ее мы скоро все ощутим".

После этой многословной тирады, содержащей скрытый упрек Троцкому, Зиновьев вскользь упомянул о персональных изменениях в руководстве обороной:

"Я думаю, что мы правильно назначили в Реввоенсовет целый ряд чекистов во главе с тов. Фрунзе, которые *помогут вести работу там тов. Троцкому* и помогут Реввоенсовету еще теснее связаться с низами Красной армии" (выделено нами. — Авт.).

Фрунзе, достаточно самостоятельный и популярный деятель, все же, скорее всего, тяготел к группе Зиновьева. В любом случае он не собирался "помогать вести работу тов. Троцкому", а изо всех сил старался его вытеснить. Позиции для этого были отличные. За его спиной стояло антитроцкистское большинство ЦК, сам Фрунзе стал кандидатом Политбюро, а Троцкий в 1924 году развязал в партии новую дискуссию, и снова был бит. Осенью зиновьев-

цы попытались попросту вышвырнуть Троцкого за дверь, но Сталин не дал (см. об этом в предыдущей главе).

На фоне этих поползновений отставка политически разгромленного Троцкого с высшего военного поста выглядела естественно. 26 января 1925 года Президиум ЦИК удовлетворил просьбу Троцкого Л. Д. об освобождении от должности наркома и Председателя РВС и назначил на его место Фрунзе. Снятие Троцкого было предрешиено за несколько дней до того на пленуме ЦК по чисто политическим мотивам.

Возвышение Фрунзе сопровождалось малой чисткой комсостава, которая, правда, слабо затронула самые верхи. 24 февраля отправлен на покой недавний помощник главнокомандующего В. И. Шорин — с пенсией, глубокой благодарностью и пожизненным оставлением в списках РККА (что не спасло его от гибели в 1937 г.). В приказах РВС появляется мотивировка политического характера — "уволен за невозможностью дальнейшего использования".

К началу 1925 года сталинско-зиновьевская коалиция отрезала своего главного конкурента от вооруженных сил. Но Сталин дальновиднее своих временных союзников. Он провоцирует их на неосторожные выступления в Ленинграде, а сам готовит разгром на съезде. Одновременно в глубокой тайне планируется и проводится важнейшая акция.

Армия в целом приняла отставку Троцкого спокойно, даже с удовлетворением. Наркомвоенмор был заносчив, любил позу вождя, плохо налаживал контакты с подчиненными и нередко глубоко задевал их самолюбие. Он не умел скрывать презрения к дуракам, что было, по меньшей мере, неосторожно. Фрунзе был тверд, но более обходителен. Хотя в глазах многих он тоже политический надсмотрщик, но за ним все же репутация полководца, победителя Колчака и Врангеля. Одни троцкисты недовольны устранением своего кумира, однако им ничего не остается, как распевать наспех сочиненную песенку: "После Троцкого Фрунзе просто срам, просто срам..." Армия еще не подозревала, что ее ждет...

Пока Сталин искусно маневрирует на фронтах борьбы с Зиновьевым, планируя развернуть решительное сражение

только накануне съезда — в декабре, он держится по отношению к Фрунзе подчеркнуто лояльно. Более того, сталинцы усиленно рекламируют Фрунзе как несравненного вождя Красной Армии с понятной целью приглушить воспоминания о Троцком. Но Фрунзе не может пользоваться симпатиями Сталина: он тяготеет к Зиновьеву, во всяком случае он человек неуправляемый, не свой. Сталин допустил возвышение Фрунзе, имея в виду две цели. Одна была ослабление Троцкого, вторая — использовать нового наркома в качестве троянского коня, под прикрытием которого к кормилу РККА проберется свой, сталинский, ставленник. Расчет был довольно тонкий, осуществление, как обычно у Сталина, — грубое.

Смещать Фрунзе легальным порядком — дело нецелесообразное, да и нелегкое, посему выбирается внезапная смерть. На протяжении июля 1925 года Фрунзе дважды попадал в автомобильные аварии. Об этом поведал Ворошилов в прессе сразу после смерти наркома. Убедившись, что такой метод не приводит к цели, Сталин пустил в ход медицинское убийство — возможно, первое в своей карьере.

Фрунзе страдал язвой желудка, однако летом 1925 года консервативным лечением удалось добиться заметного улучшения. Находясь в Мухоматке, в Крыму, он чувствует себя настолько хорошо, что выезжает на охоту. Дальнейшие события нетрудно реконструировать, пользуясь статьей Ворошилова "Памяти дорогого друга Михаила Васильевича Фрунзе" ("Правда" от 11 ноября 1925 г.). В стремлении отвести подозрения от себя и своей команды преемник Фрунзе привел слишком много деталей, за которыми угадывается зловещая правда.

Вместе с Фрунзе отдыхают Сталин, Ворошилов и Шкирятов (завзятый сталинец, одна из видных фигур террора 1937 г.). Наркому постоянно внушают, что жизнь его в опасности, что нужны решительные меры. Под этим предлогом Ворошилов отказывается ехать с ним на охоту. Военврача Мандрыку, личного лекаря Фрунзе, под каким-то предлогом удаляют из Крыма, на смену ему из Москвы вызваны доктора Розанов и Касаткин с многочисленной

обслужой. Они наблюдают больного в течение двух недель и под давлением заботливого Сталина приходят к выводу о неизбежности операции.

29 сентября вся компания выехала в Москву: сталинская тройца — на пленум ЦК, Фрунзе — чтобы лечь в больницу. Между 7 и 10 октября Ворошилов и Бубнов навещали его в больнице и нашли в добром здравии. В один из дней они узнали от доктора Левина, что как раз сейчас идет консилиум 17 виднейших специалистов. Подошедший Розанов высказывается за операцию. Поздно вечером Бубнов сообщил об единогласном решении консилиума — оперировать. Все были спокойны.

”Да и как можно было беспокоиться, когда Розанов и Касаткин убеждали нас, уверяли, что нет ни малейших оснований для тревоги. Я поверил. Поверил так, как поверили мы все, как спокойно и уверенно пошел под нож наш незабвенный, лучший из славных, друг и товарищ Михаил Васильевич”.

С понятной целью Ворошилов расточает дифирамбы покойному и грязно подмигивает в сторону медицины. Однако, насколько известно, никто из врачей не понес наказания...

31 октября, уже по возвращении в Крым, Ворошилов узнал из телеграммы Сталина: ”Фрунзе скончался сегодня от паралича сердца”.

Ворошилов лжет. Нарком пошел под нож отнюдь не спокойно, а с большой неохотой. Он ждал смерти и завещал своему другу И. Гамбургу, чтобы его схоронили в Иваново-Вознесенске (это не было выполнено). На операцию Фрунзе лег по специальному решению Секретариата ЦК, опиравшемуся на заключение медицинских светил. Последнее было получено нехитрым способом. Беспартийным медикам заранее сказали, что от них ждут решительного и немедленного сдвига в здоровье пациента. Этим вопрос об операции был предрешен до консилиума. Нет никакой уверенности, что заключение было действительно единодушным. Хорошо известно другое: разрезав желудок, хирурги

обнаружили, что операция не нужна — язва уже зарубцева-лась. Но в это время возникла другая угроза. Больного дол-го не могли усыпить наркозом и дали чрезмерную дозу хло-роформа. Сердце не выдержало...

Существует изустный рассказ, хорошо дополняющий картину. Одного из участников консилиума вечером того же дня охватили сомнения относительно целесообразности операции. В Кремле, где его принял технический секретарь Сталина, он изложил свои соображения. Тот немедленно доложил начальству, после чего профессора с благодарно-стью отправили домой на кремлевском автомобиле. На Большом Каменном мосту — старом, который был пониже нынешнего — машина врезалась в перила и упала в реку. Шо-фер успел выскочить, но незадачливый медик погиб.

Обстоятельства и атмосфера этого медицинского убий-ства были использованы Б. Пильняком в "Повести непога-шенной луны" (1926, издана в 1927 за границей)⁵. Коман-дарм Гаврилов, основательно подлечившись от язвы желуд-ка, возвращается с курорта в Москву и и з г а з е т у з н а е т , что ему предстоит срочная операция. Отправляется к высо-кому сановнику, которого застает за писанием труда по по-литэкономии. Тот заявляет: надо, т. Гаврилов, иначе через месяц будешь трупом, твое здоровье нужно революции. Для проформы собирают консилиум — два русских профес-сора и один немец. Последний категорически высказывается против операции, русские коллеги того же мнения, но у них нет выбора — газеты они читали. Один из них говорит: как я понимаю, от нас ждут одного решения — об операции. Им и предстоит ее провести. Один оператор говорит друго-му: своего брата я бы в таком состоянии на стол не поло-жил.

Гаврилов предчувствует смерть, пишет завещание, но не может нарушить революционную дисциплину. Операция показывает благополучный рубец от язвы, но сердце коман-дарма останавливается под воздействием наркоза.

Но самое потрясающее свидетельство дал сам Сталин. В речи над открытой могилой Фрунзе он с обычной лапи-дарностью набросал программу уничтожения революцион-ных кадров:

”Товарищи! Я не в состоянии говорить долго, мое душевное состояние не располагает к этому...

Этот год был проклятием. Он вырвал из нашей среды целый ряд руководящих товарищей. Но этого оказалось недостаточно и понадобилась еще одна жертва. Может быть это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и просто спускались в могилу...” (“Правда” от 5 ноября 1925, выделено нами. — Авт.).

Никаких особенно важных потерь партия в 1925 году не понесла, но плохое состояние Сталина объяснимо: это первый опыт такого рода, и риск велик. Потом дело пойдет легче. Этот проговор убийцы достоин внимания автора “Преступления и наказания” ...

То, что у Сталина была — хотя бы в грубой наметке — программа прокладывания пути к личной диктатуре, косвенно подтверждается его речью на похоронах Дзержинского в июле 1926 года. Она начинается словами: “После Фрунзе Дзержинский...” Сталин как бы ведет счет, для которого пока достаточно пальцев на руке. А что если верно сделанное в 1939 заявление Троцкого, что Сталин отравил Ленина? Во всяком случае, сам Сталин говорил в 1924, что Ильичу дали яд...

Дзержинский ушел весьма своевременно. Сомнительные обстоятельства, сопровождавшие кончину Фрунзе, должны были рано или поздно попасть в поле зрения ОГПУ. Сталин мог опасаться, что железный Феликс, находившийся в последнем градусе чахотки, никому не даст пощады, если размотает ниточку до конца.

Обстановка смерти Дзержинского наводит на размышления. Согласно объявленному диагнозу, он умер от разрыва сердца прямо на заседании ЦК, в ходе которого дважды вступал в яростный спор с Каменевым и Пятаковым. При знакомстве с текстами речей вызывает удивление незначительность предмета дискуссии. Казалось бы, тяжело больному человеку не было необходимости повторно брать слово по столь ординарному поводу. Рассказывают, что Сталин намеренно подливал масла в огонь,

чтобы затянуть заседание. Наконец, Дзержинский рухнул на глазах боевых соратников, с частью которых успел вдрызг рассориться. Зная сталинский почерк, можно предположить, что медицинская помощь была оказана несвоевременно или не вполне правильно...

Независимо от того, чем была вызвана смерть Фрунзе, в ноябре 1925 года место руководителя РККА стало вакантным. Очевидного преемника почивший нарком не имел. Возвращение Троцкого было политически невозможно. Склянский был мертв. Никто из чисто военных деятелей — С. Каменев, Тухачевский, Егоров и другие — не мог идти в рассмотрение по причине своего прошлого. По тогдашним понятиям, во главе Красной Армии должен был стоять человек, непременно обладающий двумя качествами: солидный партийный вес (член или кандидат Политбюро, по крайности член ЦК) и военный опыт. Это страшно сужало выбор.

Дополнительное ограничение было связано с тем, что две главные группировки ЦК ни за что не допустили бы назначения кого-нибудь из бывших сотрудников Троцкого. По этой причине отпадали Н. И. Муралов, Антонов-Овсеенко, И. Н. Смирнов. Сталинцы и зиновьевцы должны были поладить в этом вопросе, потому что до съезда никакая из сторон не имела перевеса.

Кого же могли предложить фракции ЦК? Первые — самого Сталина, Орджоникидзе и Ворошилова, вторые — Лашевича и, возможно, Г. Я. Сокольников. С военной точки зрения это не были первостатейные фигуры, но формально они отвечали изложенным требованиям. Основная масса партийного штаба — "болото" — пребывала в растерянности. Дошло до того, что некоторые члены ЦК и ЦКК принялись опрашивать съехавшихся на похороны Фрунзе военных: кого они хотели бы видеть на посту наркома? Тухачевский, в частности, назвал Орджоникидзе⁶. Но подобные вопросы не решаются посредством референдума.

В конце концов прошла кандидатура Ворошилова. Достоверными сведениями о том, как совершилось это назначение, мы не располагаем. Стоит, однако, привести интересную легенду. На специальном высоком совещании

(неизвестно, был ли формальный пленум ЦК) сначала обсуждались кандидатуры Орджоникидзе и Сталина. Последнего будто бы выдвинули секретари национальных компартий, надеявшиеся таким способом избавиться от гениального руководства и железной руки, которую они успели почувствовать раньше других. Ситуация для Иосифа Виссарионовича была не из приятных. На его место прочили Эммануила Квиринга. Это был деятель немалого калибра: в 1914 — секретарь большевистской фракции в Государственной Думе, после революции — один из организаторов КП(б)У, а с 1923 ее первый секретарь. Должность генсека тогда еще рассматривали как техническую, организаторскую, но не политическую — таковой она стала с XIV съезда, собравшегося месяц спустя.

Если бы Сталина предложили заменить кем-либо из вождей партии, тогда он — через своих подручных — мог заявить об интриге. С Квирингом дело обстояло иначе: он был такой же аппаратной фигурой, как и сам Сталин. Выпустить из рук аппарат было для Сталина смерти подобно, и он нашелся: "Конечно, — сказал он о себе в третьем лице, — товарищ Сталин пойдет туда, куда нужно партии. Но из тебя, Квиринг, выйдет плохой генсек"⁷. Орджоникидзе был якобы незаменим на посту ответственного секретаря Закавказского крайкома (Берия еще не подрос, а другого с в о е г о человека под рукой у Сталина не было). Тогда кто-то, наверняка из сталинцев, предложил Клима Ворошилова — старый партиец (с 1903), луганский слесарь, герой гражданской войны, да и сейчас на командной работе.

Как всегда, свежее предложение во время затянувшейся дискуссии выглядит привлекательно, потому что дает психологическую разрядку. Зиновьев, более занятый разворачивающейся внутрипартийной борьбой, видимо, не выдвинул серьезных возражений. Первым замом у Ворошилова стал М. Лашевич, назначенный в обход Уншлихта.

Ворошилов в роли Председателя РВС СССР и наркомвоеномора — одна из крупнейших сенсаций того времени. Всего через 21 месяц после смерти Ленина, при открытом расколе в партийной верхушке, в условиях серьезных хозяйственных трудностей (кто знал тогда, что они станут

хроническими), ответственность за оборону страны была возложена на человека, чьи способности и прошлая деятельность, казалось, делали его неподходящим для такой роли.

Попробуем разобраться в качествах Ворошилова спокойно и главное — с позиций тех далеких лет. С одной стороны, была широкая популярность: революционер-подпольщик, первый командарм из рабочих, политкомиссар победоносной Первой Конной и пр. С другой же стороны, Ворошилов не пользовался авторитетом наверху — среди военных и политиков. Ленин, кстати, ставил его невысоко. И это понятно. Недавний слесарь никогда не учился, эрудиции — общей и военной — у него не было. Гражданская война показала, что он обладает определенной храбростью и революционным энтузиазмом, но не поднимается выше уровня комиссара-массовика. В его военной карьере были серьезные срывы. О царицынском эпизоде мы упомянули, но случались дела похуже. В 1919 за самочинную сдачу Харькова Ворошилова отдали под ревтрибунал. Последний не усмотрел в его действиях измены — только некомпетентность. Было решено впредь не допускать его на командные должности в армии⁸. Ворошилов стал политработником. Только протекция Сталина и личное участие в подавлении Кронштадта помогли ему снова получить командование войсками. В 1921 его ставят во главе Северо-Кавказского округа, а в мае 1924 перебросили на Московский. Нечего говорить, что как личность Ворошилов не мог идти в сравнение со своими предшественниками — ни с Фрунзе, ни тем паче с Троцким. Про него нелегальных песенок не сочиняли. Правда, вскоре зазвучали другие песнопения — гонимые.

Нам могут бросить упрек в предвзятости, необъективности. К счастью, мы располагаем характеристикой Ворошилова, принадлежащей перу человека, идеологически стоящего вне подозрений. Вот что пишет генерал-лейтенант А. И. Тодорский, известный военный деятель, участник гражданской войны, много лет проработавший с Ворошиловым в центральном аппарате Наркомата (внутренняя рецензия на рукопись Л. Никулина "Маршал Тухачевский, 1962) :

”Все знали, что Ворошилов является оруженосцем Сталина, выразителем его дум и намерений. Даже Буденный и Егоров, боевые друзья Ворошилова, без особого восторга встретили его на посту своего руководителя. Для таких же военных деятелей, как Тухачевский, назначение Ворошилова наркомом означало приход к военной власти заведомо необъективного партийного руководителя, апологета доктрин и умонастроений бывшего члена РВС Юго-Западного фронта Сталина. Очень показательно, что Ворошилов не смог за все годы найти общего языка даже с бывшими рабочими — Блюхером и Дыбенко.

...Нарком был ревностным выразителем известных сталинских афоризмов, вроде ”Ни одной пяди чужой земли не хотим; но и своей ни одного вершка не отдадим”, ”Война только на территории противника” и т. д. Конечно, основывать всю программу военного строительства на основе этих сталинских высказываний было нельзя (не принимать, например, меры к обороне своей глубинной территории; не разрабатывать планы эвакуации и т. д.). Узкопропагандистские взгляды Наркома на большие вопросы обороны подхватывали с усердием, достойным лучшего применения, такие его сподвижники, как Е. А. Щаденко — один из самых одиозных самодуров в нашей Армии.

Ворошилов вошел в послевоенную историю Красной Армии как хороший шофер и меткий стрелок из нагана. Безусловно, этих личных качеств слишком мало для руководителя Рабоче-Крестьянской Армии и в государстве, находящемся в капиталистическом (тогда) окружении. Однако Ворошилов в послевоенный период прославился тем, что повернул всю историю гражданской войны на восхваление Сталина, на службу культу его личности. В 1929 году вышел к 50-летию Сталина известный ворошиловский труд ”Сталин и Красная Армия”, создавший новую эпоху в изучении нашей военной истории. Больше того, Ворошилов запятнал свое боевое имя героя гражданской войны пособничеством в разгроме кадров старых

военных специалистов в 1930 году и разгроме всех командно-политических кадров в 1937—1938 годах.

...Весь организм Красной Армии представлялся Сталину и Ворошилову чуть ли не в виде обыкновенной яблони, которую можно изо всех сил трясти, раз она все равно даст новые яблоки в будущем году”.

С какой стороны ни подходить к делу, становится ясно, что в 1925 году Ворошилов не обладал личными качествами, необходимыми для высшего военного руководителя. Сие не предвещало обязательной неудачи его деятельности. Если жизнь можно уподобить театру, то с важной оговоркой: действующие лица не имеют написанных ролей, им приходится импровизировать — нередко в самых невероятных ситуациях.

В 44 года Ворошилов мог в новой роли открыться с неожиданной стороны. Революция порой выводит на авансцену такие персонажи, которые в предшествующую эпоху не котируются на политической бирже, словно не имеют никакой ценности. Какой провидец мог в 1915, 1916, даже 1917 году угадать в штатском Фрунзе, поручике Тухачевском, унтер-офицере Буденном полководцев, которым предстояло повести огромные массы людей в сражения, на многие десятилетия определившие судьбу страны? Даже главкомы Вацетис и С. Каменев, комфронтами Егоров и Шорин в мировой войне были только полковниками — без особых перспектив на генеральские звания и занятие высших постов. Поэтому рабочее происхождение и необразованность не предрешали неудачу карьеры Ворошилова на посту руководителя вооруженных сил Республики Советов.

Увы! Эти соображения были и остались чисто умозрительными. Именно в сражениях революции обнаружилась ничтожность Ворошилова как военного деятеля. Его вынесла наверх не революционная волна, а закулисные комбинации, сделанные с узкокорыстной целью.

Назначение Ворошилова сопровождалось многочисленными перемещениями в аппарате Наркомата и командовании военных округов. Эти ротации не имели характера чистки.

Их цель, скорее всего, состояла в том, чтобы снять высших командиров с насиженных мест, нарушить сложившиеся связи и тем самым предотвратить возможное сопротивление новому руководству. Всего через неделю после вступления в должность нарком объявил о кардинальной перетряске командных кадров (Приказ РВС СССР № 698 от 13 ноября 1925 г.). Егоров потерял пост командующего Украинским округом с оставлением его членом РВС; на его место пошел начальник УВУЗа Якир; должность последнего занял Путна; командующий Туркестанским фронтом Левандовский возглавил Кавказскую Красную Армию, откуда ушел Корк, переведенный на Западный округ. Бывший командзеп Тухачевский стал начальником штаба РККА, сменив недавнего главкома С. Каменева, ставшего инспектором Красной Армии.

Благодаря этому в декабре, во время упорных съездовских батальи, Сталин мог быть спокоен за армию, переживавшую перетасовку командования⁹. Делалось это в огромной мере на всякий случай, потому что Зиновьев не имел опоры в армии и не доверял бывшим офицерам. Этот интриган и паникер плохо спал по ночам, измученный историческими и заграничными аналогиями. В 1926 году он договорился до того, что в Красной Армии нэповского периода непременно вырастет советский Чан Кай-ши.

Тухачевский возглавил генеральный штаб очень молодым — в 32 года. В прошлом ему не приходилось заниматься штабной работой. Его стратегические концепции были еще очень незрелыми. Главное направление деятельности Тухачевского в это время — попытка организовать техническое перевооружение армии. Достичь удалось немногого. Правда, в 1926 году было заключено секретное советско-германское соглашение о военном сотрудничестве. В обход стеснительных статей Версальского договора рейхсвер получал на территории СССР танковые полигоны и аэродромы, взамен немцы обучали красных командиров в своих учебных заведениях. В 1928—1929 годах Якир, Тухачевский, Блюхер, Тимошенко и ряд других прослушали курс в германской Академии генштаба.

А вооружать Красную Армию было нечем. Стрелковое

оружие было разнотипным, к нему часто не имелось патронов. Танки, самолеты и автомобили можно было пересчитать на пальцах. Чтобы дать армии необходимую технику, следовало в процессе индустриализации создать особую оборонную промышленность. Обо всем этом Тухачевский написал в докладной записке 1927 года. Сталину и Ворошилову было не до него. Шла смертельная схватка с оппозицией за право руководить партией и страной. Просмотрев записку Тухачевского, Сталин выразился кратко: "Ахинея". (В 1930, когда Тухачевский написал об этом повторно, реакция была та же. Сталин отзывался примерно так: это курс на милитаризацию страны; ни один марксист в здравом уме на это не пойдет.)

В начале 1928 Тухачевский написал в ЦК и правительство: либо я не понимаю общей политической установки, либо меня не понимают наверху — в обоих случаях я не могу оставаться на своем посту. Возможно, кроме обиды сыграло роль желание вырваться из ситуации, где он чувствовал себя не на месте. Отставка была принята. Тухачевский поехал в Ленинград на командование округом.

Глава 11

УЧЕНЫЕ СПОРЫ

*Меж ими все рождало споры
И к размышлению вело...*

Пушкин

Красной Армии, как и всякой другой, нужна была военная наука. На протяжении первых двух лет оформились как руководящие органы, так и довольно развитая система обучения и воспитания командиров. Практически все профессора и преподаватели военно-учебных заведений пришли из старой армии. Это не означало, что они принесли с собой дух и настроения прошедшего периода. Напротив, большинство еще до революции считало, что самодержавный строй и его армия не обеспечивают обороны страны. Теперь, в новых условиях, им предстояло создавать теоретическую базу для строительства РККА.

Коренная ломка всего уклада жизни неизбежно приводила к стремлению радикально пересмотреть сложившиеся взгляды. Во всех сферах жизни вспыхнули ожесточенные дискуссии. В армии они приняли форму споров о единой военной доктрине.

Эта проблема имела свою историю; она возникла после поражения в войне с японцами. Часть генералов (А. М. Зайончковский, М. Д. Бонч-Бруевич) считала, что принятие доктрины приведет к шаблону и застою военной мысли, другие (А. А. Незнамов, А. Дмитриевский) настаивали на плодотворности узаконенного единства взглядов. Итог подвел император Николай II. В 1912 году он заявил началь-

нику Военной Академии генералу Янушкевичу: "Военная доктрина состоит в том, чтобы исполнять все, что я прикажу. Прошу вас передать Незнамову, чтобы он больше с этим вопросом не выступал в печати..."

Дискуссия возобновилась в 1918 выступлением бывш. генерал-майора В. Е. Борисова, но широкий размах получила в 1920—1921 гг. Для нее были характерны — запальчивость и безапелляционность большинства участников, а также отсутствие четкого определения предмета спора.

Спусковым механизмом дебатов послужил доклад А. А. Свечина "Основы военной доктрины" и его статья на ту же тему. Военную доктрину Свечин рассматривал как "угол зрения, под которым понимается военная история и освещается ее опыт и поучение... Военная доктрина является военным и, в особенности, тактическим мировоззрением; доктрина создает убеждения, в которых — душа всякого действия". Он признавал необходимой унификацию взглядов на тактическом уровне, которые через учебные программы, уставы и наставления доводятся до "общееармейской массы". Таким образом, Свечин считал полезным только техминимум или общую основу военных знаний, не посягая на творческую свободу в стратегии и политике.

Вновь выступивший Незнамов стоял на старых своих позициях. По его убеждению, "военная доктрина выражает взгляд на войну народа и правительства, в соответствии с которым ведется внешняя политика и строятся вооруженные силы". Такие убеждения пахнут последовательным милитаризмом, потому что подход к войне (военные интересы) кладется в основу политики. После формулирования и принятия доктрины она находит отражение в воинских уставах. Другие военспецы, целиком или частично, поддерживали — кто Свечина, кто Незнамова. Но главный водораздел мнений пролегал в другом месте.

Участник гражданской войны Ф. Трутко, рядовой слушатель Академии, поставил принципиальный вопрос дискуссии. Незачем рассуждать о том, нужна или не нужна доктрина, заявил он, она нужна — наша, пролетарская, коммунистическая военная доктрина; остается только ее

разработать. Но это нельзя доверить генералам царской армии: у них, во-первых, было достаточно времени раньше, а самое главное — они не владеют марксистским методом.

После этой разведки боем заработала тяжелая артиллерия — Троцкий и Фрунзе. Как ни странно, мнения этих большевиков резко разошлись. Фрунзе стоял на таких позициях: 1) наша военная доктрина должна быть к л а с с о в о й, т. е. пролетарской, т. е. марксистской, 2) ее основные положения должны быть разработаны, четко сформулированы и д е к р е т и р о в а н ы. Фрунзе основывался на той исключительной роли, которую он отводил опыту гражданской войны, в известной мере, в ущерб всей прошлой военной истории.

Троцкий возражал Фрунзе по обоим пунктам в статье "Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство". Не отрицая необходимости единства взглядов по военным вопросам, он решительно отверг возможность их директивного закрепления как эталона. Если нет параграфа, приходится думать самому, а если имеется соответствующий параграф, то думать никто не станет. Троцкий выступил против фетишизации опыта Красной Армии в гражданской войне и призвал прилежно учиться военному ремеслу. Он высмеял положение об особенной военной науке пролетариата. Наркомвоенмор вообще невысоко ставил применение марксистского метода вне политики, о чем говорит его известное изречение: "Тот, кто думает, что с помощью марксизма можно наладить производство на свечном заводе, слабо разбирается и в марксизме, и в изготовлении свечей".

Дискуссия перешла на XI съезд партии, где завершилась — ничем. На специальном совещании военных делегатов доклад сделал Троцкий, содокладчиком выступил Фрунзе. Перед этим в кулуарах съезда состоялся разговор последнего с Лениным. Ильич мягко, но решительно поддержал Троцкого, потому что и сам не любил псевдомарксистской трескотни. Надо думать, что к этому времени Фрунзе уразумел излишнюю категоричность своей позиции. Во всяком случае, на совещании он заявил, что по вопросу о военной

Доктрине и науке у него нет разногласий с Троцким. Правда, они расходились в оценке характера будущей войны, но об этом ниже.

Можно констатировать, что официально советская военная доктрина так и не была провозглашена. В тридцатых годах, однако, армии были навязаны три положения Сталина, которые оказались вреднее декретированного шаблона: 1) война малой кровью и только на чужой территории, 2) чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим, 3) в тылу любого агрессора Красная Армия встретит поддержку в виде восстания рабочих и крестьян.

Полемика вокруг военной доктрины была не единственным очагом разногласий в армейской среде. Поэтому ее бесславная кончина не привела к умиротворению и единству взглядов. Горячий, бескомпромиссный спор происходил вокруг предмета еще более важного. В него оказались втянуты многие военачальники и научные авторитеты. Всем позарез необходимо было ответить на животрепещущий вопрос: какой характер примет будущая война и какой образ действий изберем в ней мы, сиречь Красная Армия и советское государство?

Не следует сбрасывать со счетов, что дискуссия развернулась по горячим следам гражданской войны, и большинство участников еще не остыло от недавних сражений. Вполне поэтому естественно, что опыт гражданской служил отправной точкой для всех почти рассуждений, утверждений и предсказаний.

Предмет спора блестяще и исчерпывающе сформулировал профессор Свечин. Есть две главные разновидности стратегии — стратегия с о к р у ш е н и я и стратегия и з м о р а (сами термины Свечин признавал не вполне удачными, но они закрепились в военной литературе). Сокрушение подразумевает решительные действия, безудержное наступление с целью полного уничтожения живой силы противника или, по крайней мере, выведения ее из строя. Сторонники измора видят главную цель в выигрыше войны за счет более умелого, чем неприятель, распоряжения ресурсами: людьми, вооружением, экономикой, территорией.

Преимущественный упор на физическое уничтожение или подавление обходится непомерно дорого и, как правило, приводит к собственному поражению. Если у нас будет достаточно сил к моменту, когда враг ослабеет, мы перейдем в наступление и разгромим его, либо он не в состоянии будет продолжать борьбу и капитулирует.

Так ставил проблему Свечин. Молодые командиры Красной Армии во главе с Фрунзе безоговорочно высказались в пользу сокрушения. Троцкий, не ввязываясь в спор, ратовал за основательную подготовку к войне и предостерегал от пренебрежения обороной. Фрунзе вскоре пересмотрел свои позиции, а вот Тухачевский, Триандафиллов, Варфоломеев и другие утвердились на них надолго. Логика сокрушителей была проста. Война будет исключительно маневренной. Успех обеспечат мобильность и огневая мощь, для чего войска предельно насыщаются танками, автомобилями, авиацией, артиллерией, химическими средствами борьбы. Обороняться бессмысленно, потому что все равно против такого могучего наступательного вооружения устоять невозможно. Следует собрать в ударные кулаки как можно больше сил и серией хорошо спланированных последовательных ударов уничтожить врага. Это была стратегия **б л и ц к р и г а**. Она питалась из двух источников.

Один был связан с идеологией, и здесь сокрушительные концепции продолжали линию особенной пролетарской доктрины. Мы класс молодой, поднимающийся, атакующий. На нас работают движущие силы истории. Раздираемый противоречиями капиталистический мир будет вынужден обороняться. Гибель его неизбежна, так говорит единственная подлинно научная теория — марксизм. У капиталистических стран не может быть прочного тыла. Там непременно будут полыхать восстания пролетариата, ждущего Красную Армию как свою освободительницу.

Другим источником вдохновения была победа в недавней гражданской войне. В этой войне боевые действия велись весьма энергично. Основные кампании были скоротечными и приводили к решительным результатам. Обе воюющие стороны исповедовали стратегию сокрушительного наступления, причем большевики, как правило, не

только отражали направленные на них удары (Колчак, Деникин, Юденич), но в дальнейшем добивались полного разгрома противника. Было одно досадное исключение — поход на Варшаву, но его предпочитали объяснять ошибками фронтового командования.

Такого рода обоснования наступательной стратегии были для многих вполне убедительными. Но не для всех. Свечин и ряд других старых генералов считали подобный анализ гражданской войны неполным и поверхностным, а выводы — поспешными. Прежде всего, не было уверенности, что последующие войны будут непременно походить на гражданскую. Война эта, как, пожалуй, и остальные гражданские войны в истории, была скорее исключением с точки зрения стратегической обстановки. Каждая воюющая сторона понимала, что победа противника означает для нее самой не просто военное поражение, а по существу физическую гибель. Отсюда крайнее ожесточение борьбы и стремление как можно скорее решить ее исход одним стратегическим усилием.

Помимо этого субъективного фактора, действовали еще объективные, предопределяющие наступательный образ действий. Как белые, так и красные, опирались на весьма ненадежные тылы: слабая экономика, разрушенные пути сообщения, уставшее от войны население. Вдобавок тылы эти многократно переходили из рук в руки. Не было сплошного фронта, почти отсутствовала подготовленная оборона. Огневая плотность была во много раз меньше, чем в мировой войне.

В таких условиях естественными были и маневренная война, и преимущественная ориентация на наступление. При столкновении с Польшей, располагавшей относительно прочным тылом, такая стратегия себя не оправдала. По мере углубления внутрь вражеской территории сопротивление нарастало, а не ослабевало, как того требовала передовая теория. В силу странной аберрации классового зрения пролетариат Польши не усмотрел в красноармейцах своих освободителей. Одновременно обнаружилось, что тыл Антанты еще достаточно крепок и надежен.

Крупнейший просчет содержался в утверждении, что Красная Армия одержала победу над этой самой Антантой. При этом забывали, что пресловутый поход 14 держав — всего лишь пропагандистская натяжка. Собственно, авторство этого клише принадлежит У. Черчиллю, который в начале 1919 г. провозгласил, что поведет указанное число государств на Россию и в сентябре овладеет Петроградом. Как известно организованный поход объединенных сил так и не состоялся: силы главных стран коалиции были слишком истощены в мировой войне. 16 января 1920 г. Верховный Совет Антанты постановил отказаться от прямого вмешательства в российские дела. Официальная советская история до сих пор отказывается признать этот факт¹.

Что касается перечня этих 14 держав, то, к сожалению, ни в одном советском издании его отыскать не удастся. С грехом пополам нам удалось составить этот список, включающий целых 16 стран: Англия, Франция, Италия, Греция, Япония, Германия (добровольческий корпус фон дер Гольца), Чехословакия (чехословацкий корпус), Польша, Украина, Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония, Турция, Финляндия, США. Можно его даже расширить, потому что к врагам советской власти иногда причисляют самостоятельные закавказские республики.

Всего так называемые интервенты (в их число входят и армии национальных окраин Российской империи, сражавшиеся на собственной территории) насчитывали приблизительно 400 тыс. человек². Главные страны Антанты смогли выставить только небольшие экспедиционные контингенты с ограниченными задачами: Англия — 45 тыс., Франция (вместе с Грецией) — 20 тыс., США — 7 тыс., Япония — 3 пехотных дивизии (по другим данным — 70 тыс.). Вклад Запада в гражданскую войну свелся, в основном, к материальной помощи белым.

Сокрушители при анализе гражданской войны сместили акценты. Они не поняли, что победа красных была одержана не только и не столько за счет военных успехов, сколько в результате более эффективной политики (декрет о земле, массовые мобилизации, умелая пропаганда и агитация,

захват столиц, привлечение на свою сторону значительной части офицерского корпуса).

Эти очевидные сегодня просчеты имеют вполне разумное объяснение. Битые армии ищут в прошлых ошибках истоки своих поражений, а вот победители чаще всего склонны к завышенным оценкам собственных действий. Во всяком случае, у них очень велико искушение придерживаться стратегии, которая вчера принесла им успех. Надо отдать должное Троцкому, который неоднократно призывал большевиков не обольщаться военными победами. Он указывал, что они достигнуты не за счет высокого воинского мастерства, а благодаря революционному энтузиазму масс, численному превосходству над противником и т. д.

Пришла пора рассказать о военном деятеле, который еще в двадцатых годах отверг сокрушительные концепции. Он выработал теорию ведения будущей войны и при этом оказался настолько прозорлив, что нам, потомкам, через полвека мало остается что добавить. Это был Александр Андреевич Свечин. Советская историография до сих пор незаслуженно обходит его вниманием, а при редких упоминаниях оценивает крайне предвзято³.

Свечин родился 17 августа 1878 г. в Екатеринославе. По примеру и под влиянием отца, генерал-майора русской армии, он с детства избрал военную карьеру: кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. С 1895 г. на строевой службе, позже окончил Николаевскую Академию Генерального штаба. Свечин проявлял глубокий интерес к новым видам вооружения, в 1909 г. добился командирования в Германию на выставку воздушного флота. Еще ранее проделал всю дальневосточную кампанию и пережил катастрофу русской армии. С Мукдена, по словам Свечина, началась ревизия ценностей, протекавшая мучительно для человека его круга. Вывод был неутешительный: самодержавный строй не обеспечивает обороноспособности страны.

Мировую войну Свечин провел на фронте, был ранен, прошел путь от командира полка до начштаба армии. Награжден всеми военными орденами от св. Владимира до св. Георгия, медалями и Георгиевским оружием за храбрость.

В 1918 Свечин добровольно поступил на службу в РККА, находившуюся в пленках. Опытного боевого генерала сразу используют на высших должностях: начштаба Западного участка Завесы, военрук Смоленского района Завесы, начальник Всеросглавштаба (сначала это был генеральный штаб, а с сентября 1918 — орган, руководивший формированием резервов).

С 1918 начинается преподавательская работа Свечина в Военной академии — первое время по совместительству. Вскоре он переходит на нее целиком, становится главным руководителем всех академий по истории военного искусства. Подход к слушателям у Свечина был предельно жесткий. Он никому не делал скидок — на пролетарское происхождение, боевые заслуги, марксистскую эрудицию — потому что их не сделает война. Надо думать, к этому времени Свечин успел порядком разочароваться в методах большевиков: особенно не по душе пришлись ему идеологическая трескотня, мало уместная в военном деле, и надзиратели-комиссары, по большей части малограмотные, но всюду совавшие свой указующий нос. Но Свечин не мог отойти в сторону и скрестить руки на груди. Свой долг патриота и воина он видел в том, чтобы посредством основательной подготовки комсостава внести вклад в оборону России.

Следствием такой педагогической установки были острые столкновения со слушателями, среди которых находилось немало прославленных командиров высокого ранга. В этих эпизодах профессор Свечин не стеснял себя этикетом. Лентяя, фанфарона, воинствующего невежду он мог высмеять и унижить на глазах аудитории.

Свечина ненавидели, страшились — и невольно уважали. Даже В. И. Чапаев, который после известного столкновения со Свечиным из Академии ушел, признавал, видимо, правоту царского генерала. В рапорте командованию он мотивировал отказ от учебы не придирками и гонениями, а собственной темнотой, и обещал закончить образование после войны⁴.

Свечин был крупным военным писателем — несомненно, самым выдающимся в России в послеоктябрьскую пору.

Из-под его пера вышло изрядное количество работ⁵, в их числе знаменитая "Стратегия" — уникальная, по сей день живая книга, которая должна была сделать эпоху в отечественной и мировой литературе. Но у нас ее по достоинству оценили одни армейские интеллигенты старого закала, а западному читателю свечинское творение осталось неизвестным. Со времени полного последнего издания "Стратегии" прошло 50 лет. Судьба автора была трагической — впрочем, в духе страны и эпохи.

Свечин первый заметил, что изменившиеся условия и формы вооруженной борьбы делают неудовлетворительным традиционное деление военного искусства на стратегию и тактику. "Стратегия Клаузевица с того момента, как начали стрелять пушки, отдыхала, передав все руководство тактике до конца сражения". Современное сражение (операция), невероятно раздвинувшееся во времени и пространстве, более не умещалось в рамках старой тактики. Свечин выделил стратегию сражения, которую назвал **о п е р а т и в н ы м**
и с к у с с т в о м. Наименование утвердилось в нашей военной литературе, но без ссылки на автора.

Главные интересы Свечина лежали в области стратегии. Свои концепции он выработал на основе тщательного изучения военной истории, сочетавшегося с трезвым анализом мирового развития. Выводы, к которым он пришел, свободны от политических шор и националистических предрассудков. Свечин одним из первых понял, что тотальный и затяжной характер мировой войны — не случайность, не следствие ошибок военных и государственных руководителей. Следующая война еще более широко разольется по планете и от каждой воюющей страны потребует предельного напряжения всех сил, когда военным интересам будут подчинены все государственные и экономические институты, вся жизнь нации.

В тотальной войне, утверждал Свечин, сокрушительная стратегия непригодна, она самоубийственна. Она была хороша для наполеоновских войн. Настал черед стратегии измора, применяя которую противники Германии добились победы в мировой войне. Про Свечина у нас пишут крайне редко и почти обязательно рассказывают небылицы. Одни

говорят, что он изобрел стратегию измора, чуждую духу Советской Армии, другие — что он всего лишь плагиатор, списавший свои сочинения у Дельбрюка. Все это намеренные передержки, в лучшем случае — поверхностный взгляд. Свечину не было нужды изобретать свои стратегические принципы, поскольку законы военного искусства известны с давних времен и, вообще говоря, остаются неизменными, как и законы логики, лежащие в их основе; меняются формы их использования в зависимости от масштабов и характера войн, развития оружия и т. д. Стратегия, рассчитанная на истощение противника, была широко распространена в XVIII веке, и Дельбрюк действительно много писал о ней, но знакомство с его трудами никак нельзя поставить в упрек Свечину. Огромная заслуга Свечина состоит в том, что он разработал свою стратегию измора для современных условий. Он, более того, показал, что в войне мирового масштаба она является наиболее разумным, законным и по-видимому единственным средством достижения победы.

Господствовавший тогда взгляд, что Красная Армия о б я з а н а непременно наступать, Свечин отвергал как несостоятельный. В современной войне решительное нападение ("поход сокрушительного стиля") пожирает несметные ресурсы, что, как правило, не оправдывает достигнутых оперативных успехов. Наступающие войска всегда стоят перед угрозой перерезывания удлинняющихся коммуникаций, ударов во фланги и с тыла. Другими словами, риск наступать первому велик, а выгоды сомнительны. В начальной фазе войны более целесообразно придерживаться стратегической обороны. При этом

"...политическая наступательная цель может связываться и со стратегической обороной; борьба идет одновременно на экономическом и политическом фронтах, и если там время работает в нашу пользу, т. е. баланс плюсов и минусов складывается в наших интересах, то вооруженный фронт, даже обозначая шаг на месте, может постепенно добиваться выгодного изменения соотношения сил".

Стратегическая оборона может приводить к потерям собственной территории, поэтому ею далеко не всегда могут воспользоваться малые страны. Однако для России, настаивал Свечин, такой способ ведения войны представляется наиболее подходящим. Следует заставить противника тратить ресурсы на освоение территории, налаживание коммуникаций, преодоление промежуточных оборонительных рубежей и т. п., а самим сохранить силы, тогда в период кульминации преимущество будет на нашей стороне. Эту цель нужно преследовать неуклонно, не поддаваясь соблазну давать сражения в невыгодной для себя обстановке из соображений престижа или исторических воспоминаний:

”Необходимо, чтобы руководство войной проявило достаточную твердость и не растратило для отстаивания различных географических ценностей боеспособности живой силы, которая нужна для момента кризиса”.

Хорошо зная российскую действительность, Свечин опасался, что и в следующую войну мы вступим, не будучи вполне подготовленными. Как трезвый стратег, он подверг анализу такую малоприятную ситуацию и дал свои рекомендации. Если мы не в состоянии в данный момент отразить наступление противника, то лучше всего отойти на глубину, достаточную для создания надежной стратегической обороны. В таких условиях кровопролитные бои за каждый клочок земли приводят лишь к собственному ослаблению:

”Запоздывающая в своем разворачивании оборона действовала бы наименее экономным способом, нагромождая войска перед головой наступающей стороны или занимая ряд последовательных рубежей на направлении удара. Печальными являются эти оборонительные маневры, расходующие вооруженную силу пакетами в условиях, к которым противник наиболее подготовился”.

Как хорошо известно, именно такой порочный курс выбрали Сталин, Тимошенко и Жуков в начальном периоде Отечественной войны. Мало того, что по их вине страна вступила в военные действия неподготовленной, они еще усугубили размеры катастрофы. Внутренне опустошенные, растерянные, они принялись напоказ демонстрировать железную решимость — в попытке спасти покачнувшийся престиж. В первые месяцы войны они с тупой настойчивостью бросали под колеса гитлеровского локомотива миллионы красноармейцев и — допустили немцев под стены Москвы. Можно много привести примеров безграмотности нашего командования в элементарных стратегических вопросах, но не будем этого делать в данной главе. Достаточно отметить, что Свечин с поразительной точностью предсказал главные аспекты войны. Понятно, что ни Сталин, ни его подручные полководцы Свечина не читали. Странно другое. Теперь официальная историография во главе с генералом Жилиным вынуждена признать решающую роль контрнаступления, подготовленного в недрах стратегической обороны. Это подается как откровение Второй мировой войны, чуть ли не как открытие советского командования. Ссылки на Свечина по-прежнему не слышно. Но ведь э т и с его трудами знакомы...

Рассматривая формы наступательных действий, Свечин и здесь требовал целесообразности и обоснованности решений:

“Формы операции — оперативное окружение, прорыв, охват, фланговый удар — избираются нами не произвольно, а диктуются соотношением сил и средств, существующей их группировкой, мощностью различных магистральных путей, конфигурацией театра военных действий и важнейших его рубежей”.

Подготовка к наступлению должна обязательно отвечать требованиям о б о р о н ы, т. е. безопасности своих войск. Успешным оперативное развертывание может быть только тогда, когда оно осуществлено быстро и скрытно. Само наступление должно решительно преследовать свои цели,

но важно своевременно оценить "предел, когда наступление переходит в авантюру" и превращается в удобную мишень для вражеского контрудара. Вообще не следует занимать наступательное построение в момент, когда наступления нет, потому что в таком положении оборонительные возможности войск по необходимости ослаблены.

Эти и другие положения стратегии звучат как прописные истины. Тем более не заслуживают снисхождения люди, которые берутся руководить войсками, не усвоив азов науки. Свечин не искал лавров пророка: "В стратегии пророчество может быть только шарлатанством. И гений не в силах предусмотреть, как фактически развернется война". То, что ему удалось столь многое предвидеть, добавляет величия этому замечательному человеку.

Литература о Фрунзе довольно обширна, хотя и не во всем правдива. Нам уже доводилось выше говорить об этой интересной фигуре. Здесь мы затронем Фрунзе только в той мере, в какой он связан с предметом настоящей главы.

Фрунзе был искренним революционером и свято верил в справедливость большевистского дела. Неудивительно, что в политике его устремления были исключительно наступательными:

"Между нашим пролетарским государством и всем остальным буржуазным миром может быть только одно состояние долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть".

Агрессию он считал неотъемлемым правом пролетариата:

"Самим ходом исторического революционного процесса рабочий класс будет вынужден перейти к нападению, когда для этого сложится благоприятная обстановка".

(Такие высказывания ставят в щекотливое положение современных лакировщиков истории большевизма, зато образ самого Фрунзе только выигрывает от этой честности

и прямоты). Красная Армия, главное оружие рабочего класса, должна быть подготовлена так, чтобы выполнить свою наступательную миссию на любом участке будущего фронта:

”Границы же этого фронта в ближайшую очередь определяются пределами всего материка Старого Света” (выделено нами. — Авт.).

Исходя из этих политических установок, в стратегии Фрунзе поначалу стоял на самых сокрушительных позициях. Собственно, в главном его взгляды были неотличимы от воззрений большинства командиров РККА. Войны будут революционными, исключительно маневренными, следовательно — все для наступления. Он как-то заявил:

”...предлагаю, кроме самых необходимых, никаких оборонительных работ не производить, а средства лучше затратить на ремонт казарм”.

Это было в 1922 году. Однако вскоре в выступлениях и статьях Фрунзе зазвучали другие мотивы. Он был человек с сильно развитым чувством ответственности, и книжные догмы не могли заменить ему рассудка. По мере служебного возвышения стратегические взгляды Фрунзе изменяются до неузнаваемости. Видимо, важную роль сыграло знакомство с книгой Свечина (1923). Фрунзе — один из немногих большевистских руководителей армии — сумел по достоинству оценить царского генерала и оградил его от нападок. Кстати, сам он против Свечина никогда не выступал, хотя последний позволял высказывать открытое неодобрение институту комиссаров, марксизму в военном деле и пр.

Уже в 1925 Фрунзе признает, что никакого специального пролетарского пороку Красная Армия не выдумала, а пользовалась буржуазным наследием. Правда, революционное предназначение рабочего класса должно придать действиям РККА преимущественно наступательный характер, но от прежней агрессивности осталось мало.

Фрунзе становится серьезнее. Он считает, что техническое

превосходство мировой буржуазии сохранится надолго. Этому надо противопоставить маневренность и партизанскую "малую" войну. Последнее органично для мужицкой страны, потому что "партизанщина... есть не что иное, как военное выражение психологического уклада нашего крестьянства". Но главное — его оценка будущей войны. Проблицкриг и лихие освободительные походы больше нет речи:

"При столкновении двух первоклассных противников решение не может быть достигнуто одним ударом. Война будет принимать характер длительного и жестокого состязания, подвергающего испытанию все экономические и политические устои воюющих сторон. Выражаясь языком стратегии, это означает переход от стратегии молниеносных решающих ударов к стратегии истощения".

Итак, в этом важнейшем пункте Фрунзе принял концепцию Свечина. У него еще оставалась оговорка, что тыл капиталистических стран остается ненадежным, но вряд ли он придавал этому обстоятельству солидное значение.

Признав тотальный характер будущей войны и стратегию истощения-измора, Фрунзе не побоялся сделать закономерный вывод о милитаризации страны:

"Задача подготовки страны к обороне в современных условиях далеко не укладывается в рамки наличных возможностей армии и одного военного ведомства. Задача эта должна стать делом всей страны, всего советского аппарата".

Конечно, высокоразвитая страна может изготавиться к войне довольно быстро, и ей нет нужды задолго форсировать милитаризацию. США тому примером. Но Россия мало напоминает Америку, и Фрунзе знал это отлично:

"Хорошими организаторами мы не особенно богаты. Вся практика нашей работы грешит тысячами все-

возможных недостатков. При этом многое — результат отнюдь не неумения, а простой безалаберности, разгильдяйства и отсутствия систематичности. Отсюда наши слабые успехи во многих областях, несмотря на колоссальные возможности”.

Фрунзе искренне опасался, что отмеченные особенности повредят обороноспособности страны. Меньше всего он был склонен думать, что все устроится само собой — в силу имманентных преимуществ социалистического строя. Зловещим пророчеством звучат сегодня его слова:

”Было бы вопиющим преступлением, если бы мы, при наличии таких возможностей, не смогли поставить дело обороны Советского Союза на должную высоту”.

...Если в двадцатых годах Свечин выступает как ведущий военнонаучный авторитет, Фрунзе — как главная фигура в организации военного дела, то Тухачевский долгое время является идеологом молодой волны и основным оппонентом Свечина. (Поначалу дискуссия носила академический характер, но в 1930—1931 гг. она его утратила: нам еще придется об этом говорить.)

В ранних работах Тухачевского есть талант, наблюдательность и, к сожалению, безапелляционность поручика. Стратегический уровень его мышления всегда отставал от оперативно-тактического. Очерк 1920 года ”Стратегия национальная и классовая” представляет собой, вопреки названию, боевое наставление. В нем 27-летний комфронта ориентирует командиров среднего и старшего звена на те изменения в способах ведения боевых действий, которые отличают гражданскую войну от мировой. Главным образом Тухачевский дает практические рекомендации по борьбе с разнообразными антисоветскими восстаниями, преимущественно крестьянскими.

Уже в этой ранней работе автор допускает много небрежных высказываний, претендующих на универсальность. Он, например, пишет:

”Война всегда имеет экономические причины. Капиталистические страны ведут войны для приобретения рынков или природных богатств”.

Подобные сентенции более уместны на занятиях по политграмоте, чем в сочинении, претендующем на стратегические обобщения. Далее:

”Гражданская война ведется угнетенным классом против класса эксплуататоров...”

Как тогда квалифицировать гражданскую войну в США, войны подобного рода в Мексике, Боливии, Аргентине, современных африканских странах? И как в эту схему укладываются выступления крестьян против советской власти? Не нуждается в комментариях заявление: ”Польза от стратегических резервов всегда была сомнительна”.

Четыре последующих работы, посвященные характеру будущей войны, грешат теми же недостатками⁶. Постараемся не быть голословными. Тухачевский пишет:

”Остановка противника для боя выгодна наступающему... Выгоднее всего вести наступательную операцию против неприятеля, стоящего на месте”.

Мысль автора понятна: п л а н и р о в а т ь такую наступательную операцию действительно проще. Но не более. Говорить о выгоды, по крайней мере, опрометчиво, поскольку не берутся в расчет характер и прочность обороны.

Стремление к всеобъемлющим формулировкам порой заводит Тухачевского слишком далеко. Он утверждает:

”Наиболее выгодное уничтожение достигается путем пленения противника, так как, помимо ослабления неприятельской армии, пленные экономически укрепляют тыл победителя.

Тухачевский, сам побывавший в германском плену, так и не разобрался в экономической стороне содержания военнопленных. Кроме того, он проявляет откровенное пренебрежение соответствующими международными конвенциями. Еще:

“Стратегия должна обеспечить тактике легко выполняемые задачи”. Всегда считалось, что цель стратегии — выигрыш войны, а не забота о легкой жизни на тактическом уровне. Наоборот, тактика призвана обслуживать стратегию, посему перед ней должно ставить задачи не легкие, а необходимые. Перечень несуразностей можно было бы продолжать...

В середине двадцатых вокруг Тухачевского сложилась группа единомышленников, военных деятелей, которые пытались начать перестройку армии. Это, прежде всего, замнаштаба РККА В. К. Триандафиллов, инспектор бронесил К. Б. Калиновский, молодые командиры разных рангов Н. Е. Варфоломеев, С. М. Белицкий, А. М. Вольпе, Г. С. Иссерсон, активно вовлеченные в военную научную работу. Все они отдавали предпочтение решительным действиям с использованием современных технических средств. Именно в этой области они достигли значительных успехов. Благодаря их неистовой деятельности, подогреваемой революционным энтузиазмом, были выработаны принципы, которые в следующем десятилетии легли в основу высшего достижения советского оперативного искусства — теории глубокой операции.

Были и другие военачальники, занимавшиеся историей и теорией боевых действий. Старые генералы А. А. Брусилов, В. М. Клембовский, А. М. Зайончковский, А. Е. Гутор, В. Ф. Новицкий, Н. А. Сулейман отдавали предпочтение историческим исследованиям и выпустили ряд капитальных трудов. Бывший главком С. С. Каменев анализировал отдельные аспекты опыта гражданской войны. Б. М. Шапошников разрабатывал теоретические основы деятельности генерального штаба. Важные результаты в области теории получили бывший главком И. И. Вацетис, видные ученые А. Е. Снесарев, А. И. Верховский, поддержавшие Свечина, А. А. Незнамов, возразивший ему...

К концу описываемого периода сложилась интересная картина. Углубленная научная работа и активные дебаты привели к известному сближению точек зрения. Все сошлись на том, что будущая война будет тотальной и выльется в изнурительное состязание воюющих сторон. Этот взгляд был усвоен также и политическим руководством. Но одновременно оставалось в силе старое положение: Красной Армии предстоит только наступать.

ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА

21 декабря 1929 года, в день пятидесятилетия генерального секретаря ЦК ВКП(б), в "Правде" появилась статья Ворошилова "Сталин и Красная Армия". Не прибегая к журналистическим уверткам, простой человек Климент Ефремович сразу берет быка за рога:

"За последние 5—6 лет т. Сталин стоял в фокусе развертывающейся и клокочущей борьбы. Только этими обстоятельствами и можно объяснить, что значение т. Сталина как одного из самых выдающихся организаторов побед гражданской войны, было до некоторой степени заслонено и не получило еще должной оценки".

Видите, как просто: значение было заслонено борьбой (внутрипартийной) и только поэтому не получило должной — самой высокой — оценки.

Ворошилов не претендует на полное освещение вопроса, он только хочет "освежить факты в памяти товарищей", а также

"...опубликовать некоторые малоизвестные документы, чтобы простым свидетельством фактов указать на ту поистине исключительную роль, которую играл т. Сталин в напряженные моменты гражданской войны".

Оказывается (и как этого не заметили раньше): в 1918—1920 гг. товарищ Сталин был

”...единственным человеком, которого ЦК бросал с одного боевого фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места”.

Обратите внимание: Сталин был для ЦК последним козырем, палочкой-выручалочкой, человеком, который спасал революцию, когда все другие средства были бессильны. Звучит убедительно. С окончания гражданской войны не прошло и десяти лет, и все главные члены ЦК того времени, за вычетом Ленина и Дзержинского, еще живы. Следовательно — они могут подтвердить. Беда только, что в результате ”развертывающейся (многообещающее заявление) и клоко-чущей борьбы” к концу 1929 руководители партии первых лет революции уже выброшены из политической жизни и лишены трибуны внутри страны. Троцкий, Зиновьев, Каменев, Крестинский, Сокольников, Смирнов вместе со многими другими исключены из партии перед XV съездом или на самом съезде. Рыков, Бухарин, Томский под видом правых организационно разгромлены вскоре после съезда. Таким образом, все эти люди могут, конечно, подтвердить или, не дай Бог, опровергнуть, но предпочитают помалкивать. А если и скажут, то где, и кому это интересно. Если победителей не судят, то побежденным — не верят. Политические руководители Красной Армии тоже не могут подать голос. Троцкий — в изгнании, Фрунзе мертв, нет в живых и Склянского. Есть еще полководцы гражданской войны, но о них речь впереди. Народ, как ему и положено, безмолвствует, внимая голосу исторической правды.

Ворошилов может поэтому смело продолжать свои разыскания. Из его статьи мы узнаем, что уже на заре советской власти Сталин обладал теми чертами вездесущести и всемогущества, которые у него так легко обнаруживали — начиная с тридцатых годов до самой смерти. Там, где во время гражданской войны было тихо и благополучно, там ” ... не было видно т. Сталина...”

Но если дела шли скверно, тогда в этом месте

”...появлялся т. Сталин. Он не спал ночей (так и было, потому что он предпочитал спать днем), он орга-

низовывал, он брал в свои твердые руки руководство (тоже чистая правда), он ломал, был беспощаден (в этом ему не откажешь) и — создавал перелом, оздоравливал обстановку”.

Таков главный тезис статьи Ворошилова. Итак, Сталин о б е с п е ч и л успех на всех решающих участках. Не беда, что некогда сам Сталин провозгласил Т р о ц к о г о организатором побед Красной Армии. Большое видится на расстоянии... Далее Ворошилов описывает эпизоды гражданской войны, в которых проявилась чудотворная роль Сталина. Эти эпизоды надолго стали в е х а м и советской историографии. Только в них решилась судьба войны, все прочие события были второстепенными и малозначущими.

Проследим вкратце изложение Ворошилова. Надеемся, что читатель достаточно подготовлен к этому главами о гражданской войне.

Ц а р и ц ы н. Сталин прибывает сюда в июне 1918 с отрядом красноармейцев и двумя броневиками ”в качестве руководителя всем продовольственным делом Юга России”. Непосредственный участник событий Ворошилов с удовольствием описывает, каким образом Сталин немедленно узурпировал военную власть. В качестве документальной основы приводится телеграмма РВСР, т. е. Троцкого, с пометкой о согласовании с Лениным. Правда, кавычки в цитате открываются п о с л е фамилии Сталина, таким образом, этот текст мог иметь другое назначение. Читаем у Ворошилова:

”На т. Сталина возлагаются задачи ’навести порядок, объединить отряды в регулярные части, установить правильное командование, изгнав всех неповинующихся’ ”.

Первым делом Сталин принимается за установление правильного командования:

”Во главе с т. Сталиным создается (удачное исполь-

зование безличной формы) РВС, который приступает к организации регулярной армии”.

И конечно же:

”РВС во главе с т. Сталиным создает специальную ЧК”.

Сталин гонит и ругает всех, прежде всего Снесарева и его штаб. Не забыты и другие. Ворошилов без комментариев приводит известную читателю цитату из журнала ”Донская волна”.

Эта кипучая самодеятельность едва не увенчалась потерей Царицына. РВС Южного фронта, куда входил и Ворошилов, был расформирован, Сталина отозвали. Но автор статьи об этом умалчивает, видимо, из уважения к чувствам юбиляра.

П е р м ь. В конце 1918 года 3 армия сдала Пермь. Для расследования причин ЦК послал комиссию в составе Дзержинского и Сталина:

”ЦК предоставляет комиссии принимать все необходимые меры для восстановления как партийной, так и советской работы в районе III и II армий” (из телеграммы Свердлова за № 00079).

Кажется, сказано ясно. Никаких военных задач перед комиссией не поставлено. Дзержинский вскоре вернулся в Москву. Верный себе Сталин тут же залезает в чисто военные дела, в частности, просит у Ленина прислать три надежных полка. Потом в одном из донесений выдает это за свое достижение: ”К 15 января послано на фронт 1200 надежных шт. и саб.” и т. п. Больше Ворошилову сказать нечего. Тогда он делает вывод, логически и фактически не вытекающий из сказанного, зато политически нужный:

”В результате этих мероприятий не только было приостановлено дальнейшее продвижение противника, но в январе 1919 г. восточный фронт перешел в наступление... был взят Уральск”.

Вот как т. Сталин понял свою задачу

”расследовать причины катастрофы (мы уже сказали, что никакой катастрофы не было, но без нее деяние не получает должного ореола. — Авт.). Расследовал, выяснил эти причины и тут же на месте, своими силами устранил их и организовал необходимый перелом”.

Именно: на месте... своими силами... перелом.

Петроград. Весна 1919. Наступление Юденича. Мятеж флотов Красная горка и Серая лошадь:

”Надо было спасти положение. ЦК для этой цели вновь избирает т. Сталина. В течение трех недель т. Сталину удастся создать перелом”.

И без того всем известно, что Иосиф Виссарионович — крупнейший специалист по переломам. В том же 1929, когда появилась статья Ворошилова, по инициативе Сталина начался великий перелом всего сельского хозяйства страны, от которого оно не может оправиться по сей день.

Что до существа описываемого эпизода, то роль т. Сталина никак не могла быть значительной. Он был командирован под Петроград в качестве чрезвычайного уполномоченного ЦК (решение от 17 мая) в связи с возможным наступлением корпуса Родзянко и эстонцев. Наступление, начавшееся 26 мая, привело к прорыву фронта советских войск, потере Ямбурга и Пскова. Оборонявшая Питер 7 армия не смогла организовать немедленного отпора из-за недостатка сил и измены ряда командиров (мятеж фронтов 13 июня). Мятеж подавили к концу июня, но решительных действий на этом фронте не было до осени. Псков был отбит у белых 8 сентября. К этому времени Сталин уже давно уехал. Таким образом, в мае-июне под Петроградом не наблюдалось не только смертельной опасности, но и перелома.

В 1919 всемогущий тогда член Политбюро Зиновьев был по совместительству председателем Северной комму-

ны. Петроград был его вотчина, аналогичным образом в Москве заправлял Каменев. Сталина, конечно, могли командировать в качестве представителя ЦК. Но наводить порядок, проявлять власть мог там один Зиновьев (кстати, тоже мастер переломов не из последних).

Ю ж н ы й ф р о н т. Здесь Ворошилов находился под началом Сталина, поэтому описанию этого периода он отводит много места.

”Осень 1919. Опасность угрожала Туле, опасность нависла над Москвой. Надо спасти положение (в который раз!). И на Южный фронт в качестве члена РВС ЦК посылает т. Сталина. Теперь уже нет надобности скрывать...”

— что, принимая назначение, Сталин поставил три условия:

1. невмешательство Троцкого в дела фронта,
2. отзыв неугодных Сталину работников,
3. присылка людей по его указанию.

Условия звучат фантастически и документами не подтверждаются. Более того, первое Ворошилов вскоре опровергает сам. Что касается присылки нужных людей, то это было естественное право каждого руководителя и вряд ли оно специально оговаривалось. Сталин старался всюду сажать своих. Он, в частности, привлек на Южфронт своего царицынского друга Ворошилова. (Тот после самовольной сдачи Харькова, как мы знаем, был снят с 14 армии и отстранен вообще от командной работы. Ему поручили формирование 61 стрелковой дивизии, руководить которой после создания он не мог. Даже Сталин взял его к себе в качестве политработника.)

Товарищ Сталин начинает с главного — меняет стратегический план разгрома Деникина. Версия эта давно опровергнута. Даже из приводимого документа видно, что Сталин попросту поддержал один из двух имевшихся планов — план Вацетиса. Ворошилова это не смущает:

”План т. Сталина был принят ЦК. Сам Ленин собственной рукой написал приказание полковому шта-

бу о немедленном изменении изжившей себя директивы”.

Мимоходом Сталин создал Первую Конную. Но вот что странно: независимый, удельный Сталин (РВС Южфронта) пишет РВС Республики, то бишь Троцкому, смиренное донесение об образовании конной армии с заключительной строкой: ”Означенное просим утвердить”. Документ датирован 11 ноября 1919 года. Троцкий издал приказ о создании Первой Конной 17 ноября, а 19-го РВС Южфронта (Егоров, Сталин) этот приказ продублировал. Последняя дата празднуется как день рождения Первой Конной.

После разгрома Деникина т. Сталину, как уверяет Ворошилов, цены нет. Его спешат переправить на Северный Кавказ. Но безотказный Сталин упирается.

”В январе 1920 года под Ростовом вследствие грубых ошибок фронтового командования (т. е. Шорина. — Авт.) наступает опасная задержка нашего наступления... ЦК шлет т. Сталину телеграмму: ”Ввиду необходимости установить подлинное единство командования на Кавфронте, поддержать авторитет командфронта (того же Шорина; следовательно грубых ошибок не обнаружено) и командарма (Буденного) Политбюро признало безусловно необходимым немедленно вступление вас в РВС Кавфронта”.

Речь идет о ”Батайской пробке” (см. главу Первая Конная). Сталин прекрасно знает, что Ворошилов и Буденный не в силах вытащить своих кавалеристов из богатого Ростова на штурм Батайска. Отношения командования Первой Конной с Шориным вконец испорчены. Сталина призывают на умирение своих питомцев. Такая роль ему не по душе и он упирается: 1) по состоянию здоровья (как будто на Южном фронте другой климат), 2) боится, что

”...все эти переброски будут неправильно поняты местными партийными организациями, которые склонны будут обвинять меня в легкомысленном перескаки-

вании из одной области управления в другую, ввиду их неосведомленности о решениях ЦК”.

Где Сталину знать, что через десять лет как раз эти самые перескакивания будут провозглашены величайшей заслугой.

Вопрос был улажен заменой Шорина Тухачевским¹. Сталина назначают на борьбу с второстепенным тогда Врангелем, но ”болезнь (новая?) освобождает его от этой работы”.

П о л ь с к а я к а м п а н и я. Болезнь не помешала Сталину стать членом РВС Юго-Западного фронта, созданного на базе управления Южфронта. Дело тут, конечно, не в состоянии здоровья. Просто Сталину удобнее работать с безликим и послушным Егоровым.

При описании событий на польском театре Ворошилов вдруг становится сдержанным и осторожным. Это понятно. Ведь Варшаву взять не удалось — в значительной мере по вине самого Сталина, который саботировал приказ главкома о переброске Первой Конной и других войск из-под Львова в распоряжение Тухачевского. За это, как мы помним, он удостоился выговора ЦК и был отстранен от военной работы.

Ворошилов суммирует заслуги юбиляра кратким упоминанием об ”организации т. Сталиным рейда I Конной”. Щекотливую ситуацию с неподчинением центру он разрешает двумя фразами:

”Действия Юго-Западного фронта приводят красные войска под самый Львов. И только неудача наших войск под Варшавой срывает Конную армию, изготавившуюся к атаке Львова и находящуюся в 10 км от него”.

Вона что! Оказывается, не задержка Конармии сорвала штурм Варшавы, а наоборот. Совершив этот логический кульбит, Ворошилов спешит замять дело, чтобы не наболтать лишнего:

”Однако период этот так богат событиями и освещение его нуждается в такой обширной документации и тщательном анализе, что выходит далеко за рамки данной статьи”.

Трудно поверить, что лихой нарком вдруг преобразился в профессора-аналитика. И почему подобная осторожность потребовалась для одного только периода? Просто Ворошилову не хочется особенно связывать имя Сталина с неудачной кампанией.

Подводя итог сказанному, Ворошилов дает общую сумбурную характеристику Сталина как стратега, которую заключает следующим перлом:

”Товарищ Сталин всегда был сторонником самой жесткой военной дисциплины и централизации при непременном, однако, условии вдумчивого и выдержанного управления со стороны высших военных органов”.

Иными словами, приказы центра следует выполнять лишь тогда, когда ты с ними согласен. Интересно, согласился бы Сталин с такой трактовкой воинской дисциплины позже, когда произвел себя в главнокомандующие?

Статья Ворошилова была тяжелым ударом по Красной Армии. Нарком и член Политбюро наглядно продемонстрировал военным, что в СССР героями и полководцами становятся не на полях сражений, а в тиши кремлевских кабинетов.

Это было еще и предупреждение. Все ваши заслуги ничего не стоят. Захотим — и перепишем историю. В любой нужный момент.

Это был еще плевок в лицо. Непосредственным участникам гражданской войны внушали, к а к происходили события, в гуще которых они находились. Отныне эта директива становилась историей — в ее единственно допустимом изложении. Им следовало заучить урок и не допускать отсебятины.

Сталин, как всегда, действовал осторожно, резервируя

себе возможность отхода. В случае отпора он мог отойти в сторону и свалить все на Ворошилова: мол, горячий Клим переусердствовал в юбилейном рвении. И вообще, для нас, марксистов, важны не личности, а классы. И еще победа пролетарского дела. Это Сталин умел.

Отступать и изворачиваться не пришлось. Военные утерлись. Затем, опустив руку в карман, состроили кукиш. В третьем томе капитального труда "Гражданская война 1918—1921", вышедшем в 1930 г., редакторы С. Каменев, Тухачевский, Эйдеман сделали такое подстрочное примечание:

"О т р е д а к ц и и. Труд был сверстан, когда появилась работа К. Е. Ворошилова "Сталин и Красная Армия" (ГИЗ, 1929), в которой дается ряд новых данных, характеризующих процесс возникновения решения о нанесении главного удара Деникину в направлении Курск — Харьков — Донбасс. Осуществление плана, как известно, привело к разгрому Деникина..." (с. 271).

Далее следовали обширные выдержки из статьи Ворошилова.

Бывший командующий Южфронтом А. И. Егоров в предисловии к своей книге "Разгром Деникина" (1931) написал:

"Автор считает необходимым здесь особо подчеркнуть, что выход в свет чрезвычайно ценного исторического очерка К. Е. Ворошилова... помог ему уяснить и дополнить отдельные места настоящей работы".

Здесь, как и выше, ясно слышится издевка, возможно, невольная.

Оказывается, потребовался ворошиловский опус, чтобы Егорову, а также главкому Каменеву со товарищи стало понятно, каким образом они победили Деникина. Беда лишь, что такое прочтение фразы было доступно немногим специалистам. Стоит еще принять во внимание, что

упомянутые военно-исторические сочинения были выпущены в нескольких тысячах экземпляров, а статья Ворошилова увидела свет в "Правде" (миллионы экземпляров) и неоднократно переиздавалась массовыми тиражами.

В первом открытом столкновении со **в с е й** РККА Сталин за счет искусных маневров, пока бескровных, одержал внушительную моральную победу.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Великий перелом

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ: РОЛЬ И СТИЛЬ

Апатичное общество, разбитое на мелкие, бессильные элементы, открывая широкий простор развитию сильной власти, вместе с тем создает ей много неудобств, затрудняя установление государственного порядка, без которого невозможна прочная власть.

Ключевский

Вопрос о роли личности в истории остается недостаточно выясненным. Трудно принять точку зрения полного детерминизма, согласно которой назначение личности чисто служебное, она лишь послушный проводник исторических закономерностей, велений времени, от которых нельзя уклониться. Противоположный взгляд, волюнтаристский, о безграничных возможностях сильной личности, не более убедителен. Он, в частности, опровергается своевременностью появления нужных деятелей и быстротой их выдвижения. Как поверить, что ранее не могли отыскаться и не появлялись люди такого плана и соответствующих способностей. Видимо, подобно болезнетворным микробам, они постоянно присутствуют в организме общества, но не всегда создаются подходящие условия для их проявления. Коль скоро условия налицо, они становятся творцами истории, нет — прозябают в неизвестности или не достигают результатов. При этом не остается сомнения, что каждый выдающийся

ся деятель вносит своеобразие в современную ему эпоху, накладывает на нее отпечаток собственной индивидуальности. Еще хочется считать, что успех исторической личности не может не зависеть хоть сколько-нибудь от упорства в стремлении к цели — если таковая имеется. Последнее: все перечисленное может оказаться недостаточным, если будет сведено на нет случайными обстоятельствами.

В свете этой аморфной, доморощенной концепции Сталин не выглядит направляющей силой советской истории. Никак не верится, что не будь его, послереволюционное развитие страны приняло бы совершенно другое течение. А вот если бы не революция, максимум, на что мог надеяться Сталин, — это стать крупным провокатором, и еще неясно, достало бы ему смелости и размаха, чтобы достичь уровня Азефа.

Сталин не создал собственной системы. Это мистика невысокого полета. Система породила Сталина. Не иначе. Когда начинают с совершенного пренебрежения "формальной" — и всякой иной — демократией, когда настаивают на узаконении террора по отношению к потенциальным противникам¹, не говоря уже о действительных, когда карательные органы присваивают право казни на месте без суда и следствия, когда нормальным считается взятие и расстрел заложников, когда росчерком пера обрекают на планомерное уничтожение целые этнические и социальные группы, — тогда нечего лить крокодиловы слезы о сталинских якобы злоупотреблениях властью. Дух и буква законности, лежащей в основании этой власти, усиленно призывают на престол деятелей сталинского типа. Такие правовые нормы открывают необозримые горизонты для самых патологических сторон личности правителя.

А Сталин, что Сталин? Он, главным образом, придавал этой власти формы. Курс на подобного рода власть был взят до него.

Свойства личности, обстоятельства карьеры скорее объясняют почему именно Сталин, а не кто-нибудь иной, занял место всероссийского диктатора, но не дают оснований для заключения, что без него такая диктатура не могла возникнуть.

После Октябрьского переворота Сталин оказался в очень выгодной позиции. Представитель нацменьшинства, которых — исключая евреев — среди большевиков было мало, он находился в узкой руководящей группе, взявшей власть. Стоит вспомнить, что впервые в большевистский ЦК он попал вовсе не вследствие революционных заслуг, которых не наблюдалось. Просто, обнаружив сообразительное послушание, он сумел понравиться Ленину, и тот кооптировал его в Русское бюро ЦК. За пять лет Сталин ничем особенным себя не проявил, но успел посориться с входившим в силу Свердловым. Однако в 1917 г. Сталин приехал в Петроград раньше Ленина (и, кажется, Свердлова). Каменев привлёк его для работы в "Правде". Приезжает Ильич и даёт нагоняй Каменеву с подручными за примиренчество. Сталин не полез в амбицию. Все время между революциями он живет в Петрограде легально и ладит со всеми. Мало известен эпизод, когда именно Сталин от имени Петросовета во главе с меньшевиками и эсерами уговорил кронштадтских матросов, засевших в Петропавловске после неудач июльского выступления, сдать оружие и покинуть город. Сталин сказал им: "Вы кричали — 'Вся власть Советам!' — вот и выполняйте приказ Совета". Сталин не рвался на вооруженное выступление и довольно умело защищал Каменева и Зиновьева от гнева Ленина.

В первом Совнаркоме он получил весьма подходящий — на взгляд Ильича — пост наркомнаца. Русского туда посадить было невозможно, а еврея нецелесообразно — их и так было слишком много. Евреи, кроме того, были меньшинство угнетенное, но не типичное, поскольку не располагали территорией. Об этом писал сам Сталин, ходивший в специалистах по нацвопросу. Его писания припахивали антисемитизмом, но соус был вполне марксистский, и Ленин делал вид, что все в порядке — для борьбы с Бундом годилось.

Сталин в меру молчалив, исполнитель и крайне энергичен — не всегда, правда, в интересах дела. Доверие Ленина к нему растёт. Военные промахи Сталина не особенно бросаются в глаза — все руководящие большевики наделали на фронте достаточно ошибок. Сталин раньше многих дру-

гих понял, что следует без рассуждений идти за Лениным, потому что сила на его стороне. На VIII съезде Сталин совершил тайное грехопадение. Он стоял у истоков "военной оппозиции", боровшейся против использования в армии царских офицеров. Едва заметив отрицательную реакцию Ленина, он немедленно отошел в сторону, предоставив соучастникам выпутываться самим. Уже на бурном X съезде он твердо держится в кильватере ленинского линкора. За это он был вознагражден еще одним наркомовским постом — в РКИ. Вокруг крутого на руку и быстрого в решениях Сталина создается легенда способного организатора.

Так он становится в 1922 генеральным секретарем РКП. Безусловно тогда этот пост ассоциировался с работой технической, канцелярской: нужно было наладить учет и распределение партийных кадров, каковая работа была поставлена из рук вон. Пока Ленин был в строю, аппарат не получил еще могущественной роли. Решают Ленин, Политбюро, реже ЦК — дело аппарата исполнять. Болезнь Ленина резко изменила ситуацию. Соратники начали мысленно примерять беспризорную порфиру. Зарождается комбинация Зиновьева, Сталина и Каменева против Троцкого. Покамест распределение ролей всех удовлетворяет: Каменев заправляет делами в правительстве, Зиновьеву достается политическое руководство, а секретарь ЦК по оргвопросам Сталин — именно в таком виде он предстает на первом послеленинском съезде — ведает аппаратом. Он трудится, не покладая рук: завязывает связи, расставляет повсюду своих людей. Незаметно аппарат подминает под себя партию. Действующий Ленин такого бы не допустил, потому что к вопросам власти был архичувствителен. Он и больной пытается противодействовать, ставит даже вопрос о смещении Сталина. Но Ленин изолирован от собственной партии — теми же триумвирами, тем же Сталиным, которому ЦК поручил ограждать его от посетителей — в заботе о скорейшем выздоровлении.

Теперь положение Сталина самое благоприятное в сравнении с другими вождями. Пусть у них заслуг больше, имена громче — это, как покажет недалекое будущее —

молва, пустой звук. Взамен у Сталина — реальная власть, связи с тысячами людей, которые контролируют жизнь на своих уровнях.

Ленин сосредоточил в центре партии невероятную власть и низвел прочие органы — советские и административные — до положения простых исполнителей или даже безвластных заседателей. Этим было подготовлено грядущее могущество аппарата. Управлять страной из центра невозможно без громадной чиновничьей машины. Этот аппарат — партийный — неминуемо должен превратиться в полноправного хозяина страны, лишенный противовеса в виде представительных учреждений, системы законодательства и общественного мнения. Он заместил прежнюю русскую бюрократию и стал еще более самоуправным. Аппаратчик в своем районе или области всемогущ и всевластен, пока пользуется доверием начальства и не потерял поста. Право назначения и смещения строго централизовано в руках ЦК, практически же его осуществляет Секретариат во главе со Сталиным.

Назначенчество отдаст партию снизу доверху в безраздельную власть аппарата. Любая местная организация лишается возможности выражать свое мнение помимо аппаратной верхушки. Аппаратчики, особенно в среднем звене, всецело зависят от Секретариата. Они не заинтересованы ему противоречить, дабы не потерять своих наместнических постов.

Еще на протяжении нескольких лет определяющая, законодательная роль остается за ежегодными съездами партии. Но теперь верховный аппаратчик Сталин произносит веское слово при формировании их состава. Значительное большинство делегатов — аппаратные работники, незадолго до того им назначенные. (Сохранились любопытные документы. Сталин писал секретарям губкомов записки примерно такого содержания: "Кабаков, очень прошу, поддержи на съезде. Сталин тебя не забудет". Не забывал — расстреливал.)

Доминирование аппаратчиков на съездах хорошо подтверждается официальной партийной статистикой. Последние опубликованные данные о распределении делегатов по выполняемой работе относятся к XIII съезду (май 1924);

на последующих съездах сообщали только о социальном происхождении. Всего на этот съезд прибыло 748 депутатов с решающим голосом. В категорию "рабочие у станка", т. е. рабочие по социальному положению, попадает 54 человека или 7,2% общего числа. Зато занятых "исключительно на партерботе" 488 чел. или 65,3% (внутри этой группы только 37 делегатов или 7,6% ее численности — низовые партерботники). Далее следуют деятели совучреждений — 90 (12,0 %), профсоюзных органов — 51 или 6,8% (в этой группе 8 низовых работников), Красной Армии — 44 (5,9%), хозяйственных органов — 20 (2,7%), кооперации — 1 (0,1%). Это все. Бюрократов всех видов — партийных, профсоюзных, советских, хозяйственных — набирается 86,0 %. Таким образом, в высшем органе пролетарской партии на одного действительного рабочего приходится двенадцать аппаратчиков — более образованных, эрудированных, говорливых. Кажется, вопрос о том, кто решает на съезде, не возникает.

К этому добавлялась чудовищная материальная дифференциация даже внутри партии. В то время, как месячные заработки рабочих находились на нищенском уровне — 20—30 руб., нередко меньше — оклады ответственных работников-коммунистов исчислялись в сотнях. В отчете ЦКК съезду были названы случаи, когда жалование коммунистов (например, в правлении банков) доходило до 1200 рублей в месяц. Это было признано неудобным, и верхний предел спецставок установили в 360 руб., что, впрочем, нарушалось.

Если раньше послушное голосующее большинство съездов складывалось стихийно — под влиянием непререкаемого авторитета Ленина и слепоты партийной массы, то теперь оно сознательно, чуть ли не поименно подбирается. Вот куда завел Ленина и ближайших соратников демократический централизм — военная дисциплина в сочетании с безудержной централизацией, иными словами, непредставительный характер органов партии.

Соперники Сталина не в пример ему имели революционные идеалы (это констатация факта, но не похвала) и были

убежденные марксисты (что не мешало им разводить ожесточенную грызню за правильность толкования учения). Они были интеллигентами, что усиливало в их поведении значение неличных, идеальных побуждений. Все они, за вычетом Троцкого, интриганы и комбинаторы, но на дилетантском уровне. Как люди умственного труда, они недостаточно прагматичны и болезненно нетерпимы к чужим мнениям. Это помогало Сталину сглаживать их друг с другом.

Таков вкратце непосредственный политический фон, на котором выдвинулся Сталин. Однако его успех в борьбе за власть обусловлен и более глубокими историческими факторами. Сталинская диктатура, возникшая в конце двадцатых годов, несомненно, несет отпечаток его личности, но в коренных своих чертах являет закономерное продолжение тенденций и интенций, заложенных Лениным еще на заре советской власти.

Безусловно, Ленин — в паре с младшим партнером Троцким — вынес на себе гигантский труд государственного переворота и последующей борьбы за удержание власти. В этом состоит его величие как революционера, государственного руководителя и вождя партии. Но не подлежит также сомнению, что Ленин получил не то государство, не тот общественный строй, о котором мечтал, а лишь то, что могло реально существовать в российских условиях, что ими допускалось.

Военно-бюрократическая, мракобесная, лапотная, рабская, забитая Россия, какой она была за день до революции, не могла мгновенно переродиться и преобразоваться. Сменились носители власти, перекрашены были фасады в империи фасадов, но существо отношений — людей между собой, к труду, правопорядку, свободе — осталось прежним. Сами устроители новой жизни, того не замечая, несли бремя старой психологии. В методах их действий больше старорежимных замашек, чем можно было ожидать от революционеров, да еще самого крайнего толка. Потом — в тридцатых, особенно сороковых годах — Сталин будет делать упор на великодержавный шовинизм-патриотизм и рабски копировать внешние формы прежнего государственного уклада, вплоть до мелочей, до мундиров и чинов.

Но и в самом начале Сталин опирался на окаменело слежавшиеся, выдержавшие испытание историей пласты национальной психологии. Идеал правителя всегда представлялся народу в виде грозной — без этого с нами нельзя — силы, наделенной справедливостью. Ты посеки, но за дело. Таким образом, готовность к восприятию насилия всегда присутствовала. То, что суровость, жестокость чаще всего выходила на первый план и не оставляла места для справедливости, никого особенно не смущало. Русская общественная мысль не додумалась до тезиса, что божественная природа царской власти остается только до тех пор, пока она руководствуется законами и благом подданных. Такое понимание находим лишь у ц а р я Петра. Поэтому, случалось, императоров убивали придворные янычары, но никогда не к а з н и л и по приговору народного суда. Стоит ли добавлять, что Карл Стюарт и Людовик Бурбон были неизмеримо человечнее и мягче самого либерального нашего самодержца.

Извечно в России сила утвердившегося авторитета, монаршья воля, обычай в глазах населения стояли выше справедливости, закона, религии. Поэтому захват власти, равно и обладание ее атрибутами, становились решающим доводом в любом политическом, юридическом, даже нравственном споре. Победителя, поднявшегося на вершину власти, народное мнение оправдывало неизменно. Если не хватало аргументов — рациональных или схоластических, ссылались на таинственные, нераскрываемые соображения, известные одним сидящим наверху.

Все это создавало исключительно благоприятные условия для выдвижения сильной личности. Ничтожное развитие правосознания, рабская покорность, даже в мыслях не допускавшая сопротивление насилию власти, сильно повышали шансы этой личности, особенно когда она не стесняла себя идеологическими или нравственными ограничениями. После достижения власти прочее прилагалось — любовь народная, безошибочная мудрость, историческая правота. Русский народ, никогда в истории не нюхавший свободы, не подвержен соблазну тираноборства. Он склонен скорее симпатизировать сильным натурам вроде Ивана IV и удерживает в па-

мяти их злодейства с оттенком мазохистического любования.

Недаром все народные восстания поднимались окраинной вольницей или инородцами (казаки — русские только по языку и религии, но не этнически и тем более не психологически). Так же не случайно самостоятельность мышления, нередко косная, обнаруживается, как правило, у раскольников и прочих религиозных диссидентов. Иго постылых монголов сохранялось, как принято выражаться, триста лет (реально поменьше, но все же свыше полутора), а еще более стеснительное крепостное рабство — примерно столько же, с конца далекого XVI века до середины просвещенного XIX. Не беремся судить, были ли указанные явления причиной русской податливости угнетению или ее следствием.

Склонность или подготовленность населения России к демократическому существованию подверглась решительному испытанию на перепутьи между Февралем и Октябрем. Старый строй всех почти стеснял и всем надоел. Поэтому он рухнул. Революционного заговора и организованного движения не было. Бессильный, давно себя переживший, лишенный опоры, он развалился под стихийным напором всеобщего недовольства. Кстати, оно было направлено не столько против самого монархического правления, сколько против определенных форм уклада, которые царизм не сообразил и не умел своевременно изменить. Военные неудачи, как это часто случается, только обнаружили окончательно гнилость строя, обострили и усилили недовольство. Немаловажное, даже первостепенное значение имело то обстоятельство, что строй не в состоянии был переварить результаты быстрого экономического роста, продолжавшегося и во время войны. Был еще один фактор, обычно остающийся в тени. Царизм не только создал свои органы власти, читай насилия, но веками вел с ними изнурительную борьбу. Эти органы, у истоков которых стояла варяжско-монгольская система кормлений, со временем превратившаяся в обыкновенное мздоимство, был противник не из слабых. "Россией правит не император, а столоначальник", — признался как-то Николай I.

Аппарат, бюрократия тоже вели с царизмом борьбу за свои особенные интересы, оставаясь, правда, лояльными к форме правления как таковой. Если в феврале 1917 бюрократия, располагавшая огромными средствами устрашения и множеством верных войск, не встала грудью на защиту романовской монархии, значит, они разуверились в ней. Царизм пал². Старая бюрократия утратила власть и положение. Не оправдалась ее интуитивная уверенность, что любому следующему режиму она понадобится персонально.

Мы хорошо знаем по опыту чужих стран, что свержение монархии не приводит к установлению народовластия автоматически и неизбежно. Нам известны даже образцовые демократии, процветающие под эгидой королевской власти. Ленин писал, что пролетариату — революции вообще — недостаточно завладеть властью, нужно еще сломать старую государственную машину и заменить ее своей, иначе цели революции не будут достигнуты. Перед русскими сторонниками демократии стала мучительная проблема. Все понимали, что необходимо как можно скорее устранить то, на чем сломал голову царизм — старые формы социальной жизни и прежнюю структуру отношений. Если бы это удалось, если бы российская демократия оказалась достаточно сплоченной, решительной и способной к созидательному действию, тогда в стране, в конце концов, утвердился бы новый порядок, более справедливый и человечный.

Увы! Плоть от плоти своего народа, демократическая общественность долгие годы и десятки лет протомилась в ожидании перемен, исписала горы бумаги, бросила немало бомб, но не удосужилась практически подготовиться к строительству новой жизни. Временное правительство выдвинули не одни либералы, а все социалисты, включая большевиков, поначалу боявшихся возврата самодержавия. Но этот орган революции избрал странный образ действий. Вместо того, чтобы решать насущные нужды нации, он предпочел протоптаться на месте восемь судьбоносных месяцев в ожидании Учредилки, которой предстояло натворить демократических чудес, а главное — снять с команды Керенского бремя ответственности. Только очень наивные люди

могли уповать на то, что Учредительное Собрание, которое соберется в обстановке нарастающего голода и продолжающейся бойни, сможет свободно избрать будущий путь России. Городское население жаждало хлеба, крестьяне — земли, солдаты — конца войны. Форма правления мало кого заботила. Если бы Учредилка не дала им всего этого, они бы от нее отвернулись и пошли бы за тем, кто был способен удовлетворить насущные потребности масс — или, по крайности, посулить. Раз решения Земского Собора были predeterminedены, нужно было их осуществлять немедленно.

Нельзя сказать, что либералы, демократы и социалисты, бывшие у власти, не понимали этих велений времени. Но они были слишком привычны к разглагольствованиям, по русской традиции не умели действовать с нужной быстротой и до смерти пугались ответственности. Временное правительство предпочло повременить. Оно не обеспечило ни земельной реформы, ни продовольствия, ни мира, т. е. тех исходных условий, в которых можно было **начать** переустройство России. Народная толща потеряла терпение, ее симпатии сместились влево. Валявшуюся без надзора власть легко взяли большевики — крайняя левая демократия, которая тут же установила, частью против собственных ожиданий, крайне правую, самую деспотичную форму правления.

Большевики одним махом решили две из трех насущных задач — отдали землю крестьянам и провозгласили мир, — чем упрочили свое положение. Этот превосходный политический ход позволил им забрать ставку с кона. Правда хлеб вскоре совсем исчез, а мир и **порядок** (в расчете на который большевиков поддерживала даже часть монархистов) обернулись кровавым хаосом гражданской войны. Надо признать, что земля у крестьян осталась — на целых двенадцать лет...

Спихнув Временное правительство, большевики наспех подкрасили фасад государственного здания (Ленину пришлось это признать) и принялись за управление страной. К этому занятию они были столь же мало подготовлены, как их предшественники, зато в деле удержания власти они

обнаружили колоссальную энергию и цепкость, не убоившись ответственности перед историей, братоубийственной войны и прочих жупелов.

Вопреки безупречным схемам исторического материализма сохранились старые формы правления, а с ними — прежняя структура отношений между властью и подданными. Дело было не в пролетариате, который в России почти не обнаруживался, и не в диктатуре, потому что царизм тоже был диктатурой не из приятных. Строй остался деспотическим, насквозь насильственным и враждебным населению. Народ не могло утешить переименование министров в наркомов, а городских в милиционеров, равно как замена августейших портретов изображениями Маркса и катехизиса — политграмотой. Хуже было то, что старую бюрократию заменила новая, возрастом помоложе, энергичная и полная амбиций. Эти чиновники не вымогали взятки и не ждали подношений. Они брали обывателя прямо за горло и отбирали все — не себе, для революции. Но от этого было не легче.

Усевшись в старые правительственные кресла, вчерашние революционеры скоро позабыли, что (общественное) бытие определяет сознание — одно из немногих верных положений своей доктрины. Их не смущало, что социальная гармония внедряется посредством расстрелов и реквизиций, а светлое здание для будущих поколений возводится на костях современного. Нечувствительно для себя они принялись с неумным старанием претворять в жизнь мечтания глуповских правителей о всеобщем благоденствии через послушание — и в короткий срок так подмяли Россию и прибрали ее к рукам, как и не снилось их предтечам. Во всем этом процессе вклад Сталина самый ординарный, его даже трудно выделить...

Попозже, после победы в гражданской войне, они устранили некоторые архаические препятствия, которые старый режим по неповоротливости и лени не убрал с пути экономического развития, чем безусловно способствовали быстрой индустриализации и росту военного могущества. Они ввели всеобщее образование и ликвидировали неграмотность.

Экономические успехи улучшили жизнь рядовых граждан, но в значительно меньшей пропорции, чем можно было ожидать при таких темпах роста. Львиную долю создаваемого богатства забирало себе всемогущее государство на великодержавную, империалистическую политику и содержание нового и потому жадного до благ правящего класса.

Индустриализация развивалась однобоко. Ее ориентировали, главным образом, на военные и престижные цели. Потребности населения стояли на дальнем плане. В результате уровень жизни оставался весьма и весьма скромным, хотя понемногу возрастал, зато на вооружение — самое дорогое и современное — средства всегда имелись. Помимо этого, бесчисленные миллионы и миллиарды тратились безо всякой пользы для страны — в результате хищений, бесхозяйственности и безграмотных затей всесоюзного масштаба. Наконец, коллективизация и последующее ожесточенное экспериментирование в духе свифтовских ученых мужей привели к далеко зашедшему упадку сельского хозяйства.

Пора вернуться к исходному пункту. Насколько все-таки личность Сталина повлияла на нашу историю? Похоже, очень похоже, что роль Сталина больше всего выражалась в окраске, довольно густой, конкретных событий, в назначении и смещении (чаще уничтожении) отдельных, пусть многочисленных, лиц. Общий ход истории после Октября вряд ли мог иметь другое течение, окажись на его месте другой правитель.

Все равно пришлось бы обуздывать и подавлять оппозицию, питавшуюся естественным разнообразием мнений и интересов, да и не Сталин начал это делать. Неизбежным было столкновение государства, захватившего промышленность, с крестьянством, не желавшим отдавать хлеб на нужды индустриализации, получая взамен преимущественно отчетные нематериальные блага. Обезземеливание крестьян и реквизиция их имущества никак не могли пройти бескровно и мирно. Такие репрессии в крестьянской стране должны были обязательно породить море злобы, ненависти и подавленной агрессивности. Этим был психологически подготовлен террор 1937—1938 годов. Террор вообще

был постоянным спутником власти, ее главным оружием в борьбе с собственным населением, которую она без перерыва вела с первого дня.

В заботе о собственной власти Сталин только придавал форму этим процессам, но не мог, да и не намеревался менять их течение. Им было сделано не то вовсе, что хотелось, но то, что было закономерно и, следовательно, возможно.

Иными словами, из сталинских начинаний лишь те удались, которые отвечали духу и развитости нашего общества, конкретному соотношению социальных сил, психологическим ожиданиям народа, его представлениям о личности и образе действий правителя. Не стоит закрывать глаза на то, что даже сегодня, после оглушительных разоблачений культа личности, миллионы самых простых людей продолжают испытывать к Сталину глубокую симпатию. В их памяти осталась фигура вождя, сурового и беспощадного, но с импонирующими чертами величия и несгибаемой воли. Неожиданным образом главным в ностальгии по сталинским временам выступает мотив порядка. Никто при этом не отрицает, что этот самый порядок выражался не в отлаженности и гармоничности государственного механизма, а во всеобщем страхе и повсеместном, крайне жестоким насилии. Тем не менее в воспоминаниях об этом времени звучат ноты неподдельного сожаления. Пойми после этого загадочную русскую душу...³.

Неверно изображать Сталина только своевольным злодеем. Он был, спору нет, беспринципным и чудовищно безнравственным человеком, хитрым и коварным интриганом, кровожадным и бездушным тираном, шедшим на все ради власти. Однако в государственной деятельности его отличает скорее близорукость, нерешительность и вялость, которые время от времени, надо признать, уступали место кипучей энергии при осуществлении идиотских новаций, бросаемых обычно на полдороге.

Сталин вовсе не намеревался погубить Россию, хоть и поставил ее на край пропасти. Он сделал это, чтобы не потерять власти, никак не со зла и не в силу испорченности натуры. Как и всякий правитель, он искренне желал видеть страну процветающей и могучей, а население благоденствующим.

щим, много трудился над этим и добился ничтожных результатов. Причиной была система, во главе которой он стоял, для подобных целей непригодная.

Исторические гадания ненадежны. Трудно предвидеть, как пошли бы дела, если бы страной управлял не Сталин, а Троцкий (Каменев, Бухарин). Но легко могло стать, что ему пришлось бы делать многое в сталинском духе, а если бы не хватило духу, система бы его сменила и поставила перед преемником те же задачи...

Сказанное не преследует цель оправдать Сталина. На нем, как на каждом, лежит ответственность за все реально содеянное. Вдвойне поэтому полезно из совокупности обвинений (к сожалению, исторических, не уголовных) выделить те, что относятся к Сталину лично и не могут быть предъявлены безликой системе.

Сталин не выдумывал террора и массовых репрессий. Методы устрашения, подавления, истребления и экспроприации больших групп населения стали применяться до того, как он стал у кормила.

Красный террор был объявлен после покушения на Ленина в 1918 году. В том же году были уничтожены все члены императорской фамилии, находившиеся в пределах досягаемости. В самом начале 1918 большевики осуществили национализацию промышленности — крупнейшее по масштабам изъятие частной собственности без компенсации⁴. Параллельно шли реквизиции квартир и личного имущества (включая библиотеки, собрания картин и пр.) у так наз. непролетарских элементов.

В 1919 в соответствии с четкой директивой ЦК проводилось массовое истребление казачества. Во время гражданской войны широко практиковались расстрелы заложников из буржуазии и дворянства. Десятки тысяч врангелевских офицеров и зеленых, сдавшихся под условием сохранения жизни, расстреляны в Крыму в 1921 году. Тогда же в атмосфере всероссийского голода производились массовые изъятия церковных ценностей, сопровождавшиеся карательными мероприятиями против духовенства. 1921 год ознаменовался также подавлением многочисленных народных восстаний, в том числе в Кронштадте и на Тамбовщине.

С начала двадцатых годов тысячи членов запрещенных политических партий — буржуазных и социалистических — содержались в концентрационных лагерях и политизоляторах. В 1922 г. ВЧК выслала из страны большую группу видных интеллигентов.

Таким образом, репрессии были обычным делом, когда Сталин стал вершителем политики. Даже лишение крестьян земли — коллективизацию — нельзя полностью отнести на его счет. Большевики всегда стремились к социализации земли, что на практике означало государственное владение. Декрет о земле была мера вынужденная. Этот тактический маневр вынимал душу из эсеровской программы, отрывал солдатскую и крестьянскую массу от самой влиятельной тогда партии социалистов-революционеров. В дальнейшем, не трогая земли, которую, кроме крестьян, некому было обрабатывать, советская власть изымала почти весь выращенный на ней урожай (продразверстка). Только угроза всероссийского крестьянского бунта заставила отказаться от этой государственной политики по отношению к мужику и ввести НЭП. На протяжении двадцатых годов власть т е р п е л а крестьянство как единственного производителя хлеба, но противоречие, несовместимость, "ножницы" между государственной промышленностью и частнособственническим сельским хозяйством всегда стояли на повестке дня. В тоталитарном государстве это положение было аномальным и не могло длиться вечно.

Когда понадобились средства на индустриализацию (первоначальные накопления), крестьянство оказалось единственным классом населения, у которого было что взять — остальные были экспроприированы ранее. Главный результат коллективизации состоял в переходе земли в безраздельное владение государства. Колхозы — прикрытие, паллиатив, переходная форма, недаром от нее постепенно отказываются. Пусть хлеба в стране на первых порах стало меньше, зато он сразу попадал в руки государства, которое теперь не зависело от рыночной стихии и почти ничего не платило земледельцам. Теперь урожаем можно было распоряжаться, исходя из высших соображений. Сталин оказался изобретательнее Ленина. Он по-своему здраво

рассудил, что нет смысла в случае нужды вводить продразверстку, осуществление которой каждый раз было сопряжено с эксцессами и нервотрепкой. Куда удобнее единовременным актом забрать источник урожая, чтобы далее без помех употреблять последний как будет необходимо. В стране разразился голод, но большие партии пшеницы шли на экспорт, а на вырученную валюту приобреталось оборудование для новостроек.

Важно было не столько объединить крестьян для совместного труда, сколько, лишив земли, превратить в нечто среднее между батраками и крепостными. Полное юридическое закабаление становилось излишним, но кое-что в этом направлении было предпринято: беспаспортный режим в большинстве сельских местностей. Потеряв земельные наделы, крестьяне не могли больше вести самостоятельное рентабельное хозяйство⁵. Ради всех этих государственных соображений пошли на изъятие — уничтожение и выселение — лучших производителей сельскохозяйственной продукции, так наз. кулачества (как за десяток лет до того вышвырнули из индустрии ее капитанов). Сталин впоследствии признался Черчиллю, что коллективизация обошлась в 10 миллионов жизней.

Наивные потомки вправе задать вопрос: нельзя ли было отнять землю, не прибегая к уничтожению кулака? К сожалению, это было невозможно. В докладе Сталина на XVII партсъезде содержатся цифры, помогающие оценить масштабы этой исторической необходимости. В 1932 году промышленность выпустила всего 51,7 тыс. тракторов, да и то в условном 15-сильном исчислении; колхозов к этому времени было 217 тысяч. В следующем году их насчитывалось 224,5 тыс., тогда как весь парк реальных тракторов составлял 204 тыс. единиц. На долю МТС, обслуживающих колхозы, падало только 123,3 тыс. тракторов или $\frac{122,3}{224,5} = 0,54$ трактора на колхоз.

Поскольку "сажать СССР на автомобиль, а крестьянина на трактор" намечали в отдаленном будущем, а курс на сплошную коллективизацию был взят немедленно, нужно

было позаботиться о материальной базе колхозов. Инвентарь и тягло в первую голову брали у кулака. Напуганный середняк, заливаясь слезой, также отдавал свое немудрящее имущество, иначе легко было угодить в кулаки; правда, значительную часть скота при этом прирезали, — видимо, чтобы наесться напоследок.

Советские литераторы и деятели искусств изображали кулака обязательно в виде заросшего щетиной, озверевшего мужчины с обрезом для убийства колхозных активистов в одной руке и факелом для поджога колхозного двора — в другой. Без эксцессов, действительно, не обошлось, но стоило бы добавить, что кулаки боролись не с коллективизацией вообще, но с реальными колхозами, создаваемыми на базе реквизованной кулацкой собственности.

Деревенская беднота (голытьба) шла в колхоз без особого принуждения и нередко очень охотно, но приносила туда только голодные рты, а также неумение и нежелание хозяйствовать. Но побуждали к коллективизации тем, что при раскулачивании беднякам перепадала немалая — около одной трети — доля отбираемого личного имущества. Таким способом подогревался энтузиазм при отнесении зажиточных крестьян к кулацкой категории и одновременно насыщались низменные социальные инстинкты.

Мы видим, что в своем крупнейшем деянии на государственно-экономическом поприще Сталин ничего не выдумывал, но действовал в русле прежней политики и лишь довел ее до логического завершения. При этом было бы несправедливо отнимать у него авторские права на те нововведения, которые он действительно задумал и осуществил.

Сталин в первые использовал широкие политические и судебные репрессии как инструмент в борьбе за власть внутри самой партии. Объектом репрессий стали миллионы его единомышленников-большевиков, в их числе почти все старые революционеры. Кровавая война группировок и лиц за господство в правящей партии привела к сокрушительному разгрому государственных учреждений и институтов. Его не избежала даже армия, стояв-

шая в стороне от схватки и служившая верной опорой власти партии над страной.

Безудержное насилие, постоянно направляемое большевиками против населения, бумерангом ударило по ним самим. Исторически этот процесс был солидно подготовлен и обусловлен, но не протекал стихийно, подобно движению воздушных масс. Его осуществляли л ю д и, разные люди, много людей. Режиссером и дирижером выступал Сталин.

Даже если признать существование исторической предопределенности, все равно для каждого государственного деятеля, человека вообще, остается в ы б о р (свобода воли): быть ему лично орудием неизбежного или нет. Потому что всякая историческая неизбежность есть скорее совокупность факторов и предпосылок для протекания определенных процессов, чем жесткий детерминизм, свойственный геологическим или физическим явлениям. Деяния, поступки совершаются людьми, а система, политический строй только создают для них условия и стимулы.

Сталин раньше и лучше остальных лидеров двадцатых годов осознал, что в сложившейся обстановке единственную ценность представляет в л а с т ь, отнюдь не выбор правильной линии в политике или успешная ее реализация. В условиях тотальной диктатуры любые результаты легко представить в желательном освещении, причем большинство народа не только не будет протестовать, но и поверит в предложенную интерпретацию. Монополия на средства информации позволяет провал обозвать неслыханным успехом, грабеж — несравненным благодеянием, рабство — высшей формой свободы, массовые убийства и лагеря — подвигами в духе нового, самого совершенного гуманизма.

Враждебное противопоставление правящей прослойки народу в сочетании с принципом круговой поруки и взаимного покровительства создавали перманентную неустойчивость всей структуры власти. В атмосфере личной борьбы за место в руководящей верхушке эта нестабильность время от времени разрешалась многочисленными отсечениями. Именно в развязывании и обеспечении широчайших репрессий, в приспособлении к этой задаче государственного и

общественного устройства, всей жизни нации состоит в е-
л и ч и е Сталина. В этом его историческая роль, здесь же
обозначился вклад Сталина в искусство государственного
управления.

Во внешнем оформлении репрессий наблюдались ощути-
мые различия. Устранение оппозиционеров проходило под
оглушительное пропагандистское сопровождение, сталинцев
уничтожали столь же беспощадно, но обычно без шума и
огласки. Применялись убийства, обычные или медицинские,
после которых имя жертвы оставалось в официальных
святцах: Киров, Орджоникидзе, с большим вероятно —
Куйбышев, Горький, Менжинский, Жданов, Щербаков, в бо-
лее ранний период — Фрунзе, Дзержинский. Другие уходят
из жизни тихо — по решению тайных судов, в результате
расстрелов без суда или умаривания в тюрьме, а в казен-
ном обиходе предаются забвению: Постышев, Косиор, Эйхе,
Уншлихт, Ежов, Вознесенский, Кузнецов... Членов обеих
групп роднит известная, впрочем, ограниченная самостоя-
тельность и наличие популярности. Включение их в дальней-
шем в официальную историю часто зависело от размеров
популярности.

Сходная ситуация сложилась по отношению к деятелям
Красной Армии. Сначала были казнены и громогласно
ошельмованы (именно в такой последовательности) наибо-
лее талантливые военачальники с самостоятельным мышле-
нием: Якир, Тухачевский, Уборевич, Фельдман, Примаков и
др. Затем со сцены бесшумно исчезли более ретроградные
и заурядные, которых предварительно принудили стать со-
участниками и пособниками преступления: Блюхер, Дыбен-
ко, Каширин и много других.

Начиная с XVI съезда (1930) в партии и стране утверди-
лось руководство нового типа. Раньше правила коалиция
группировок, теперь — признанный вождь и его соратники.
В большинстве это деятели второго разряда, обозники ре-
волюции, которые при Ленине не могли даже мечтать о
ключевых постах. Они преданы Сталину, энергичны, бес-
принципны и довольно безлики. Это последнее качество
допускает градации, поэтому те, кто обладает выраженным
подобием индивидуальности, самые яркие среди бесцвет-

ных — Киров, Орджоникидзе — имеют наименьшие шансы удержаться в седле. Исключением, пожалуй, служит колоритная фигура Кагановича, обладавшего неиссякаемой энергией, железной хваткой и выдающимися организаторскими способностями, которые, впрочем, слишком часто употреблялись не в интересах народной пользы. Возможно, Сталин сохранил его за глубокую личную преданность, которую не поколебали репрессии против двух братьев Кагановича. Для любого из сталинской когорты подозрение в интеллигентности прозвучало бы как худшее оскорбление.

Сталин на всю жизнь остался профессиональным заговорщиком. Поэтому внутри созданного им коллектива руководителей, достаточно послушных и раболепных, всегда действовало обособленное немногочисленное ядро. Ядро не только держало в руках планирование политики и контроль за ее осуществлением, оно еще постоянно конспирировало против остальных лидеров и в нужный момент забивало их.

Первоначально в ядро вместе со Сталиным входили Молотов, Каганович и закулисный оперативный штаб, т. н. Секретариат т. Сталина: Маленков, Ежов, Поскребышев, Товстуха, Мехлис. Большинство этих теневых фигур выросло в деятелей крупного масштаба — кроме Товстухи, рано умершего от туберкулеза. Близко к этому тайному совету стоял Ворошилов, но вряд ли входил в его состав. Безусловно, за его пределами находились такие первостепенные сановники, как Орджоникидзе, Постышев, Рудзутак, Киров, Куйбышев, Ягода, безвластные фигуранты вроде Калинина и порученцы типа Микояна. Ядро забрало себе колоссальную власть. На совещаниях этой узкой группы обсуждались и предпринимались все вопросы, которые затем выносились на пленумы и съезды. Ответственный за кадры Маленков располагал картотекой чуть ли не на всех членов партии.

Со временем состав ядра претерпевал изменения. Место Ежова, много потрудившегося в период репрессий, олицетворявшего их и потому лишнего, занял Берия. На первые роли выдвинулся Маленков, подключились Жданов и идеолог антисемитизма Щербаков.

Внутри сталинского штаба шла своя борьба. С началом войны много влияния забрали Маленков и Берия в ущерб "старикам". В конце сороковых эта двоица при содействии или попустительстве Сталина физически расправилась с Ждановым и его командой ("ленинградское дело"). К XIX съезду Маленков вырвал у Сталина значительную власть над партийным аппаратом. Больной, перенесший два инсульта Сталин сделал попытку перехватить инициативу, ухватившись за "дело врачей". Под ударом оказалась вся сталинская гвардия. Сталин начал теснить ее по всему фронту, надеясь заменить новыми людьми (расширенный Президиум ЦК).

Но старые бойцы хорошо усвоили науку вождя и изучили его повадки. Перед лицом общей угрозы они приостановили распри и объединились. Составился заговор, где Берия и Маленков действовали совместно с Молотовым, Кагановичем и Хрущевым (сталинский питомец, член Политбюро, не бывший, однако, никогда в ядре). Сталин умер исключительно вовремя. Многое говорит за то, что заговорщики организовали медицинское убийство Отца Народов в лучшем сталинском стиле. Во всяком случае, на другой день после этой смерти они перекроили все органы власти, то есть фактически совершили государственный переворот.

Для лучшего понимания природы и генезиса сталинского феномена уместно воспользоваться аналогией с одним произведением русской классики. Давно отмечено, что проницательный взгляд Достоевского открыл в пореформенном нигилизме (и его конкретном выражении — нечаевщине) значительно больше, чем там содержалось к моменту написания "Бесов". Это роман-прогноз, удачная зарисовка будущей психологии той особенной среды, в которой проросла микробиологическая культура революций XX века⁶.

Не нужно много воображения, чтобы заметить: Иосиф Виссарионович Сталин сильно напоминает Петра Степановича Верховенского⁷. У них обнаруживается сходство психологических черт и ценностных установок, из чего возникают параллели в социальном поведении.

Верховенскому-младшему ничего в жизни не надобно, кроме в л а с т и над людьми, и не простой — гегемонии.

Таков и Сталин. Техническое различие состоит в том, что литературному персонажу приходится произносить на эту тему монологи, иначе его не поймут читатели, а реальному политику — молчать, не то его разгадают окружающие. Нет у них обоих никаких идей — например, о преобразовании мира, как у Желябова или Ленина.

Их руководящая идея — власть. Прочие идеи и целые идеологии суть только средства для завоевания господства. Мирового. Верховенский мечтает подчинить себе планету. Оружие — мрачная, детально разработанная и увы! реализуемая (мы убедились) утопическая система Шигалева ("это гений вроде Фурье, но смелее Фурье, но сильнее Фурье..."⁸). Прикрытие — фигура папы римского. "Надо только, чтобы Internationale согласилась", — оговаривает он и тут же добавляет оптимистически: "Так и будет". Вычищенный семинарист Джугашвили берет на вооружение другую, не слишком отличную утопию и добирается-таки до высшей власти. Но аналогия простирается дальше. Вождь мирового пролетариата для достижения господства над планетой готов был вступить в союз с самим папой, правда, не римским — фашистским. 25 ноября 1940 года член русской секции Коммунистического Интернационала И. В. Сталин телеграфировал в Берлин согласие СССР вступить в тройственный (антикоминтерновский) пакт. Не его вина, что сделка не состоялась. Как и литературный прототип, он — хотел.

Другие черты как на подбор совпадают: хитрость, коварство, гибкость, изобретательность и неразборчивость в выборе средств, склонность к интригам, целеустремленность и колоссальная энергия. Сталин тоже не брезгует обыкновенными убийствами, не говоря о псевдоюридических, пользуется, пока есть надобность, уголовным элементом. Так было в молодости — похоже из семинарии его удалили не за политику; уголовники участвовали в ограблении Тифлисского банка и других сталинских экспроприациях, их почерк угадывается в убийстве В. М. Бехтерева. Потом, у вершин власти, уголовники стали излишни, нашлись средства посильнее.

Сталин на манер Петра Степановича высоко ставит утилитарную пригодность идеологии и организации. Это подводит

нас к разговору о щигалевщине. Социальная программа Щигалева вырастает из разлада личности с жизненной средой. Мыслящий, недостаточно (почти не) образованный, нетерпеливый молодой человек ущемлен, задет, уязвлен безобразием русской действительности. Знакомство с социалистической литературой подсказывает ему образец устройства жизни на разумных, научных, справедливых основаниях. Но чем больше он сопоставляет книжные модели с мерзостью реального мира и стерильных людей будущего с современниками, тем острее понимает несбыточность, химеричность всех этих фаланстеров, коммун и Городов Солнца. Вы слушайте:

”Посвятив мою энергию на изучение вопроса о социальном устройстве будущего общества, которым заменится настоящее, я пришел к убеждению, что все создатели социальных систем, с древнейших времен до нашего 187... года, были мечтатели, сказочники, глупцы, противоречившие себе, ничего ровно не понимающие в естественной науке и в том странном животном, которое называется человеком. Платон, Руссо, Фурье, колонны из алюминия — все это годится для воробьев, а не для общества человеческого. Но так как будущая общественная форма необходима именно теперь, когда мы все собираемся действовать, чтоб более уже не задумываться, то я предлагаю собственную мою систему устройства мира... Объявляю заранее, что система моя не окончена... Я запутался в собственных данных, и мое заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей, из которой я выхожу. Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом. Прибавлю, однако ж, что, кроме моего разрешения общественной формулы, не может быть никакого”⁹.

В этом месте слушатели заливаются смехом, и зря. Щигалев — диалетик не из последних. Не у него одного заключение противоречит исходным посылкам, точнее — средства

отрицают поставленную цель; у Шигалева это совершается в рассуждении, кое у кого — на практике.

В романе указывается, что система Шигалева обширна, на ее изложение он намечал десять вечеров. Но смысл ясен: одна десятая человечества получает абсолютную власть над остальными, которые

”...должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде бы как первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать”.

Позвольте, да ведь это нам знакомо, разве в других словах! Диктатура пролетариата, которого в России неполных два миллиона на 150 миллионов жителей. Бесклассовое общество, где воцарится подлинное равенство. Социалистическое воспитание масс формирует нового человека. И конечно — кто не работает, тот не ест.

Шигалевщина предвосхитила реальные настроения русскобольшевистской разновидности марксизма, куда от Бланки и Нечаева попало не намного меньше, чем от Маркса и Энгельса. При взятии власти идейных большевиков вдохновляло искреннее и сильное убеждение, что малочисленный социалистический авангард (партия) способен в короткий срок преобразовать жизнь и психологию народа, дабы привести его в социалистический рай, которого массы ввиду их отсталости пока не вождедеют. При этом на средства достижения этой цели ограничения фактически не накладывались. Словами поэта Коржавина:

Еще бы немного напора такого
И смыто проклятие рода людского.
Последняя схватка, последняя свалка
И в ней ни врага и ни друга не жалко.

Сопоставление можно продолжать, интереснее, однако, другое. С установлением власти большевиков для порывистых деятелей шигалевского толка открылось необозри-

мое поприще. С поразительной быстротой сочиняли они свои теории и схемы, приправляли их марксистской терминологией и обеспеченные с тыла диктатурой принимались за дело. Огромная страна, все сферы жизни стали полем бездумных, преимущественно бредовых, экспериментов. В памяти удержались больше безумства культурные и научные, но были и другие — похлеще. Вот несколько примеров, взятых наудачу.

Сразу после Октября был провозглашен немедленный социализм с конфискацией буржуазного имущества и одинаковой почти оплатой любого труда. Чуть позже, когда жевать стало нечего, уравнительность одним махом заменили иерархией п а й к о в из 15 категорий. Кстати, принцип привилегированного распределения благ оказался очень живуч. Долгое время производились упражнения с календарем: пятидневки, шестидневки, непрерывки. В школах пользовались рассыпными учебниками, студентов обучали бригадным методом, природу преобразовывали до неузнаваемости. Шли бесконечные кампании, движения и почины...

Общественные науки затерзали до такого состояния, что уже вскоре в стране не осталось ни экономистов, ни социологов в нормальном, общечеловеческом понимании этих профессий. Равно как и историков. В литературоведении свирепствовал вульгарный социологизм, в лингвистике — теория Марра о трудовом происхождении языка. Энтузиасты нового театра добивались для себя монополии с обязательным закрытием таких вредных учреждений как Большой, Мариинский и пр. Новые художники и скульпторы требовали чуть ли не запрещения всех других стилей.

РАПП вел крестовый поход под знаменем превращения литературы в управляемый производственный процесс — не без успеха. Футуристы и прочие будетляне в чисто базаровском духе призывали к уничтожению классического наследия, чтобы освободить место для подлинно социалистической литературы. Это удалось меньше, но оставило выдающиеся образцы вандализма. Один высокого роста поэт, еще не ведавший, что потом, после смерти, Сталин назначит его лучшим и талантливейшим на всю эпоху, облачился в желтую кофту и повел своих единомышленников мазать

дерьмом памятник Пушкину¹⁰. Но довольно примеров!

Сталин принял страну в разгар шигалевских дерзаний. Он был человек консервативный, тяготевший к старорежимному укладу. Твердая власть, вдохновенное раболепие, самозабвенное подчинение — были его идеалы. Лихорадочные и оголтелые новации нравиться ему не могли. Но как чуткий и трезвый политик он избегал идти поперек потока. Сталин предпочел жить и править в шигалевской атмосфере — вышло недурно. Оказалось, что в неразберихе и свистопляске даже удобнее утверждать и расширять свою власть. Поэтому он до поры, до времени относился терпимо к явлениям, которые в душе не мог не считать форменным безобразием.

Только когда положение его совсем упрочилось, он умирил и укротил стихию, теперь уже ненужную и стеснительную. В каждой области был установлен идол с непрерываемым авторитетом. Вышло опять не худо: ожесточенные метания сменились полным застоем. Особенно это сказалось на науках, которые до того оставались в стороне: генетика, агробиология, психология, физиология, кибернетика. Про литературу и искусство даже говорить излишне. Порой в соответствии с начертаниями Шигалева устраивались с у д о р о г и: борьба с низкопоклонством, погром генетики, переворот в языкознании и т. п.

Судорога занимает особое место в шигалевской системе. Эту часть учения Сталин не только подхватил, но и неслышанно развил. Вот что это такое в изложении Верховенского:

”У рабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность, но раз в тридцать лет Шигалев пускает судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно чтобы не было скучно. Скука есть ощущение аристократическое; в шигалевщине не будет желаний. Желание и страдание для нас, а для рабов шигалевщина”¹¹.

Общая идея не могла не понравиться, но нуждалась в углублении и уточнении. Скуку Сталин признал фактором малозначительным, а личной потребности в страдании ни-

когда не испытывал. Судорога пускалась не для предупреждения сплина у рабочих и крестьян. Она стала регулярным средством укрепления лично-групповой тирании.

Мы здесь не противоречим себе. Предпосылки и условия для миллионных судорог создала с и с т е м а, но сталинская команда взяла на себя инициативу и труд развязывания репрессий, придания им вселенского масштаба. Иначе предпосылки могли остаться втуне или выразиться в более скромных результатах.

Мы заканчиваем сопоставление со знаменитым романом, хотя не исчерпали всех возможностей. Цель была не столько в деталях разработать аналогию, сколько указать на нее.

УДАР ПО ШТАБАМ

Выиграв важные стратегические позиции, Сталин и Ворошилов в стремлении закрепить успех предприняли еще одну акцию — на этот раз в форме открытого нападения на кадры Красной Армии. В 1930 году органы НКВД арестовали большую группу видных военных специалистов, пришедших в РККА из старой армии. Среди них было много генералов и полководцев царского Генштаба, все они принимали участие в гражданской войне на стороне Советов. К моменту ареста большинство спецов — профессора высших военных учебных заведений. Вот далеко не полный список: уже знакомые нам А. А. Свечин и А. Е. Снесарев, получивший, кстати, звание Героя Труда к X годовщине Октября; бывший военный министр Временного правительства А. И. Верховский; б. начштаба Восточного фронта Ольдеррогге; б. начштаба 4 армии и Туркфронта Балтийский; начальник инженерных войск, герой крымской переправы А. Д. Малевский, а также известные военные писатели и преподаватели Б. К. Верховский, Базаревский, Бесядовский, Высоцкий, Колегов, А. Г. Лигнау, С. Р. Лукирский, Михеев, Доливо-Добровольский, Голубинцев, Сапожников, Сегер, Ранц, Соколов, Суворов, В. Г. Сухов, В. Н. Егорьев и много, много других — заслуженных, авторитетных, уважаемых, награжденных.

Допросы ничего не дали, потому что тогда еще не все умели сознаваться в том, чего не делали. НКВД зато хорошо усвоил, что отсутствие вины не служит основанием для освобождения, посему арестованных отправили в лагеря Ленинградской области. Весной 1932 года тех, кто выдер-

жал оздоровительный лесоповал, выпустили на волю и вернули на прежние посты; некоторых даже допустили впоследствии в новую Академию Генштаба, например, Свечина и А. Верховского. Кое-кто, однако, остался вне армии — Егорьев, Б. Верховский, Снесарев. Независимо от последующего освобождения схваченных, удар по армии был серьезный. А. И. Тодорский в уже цитированной нами рецензии, имеющей форму исторического очерка, пишет о репрессированных профессорах:

“...убежденно отмечу, что все они составляли действительный цвет старой армии в самом положительном смысле, и, я бы сказал, в какой-то степени и цвет Красной Армии, потому что они органически вошли в ее плоть и кровь и сами гордились ею, как своей армией... К этому времени все без исключения старые генералы и высшие офицеры уже окончательно акклиматизировались в советских условиях, полноправно считая себя активными участниками строительства нового мира, поскольку все они были на гражданской войне и служили в РККА, а служба в Красной Армии сама по себе считалась особо почетной”.

Мы приведем еще одну цитату из работы Тодорского, которая чрезвычайно ценна как единственное письменное свидетельство очевидца:

“В этом вопиющем беззаконии сказался традиционный сталинско-ворошиловский подход к военным специалистам, который проявлялся с начала гражданской войны. Мне особенно памятливы эти трагические дни 1930 года, когда обезумевшие от горя жены и дети арестованных бросились за защитой в секретариат наркома Ворошилова, а последний, не разбираясь в их просьбах, адресовал их ко мне как к начальнику УВУЗ’а (Управление военных учебных заведений. — Авт.). Что мог сделать я — один из многих начальников центральных управлений, когда эти аресты были произведены по решению Сталина и с санкции Вороши-

лова? Мои обращения к тогдашнему заместителю Наркома внутренних дел лично мне хорошо известному и хорошему моему знакомому т. Мессингу не привели ни к чему”.

Так оценивает действия сталинского руководства большевик Тодорский, выходец из бедных крестьян. Собственно говоря, о характере обвинений не было известно почти ничего. Шепотом говорили, что эти пожилые люди составили монархический заговор. Они надеялись, надо полагать, что у них достанет сил сломить мощь Красной Армии и НКВД.

Тем не менее некоторые уверовали в реальность генеральского заговора. Например, бывший поручик и дворянин Михаил Тухачевский не только принял версию Сталина-Ворошилова, но и подвел под нее военно-научную базу. Сегодня, с исторической дистанции, это представляется невероятным. Мы успели уже привыкнуть к тому, что во всех без исключения мемуарах, вышедших после посмертной реабилитации Тухачевского, он изображается как воплощенный ангел.

Увы! Из истории, как из песни, слов не выкинешь. 25 апреля 1931 года в Ленинградском отделении Коммунистической Академии состоялось открытое заседание пленума секции по изучению проблем войны. Стенограмма этого ученого собрания издана отдельной брошюрой (Против реакционных теорий на военном фронте. Критика стратегических и военноисторических взглядов проф. Свечина. Л., 1931). Дискуссия дело обычное в жизни науки, но этой придавало пикантность то обстоятельство, что она велась с отсутствующим и поневоле безмолвным противником. Свечина только для лицемерного удобства именовали профессором. Он был тогда обыкновенный зэк и с группой своих академических коллег рубил лес во славу пятилетки. Как принято на советских дискуссиях, все ораторы держались одного мнения.

В качестве первого и главного был поставлен доклад Тухачевского ”О стратегических взглядах Свечина”. На беззащитного противника были вылиты ушатые ненависти и лжи. Тухачевский обнаружил себя способным учеником своего

вождя и своего наркома в искусстве извращения чужих взглядов и фальсификации фактов. Обратимся, однако к тексту доклада.

Первое время, отмечает Тухачевский, Свечин, будучи начальником Генштаба, с охотой воевал против немцев:

”затем с началом гражданской войны его активное участие ни в чем не проявлялось. Он работал в Военной академии... Мы видим у него статьи ярко озлобленного порядка и антисоветского содержания”.

Запомни, читатель: в разгар гражданской войны на советской территории (г. Москва) царила такая свобода, что бывший николаевский генерал мог безнаказанно печатным словом ругать советскую власть, одновременно оставаясь у нее на службе. Правда, чтобы уразуметь истинную направленность этих статей понадобилось более десяти лет пристального марксистского анализа. Тухачевский продолжает:

”В комиссарах Красной Армии Свечин видел опасную помеху работе командиров:

’...каждый дельный пытающийся сосредоточиться на своей задаче, осаждается роем советчиков, прожекторов, делегатов, комитетов, бездельников всех сортов и рангов, пересекающих ему дорогу, стремящихся присвоить результаты его работы, захватить его компетенцию’ ”.

Интересно, что о комиссарах в цитате не упоминается. Может быть Тухачевскому показался политически подозрительным термин *советчик*? Но если говорить серьезно, то Тухачевский находит у старого генерала все больше и больше отрицательных черт:

”С презрением и враждебностью относится Свечин к политработе... Свечин марксистом не был и никогда не хотел им быть”.

Это в самом деле неразумно, но есть дела похуже. В 1919 году Свечин осмелился заявить:

”Белая, серая или красная армия это — дело вкусов организаторов вооруженных сил. Красная милиция может быть в такой же степени, как может быть красный хлеб”.

Мысль неортодоксальная, но, кажется, старик был ближе к истине, чем его обвинитель. Чем иначе объяснить, что сам Тухачевский, бывший прогрессивным с самых пеленок, целых три года в рядах старой армии героически защищал царизм — бок о бок с миллионами простых людей, впоследствии перешедших в Красную Армию? Беспрекословное подчинение, без которого не существует ни одна армия, делает ее послушным орудием в руках командования. Разве Красная Армия использовалась для одних только освободительных миссий?

Тухачевского приводит в ярость утверждение Свечина, что стратегии обеих сторон в гражданской войне мало отличались, так как у них была

”...общая база голода, нищеты, разрушенного транспорта, утомленного войной и уклоняющегося от воинской повинности крестьянства”.

Отсюда

”...известное совпадение основной стратегической линии как красных, так и белых. Поход Деникина на Москву в 1919 г. имеет свое продолжение в походе красных на Варшаву в 1920 г.”

В этом месте Тухачевский задет лично. Он ищет поддержки в ленинской цитате:

”...еще несколько дней победоносного наступления Красной армии и не только Варшава взята (это не так важно было бы), но разрушен Версальский мир...”

При этом, однако, не говорится, что сам Ленин признал бросок на Варшаву просчетом в политике. Злодей Свечин, между тем, смеет писать:

”Красные армии, как бы игнорируя материальные силы поляков на вооруженном фронте, вступили в бой с Версальским договором. Это уже мистика, особенно в условиях сокрушения”.

Свечин верил в универсальность военной науки, ее независимость от политики и идеологии:

”Мы рассматриваем войну со всеми ее возможностями и не стремимся сузить нашу теорию до наброска красной советской стратегической доктрины”.

Поэтому, логически заключает Тухачевский,

”...Свечин писал свою ”Стратегию” не для того, чтобы готовить победы Красной Армии. Наоборот, сущность ”Стратегии” Свечина является пораженческой в применении к СССР”.

Тухачевский никогда не понимал до конца главной идеи Свечина — о решающей роли стратегической обороны в современной войне. На сокрушение могут делать ставку только малые или слабые страны, которые не располагают достаточными ресурсами, но хотят или вынуждены вести войну. Свечин за полтора десятилетия предсказал, что блицкриг имеет мало шансов на успех в большой войне:

”Поход сокрушительного стиля ставит наступающие армии в столь невыгодные материальные условия, так ослабляет их на охрану флангов и тыла, требует таких усилий для их снабжения, что от конечной неудачи можно предохраниться только путем одержания выдающихся оперативных побед”.

Разве сам Тухачевский не испытал этого в полной мере в варшавской операции? Еще более наглядные иллюстрации представил Гитлер, когда рванулся на Москву и юго-восток.

Воистину, оратор не ведает, что цитирует. Общая оценка

свечинской стратегии звучит злобно и заушательски; это политический донос, навет:

”Теория ”измора” Свечина в приложении к СССР по существу вырастает... в защиту империализма от наступления пролетарской революции”.

Коснувшись мимоходом экономических вопросов, Тухачевский и здесь находит повод лягнуть опального профессора, который не слишком обольщался чудесами пятилетки:

”Было бы грубой ошибкой, жестоким отрывом от реальности забыть о тех огромных девственных пространствах, на которых Днепрострой и будущий Нижегородский автомобильный завод являются только крупинками”.

Конечно, старый генерал несколько пересаливал в своем скепсисе, но куда меньше, чем другие в дежурном оптимизме. Нетрудно заметить, что он призывает всего лишь к осторожности в оценке нашего экономического потенциала. Тухачевскому не до тонкостей. Концовка доклада поражает теоретической глубиной:

”В развитии военной теории иметь правильную вооруженность марксистско-ленинским методом является основной задачей, и в свете этой задачи очищение нашей военной мысли от всякого свечинского наноса является вопросом первостепенной и первоочередной важности”.

В описываемом заседании Свечина долбили и шерстили со всех сторон. Он из рук вон плох как военный историк (выступление К. Бочарова), у него негодная методология (И. Слущкин) и порочные оперативные взгляды (А. Седякин). Свечин не понимает ни характера будущей войны (П. Суслов), ни роли морских сил (И. Дуплицкий); его взгляды на мобилизацию промышленности в военное время — чистое предательство (В. Дунаевский)¹. О политиче-

ском лице обвиняемого (И. Фендель) и его отношении к Красной Армии (И. Газукин) ничего положительного сказать невозможно, при всем желании.

У Свечина был, разумеется, страшный изъян. Он не давал себе труда заниматься камуфляжем и спекуляциями, не обладал склонностью к конформизму и имел неосторожность говорить голую правду. В Академии он был беспощадно строг с учениками и не устал твердить, что противник не станет заглядывать в "Азбуку коммунизма" и никому не сделает скидок на пролетарское происхождение, политграмотность и прогрессивность взглядов. За это лучший русский военный теоретик послереволюционной поры был брошен в лагерь и публично ошельмован.

Остается сделать частные, но горькие выводы. Революция отняла у Тухачевского не одно офицерское звание (в 1931 году их еще не успели ввести заново), но и понятие о воинской чести. Кажется, не нужно много ума и совести, чтобы сообразить бесчестность нападения с лживыми наветами на человека с кляпом во рту и руками, скрученными за спиной. Вот так, исподволь, устанавливался в армии нравственный климат, благоприятный для террора. Стоит ли удивляться, что вскоре отобранные тираном военачальники будут посылать на казнь своих товарищей по оружию, ничуть не веря в их виновность. А затем сами пойдут в пыточный застенок под улюлюканье своих преемников.

КРАТКАЯ ПОРА РАСЦВЕТА

Внезапные рывки и крутые повороты государственного руля — дело обычное в полосатой отечественной истории. В 1930 Сталин во второй раз пренебрежительно отверг призыв Тухачевского вооружить Красную Армию современной военной техникой, для чего требовалось создание оборонной промышленности. Но в мае 1931 г. Тухачевского назначили заместителем наркома и начальником вооружений РККА. Это произошло буквально сразу после постыдного участия в ошельмовании Свечина и как бы в награду за преданность начальству. Причины, разумеется, лежат глубже. Открывается новая глава в биографии Красной Армии — самая славная за ее недолгое двадцатилетнее существование.

Предвестники серьезного поворота обнаружились уже летом 1930 года — на XVI партсъезде. Правда, Сталин, увлеченный нападками на правых и рекламой колхозного строительства, вопросы о б о р о н ы в своем докладе попросту обошел. Зато выступление Ворошилова в прениях было знаменательным. В нем прозвучала нескрываемая тревога. Конечно, Председатель РВС СССР подошел к своей задаче по-большевистски; говорил он на алилуйски-эзоповском языке, однако для посвященных высказался достаточно красноречиво.

Ворошилов начал издалека и широкими мазками набросал состояние западных армий. Империалисты идут по пути ускоренной механизации своих вооруженных сил, наращивания огневой мощи. Численность танков, самолетов, автомобилей, орудий возрастает с устрашающей быстротой. Особое значение придается к а ч е с т в у бое-

вой техники. Приготовления к войне стали т о т а л ь н ы м и:

”Страна, ее экономика в целом — промышленность, сельское хозяйство и транспорт, ее культурные учреждения и ее научные силы, — вот рычаги, приведенные сейчас в действие для подготовки к будущим жестоким схваткам”.

Все это были вещи правильные, разумные, и другие, в частности Тухачевский и Триандафиллов, говорили то же самое два-три года назад.

Теперь было бы естественно перейти к делам внутренним и показать как обстоит дело с техническим оснащением Красной Армии. Но такая последовательность и откровенность была не в обычае у сталинских политиков. Делегатам съезда было заявлено, что

”...вооруженные силы нашего Союза являются в организационном, боевом и политическом отношении надежной вооруженной опорой диктатуры пролетариата”.

В качестве доказательства Ворошилов привел данные о социальном составе РККА, где рабочие и батраки составляют 33%, а крестьяне — 58%. Комсостав на 30% сформирован из рабочих, партийцев там 51%. Что же старые офицеры — бельмо в глазу левых оппозиционеров и постоянная мишень нападок? Они почти все члены партии, да и покрывают лишь 10% командирских кадров. Главное, что численность армейских коммунистов выросла за два года с 82 до 129 тысяч.

Все это обнадеживало и даже вселяло уверенность. Но нарком сказанным не ограничился. Упомянув, что за истекшие два года много военных вопросов прошло через ЦК и Политбюро, он вдруг брякнул:

”Но решение — это одно, а проведение в жизнь, осуществление решений — вещь совершенно другая”.

Правда, к членам ЦК и правительства у него нет претензий, но —

”...но наша военная промышленность и промышленность в целом в смысле снабжения обороны всем необходимым как в отношении количества, так и качества, к сожалению еще хромает довольно основательно”.

Обвинение было серьезное. Хуже того, оно фактически адресовалось высшему руководству — вопреки вежливой оговорке. Как бы чувствуя неувязку, нарком пообещал:

”По этим вопросам я буду выступать по докладу т. Куйбышева, и мне придется сказать кое-что не совсем приятное для нашей промышленности”.

Доклад Куйбышева был выдержан в заливчатском тоне. Он сыпал обещаниями, главные из которых — по углю и металлу — оказались не выполненными даже наполовину. Нужды армии совсем не упоминались. Ворошилов так и не выступил; во всяком случае, в стенографическом отчете не находим ни текста речи, ни упоминания о ней. Дело все же не обошлось гладко. Слово взял руководитель судостроения Р. Муклевич. Этот сразу ухватил быка за рога.

Он начал с того, что в докладе Куйбышева общие задачи промышленности ”очерчены конкретно, подкреплены цифрами и фактами” (цифры присутствовали в избытке, что касается ф а к т о в, то они, как пишут в наших газетах, не п о д т в е р д и л и с ь; мы скажем про это в главе о XVII съезде). К сожалению, продолжил Муклевич,

”...вопросы обороны, значения промышленности для обороны обозначены слишком общими мазками. Говорить об этих задачах следует, потому что под ш и р м о й с е к р е т н о с т и на местах, на заводах, а часто и в более высоких учреждениях, просто существует н и ч е г о н е д е л а н ь е”.

Вона что: эта разновидность родной советской т у ф т ы процветала уже тогда. Упрек властям верховным на этот раз был брошен прямо в лицо. Мало того, Муклевич обвинил их в военно-экономической безграмотности:

”Существует убеждение, что увеличение промышленности автоматически усиливает обороноспособность страны. Это утверждение не совсем верно”.

Далее он разъяснил, что имеется в виду не работа на одни военные склады, а разработка плана быстрого перевода промышленности на военные рельсы, и повторил:

”Простой взаимозаменяемости мирной и военной промышленности, как многие думают, не существует”.

Во главе многих стоял товарищ Сталин, который не вполне уразумел эту элементарную истину до самой войны. Муклевич говорил исключительно сухо и деловито. Ему было не до здравии и восхищения успехами. Под конец речи он еще раз ткнул носом сталинское руководство:

”Внимание к военным вопросам у нашей промышленности хромает, должной подготовки к обороне не ведется”.

Куйбышев вызова Муклевича не принял и в заключительном слове оставил эти тяжелейшие обвинения без ответа. Больше на XVI съезде проблемы обороны не поднимались, если не считать шутовского выступления Буденного¹.

Как можно понять по осторожной вылазке Ворошилова, еще до съезда на сталинскую верхушку оказывали серьезное давление с целью пересмотра отношения к обороне и строительству армии. Трудно полностью очертить круг лиц, поднимавших эти вопросы, некоторые все же устанавливаются вполне определенно. Нажим, скорее всего, проводился по двум направлениям. Первое было связано с техническим оснащением армии и созданием оборонной промышленности; на высшем уровне оно было представлено Туха-

чевским, Триандафилловым, Муклевичем, Алкснисом, Халепским.

Вторая группа ратовала за строительство линии стратегических укреплений вдоль западной и южной границ, подобно тем, которые возводились в Германии, Франции и Финляндии. Относительно состава этой группы у нас нет точных данных, но с большой вероятностью сюда можно отнести Якира, вернувшегося после учебы в Германии, Уборевича, Гамарника, а также некоторых членов ЦК, которые ушли к этому времени на гражданскую работу, но имели голос в военных делах, — в первую очередь Хатаевича.

Это были две **р а з н ы е** группы, хотя впоследствии, через несколько лет, они сомкнулись. Косвенное свидетельство тому — книга Триандафиллова "Характер операций современных армий" (1929), которая играла роль манифеста Тухачевского и его сторонников. В книге яростно защищается концепция механизированной армии, изложены принципы последовательных операций, из которых вышла теория "глубокого" наступления, но ни слова не говорится о целесообразности стратегических укреплений. Сие неудивительно, потому что **т о г д а** команда Тухачевского в стратегии отдавала решительное предпочтение наступлению². Впрочем, этой установке она оставалась верной и позже, хотя в несколько смягченной форме.

Сталину, Ворошилову и их старому другу Егорову, начальнику Штаба РККА, было не до тонких различий. По существу взгляды обеих групп были им чужды. Они собирались воевать без затей — шашкой и винтовкой. И конечно — наступать. Их не могли убедить теоретические выкладки специалистов, как и прочие интеллигентские штучки. К этому времени именно Сталин был провозглашен крупнейшим стратегом гражданской войны, а двое других были его ближайшие соратники. Вкупе с Буденным они считали себя в силах одолеть любого врага. Только изменение военно-политической обстановки в Европе, пример армий других стран и возросшее влияние фашистов в Германии заставили их пойти на уступки.

Из-за того, что новый курс был принят вынужденно, под сильным давлением, он проводился не очень гладко и часто

противоречиво. На командных постах бок о бок с новаторами восседали махровые ретрограды, считавшие перемены излишними, чуть ли не блажью в подражание загранице. Нарком Ворошилов вертелся как флюгер, попеременно прислушиваясь то к одним, то к другим. Начштаба Егоров склонялся к консерватизму. По-прежнему роль главной ударной силы отводилась кавалерии. Конники вроде Буденного и Городовикова пользовались большим влиянием. Они не уставали твердить, что танку нипочем не заменить лошадь — хотя бы по причине российского бездорожья (!). В достаточном количестве встречались ретивые служаки, ставившие старорежимного фельдфебеля выше любого военного профессора. В гражданскую они воевали храбро. В мирное время, по их мнению, от красноармейца требуется молодецкая вид, знание ружейных артикулов, четкий строевой шаг. Под этим соусом подавалась муштра и парады, столь милые сердцу Блюхера.

И все же новый курс медленно, но неуклонно становился реальностью. В руководство РККА пришлось ввести людей, мало приятных Ворошилову и Сталину. Первым заместителем наркома и Председателя РВС СССР стал Я. Б. Гамарник, самостоятельный и решительный деятель, сторонник прогрессивных начинаний. Он возглавил ГлавПУР. Пост второго заместителя и начальника вооружений достался Тухачевскому. Единственный военный профессионал в руководящей тройке, он возглавил не только техническое, но и научное перевооружение армии. В состав РВС СССР был введен также Якир, один из самых думающих и авторитетных военачальников.

В первой половине тридцатых годов сложился сильный руководящий коллектив аппарата военведа, что сказалось, прежде всего, на усилении боеспособности армии. Высшим органом РККА оставался Реввоенсовет. Правда, со времен революции он все больше превращался в формальную инстанцию, штампующую решения 4—5 высших военных руководителей, однако он существовал и в определенной мере связывал руки и Ворошилову, и Сталину. В 1934 году под предлогом совершенствования аппарата РВС был упразднен Наркомат по военным и морским делам переименован в

Наркомат обороны, а Нарком стал единоначальным главнокомандующим РККА и РККФ. Он получил право принимать решения без обсуждения. Но Ворошилов самостоятельных решений выше средней категории важности выносить не осмеливался, хорошо зная свою некомпетентность.

Перевооружение армии пошло полным ходом и на солидной основе. Под конец двадцатых годов по недоумию все высшие учебные заведения технических родов войск были сведены в единую Военно-техническую академию. Теперь на ее базе были воссозданы Военно-Инженерная, Электротехническая, Химзащиты, Механизации и Моторизации, Инженерно-авиационная академии РККА. Появились Военно-Воздушная академия и Академия Генштаба. В середине тридцатых годов в строю уже были 2—3 выпуска "академиков", многие из которых качественно усилили армейскую интеллигенцию.

По инициативе Тухачевского был создан координационный орган по разработке и внедрению новой боевой техники — Остехбюро (Особое техническое бюро), где работали выдающиеся инженеры Л. В. Курчевский, В. И. Бекаури, Н. Э. Лангемак, П. И. Граховский и др.

Успехи в создании боевой техники были впечатляющими. Нигде, пожалуй, созидательный энтузиазм пятилеток не проявился с такой силой, как в конструировании самых совершенных образцов вооружения. Крылатые машины Туполева совершили несколько рекордных перелетов, приковавших внимание всего мира, — в их числе через Северный полюс на американский материк. Советская бронетанковая техника, почти не существовавшая в двадцатых годах, бурно прогрессировала³. Венцом ее развития была "тридцатьчетверка" — танк, которому почти не было равных до конца второй мировой войны. Пионерскими достижениями увенчались работы в таких новых областях, как радиолокация и реактивное оружие. Этим успехам во многом способствовали Тухачевский, Алкснис, Халепский и их сотрудники. Они не только по достоинству оценили поиски таких блестящих конструкторов как Туполев, Поликарпов, Ильюшин (авиация), Дегтярев, Токарев (стрелковое оружие), Котов (танкостроение), Лангемак, Победоносцев (реактивные сна-

ряды — прототип "катюши"), Цандер, Королев (ракеты); они еще сумели создать им сносные условия для работы, что было делом весьма нелегким.

Довольно быстро налаживалось серийное производство новой техники. По словам Тодорского, "в 1932 году Харьковский завод с трудом выпустил два танка (это за год!), а в 1935 с его конвейера ежедневно сходили роты машин". Стоит указать, что шефом ХТЗ был украинский воевода Якир.

Войска с ходу осваивали технические новинки. В качестве испытательного полигона использовались Белорусский и особенно Украинский военный округ. Здесь прошли знаменитые маневры 1935—1936 гг. — в присутствии иностранных наблюдателей, среди которых, наряду с англичанами, французами и чехами, нашлось даже место для итальянцев. Маневры преследовали двоякую цель. Прежде всего, это была отработка взаимодействия новых родов войск — танков, авиации и воздушнодесантных — с пехотой. В организации этого взаимодействия и внедрения его навыков в воинские части велики заслуги Якира. Он был выдающимся практиком военного строительства, хотя и не оставил сочинений. К этому времени относится его деловое сближение с Тухачевским, апостолом механизированной армии наступательного характера. Якир, признавая всецело значение техники, склонялся в пользу стратегической обороны. Помимо линии укреплений, его стараниями была создана сеть партизанских баз на случай вражеской оккупации. Этому детищу Якира не суждено было дожить до начала войны.

Оборонительные симпатии Якира, поддержанные Тухачевским, предопределили характер маневров 1935 под наименованием "Борьба за Киев". Войска "красных" искусно, во всеоружии современной техники, защищали город от нападения противника. Документальный фильм об этих маневрах приобрел широкую популярность. Вторая цель учений имела в виду Запад. Это была намеренная демонстрация боевой мощи РККА. Иностранные наблюдатели были поражены. Мировая пресса загудела о силе Советов.

За несколько лет в Украинском и Белорусском округах были построены мощные долговременные укрепления.

Личная вовлеченность в эти дела Уборевича и особенно Якира стоит вне сомнений. Можно спорить о степени практической полезности такого рода сооружений, но они вполне отвечали высшим стандартам фортификационного искусства и не уступали линиям Мажино и Маннергейма. К сожалению, они не прошли боевых испытаний, потому что Сталин додумался разоружить их еще до начала войны...

Наряду с этим бурно и плодотворно развивалась военная теория. Наиболее заметные результаты обозначились в области тактики и оперативного искусства. Здесь советская школа шла в ногу со всей Европой, нередко ее опережая. Венцом поисков этого периода стала теория "глубокой операции". Ее основы ("последовательные операции") заложили в двадцатых годах Тухачевский, Н. Н. Мовчин, Н. Е. Варфоломеев, В. К. Триандафиллов, Б. К. Калиновский (два последних погибли в 1931 г. в авиационной катастрофе). Дальнейшую разработку взяла на себя группа способных и напористых теоретиков во главе с Г. С. Иссерсоном.

Поскольку наступление считалось основным видом боевых действий РККА, то теория начала с наступательной операции. В этом месте мы вынуждены сделать небольшое отступление.

Хотя формы ведения войны претерпели за историю человечества много радикальных изменений, однако лежащие в их основе логические принципы были открыты очень давно. Это в особенности относится к тактике — искусству организации боя, непосредственного вооруженного столкновения. Так, в IV веке до н. э. фиванский полководец Эпаминонд применил сосредоточение своих сил против уязвимого пункта в построении противника. Две с половиной тысячи лет назад Ганнибал при Каннах устроил грозным римлянам, говоря сегодняшним языком, оперативный котел. Оба эти принципа остаются в силе до наших дней, и не случайно, что, разрабатывая основы глубокой операции, советские теоретики опирались на них — применительно к современному вооружению.

Фронт противника, даже если он сплошной, неизбежно имеет слабые места — обычно на стыках соединений. Этим определяется направление главного удара, где должны быть

сосредоточены войска, превосходящие противника в живой силе и технике в 3—5 раз и имеющие трех-четырёхэшелонное построение. Прорыв тактической полосы обороны начинается с массированного артиллерийского удара по намеченному для наступления участку. Затем пехота и танки непосредственной поддержки совершают прорыв и закрепляются, чтобы дать возможность следующему эшелону — саперам — сделать полосу проходимой для подвижных соединений. Теперь на оперативную глубину обороны противника вводятся механизированные и кавалерийские корпуса, не участвовавшие в первом ударе. Таких участков прорыва намечалось несколько — по одному для каждой армии или группы армий в составе фронта. При этом считалось, что оперативный прорыв подвижных соединений, поддержанный высадкой воздушного десанта, приведет к окружению и уничтожению значительных сил противника, а в конечном счете — к серьезному ослаблению его боевых возможностей.

Это была оригинальная по тому времени теория наступления. Ее отрабатывали на маневрах тридцатых годов с участием механизированных корпусов и воздушно-десантных соединений, причем оба рода войск были впервые в мире созданы и испытаны в РККА. Таким образом, молодые советские теоретики стали пионерами в решении некоторых проблем наступления в будущей войне. Следует, однако, отметить, что созданная ими теория не была вполне зрелой и законченной.

Мы дадим сжатую сводку основных положений глубокой операции, следуя изложению одного из ее создателей — Г. С. Иссерсона. Другие интересные разработки той поры, в частности идеи и принципы организации и применения крупных мехсоединений, носят слишком специальный характер, чтобы на них здесь останавливаться⁴.

Иссерсон очень красочно изображает существо глубокой операции:

”...от изнурительного, ползучего, последовательного преодоления огневого сопротивления по расчленениям, по этапам и по частям мы переходим к одновременно-

му сковыванию всей тактической глубины противника и подавлению и одним одновременным всеподавляющим воздействием ломаем, проламываем и уничтожаем противостоящее сопротивление. Тем самым решается вопрос преодоления огневого фронта во всей его глубине" ("Военная мысль, 1937, № 1).

Такой радикальный подход был реакцией на мучительную, вязкую окопную войну 1914—1918 гг., когда главными факторами были мощные оборонительные сооружения, разрастание фронта по ширине до естественных пределов и недостаточность ударной мощи атакующих. Считалось, что не только сохранится сплошность фронтов, но они еще будут глубоко эшелонированы. Теперь, чтобы эффективно использовать возросшую силу наступления — поражающую и механическую — решили прибегнуть к глубокому эшелонированию атакующих порядков:

"Современная операция есть операция глубины, она должна быть рассчитана на всю глубину и должна быть готова к преодолению всей глубины... линейная стратегия одной волны оперативных усилий не может разрешить этой проблемы наступления".

Цель теперь не достигается с помощью одного удара или сражения. Операции будут **многоактными**. Они превратятся в планомерную последовательность глубоких ударов. Каждой операции предшествует длительная подготовка; этот этап вполне управляем, он почти целиком в руках командующего. "Наибольшего напряжения и кризиса следует ожидать в конце". Характер борьбы:

"Это будет сплошным морем огня и борьбы, которое широко разлилось по фронту уже в мировую войну и которое разольется на всю глубину в будущую войну".

Победит тот, кто в кульминационный момент бойни окажется сильнее и организованнее:

”... наступление должно уподобиться целому ряду волн, с нарастающей силой набегающих на берег, чтобы размыть и сокрушить его непрерывными ударами из глубины”.

”Современная многоактная глубокая операция не решается одним одновременным ударом совпадающих усилий. Она требует глубокого оперативного наслоения этих усилий, возрастающих по мере приближения к высшему пункту достижения победы”⁵.

Легко заметить, что в изложенной концепции не оставлено места искусству, умению, стремлению перехитрить противника, застать его врасплох. ”В основе военных действий лежит разум”, — сказал некогда Клаузевиц. Здесь во главу угла поставлены — мощь, воля, организация, целеустремленность. Цель — физическое подавление и буквальное уничтожение противника. Метод — запрограммированная серия сокрушающих фронтальных ударов. В этом ”море борьбы” победителем будет тот, чей лоб и кулак окажутся крепче.

Было бы, однако, неверно рассматривать теорию глубокой операции как простую апологию механизированного насилия. Она действительно в концентрированном виде выразила тенденции военной мысли тридцатых годов. Ее взяли на вооружение немцы и с большим успехом применяли в Польше и Франции. В 1943—1945 гг. глубоко эшелонированные удары не раз наносили советские войска.

Беда была в том, что такой способ ведения боевых действий выдавался за универсальный и единственно возможный. Между тем ему присущи изъяны, которых старались не замечать. При отсутствии решающего превосходства над противником, при искусности и подвижности его обороны на обширном стратегическом пространстве нападающий не только не добивается победы, но сам становится весьма уязвимым. Любой боксер должен знать, что в момент нанесения сильного удара он ”раскрывается”. Если атака не достигла цели, то соперник встречным ударом может послать его в нокаут. Свечин еще в двадцатых годах развил это правило в применении к стратегии. Его не хотели слушать. Создатели глубокой операции с огромной неохотой,

изредка, вскользь упоминают об обороне. В этих случаях их красочный, энергичный язык становится бледен и вял. Относительно цены лобового наступления они и вовсе молчат. Нам придется затронуть эти скучные материи.

Даже беглое знакомство с глубокой операцией позволяет выделить ее характерные черты. Она предельно агрессивна, исключительно прямолинейна, исходит из предположения о подавляющем превосходстве своих войск и не считается с потерями. Причину, конечно, следует искать не в кровожадности теоретиков, а в исповедуемой стратегической идеологии. Тот, кто верует в стратегию сокрушения (по-немецки *блицкриг*) не может прийти к иным оперативно-тактическим установкам. Стереть в порошок оборону противника, заодно его самого — вся недолга. Во что обойдется такой лобовой подход в современной войне, по существу, не интересует творцов доктрины. Они заранее провозгласили, что фланговые удары будут редкостью, а фронтальные — правилом. Ничего, следовательно, не остается, как биться головой о ближайшую оборонительную стену.

Сходным образом мыслили немцы, готовясь к своим завоеваниям. Оглядываясь на три десятилетия назад, Иссерсон жалуется, что Гудериан в 1936 г. провозгласил такой же метод танкового прорыва заблаговременной обороны, какой советские теоретики выдвинули в 1932—1933 гг. Это близко к истине, но куда важнее приоритета другое. Методы глубокой операции обильно применялись во второй мировой войне. Они давали отдельные оперативные плоды, но цена, как правило, оказывалась чрезмерной и наступала расплата в виде стратегического истощения.

Тухачевский, Триандафиллов, Иссерсон горячо отвергли выводы Свечина о преимуществах подвижной стратегической обороны в большой войне. Свечина уничтожили в 1938 г., но выводы его блестяще подтвердились. У Гитлера, у японцев дела шли хорошо, лучше некуда, пока им противостояли заведомо слабые или неподготовленные страны. Зато в тотальной войне походы сокрушительного стиля провалились все до одного, несмотря на ошеломляющие успехи поначалу. Германские войска хозяйничали в Запад-

ной Европе, вторглись в Африку, оккупировали Балканы и Скандинавию, захватили Польшу, Украину, Белоруссию, Прибалтику, чуть ли не половину Европейской России, дошли до Москвы и Ленинграда, прорвались к Волге, нависли над Закавказьем и — кончили безоговорочной капитуляцией. Такая же участь постигла Японию, которая одно время контролировала огромные территории на востоке и юго-востоке Азии и чуть ли не весь Тихоокеанский бассейн.

Еще сильнее этих общеизвестных фактов в пользу концепции Свечина работает другое обстоятельство. Сверхагрессивная Германия, которую в 1943 году вынудили перейти к стратегической обороне, продержалась два года, воюя в одиночку против всего мира. Крупнейший на Западе военный теоретик и историк Б. Лиддел Гарт по окончании второй мировой войны пришел к выводам, под которыми Свечин без колебаний поставил бы свое имя⁶:

”Если представить себе те потери, которые понесли германские вооруженные силы, и тот ущерб, который был причинен их материальным ресурсам, то кажется просто чудом, как могла Германия так долго сопротивляться, ведя войну на столь многочисленных фронтах... Прежде всего длительное сопротивление Германии свидетельствовало об огромной мощи, присущей современной обороне. Согласно обычным военным расчетам, германские вооруженные силы не должны были устоять перед таким мощным натиском даже в течение одной недели. Однако они выдерживали его многие месяцы. Когда немцы оборонялись на фронте, ширина и глубина которого соответствовала их силам, они часто успешно отражали удары, несмотря на шестикратное, а иногда и двенадцатикратное превосходство противника...

Если бы противники Германии своевременно знали об этом и подготовились к отражению агрессии, используя в максимальной степени преимущества, присущие обороне, мир был бы избавлен от колоссальных разрушений и жертв.

Много лет тому назад знаменитый боксер Джем

Мейс, исходя из своего опыта боев на ринге, рекомендовал следующее правило: "Пусть противник бросится на вас — и он будет битым"...

Справедливость правила Джема Мейса была подтверждена на полях сражений в Африке, России и Западной Европе. По мере приобретения военного опыта все искусные командиры старались извлечь пользу из преимуществ, которыми обладает оборона, даже в тех случаях, когда сами наступали" (Стратегия непрямых действий. М., 1957, с. 435—436).

Нам могут бросить упрек, что задним числом легко отыскивать просчеты. Но здесь на помощь приходит сам Иссерсон. Этот значительный военный писатель, чудом уцелевший в сталинских чистках, в середине шестидесятых годов опубликовал ретроспективный обзор, где содержится много горьких признаний (см. "Военно-исторический журнал", 1965, №№ 1, 3).

Первым делом он констатирует, что теория "глубокой операции" развивалась сама по себе — в отрыве от стратегии:

"Теория глубокой операции достигла в 1936 году такого уровня развития, когда уже нельзя было исключить стратегическую сферу ее применения и когда только стратегические масштабы и обстановка на всем театре военных действий могли ей придать осмысленное, оправданное в данных условиях целеустремленное значение... Иными словами, чтобы разработанную схему глубокой операции превратить в реальное явление, нужно было подвести под нее определенный стратегический фон и вдохнуть в нее стратегическое содержание".

Стоит отметить, что стратегия сокрушения, духом которой все же проникнута глубокая операция, была не разработана, но лишь провозглашена — не в пример свечинской доктрине. Можно возразить Иссерсону, что более плодотворно сначала оформить и осмыслить стратегические прин-

ципы, а затем руководиться ими в развитии оперативного искусства. Это, однако, излишне, потому что в условиях того времени и первое, и второе оказались равно неосуществимыми.

В 1936 г. оперативный факультет Академии им. Фрунзе был преобразован в Академию Генштаба. Но... "это ничего не изменило в системе нашего высшего военного образования в отношении стратегии". Как так? Разве АГШ создавалась не для подготовки высших, т. е. стратегических кадров? Не следует горячиться, уважаемый читатель. Послушай лучше, как это делается:

"...малейший намек на необходимость в том или ином виде ввести в академии курс стратегии как базу для оперативного искусства наталкивался на возражения свыше. Когда этот вопрос был поднят на одном из совещаний перед открытием академии, начальник Генерального штаба маршал Егоров с некоторым раздражением прямо спросил представителей академии: "Ну чем вы будете заниматься по стратегии? Планом войны? Стратегическим развертыванием? Или ведением войны? Никто вам этого не позволит, потому что это дело Генерального штаба!"

Против такой постановки вопроса, конечно, не приходилось возражать..."

Если стратегия, таким образом, отдавалась в безраздельное владение Сталину, Ворошилову и Егорову, то слепота оперативного искусства была неотвратима. Сталин и его приспешники мыслили войну только "малой кровью на чужой территории" и слышать не желали про оборону в любом виде. Насильственно оглушенные операторы ориентировались исключительно на глубокий сокрушительный удар и игнорировали многообразие аспектов боевой обстановки. Это относилось даже к излюбленному ими наступлению:

"Предлагалось, что при начальном стратегическом развертывании образуется сплошной фронт, требующий прорыва и делающий неизбежным фронтальный

удар. С точки зрения расчета сил и емкости театра это было в общем верно. Но при этом не учитывались новые возможности мотомеханизированных сил прошивать фронт ранее, чем он успеет организовать и установиться...”

Без сомнения, речь здесь идет о немецких успехах 1941 года. Вопросы стратегического развертывания в начальный период войны и действия групп вторжения Егоров трактовал по старинке — в духе первой мировой войны. Против такого подхода энергично, но безуспешно протестовал Тухачевский. Глядя на спешно вооружающуюся Германию, что обозначилось уже в 1935 году, он начал понимать: одним сокрушением не обойтись, следует как можно скорее озаботиться подготовкой стратегической обороны (см. главу “Разногласия перед лицом угрозы”).

Между тем с методами оборонительных действий дело обстояло скверно не только в стратегии, но и на оперативном уровне:

“За всю историю Военной академии им. Фрунзе и Академии Генерального штаба тема “Армия в обороне” еще ни разу не прорабатывалась. Техническая оборона была у нас хорошо разработана и занимала во всех полевых уставах подобающее ее значению место. Но в оперативном масштабе говорить об обороне армии на значительном участке театра военных действий считалось как-то неприличным и чуть ли не противоречащим нашей наступательной доктрине”.

Только в 1938 году, после уничтожения основных командных кадров, была сделана робкая попытка: в АГШ выпустили работу “Основы оборонительной операции”. Дальше, однако, пойти никто не решился. Положения работы не получили официального одобрения и остались втуне. Нечего говорить, что о стратегической обороне никто даже не заикался.

Война была все ближе, а застой военной мысли продолжался.

”Наше оперативное искусство в известной степени замыкалось в своих собственных рамках, а стратегическая сфера войны оставалась, к сожалению, в основном вне исследования военной теории. Должное внимание на раскрытии начального периода войны не было заострено, и все необходимые теоретические выводы применительно к нашему западному театру военных действий не были сделаны. Это явилось безусловным пробелом нашей военной теории и, конечно, сказалось в начале войны в 1941 году”.

Мало и этого. Была сделана попытка отступить с достигнутых рубежей. В период чисток покрытый испариной страха Ворошилов обозвал теорию ”глубокой операции” — ”теорией глубокого предательства”. На несколько лет она оказалась под запретом. Это понятно: почти все авторы трудов и пособий были репрессированы, книги, конечно, изымались. Ударные кулаки глубокой операции — механизированные корпуса — были расформированы после польского похода и неудач в Испании. Одновременно свернули развитие бомбардировочной авиации. Правда, в декабре 1940 года мехкорпуса восстановили.

Неуверенность и страх за собственную жизнь прочно утвердились в армейской среде. Тем не менее на врага по-прежнему смотрели с пренебрежением:

”Даже события, разыгравшиеся в 1939 году в Польше и в 1940 году во Франции, не изменили господствовавших официальных взглядов и не поколебали их. Впрочем, в глубине сознания высшие офицеры Генерального штаба понимали, что обстановка начального периода войны может сложиться совершенно иначе. В некоторых кругах Генерального штаба и АГШ об этом говорили довольно конкретно с соответствующими расчетами в руках. Однако эти разговоры велись только при закрытых дверях и не шли дальше служебных кабинетов”.

С таким теоретическим багажом и душевным настроем

Красная Армия вступала в войну. Но если быть точным, то это не была уже Красная Армия, а ее преемница — еще не переименованная. РККА перестала существовать в 1938 г. после того, как был почти под корень изведен высший состав и более чем наполовину — командиры среднего звена.

Вернемся на несколько лет назад. Что там ни говори, но вопреки всем препонам и трудностям — объективным и сконструированным сталинским руководством — РККА середины тридцатых была великолепная, первоклассная армия. Лучшая в отечественной истории. На ту пору самая передовая армия Европы и, безусловно, самая думающая. Богатая талантливыми людьми, искавшая и впитывавшая все лучшее, что было в народе.

Эту армию создала революция. Пусть ею нередко беззастенчиво пользовались политики, все равно РККА больше любого другого государственного института несла в себе революционный дух: освобождение от вековых оков рабства, пут косности и невежества, стремление к безграничному совершенствованию, неудержимый оптимизм. Как сказал Лиддел Гарт об армии Французской революции, этот дух "сделал невозможной педантичную муштру, он дал простор развитию способностей и инициативы отдельной личности".

В армии выросло новое поколение военных интеллигентов, которые брались за задачи высшей трудности и многие из них решили блестяще. Эта армия снизу доверху охотно училась. Командиры нового склада воспитывали новый тип бойца, которого не знала императорская армия; они преуспели в этом изрядно. Не шибко грамотного деревенского паренька в РККА не только обучали премудрости пушечного мяса, но прививали навыки культуры, ставили на жизненную дорогу. Возможно, нигде так не ощущалась атмосфера преобразований и надежд, пробужденных революцией.

Не было в той армии серой солдатской скотинки и господ офицеров — как при царе, солдатского и офицерского состава — как сейчас. Были товарищи по оружию — красноармейцы и командиры. Муштру заменили учебой, шагисти-

ку — боевой выучкой. Нижние чины не тянулись перед вышними, да и чинов не было до 1935 г. — одни должности. Уставные формы обращения подразумевали уважение к человеческому достоинству. Получив приказание, отвечали "Есть". Расстреляв РККА, ввели холопские "слушаюсь", "так точно", "никак нет". Постеснялись вернуться к таким казарменным перлам, как "рад стараться" и "премного благодарен", но эффект был тот же.

В РККА даже внешний облик военнослужащих всех рангов нес в себе что-то благородное и сурово-романтическое. Форма была простая, строгая — и для всех фактически одинаковая. Искореня ненавистный дух, ее упразднили, взамен навязали полевую форму царской армии, в которой одни погоны вызывали сложный клубок воспоминаний и эмоций. (Одновременно милицию вырядили как городских.) Чем руководствовался при этом Сталин, в точности сказать нельзя. Возможно, надеялся: в таких мундирах будет меньше охоты думать. Может быть, хотел искоренить даже внешние напоминания о революции, эпоха коих, по его мнению, прошла. Не исключено также, что хотел привлечь симпатии той части населения, для которой просто русская армия будет ближе революционной.

Бог весть, какая, но цель была в конце концов достигнута. Фигура воина — солдата в х/б и офицера в сукне поприличней — сникла, потускнела. Старшие офицеры и генералитет приобрели желанный старорежимный вид. Большинству прежние гимнастерки оказались бы не к лицу. Мешковатые кителя немного все-таки скрадывали живот — этот главный орган, к тому времени решительно выпятившийся у всего советского руководства. Не могли поправить дела опереточные детали: лампасы и красные подкладки у генералов, полковничьи папахи и прочая мишура.

Сталину Красная Армия лучшей поры была и должна была быть ненавистна. Он не был противником армии вообще. Скорее наоборот. Со времен гражданской он неизменно одевался в полувоенный костюм и сапоги. В 1929 назначил себя главным полководцем революции. Нет, Сталину, не умевшему, вероятно, разобрать затвор трехлинейки, определенно нравилось руководить операциями фрон-

тов и даже главнокомандовать всеми вооруженными силами.

Но недоучившемуся бурсаку, рвавшемуся в корифеи всех дел и занятий, никак не могла импонировать РККА, где еще гнезвился революционный дух, давно выветрившийся из партийных и прочих бюрократов. (В Уставе внутренней службы было записано, что следует выполнять все приказания, кроме явно контрреволюционных.) Особенно не по душе были ему высшие командиры — чаще всего молодые, интеллигентные, с собственными взглядами и идеями, в которых он просто не мог разобраться. Недаром он их всех уничтожил — даже тех, кто приплясывал под его дудку.

С 1938 года стало полегче. В полководцы Сталин снарядил людей поплотше, без особых идей и, главное, безгласных. Но еще долго гнали и душили все, что могло напомнить о прошлом. Дело не ограничилось сменой форменной одежды. В 1941—1942 гг. многие прежние соединения были списаны, как погибшие в боях, или расформированы. В 1942 вместе с введением погон восстановили понятие об офицерском корпусе и резко отграничили его от солдатской массы; заодно — в который раз и теперь окончательно — ликвидировали институт комиссаров. В 1944 добрались до наименования всей армии.

Еще прежде, вместе с кадровым составом, уничтожили главное в Красной Армии — дух, традиции, военную культуру. В полном сил молодом организме РККА даже многие недостатки были продолжением достоинств. С вхождением в пору зрелости эти возрастные явления — категоричность выводов, чрезмерный наступательный задор — должны были изжитись. Э т о й армии любой враг был по силам. Невозможно представить чтобы РККА отдала Гитлеру половину страны.

Глава 16

XVII съезд: ПОБЕДИТЕЛИ РОЮТ СЕБЕ МОГИЛУ

*...свято веря в правду класса,
Они, не зная правд иных,
Давали сами нюхать мясо
Тем псам, что после рвали их.*

Коржавин

Когда 26 января 1934 года собрался съезд, страна испытывала голод, а бюрократы — неслыханный морально-политический подъем. Сталин обрушил на делегатов водопад таблиц. Эти данные, преимущественно в процентах, должны были доказать недоказуемое — что все идет прекрасно.

Слово голод, разумеется, не употреблялось как неблагородное. Упоминались трудности, которые успешно преодолеваются. С хлебом, например, дело обстояло совсем недурно. Вот какие сведения привел генеральный секретарь о валовом сборе зерна в миллионах центнеров¹:

1913	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933
735	725	725 ²	717	835	695	699	898

У Сталина выходит, что на годы самой активной коллективизации — 1931 и 32 — приходится определенное падение сбора. Если отнести его к урожаю 1929, получится уменьшение на 3—4%. Делегатам оставалось чесать в затылке: убыль ничтожная, а голод страшный. За эти годы, даже по самым скромным оценкам, умерло от недоедания миллионов пять — шесть крестьян.

Где искать разгадку? Можно, конечно, предположить что придворные мудрецы малость улучшили статистику для доклада. Этого мы проверить не в силах, зато поправки другого рода внести можно — на основании официальных данных.

Провозглашая коллективизацию, Сталин жаловался на низкую товарность индивидуального крестьянского хозяйства. Урожай 1926 года был почти равен довоенному (95%), но товарного хлеба (пошедшего во внедеревенский оборот, т. е. фактически сданного государству) было в двое меньше. В 1927 и 1928 гг. товарность составляла всего 37% от уровня 1913 г. Благодаря драконовским мерам при хлебозаготовках 1929 г. товарность подпрыгнула до 58%, в разгар коллективизации в 1930 г. — до 73. О последующих годах Сталин скромно молчит, но догадаться нетрудно, что товарности снижаться не давали, поскольку у колхозов брать хлеб легче, чем у единоличников.

Перейдя к натуральным показателям, узнаем — сколько хлеба досталось государству и сколько осталось в деревне (для справки — товарное зерно в 1913 составило 208 млн. ц.).

Заготовлено государством, млн. ц.:

1927	1928	1929	1930	1931	1932
77	77	119	152	183 ³	205–210 ³

Осталось в деревне:

	1927	1928	1929	1930	1931	1932
Млн. ц	658	648	598	683	512	494
%	100	98,5	91	108	77,5 ⁴	75 ⁴

Мы видим, что уменьшение не было таким уж скромным. Оказывается, в годы искусственного недорода деревенского хлеба было на 25% менее. Можно подумать, что и эта убавка не так уж страшна. Но подсчет наш, увы, не окончен.

Не следует забывать, что в начале тридцатых годов две трети крестьян стали **к о л х о з н и к а м и**⁵. Первая заповедь в колхозе известно какая: **СДАЙ ХЛЕБ ГОСУДАРСТВУ!** И сдавали — попробуй уклонись, сдавали не менее 30%⁶, а в 1927 — только 9,5; еще в семенной фонд засыпали не меньше 20%⁷, да 15—20% забиралось в резервный фонд и на корм колхозному скоту, плюс сколько-то, хорошо, если 10%, составляли потери при уборке, обмолоте и хранении — чего отсталый единоличник, понятно, не допускал. Теперь выходит, что крестьянину на собственный прокорм оставалось хлеба в **д в о е** или **в т р о е** меньше, чем в 1927—1928 гг.⁸

Вполовину или втрое меньше хлеба — это вам не трудности, это — **з у б ы** на полку. Это **г о л о д**, потому что для российского крестьянина хлеб составлял основу пищи. Мяса он и раньше не имел досыта круглый год, только осенью — в мясоед. Теперь о мясе (и молоке) можно было не заботиться, так как собственную живность мужик, сколько успел, зарезал на пути в колхоз, а общественная была не про его честь. На 1933 год общее поголовье скота в стране составило от уровня 1929 г.: крупный рогатый скот — 56,6%; овцы и козы — 34,5; свиньи — 58,1; лошади — 48,7.

А каково было жителям нечерноземных областей, где и в хорошие годы своего хлеба не хватало до нового урожая? Теперь, в условиях победы колхозного строя, они не могли прикупить хлеба на вольном рынке, потому что его не стало. **К а р т о ч е к**, как рабочим и служащим, крестьянам не полагалось. Они погибали с голоду, **в ы м и р а л и** целыми деревнями и волостями⁹. Такие же страшные вещи творились на хлебобродной Украине.

Государство получило в свое распоряжение в три раза больше хлеба, так что для него коллективизация оказалась действительно успешной. Куда оно его девало, если городскому населению продовольствие выдавалось лимитированно, по карточкам? Неужели Сталин и его доблестные соратники пожирали миллионы центнеров хлеба, мяса и масла? Нет, разумеется, тем более, что они и раньше не голодовали. Хлеб шел на **э к с п о р т** — чтобы оплатить громадные партии промышленного оборудования¹⁰.

Сталин ничего не выдумал нового — он действовал по рецептам троцкистов. Один из их главарей Преображенский сочинил особую теорию "первоначального социалистического накопления". Согласно теории, строительство социализма на первом этапе следовало вести главным образом за счет максимального присвоения государством прибавочного продукта, производимого в "несоциалистической среде" — крестьянами, кустарями, нэпманами. Это звучало чересчур откровенно, и теорию охаивали как нарушающую смычку с крестьянством, что не мешало сталинцам проводить ее на практике с таким рвением, какого не было у Преображенского или самого Троцкого.

Молотов объявил на съезде, что за пятилетку ввезено из-за границы оборудования на 1,5 млрд. золотых рублей; сумма громадная — достаточно взглянуть на список крупнейших строек. Все они оснащались импортным оборудованием, строились по проектам зарубежных фирм и при консультациях иностранных специалистов. (Только рабсила была своя и почти даровая: заключенные, кулаки-спецпоселенцы и голодующие мужики со всех концов России, готовые вкалывать за одни харчи¹¹.) За годы пятилетки вошли в строй: в черной металлургии — Магнитка, Кузнецк, Запорожсталь, первая очередь Нижнего Тагила, плюс несколько заводов было реконструировано; тракторные заводы в Харькове, Сталинграде и Челябинске; автомобильные — в Москве и Нижнем Новгороде; Днепрогэс, Березниковский химкомбинат. Кроме того, произошла реконструкция некоторых предприятий в других отраслях — опять же на основе импортных станков и машин.

Итак, за первую пятилетку были заложены некоторые основы тяжелой промышленности. Стоило еще доложить народу, какой ценой это было достигнуто. То не была цена труда и пота. Индустриальные храмы на крови стояли жизни миллионам российских жителей: к пяти, как минимум, помершим с голодухи, следует прибавить ликвидированных как класс десять миллионов.

Добытые ценой человеческих жизней средства шли в бездонную прорву пятилетки и в немалой степени растворялись в воздухе, не давали результата. Все здесь сказывалось:

безудержно хвастливое фантазерство Куйбышева, который подмял под себя ВСНХ и Госплан, пересажав там всех мало-мальски знающих специалистов — чтобы воткнуть в план пятилетки невозможные цифры; отсутствие квалифицированных кадров, потому что старых инженеров репрессировали в 1928—1930 гг., как раз на пороге реконструкции; воровство и разгильдяйство; помпадурство политических надсмотрщиков.

Первая пятилетка оказалась катастрофически невыполненной по выпуску металла и добыче угля. История с черной металлургией особенно поучительна. В 1928 руководимый Куйбышевым ВСНХ представил свой вариант пятилетки — то ли оптимальный, то ли максимальный, — который превышал показатели Госплана в 1,5—2 раза. Госплановские профессора посмеивались и попытались разъяснить, что такие темпы ничем не обеспечены и потому нереальны:

”Цифры ВСНХ стоят за гранью возможного в этой пятилетке” (проф. Боголепов).

”Я полагаю, что в Госплане пятилетний план ВСНХ оценят вероятно на 8, если не на все 10 лет” (проф. Калининков).

Куда там! Товарищ Куйбышев университетов не кончали, в гимназии не доучились и во всем руководствовались классовым чутьем. Бестолковые профессора-вредители были убраны с дороги прочь — посажены или выгнаны¹². Куйбышев ликовал. На XVI съезде, еще идучи на рать, он говорил:

”...помните ли вы время, когда ВСНХ называлась цифра в 10 млн. т чугуна, когда она противопоставлялась цифре в 6, затем 7 млн. т чугуна и по отправному варианту Госплана в 8 млн. т. Тогда выплавка 10 млн. т чугуна казалась невозможной вещью... Буржуазные экономисты, издеваясь над нами и называя наши планы фантазией, имели в виду прежде всего эту цифру — 10 млн. т чугуна. Так вот, эта ”фантазия” увеличена

на 7 млн. т. Этот увеличенный до 17 млн. т план вызовет еще большую ярость капиталистического мира. Добившись осуществления этой программы, мы, товарищи, станем первой страной Европы по производству чугуна (А п л о д и с м е н т ы.)”.

Напрасно Куйбышев всем уши просверлил 10 и 17 миллионами. Ох, не зря издевались буржуазные экономисты. Не было ярости капиталистического мира, не было и металла...

Настал год 1934. Собрался новый съезд. Никто почему-то не стал делать доклада об итогах первой пятилетки, где было бы прямо сказано: намечено то-то — получено столько-то. Только отрывочные данные, самые выгодные, приводились в докладе Сталина и ряде выступлений — без сопоставления с заданиями. Зато по плану второй пятилетки докладывали сразу двое — тт. Молотов и Куйбышев. Предсовнаркома бесстрастно отметил, что в 1932 году чугуна было выплавлено ... 6,2 млн. т. Излюбленный подсчет процентов отсутствовал. Сделать его нетрудно. От оптимально-максимального варианта, ставшего минимальным, короче, от 10 млн. т достигнутый показатель составил 62%. Помните, ученые мужи предлагали 6, 7, потом 8 млн. В этом случае процент оказался бы красивше. Ну, а если взять окончательный триумфальный выкрик Куйбышева, то итог совсем плачевный — выполнение на 36,5%.

Орджоникидзе в хвастливой по тону речи выболтал, как же удалось добиться, чтобы несколько новейших, гигантских по тому времени заводов давали так мало металла:

“...помню, инженер фирмы “Мак-Ки” убеждал, уговаривал меня ни в коем случае домну зимой не пускать: “Если нет никаких политических соображений, пожалуйста, этого не делайте, — говорил инженер Хейвен в 1931 г., — потому что она погибнет”. В отношении первой домны он оказался пророком, мы ее загубили. Но загубили благодаря нашей плохой работе, а четвертую домну при 35 градусах мороза пустили

наши молодые инженеры, и она работает хорошо". (с. 176).

Одну загубили, одна работает хорошо... Это говорит руководитель всей тяжелой промышленности. На 50% у него вышло.

Серго позабыл сказать, что головотяпской порчей оборудования дело не ограничивалось. Председатель ЦКК кое-что добавил. На 1 июля 1933 года, сообщил Рудзутак, на металлургических заводах было обнаружено неиспользованного оборудования — почти все иностранное — на 220 млн. руб. Чтобы оценить величину этих потерь, укажем, что за три с половиной года во всю тяжелую индустрию было поставлено импорта на 1 млрд. рублей.

Что же Куйбышев? Сконфузился, признал ошибку, профессоров на свободу выпустил с извинениями? Ничего подобного. Ни словом не помянув свой чудовищный провал, он на конец второй пятилетки (1937) наметил 18 млн. т чугуна.

Видимо, при составлении плана имелись серьезные разногласия. Вскочил Орджоникидзе: темпы у нас хорошие, ленинские, сталинские, поэтому давайте не зарываться. Он предложил уменьшить контрольные цифры на конец пятилетки: по всему народному хозяйству на 10%, по тяжпрому — на 6. И про чугун не забыл: зачем нам 18 млн., дадим 16 — тоже будет хорошо. В этом месте сразу трое — Ворошилов, Варейкис, Киров — крикнули "Правильно", а Молотов поддакнул. Выходит, фантазию Куйбышева, намеченную на одно пятилетие, не брались уже осилить и за 10 лет.

Скверно получилось также с углем. Сначала установили на конец пятилетки 75 млн. т, но в связи с изменением плана по металлу цифру нарастили до 125 млн. Уже в 1930 знающие люди предупреждали: уголь интенсивно берут за счет выработки одних старых шахт, не закладывая новых, так что намеченный прирост добычи не обеспечен. Добыли в последнем году пятилетки — 64,2 млн. т, сиречь 85,6 и 51,5% соответственно.

Провалы в металлургической и горной промышленности не были исключением. Они обозначились столь явно

потому, что в этих отраслях продукция на всех предприятиях однородная — чугун, сталь, прокат, уголь — и ее исчисляют в т о н н а х. По той же причине здесь невозможен повторный счет.

Машиностроение зато — более благодатная почва для бумажных успехов: тут результаты производства показывают в р у б л я х. Благодаря этому все получилось у Сталина с Куйбышевым вполне округло. В злополучной речи на предыдущем съезде Куйбышев сказал, что 17 млн. т чугуна предрешают все остальное — главным образом машиностроение. Но чудны дела Твои, Господи! Не дал Ты Куйбышеву всего просимого металла, третью только часть дал, все равно прирост в машиностроении был, как и ожидалось, на яростную зависть капиталистическому миру. Металла черного стали производить в 2 раза больше, а машин в 13 раз! В 1928 выпустили на 703 млн. руб. (Куйбышев, XVI съезд, с. 487), в 1932 — на 930 млн. руб. (Молотов, XVII съезд, с. 356). Это было чудо, и большевик сотворил его. Можно также подумать, что где-то под спудом лежали немыслимые запасы металла. Так нет, еще до начала пятилетки страна испытывала острейший металлический голод.

Объяснение между тем простое. Развитие промышленности сопровождалось усилением специализации предприятий, отсюда возрастал повторный счет. Еще изрядно подскочили цены на металл и машины (о чем глухо упомянул Ворошилов), еще, конечно, п р и п и с к и — не без того. Все это вместе взятое дало добавочные машины из чернил и бумаги, потому что стали и чугуна взять было негде.

Не все обстояло столь мрачно. Была одна сторона пятилетки, где все цифры можно брать с полным доверием, — капиталовложения. Когда доходило до траты кровавой народной копейки, всяк норовил вбухать поскорей и поболе, слабо заботясь о пользе. Инвестиций на всю пятилетку намечено было 13 млрд. рубл., но за три первых года успели израсходовать 11 млрд. — вместо плановых 6,86. Откуда взялось недостающее — лучше не спрашивать¹³.

У читателя это не должно создать впечатления, что в с я пятилетка была сплошной липой. Ряд крупных заводов

действительно вошел в строй — мы их почти все называли. В стране появились в некотором количестве свои машины: трактора, комбайны, грузовики, танки, самолеты. Невозможно оспаривать жизненную необходимость индустриализации. Вопрос в другом. Зачем понадобилась такая истерическая гонка, когда сознательно нарушали элементарные технические и экономические законы, что приводило — закономерно — к огромным потерям? Почему дело вели не настоящие специалисты, а случайные выскочки? Почему работали без п л а н а? — потому что куйбышевские мечтания и метания планированием признать невозможно. Почему, наконец, за все это приходилось платить столь бесчеловечную цену, обрекая миллионы людей на уничтожение или страдания?

Что касается трескотни по поводу т е м п о в, то она могла обмануть одних лишь невежд. При низком отправном уровне процентное увеличение достигается легко. Стоит к одному действующему заводу присоединить один новый, как налицо рост на все 100%. Но все равно это о д и н только завод на огромную страну! Такие вещи даже Сталин понимал.

Большевики никогда не вспоминали, что с 90-х гг. прошлого века в России происходил быстрый экономический подъем, продолжавшийся и во время мировой войны. С 1918 года началась р а з р у х а. Ее главная причина была не гражданская война, как это принято изображать. В т у войну промышленных предприятий не бомбили и не взрывали — ни белые, ни красные. Разруху создала н а ц и о н а л и з а ц и я промышленности, опрометчиво произведенная большевиками. Немедленно обнаружилась полная неспособность новых хозяев к управлению экономикой. Наступило десятилетие застоя и регресса, лицемерно названное в о с с т а н о в и т е л ь н ы м периодом. Не будь национализации и прочих художеств, заводы и фабрики, как и во всем мире, работали бы с прибылью, давали бы н а к о п л е н и я. Не пришлось бы грабить и под корень изводить крестьянство, не понадобилось бы б о л ь ш и е с к а ч к и. Десять лет, мягко выражаясь, протоптались на месте, после чего бросились все наверстывать за одну

пятилетку, которую позарез хотелось исполнить в четыре года. Отнесите реальные темпы пятилетки ко всему периоду 1921—1932 гг., сразу станет ясно: в н о р м а л ь н ы х экономических условиях Россия наверняка продвинулась бы намного дальше по пути индустриального развития. Все, однако, было сделано для того, чтобы создать условия как можно более неестественные. Хвастать, выходит, было нечем — всего лишь частично заполняли вакуум, образовавшийся по собственной вине.

Мы утомили читателя цифирью, но на словах жэкономическая картина выглядит бледной и неполной. Наверно, немало из заседавших на съезде видели чудовищную ложь статистики по Сталину и Куйбышеву, чувствовали леденящее дыхание миллионных могил и, может быть (скорее всего!) — кипели от злобы и негодования. Зачинщик, организатор и вдохновитель всего этого кровавого обмана Сталин лучше других понимал критическое свое положение. Коль пойдут разбираться — не то что мокрого места, чернильного пятна от него не останется. Одно было упование — на долготерпение народа. Еще — на бестолковость, неорганизованность, медлительность, нерешительность и трусость партийной массы. И конечно — на собственную ловкость, целеустремленность, неразборчивость в средствах.

Как нам представляется, план Сталина был: на съезде не допустить обсуждения случившегося, для чего оглушить делегатов и население лживой пропагандой, ревом славословий, театральными эффектами. Потом — без промедления рубить головы, что было практичнее, чем затыкать рты или руки вязать. Действительно, сигнал к массовому террору в партии — убийство Кирова — был дан уже в год съезда.

Рассказывают, и в это можно поверить, хотя и не обязательно, что многие делегаты с мест имели замысел удалить Сталина с поста руководителя партии. Для этого, будто бы, была избрана такая тактика. На съезде с критикой и разоблачениями не выступать — дабы партия выглядела монолитной в глазах заграницы и собственного народа, но при выборах ЦК подать побольше голосов п р о т и в вождя. Хотя Сталин в ЦК пройдет (забаллотировать его они не

надеялись), но при таких результатах голосования его неудобно будет оставить генсеком, каковым станет Киров.

Ничего не вышло. Злодей Сталин не растерялся, протоколы счетной комиссии (председатель т. Затонский В. П.) подменил, а в дальнейшем жестоко расправился с делегатами съезда — чуть ли не 80% погибло в репрессиях.

Если даже все обстояло именно так, то заговорщики пали жертвой своей трусливой и порочной тактики. Сталину было тем легче фальсифицировать выборы, что за 26 заседаний съезда по его адресу не раздалось ни одного критического замечания, ни одного намека. В такой обстановке даже е д и н с т в е н н ы й голос против избрания в ЦК выглядел бы дико. А безмерные восхваления в к а ж д о й речи, а истошные овации в с е г о зала?

Тактика молчания была к тому же величайшим лицемерием, предательством. Народ — истерзанный, оголодавший, задавленный — жаждал, чтобы кто-нибудь гласно заявил о его страданиях, ждал слова утешения и надежды — и не дождался.

Сталин, наоборот, действовал с дальним прицелом. Ему удалось уже на съезде представить в нужном освещении главные фигуры планируемых репрессий. Разными ухищрениями он добился того, что на трибуну вылезали недавние его критики-соперники и взхлеб славословили сталинские дела и "фельдмаршала пролетарских сил" т. Сталина (бухаринское выражение). При этом они детально, со знанием дела, выставляли напоказ свои ошибки, слепоту, глупость, неискренность. Признание в устах этих людей звучало куда убедительнее алилуйных речей соучастников-соратников.

Сыграв предложенные роли, бывшие оппозиционеры немедленно стали первой мишенью террора. И действительно: они с а м и (а в 1934 г. еще писали речи без помощи НКВД) признали в с е — признали историческую правоту и мудрость т. Сталина, признали порочность своей политики, которая объективно вела к реставрации капитализма и усилению кулака (Бухарин), признали пассивную связь с отпетыми контрреволюционерами (Каменев, Зиновьев, Томский). Чему удивляться, если от таких нехороших поступков перешли к открытой борьбе с пролетарской вла-

стью, к подготовке убийств партийных вождей, к связям с фашистской разведкой. "Чудовищное, но закономерное развитие" — написал один публицист. Горбатого могила исправит. Подобная аргументация для обывателя — партийного и беспартийного — выглядела достаточно убедительной, а на большее он не претендовал. Товарищ Сталин — тоже.

Самим жертвам эти широковещательные покаяния до суда не давали потом морального, что ли, права до конца сопротивляться следователям. Многих из них вытащили на открытые процессы. Интересно, что других, ранее не упражнявшихся в раскаянии, ломать было труднее — их обычно губили тайно.

С трибуны съезда отреклись от своего прошлого семь участников прежних оппозиций: Бухарин, Зиновьев, Каменев, Ломинадзе, Преображенский, Рыков и Томский¹⁴. Положение опомнившихся еретиков было различное. Троица правых оставалась в составе ЦК, они занимали полуответственные посты: Бухарин — редактор "Известий", Рыков — нарком связи, Томский — член Президиума ВСНХ. Ломинадзе вывели из состава ЦК в 1930 г. и послали замаливать грехи в Магнитогорск.

Зиновьев и Каменев были исключены из партии в 1927 г., вскоре восстановлены и получили работу: Каменев — начальник НТУ ВСНХ, с 1929 — председатель Главконцесскома, Зиновьев — член Президиума Центросоюза. В 1932 г. их исключили вторично и сослали в Сибирь — за то, что познакомившись через Стэна с платформой Рютина, они не донесли в ЦК. В 1933 г. неожиданно вернули в Москву и после переговоров со Сталиным и Кагановичем восстановили в партии. Главное условие было — покаяние на съезде. Сходное положение было у Преображенского: вычищен в 1927, признал ошибки в 1929, через пару лет снова исключен и в 1933 восстановлен.

Речи оппозиционеров битком набиты лицемерием и самоуничтожением. Все они превозносили Сталина, теряя меру. Пожалуй, в наиболее отталкивающем виде предстали Бухарин, Зиновьев и Каменев.

Шествие кающихся открыл Бухарин. Поначалу он живописал свое полное политическое банкротство:

”...у правых, к коим я принадлежал, была другая *политическая* линия (здесь и далее выделено Бухариным. — Авт.), линия против развернутого социалистического наступления, против нового штурма на капиталистические элементы... она была фактически против форсированного развертывания *индустриализации*... против чрезвычайной и заостренной борьбы с кулачеством, борьбы, которая потом вылилась в лозунг ликвидации кулачества как класса...”

”Ясное дело, что *именно поэтому* эта группировка неминуемо становилась центром притяжения всех сил, которые боролись с социалистическим наступлением...”

Мы, сказал Бухарин, боролись с *партийным режимом*, боролись

”...с товарищем Сталиным как наилучшим выразителем и вдохновителем партийной линии, Сталиным, который одержал победу во внутрипартийной борьбе на *глубоко принципиальных основах ленинской политики* и именно на этой основе получил горячую поддержку подавляющей и сверхподавляющей массы партии и рабочего класса.

...решительный разгром этой (бухаринской, правой. — Авт.) оппозиции, как и разгром троцкистов и разгром т. н. ленинградской оппозиции был *необходимой предпосылкой* успешного и победоносного развертывания социалистического наступления”.

Поэтому

”...обязанностью каждого члена партии является борьба со всеми антипартийными группировками, активная и беспощадная борьба, независимо от каких бы то ни было личных связей и отношений, сплочение вокруг ЦК и сплочение вокруг товарища Сталина как персонального воплощения ума и воли партии,

ее руководителя, ее теоретического и практического вождя”.

Попутно Бухарин лягнул все позднейшие группировки, “которые все быстрее и все последовательнее скатывались к контрреволюции”, и открестился от “моих бывших учеников, получивших заслуженное наказание” (в первую очередь он имел в виду Слепкова, посаженного вместе с Рютиным).

Покончив с проделанными ошибками, самобичеванием и предательством, Николай Иванович вспомнил, что еще вчера числился крупнейшим теоретиком и остается действительным членом Академии Наук. Он основательно, с цитатами и цифрами в руках, поговорил о замечательных успехах советской экономики, особенно сельского хозяйства.

В недалеком прошлом Бухарин был также международной фигурой — руководителем Коминтерна. Это дало ему повод коснуться внешней политики сталинского правительства, которую он признал блестящей. Затем последовало долгое, с обширными выдержками из заграничных источников, разоблачение Гитлера, идеолога фашизма Шпенглера, его поэта Иоста, а также японских милитаристов. Закончил Бухарин так:

“Мы — единственная страна, которая воплощает прогрессивные силы истории, и наша партия, и лично товарищ Сталин, есть могущественный глашатай не только *экономического*, но и *технического* и *научного* прогресса на нашей планете. Мы пойдем в бой за судьбы *человечества*. Для этого нужно сплочение, сплочение и еще раз сплочение.

Долой всяких дезорганизаторов!

Да здравствует наша партия, это великое боевое товарищество, товарищество закаленных бойцов, твердых, как сталь, мужественных революционеров, которые завоюют все победы под руководством славного фельдмаршала пролетарских сил, лучшего из лучших — товарища Сталина! (А п л о д и с м е н т ы)”.

Зиновьева и Каменева — Добчинского и Бобчинского большевистской революции — почему-то выпустили в прениях по докладам о пятилетнем плане, хотя этой темы они не касались вовсе.

Зиновьев не последовал примеру Бухарина, не делал потуг на фундаментальный доклад, говорил только о своих ошибках:

”Мне приходится, разумеется, по собственной вине, исключительно по своей собственной вине, говорить только об ошибках и иллюстрировать собой, представлять собой живую иллюстрацию того, в борьбе с какими уклонами, в борьбе с какими неверностями, с какими ошибками и вопиющими отходами от ленинизма партия во главе с ее руководством достигла тех успехов, к которым сейчас присматривается весь мир”.

”Никто не может сказать, что у меня была какая-нибудь одна конкретная политическая ошибка. Это было бы еще с полбеда. У меня была цепь ошибок, цепь, у которой одно звено неизбежно цеплялось за другое. Я имел претензию навязывать партии свое особое понимание ленинизма, свое особое понимание ’философии эпохи’ ”.

Дальше в том же духе, столь же длинными периодами, словно переведенными со скверного немецкого.

К месту и не к месту Зиновьев истово отбивал земные поклоны Сталину:

”Владимир Ильич сказал об Энгельсе, что он принадлежит к числу тех немногих редких и редчайших писателей и мыслителей, произведения которых перечитываешь много раз, каждый раз находя в них новое богатство содержания. Работы товарища Сталина несомненно относятся к такому же роду работ. Все вы делаете это давным-давно, делаете то, к чему я пришел только в последнее время. Я читал и перечитывал его основные работы, которые являются квинтэссенцией ленинизма в данную эпоху, которые являются алге-

брой коммунистической работы в течение целого исторического периода”.

Заслуживает названия второй программы партии —

”...доклад товарища Сталина, вошедший в сокровищницу мирового коммунизма в тот самый момент, когда он был здесь произнесен”.

Сталин, как заботливая мать, всегда старался уберечь Зиновьева от дурных поступков:

”...после того, как меня в первый раз вернули в партию, мне пришлось выслушать однажды из уст товарища Сталина такое замечание. Он сказал мне: ”Вам в глазах партии вредили и вредят даже не столько принципиальные ошибки, сколько то непрямотушие по отношению к партии, которое создалось у вас в течение ряда лет (Многочисленные возгласы: ”Правильно, правильно сказано”!). Совершенно правильно, товарищи! Это именно так. И я надеюсь, что теперь я полностью оценил это замечание”.

Со вкусом был признан грех недоносительства:

”Когда Стэн показал мне махрово-кулацкую контрреволюционную правую платформу, то я вместо того, чтобы выполнить элементарнейший долг члена большевистской партии, вместо того, чтобы сделать это, вместо того, чтобы потребовать от самого Стэна — немедленно сообщить Центральному Комитету нашей партии все, что он об этом знает, вместо этого я стал хранить секрет Стэна, который на деле оказался конспирацией Рютина и К^о, целой группы, которую не стоит называть с этой трибуны.

Товарищи, разумеется, я был наказан партией вторично и совершенно поделом. И, товарищи, я должен об этом сказать совершенно откровенно, как буду

говорить везде и всегда, что это была еще более тяжкая ошибка, чем до сих пор”.

Оратор пространно и вдохновенно поливал грязью Троцкого, не жалея при этом себя, снова и снова возносил хвалы Сталину, а в финале рухнул на колени:

”Я полностью и до конца понял, что если бы не то руководство, не те железные кадры, которые повели партию в борьбе против всех оппозиций, то партии, стране, рабочему классу, делу Ленина и революции угрожала бы более чем реальная опасность. От этой опасности спасло то руководство, которое чтут рабочие, весь рабочий класс, которое чтут лучшие люди нашей страны и рабочий класс всего мира (А п л о д и с м е н т ы)”.

(В холуйском рвении Зиновьев не заметил, как оскорбил рабочий класс, исключив его из числа лучших людей страны, не заметила этого и аудитория — но это в скобках.)

К а м е н е в, как и в былые годы, подхватил линию Зиновьева:

”На мне лежит печальная обязанность на этом съезде победителей представить летопись поражений, демонстрацию цепи ошибок, заблуждений и преступлений, на которые обрекает себя любая группа и любой человек, отрывающиеся от великого учения Маркса — Энгельса, Ленина — Сталина, от коллективной жизни партии, от директив ее руководящих учреждений”.

О рютинской группе:

”...идеология рютинцев, такая же куцая, как куц тот обрез, которым кулацкие последыши стреляли в коммунистов, проводивших коллективизацию... Тут требовались другие, более материальные орудия воздействия, и они были применены и к самим членам этой группы, и к ее пособникам, и к ее укрывателям,

и совершенно правильно и справедливо применены были и ко мне”.

Каменев вспомнил эпизод из 1928 года, когда принципиальный Бухарин, только что ударно потрудившийся при изгнании из партии троцкистско-зиновьевской оппозиции, прибежал к нему, опальному и безвластному, заключать блок против Сталина. Кстати, тогда Каменев не поленился доложить ЦК — за что был быстро восстановлен в партии. Вспоминая об этом сейчас, он с удовольствием облил помоями правых.

Каменев не скупился на покаяния, понимая, что здесь переборщить невозможно:

”Товарищи, я высказал свое глубокое сожаление о тех ошибках, которые я делал. (Г о л о с: ”Надо не только высказывать, но и оправдать себя на деле”). Я хочу сказать с этой трибуны, что я считаю того Каменева, который с 1925 по 1933 г. боролся с партией и ее руководством, политическим трупом, что я хочу идти вперед, не таща за собой по библейскому (простите) выражению эту старую шкуру (С м е х.)”.

Под конец неизбежная аллилуйя:

”Да здравствует наша социалистическая страна! Да здравствует наша партия! Да здравствует наш вождь и командир товарищ Сталин! (А п л о д и с м е н - ты.)”.

Речи Бухарина, Каменева и Зиновьева съезд выслушал с вниманием (только Каменеву кинули одну реплику и напомнили о регламенте). С трибуны они уходили под рукоплескания. Видимо, с их именами еще связывались сентиментальные воспоминания, обрывки бывшего ореола. Надо признать говорили они складно, умело. Но содержание речей вызывает отвращение: распад личности, отказ от убеждений, способность признавать ошибки, которые не совершались, старание подольститься к аудитории, попасть

в тон коллективному психозу, нежелание видеть факты — в целом сплошное лицемерие и ложь.

Рыкову и Томскому был оказан иной прием. Алексея Ивановича Рыкова, которого на XIV и XV съездах встречали продолжительными аплодисментами, а провожали громовой овацией и пением гимна, теперь слушали холодно и неприязненно. Дважды ему напоминали о регламенте. Выкрики из зала были грубые:

”...тем членом партийного руководства, который поднялся на защиту этого тезиса — построения социализма в одной стране... (Г о л о с: ”Был товарищ Сталин!”)...”

”Я хотел характеризовать роль товарища Сталина в первое время после смерти Владимира Ильича. (Г о л о с с м е с т а: ”Знаем и без тебя!”)”.

Товарищи не принимали его покаяния, Петерс:

”Час говорил и ничего не сказал”.

Аплодисментов он не дождался. Не было их и по адресу Томского, признанного балагура, разом утратившего остроумие. Его принимали совсем враждебно. Тот же известный чекист Петерс дважды требовал рассказать об Эйсмонте и Смирнове, а председательствующий Постышев резко оборвал оратора, хотя тот говорил совсем недолго: ”Товарищ Томский, пора кончать”. Расстроенный Томский скороговоркой отмежевался от арестованного друга:

”Партия правильно осудила мою ошибку, мою близость со Смирновым, которая давала возможность и основания прикрываться моим именем для контрреволюционной группировки Эйсмонта-Смирнова”,

— и уныло сошел с трибуны.

Итог выступления правых подвел Киров, говоривший вслед за Томским. Он презрительно квалифицировал трех бывших членов Политбюро как обозников:

”...что остается делать всем тем, которые до сегодняшнего дня были в обозе? (А п л о д и с м е н т ы, с м е х.)

Они, товарищи, выходят, пытаются тоже вклинить-ся в это общее торжество, пробуют в ногу пойти, под одну музыку, поддержать этот наш подъем. Но как они ни стараются, не выходит и не получается. (А п л о д и с м е н т ы, с м е х.)

Вот возьмите, Бухарина, например. По-моему, пел как будто бы по нотам, а голос не тот. (С м е х, а п л о д и с м е н т ы.) Я уже не говорю о товарище Рыкове, о товарище Томском... Тут даже и мелодия другая. (С м е х, а п л о д и с м е н т ы.) И в тон не попадают, и в шаг не поспевают...”

Киров заявил, что им нет места в высшем руководстве:

”И мне сдается, я не хочу быть пророком, но еще некоторое время пройдет, пока вся эта обозная рать вольтется в нашу коммунистическую армию. (А п л о д и с м е н т ы.)”

В этой ситуации не было нужды прорицать будущее, поскольку все было решено заранее. Правых, действительно, не вернули в главный штаб. Их, наоборот, понизили в ранге: на съезде они были избраны уже не членами, а кандидатами ЦК. Зато свою судьбу Киров предвидеть не смог. Всего десять месяцев оставалось до того дня, когда его прикончат по приказу Сталина.

Но пока, на съезде, Киров изо всех сил старался угодить вождю. К его речи было приделано специальное название **”ДОКЛАД ТОВАРИЩА СТАЛИНА — ПРОГРАММА ВСЕЙ НАШЕЙ РАБОТЫ”**. Киров предложил не принимать, как раньше, развернутой резолюции по политическому отчету ЦК, вместо этого одобрить доклад целиком и полностью, а все его положения принять к исполнению как партийный закон. В радостном порыве делегаты вскочили с мест. Сталин вышел на трибуну для того только, чтобы отказаться за ненадобностью от заключительного слова и дать сигнал

к неистовой овации, перешедшей в пение "Интернационала", а по его окончании возобновившейся с новой силой. Когда коллективные упражнения в вокале и декламации поутихли, Хрушев от имени московской, ленинградской и украинской делегаций формально повторил предложение Кирова. Оно было принято с восторгом и вошло в обычай на всех последующих съездах.

Вернемся ненадолго к бывшим оппозиционерам. Мелкую сошку Ломинадзе выслушали добродушно и отпустили с хлопками. Преображенскому пришлось хуже. Впечатление он оставил самое жалкое. От бывшего полемиста и теоретика остались одни руины. Хотя его теория безжалостного раздевания крестьянства ("первоначального социалистического накопления") стала краеугольным камнем официальной экономической политики, говорить об этом, разумеется, было невозможно. Оставалось плакать в жилетку, которая уже вышла из партийной моды. Преображенский слезно каялся, мазал черной краской и обыкновенным дерьмом свое троцкистское прошлое, самого Троцкого и свои ошибки последнего периода. Он закончил нарочито глуповатым пассажем, рассчитанным на снисхождение и благоприятный отклик:

"...в настоящее время больше чем когда-либо я почувствовал, больше чем когда-либо я сознаю эту истину рабочего, который мне советовал: если даже как следует не разбираешься, иди с партией, голосуй с Ильичом. Тем более, товарищи, теперь, когда я во всем разбираюсь, все свои ошибки достаточно осознал, я повторяю себе только на другом этапе революции эти слова рабочего и говорю: голосуй с товарищем Сталиным — не ошибешься".

Зал молчал. Номер не вышел. Уже вскоре Кабаков — может быть, не без подсказки — отчитал его с трибуны:

"...в корне неправильно и неуместно было заявление Преображенского, когда он говорил о том, что ему надо было поступать так же, как поступил рабочий,

который будто бы слепо голосовал за тезисы товарища Ленина. Неверно, что программа, выдвигаемая Лениным и Сталиным, когда-то принималась рабочими, голосующими за эти тезисы, слепо. Рабочие голосовали за тезисы Ленина-Сталина как раньше, так и теперь, горячо и убежденно, они с воодушевлением принимают программу, изложенную на XVII съезде товарищем Сталиным, потому что здесь выражены пролетарская программа, чаяния и желания рабочего класса всего мира. Но когда выходит на трибуну человек, претендующий на определенный теоретический уровень, и говорит о том, что ему надо бы тогда слепо голосовать за тезисы, то разрешите вам откровенно заявить, что здесь выражена целиком и полностью бесхребетность гнилого интеллигентика. (А п л о д и с м е н т ы.)”

Выступления сломленных противников Сталина были каплей в бурном потоке речей. Остальные ораторы в подавляющем большинстве пользовались одним шаблоном. Каждый начинал с описания той невыносимой гордости, которую он испытывает, глядя на могучие успехи и победы, одержанные под мудрым руководством и т. д. Потом, приземлившись, говорил о конкретных трудностях, зачастую выглядевших неслыханными безобразиями. Особенно доставалось железнодорожному транспорту и промышленности, с болезненными аграрными темами обходились осторожно. Забавно, но этот съезд был последним, на котором о негативных сторонах действительности говорили столь откровенно. В конце выступающий непременно воспарял в разреженные высоты чистого оптимизма и выкликал здравицы.

В большом спектакле нашлось место для комических интермедий. Одну из них разыграл заслуженный революционер Глеб Кржижановский. Взгромоздившись на трибуну, он начал с того, что состоит в партии у же 42 года¹⁵. Потом, дрожа от умиления, поведал другие удивительные вещи.

Не стоит, мол, огорчаться, товарищи, если по цифровым показателям мы еще не вполне обогнали всех в мире. У боль-

шевиков своя арифметика и собственная физика. "Каждый киловатт нашей станции в 2 раза сильнее, чем его зарубежный собрат" — тому порукой авторитет Академии Наук. Мало того. В наших социалистических условиях каждый трактор имеет "шестерную мощность использования, сравнительно с условиями использования тракторов, скажем, "у фермеров в САСШ"¹⁶. Поэтому 160 тыс. наших тракторов, намеченные на конец второй пятилетки, — все равно, что миллион ихних.

(Кто подозревает нас в мистификации, пусть справится в Стенографическом отчете, изд. 1934 г., с. 641).

Выступление Тухачевского прошло на съезде как рядовое, но мы на нем остановимся, поскольку оно помогает уяснить некоторые тонкости взаимоотношений армии со Сталиным. Собственно говоря, основная часть речи была рутинная: в ней говорилось о нуждах Красной Армии и претензиях к промышленности. Но начал о...

"В ногу со строительством индустриального нашего базиса росла и техническая мощь Красной Армии. Об этом ярко и подробно доложил товарищ Ворошилов...

Я хотел бы добавить к этому, что в развитии нашей технической мощи товарищ Сталин не только играл общую руководящую роль, но и принимал непосредственное и повседневное участие как в выборе необходимых образцов вооружения, так и в постановке их на производство. Товарищ Сталин не только ставил общие задачи, особенно по вооружению армии авиацией, танками, артиллерией, дальнобойной и скорострельной, наиболее современной, но и созывал организаторов производства и практически добивался успешной постановки производства...

Эта работа, это руководство создали нам ту техническую мощь, которой обладает Красная Армия и которую на параде вы будете еще не раз видеть" (сс. 464—465).

Вы не ослышались: не только ставил общие задачи, но и лично создал техническую мощь РККА. Ничего, ока-

зывается, не было. Не было докладной записки 1927 года о необходимости технического перевооружения армии, дважды отвергнутой и осмеянной Сталиным, не было отставки 1928 года, не было дразг, щелчков по самолюбию и интриг, которые неизбежно сопровождали любое обсуждение военных вопросов с генсеком¹⁷.

Тухачевский не воспытал, разумеется, любовью к Сталину, но как крупный стратег и тактик, совершил глубокий обходной маневр и лизнул вождя в незащищенный участок. Возможно также, он следовал популярному в армии афоризму "Воинская дисциплина есть осознанное умение показать начальнику, что ты глупее его". Вряд ли только Сталин в это поверил...

Съезд был долгий и пышный. Делегатов усиленно развлекали, и не только в московских театрах. 31 января на Красной площади состоялся массовый митинг, после которого перед делегатами и гостями съезда прошло "шествие рабочих заводов и фабрик и служащих районов Москвы, в котором приняли участие и воинские части". 9 февраля в полдень был парад войск Московского гарнизона, а к вечеру — выборы ЦК. Трудно сказать, с какой целью накануне голосования перед делегатами провели воинские части — чтобы потешить, задобрить или запугать.

Так или иначе все шло согласно сталинскому замыслу. Один за другим взбирались на трибуну люди, мнившие себя хозяевами страны и грядущими владыками мира. Не зная меры, они выкрикивали: Сталин то... Сталин се... Сталин указал... Сталин научил... Да здравствует Сталин.

Они думали, что делают историю. Сталин отказался от заключительного слова, только посмеивался в корифейские усы. Для него они были мертвецами, потому что он уже похоронил их в своих помыслах, не оставил им места в земном раю, который они так превозносили.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Заговор против РККА

До сих пор мы говорили о Калигуле как о принце, остается охарактеризовать его как чудовище.

Светоний

Есть заповедь прощать врагам нашим, но нет такой заповеди, чтобы прощать нашим друзьям.

Л. Медичи

Некоторые товарищи думают, что главное в наступлении социализма составляют репрессии, а если репрессии не нарастают, то нет и наступления. Верно ли это? Это, конечно, неверно.

Сталин

События, после того, как они произошли, становятся предметом истолкования. Историкам позарез хочется знать, что побудило Наполеона двинуть Великую армию в гибельный поход на Москву. Отстаивая свое мнение они яростно полемизируют, приводят доводы и указывают на факты. Даже если им — чаще всего — не удастся отыскать единой формулы — все равно общее понимание истории обогащается, пополняется точками зрения и концепциями.

Разгром Красной Армии силами НКВД — самое крупное по национальным последствиям деяние Сталина. Исследовано оно пока еще очень и очень слабо. В предыдущих частях книги мы стремились изобразить путь, приведший к этой катастрофе. Теперь предстоит говорить о ней самой.

Лишенные важнейших документов, мы не можем обсуждать проблему с достаточной глубиной. Попытаться восстановить ход событий, называя вероятные причины — вот, пожалуй, все, на что сегодня можно рассчитывать.

Глава 17

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФОН: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

*Все сами, сами развязали,
Стремясь вести, владеть страной.
И не бедой, а наказаньем
Явился год тридцать седьмой.*

Коржавин

После XVII съезда ничего, кажется, не угрожало положению Сталина на вершине власти. Соперники и противники были разгромлены политически и организационно, признали

свое поражение и утратили влияние. Буйно расцвел культ вождя. Ссылки на его высказывания и здравицы в его честь стали обязательным атрибутом каждого публичного выступления по любому вопросу. Завершилась коллективизация, полным ходом шло выполнение сталинских пятилеток. Международное положение страны было достаточно прочным. Проведенная реорганизация поставила Красную Армию на одно из первых мест в Европе.

Были и трудности. Правда, как отметил сам Сталин, *"наши трудности являются такими трудностями, которые сами содержат в себе возможность их преодоления... сами дают нам базу для их преодоления"* (выделено Сталиным. См. Стенографический отчет XVI съезда, с. 36). Трудности все же оставались. С 1929 года страна переживала острый продовольственный кризис. В 1935 карточную систему отменили, но некоторых продуктов — мяса, в частности, — по-прежнему не хватало. Курс на преобладание тяжелой индустрии и удушение частного имели следствием дефицит потребительских товаров. Качество изделий стояло весьма низко. Промышленность постоянно нуждалась в металле и других материалах, не говоря о машинном оборудовании. Хронически не выполнялись задания по черной металлургии, энергетике, машиностроению. Накопления не покрывали потребности в громадных капиталовложениях, приходилось прибегать к эмиссии бумажных денег, что влекло за собой инфляцию.

Именно в 1934 г. проблема власти стала особенно жгучей. Сталин мог понять, что высшая власть хотя и достигнута, но ничем не **г а р а н т и р о в а н а**. Хозяйственные провалы первой пятилетки, недовольство населения, оппозиционные вылазки 1930—1933 гг., колебания настроений на XVII съезде — все обнаруживало уязвимость сталинских позиций. Власть, добытую ценой огромного напряжения, с помощью кропотливых интриг и рискованных провокаций, легко было потерять в один день. Если взбунтовавшийся пленум или непокорный съезд вдруг откажется принимать черное за белое и снимет Сталина с занимаемого поста, он сразу превратится в жалкого оппозиционера, бывшего вождя, беззубого льва, генерала без армии.

То обстоятельство, что оппозиционные поползновения продолжались в промежутке между XVI и XVII съездами, после победы над наиболее авторитетной — бухаринской — группой инакомыслящих, должно было особенно насторожить Сталина. Пока продолжалось брожение в партийных умах, спать спокойно он не мог. Было мало утешения в том, что очаги сопротивления выглядели слабосильными, а методы действий напоминали партизанскую войну. Сталин мог и скорее всего видел в этих отчаянных наскоках зародыши, вокруг которых могло быстро консолидироваться всеобщее недовольство. Поэтому расправы происходили незамедлительно и круто — без дискуссий и организационных маневров. Очень вероятно, что именно выступления этих малочисленных оппозиций окончательно подвинули Сталина на массовый террор внутри партии.

Вылазок, о которых идет речь, известно три.

П е р в а я. В 1930 г., вскоре после съезда, Сырцов¹ и Ломинадзе, поддержанные комсомольским лидером Шацкиным, высказались на пленуме ЦК против хозяйственной политики Сталина, которую окрестили "потемкинской индустриализацией". Последнему тут же удалось их скрутить. 1 декабря решением ЦК и ЦКК — без пленума — Сырцов и Ломинадзе, объявленные "праволевацкой группировкой", были выведены из состава ЦК и сняты с занимаемых постов; Сырцов между тем был председателем СНК РСФСР, где только что заместил Рыкова.

В т о р а я. 1932 год был ознаменован выступлением группы Рютина-Слепкова, подручных Бухарина, которые в свое время славно потрудились при избииении разных оппозиций. Стоило Сталину приняться за правых, как Рютин затосковал по внутрипартийной демократии. Была сочинена обширная программа, где предусматривались смягчение режима в партии, перемены в политике (в частности, по отношению к крестьянству) и смещение Сталина. Едва программа получила хождение в партийных кругах, лидеры правых во главе с Бухариным поспешили от нее отмежеваться. Сталин довел дело до суда, но головы Рютина не получил. Большинство членов Политбюро высказалось против казни недавнего товарища по партии. Есть сведения, что активное

противодействие оказали Куйбышев, Орджоникидзе и Киров, их поддержали Косиор и Калинин. Ворошилов, Андреев и Молотов заняли выжидательную позицию, один Каганович сохранил верность Сталину. Все три противника террора были в недолгом времени уничтожены: Киров — 1 декабря 1934, Куйбышев — 25 января 1935, Орджоникидзе попозже — 18 февраля 1937. Косиор тоже погиб, но еще позднее и в связи с другими делами — украинскими. Калинин быстро опомнился, равно и колебавшиеся товарищи. Тем не менее в 1932 году рютинцы получили т о л ь к о по "десятке", что не помешало им сгинуть в недрах НКВД. До начала Большой Чистки связь — действительная или мнимая — с группой Рютина была безотказным поводом для расправы. При условии недонесения одно знакомство с рютинской программой каралось не ниже исключения из партии.

Т р е т ь я. Группа Эйсмонта — А. П. Смирнова-Толмачева едва приподняла голову в конце 1932 года. Эти люди были также недовольны сталинским засильем и жаждали перемен. Объединенный пленум ЦК и ЦКК 7—12 января 1933 г. исключил их из партии (без объявления в печати). Дальше, как обычно: тайный суд — длительные сроки — гибель.

Как видно из сделанного отступления, трудности и вправду имелись, хотя и содержали в себе средства для собственного искоренения. После XVII съезда Сталин не мог более только отражать наскоки недовольных. Он понял, что следующий съезд вполне может стать для него последним.

Создать механизм пожизненного удержания власти — монархию или узаконенную диктатуру — в советских условиях было никак нельзя. Во всяком случае, Сталин был достаточно прагматичен, чтобы не копировать карьеры Бонапарта.

Сталин заслуживает сочувствия. Ему пришлось много труднее Муссолини и Гитлера. У тех власть базировалась на националистической идее и непререкаемом личном авторитете ("слово вождя — высший закон"), имевшем мистическую подкладку. Еще проще сегодня правителям молодых государств "третьего мира", которые действуют в историческом и культурном вакууме, благодаря чему всякий

камуфляж признается излишним. Так, товарищ (или господин?) Мобуту Сесе Секо Куку Нгбенду Ва За Банга именуется: Председатель-Основатель Народного движения революции. В Центральноафриканской республике некий сержант провозгласил себя императором, а свою небольшую страну — население меньше двух миллионов — повелел называть империей. В СССР о подобных эскападах неудобно было даже мечтать. От досталинского периода оставались: вековая история, три революции, официальная доктрина и правящая партия. Мешали традиции, люди, книги. Их фальсифицировали, меняли до неузнаваемости, уничтожали, но до конца этот процесс довести было невозможно — что-нибудь все равно оставалось.

Имелся другой путь. Следовало так преобразить политическую атмосферу страны, чтобы устранить всех современных претендентов на власть — реальных и потенциальных. Сверх того, нужно было создать условия, в которых деятели этой категории вообще не могли появиться в будущем. В этом случае не было надобности менять государственный строй, а также герб, гимн, флаг. Стоило только расширить географию террора, включив в него партию большевиков, и довести до предела централизацию, сосредоточение в одних руках всех сфер государственно-политической жизни. Оба этих средства давно присутствовали в обиходе советской власти. Неудивительно, что Сталин обратился к ним, следуя своим личным целям.

Опасность для страны состояла не в том, что Сталин ставил себе такие цели. Властолюбие и мания величия беспредельно распаляют воображение, и люди с подобной психической конституцией неизбежно отыскиваются в любом обществе — в тысячных долях процента. Горе России в том, что это в основном удалось, что бред маньяка и параноика два десятилетия определял жизнь страны, вместо того, чтобы стать предметом забот психиатров. Кромсающий душу вопрос: почему это удалось? — пусть обратит к себе каждый, для кого небезразлична судьба Родины.

До середины тридцатых годов карательная функция советской власти осуществлялась с определенными ограничениями, при этом, впрочем, непрерывность репрессий ни-

когда не нарушалась. Правда, еще с момента победы сталинско-бухаринской коалиции на XV съезде масштабы и темпы посадок неуклонно, хотя поначалу и медленно, нарастали. В конце 1927 — начале 1928 идут в ссылку сотни троцкистов. В 1928 после шахтинского дела открывается охота на технических специалистов, которая ведется под лозунгом борьбы с вредительством. В 1930 проходит процесс Промпартии, приведший к осуждению ряда видных инженеров. В следующем году крупные экономисты и финансисты предстают перед судом на процессе меньшевиков. Отлов технарей, в которых страна испытывает острую нужду, продолжается, но ведется уже целенаправленно. Затевается прокладка, фактически прокопка вручную, Беломоро-Балтийского канала, в связи с чем большой отряд гидротехников высокой квалификации попадает в лапы ОГПУ, назначенного шефом стройки. Абсолютно бесполезный канал роется с лихорадочной поспешностью в тяжелейших условиях, что обходится в десятки тысяч человеческих жизней. Работают одни заключенные под надзором чекистов. Это возведение египетских пирамид подается как перевоспитание трудом социально-близких уголовников. Политические — как социально далекие и чуждые — должны погибать, не имея радужной перспективы перерождения. Те же дела продолжают на строительстве канала Москва-Волга.

В 1929—1933 система репрессий дает выброс чудовищной энергии. Под предлогом раскулачивания расстрелы и депортации обрушиваются на миллионы крестьян. Пропандисты болтают об уничтожении кулачества как класса, на самом деле происходит планомерное физическое истребление всего наиболее инициативного и деятельного в крестьянском сословии. Число жертв не поддается точному учету; вместе с погибшими от разразившегося неслыханного голода оно, возможно, превышает пятнадцать миллионов.

Парадный спектакль XVII съезда знаменует конец этого периода. Дальнейшие репрессии уже непосредственно обслуживают цели государственного переворота, задуманного Сталиным. Сигнал был дан 1 декабря 1934 года убийством Кирова. В тот же день, а по некоторым сведениям накану-

не — 30 ноября — ЦИК принял закон, предусматривающий ускоренно-упрощенную процедуру следствия и суда над врагами народа. Исполнение приговора разрешалось через 48 часов после вынесения, апелляции не допускались. Стоит заметить, что происходило это в мирное время, в отсутствие сколько-нибудь крупных социальных потрясений (мятежи, восстания). Даже во время гражданской войны осужденные на смерть могли просить о помиловании².

Не теряя ни минуты, Сталин приступил к расправе с недавними соперниками из Политбюро. Зачинщиками убийства Кирова объявили Каменева и Зиновьева, благо у последнего имелись обширные связи в Ленинграде. Мнимую террористическую организацию называли почему-то "Московским центром"; туда же впустили И. Евдокимова и несколько других. Процесс шел при закрытых дверях; он протекал вяло и завершился неудачно для организаторов. Зиновьев с Каменевым многословно каялись в политических ошибках (этим они занимались и годом раньше — на съезде), но причастность к террору отрицали безоговорочно. Конфуз был полный, приговоры смехотворны: Зиновьеву и Евдокимову по 10, Каменеву — 5 лет тюрьмы. (Каменева вдгон за этим делом судили еще раз 27 июля 1935 г. и отвесили "десятку"; обвинение было — будто он, сидя в тюрьме, через жену брата, работавшую в кремлевской больнице, организовал покушение на Сталина, конечно, неудавшееся.)

Отсутствие признаний ослабило позиции Сталина в Политбюро, где все еще сидели Куйбышев и Орджоникидзе, противившиеся применению крайних мер по отношению к партиям, пусть бывшим. С первым из них Сталин рассчитался тотчас. 18 января был обнародован приговор по делу "Московского центра", а 25-го праздновался траур по поводу безвременной кончины Куйбышева. Во время бухаринского процесса 1938 года публика узнала, что имело место медицинское убийство, которое по заданию Ягоды организовал секретарь покойного Максимов-Диковский, а осуществили лечащие врачи Левин и Плетнев. В такого рода делах Сталин обычно проговаривался, но совершение

преступлений взваливал на других³. В кабинете тяжело больного Куйбышева отключили все телефоны. Когда начался сердечный приступ, Максимов не мог дозвониться в санчасть Кремля, уйти он не решался, так как возле никого не было. Наконец, он отвел Куйбышева домой, где находилась его сестра. Только через час или более после начала приступа Максимов смог побежать за медперсоналом. То ли Куйбышеву сразу сделали подходящий укол, то ли предыдущей заминки было достаточно, но вскоре последовала смерть. (Интересно, что показания Максимова на процессе во многом совпадают с этой версией.)

Осечка с Зиновьевым и Каменевым задержала разворачивание кампании. Сталин имел основания быть недовольным НКВД и его шефом Г. Ягодой. Органы имели в своих руках все необходимое, но результата не добились.

Вождю мирового пролетариата пришлось самому взяться за дело. Началась подготовка нового процесса. Теперь опальные лидеры большевиков выводились на суд в подобающем окружении. С ними привлекались еще 14 человек, в их числе все тот же Евдокимов (бывший секретарь ЦК) и видный соратник Троцкого И. Н. Смирнов (бывший член ЦК). Политическая география процесса была расширена. Речь шла уже не об изолированных заговорщиках, но о мощной разветвленной организации — о троцкистско-зиновьевском террористическом центре. Это раньше можно было считать, что бывшие вожди всеми средствами, вплоть до политических убийств, стремились вернуться на командные высоты. Дело обстояло куда серьезнее. Усиливалась ожесточенная к л а с с о в а я борьба, в ходе которой недавние оппозиционеры, а ныне враги народа опирались на недобитые остатки эксплуататоров и заграничных покровителей-фашистов.

Это был первый из серии показательных процессов. Успех его солидно готовили. Прежде всего, отказались от представления, что вина подсудимого должна быть д о к а з а н а. Генеральный прокурор А. Вышинский объявил презумпцию невиновности буржуазным предрассудком, за что был произведен в академики. Теперь достаточно было гражданину на предварительном следствии, где он находил-

ся в безраздельной власти НКВД, признать себя врагом народа (иногда это делали другие подследственные, чаще то и другое сочеталось), как он автоматически подпадал под действие чрезвычайного закона. После этого его судили во внесудебном порядке (распространенное выражение тех лет). Других доказательств вины (улик) не требовалось, поэтому вещественные доказательства совершенно отсутствовали на процессах.

Вышинский широко раздвинул рамки понятий преступного сговора и соучастия. Соучастниками стали называть людей, которые до следствия или суда не знали о существовании друг друга, но действовали якобы по заданиям одного центра. В силу этого можно было подбирать благоприятную для обвинения комбинацию подсудимых.

Перед следователем стояла единственная задача — получить от арестованного признание вины, заранее сформулированное НКВД. Средства можно было применять любые, вплоть до пыток. В 1936 физические методы дознания были узаконены ЦИК, исполнившим секретную директиву Сталина. (Пытками, например, удалось сломить И. Н. Смирнова, человека огромной воли и личного мужества. Его до тех пор освежали ледяными ваннами, пока он не потерял всякий интерес к жизни. На процессе он держался крайне вяло и попросту отмахивался от Вышинского: "Вам нужен вождь? Пусть буду я...").

Самооговор был главным, но не единственным оружием следствия. Подсудимых заставляли также оговаривать друг друга. Такое перекрестное опыление давало отличные плоды. Изолированный от внешнего мира человек вскоре начинал понимать, что деваться ему некуда. Если он настаивал на своей невиновности его избличали на очных ставках другие арестованные — старые друзья, товарищи по подполью и фронтам, а нередко — совершенно незнакомые люди. Следователи внушали, что одних этих показаний вполне достаточно для суда и только чистосердечное раскаяние, т. е. принятие версии НКВД, может смягчить приговор. Все это сочеталось с пытками. Большинству не удавалось вырваться из этих дьявольских сетей. К неподдающимся применяли дополнительные меры воздействия: угрожали расправой

с семьей, убеждали давать показания в порядке партийной дисциплины (как ни странно, этот довод порой срабатывал).

Однако все эти оглушающие средства оказались поначалу недостаточными при подготовке нового зиновьевского процесса. Рассказывают, что Зиновьев и Каменев ни за что не хотели принимать на себя организацию террора — потому будто бы, что это противоречит их марксистским взглядам. Сталин попал в затруднительное положение. Повторного срыва он не мог допустить. Но Иосиф Виссарионович был не из тех, кто отступает перед трудностями. Недаром в те годы была популярна песенка: "...кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет". Сталин отыскал выигрышный ход. Он послал к упрямцам своего друга Орджоникидзе⁴. Скорее всего, ни с кем другим из тогдашних членов Политбюро — Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Микояном — они и разговаривать не стали бы. Серго по поручению Сталина сказал им примерно следующее: "Ваше дело проиграно. Сталинская линия побеждает на всех фронтах — вы сами признали это на съезде. Сегодня для партии очень нужен громкий политический процесс, чтобы развернуть борьбу со скрытыми врагами. Если вы не признаете террора, вас уничтожат без суда, не пощадят и семьи. Признаете — получите закономерный приговор, т. е. расстрел, но жизнь вам сохранят, семьи не тронут. Гарантия — мое честное слово большевика".

Зиновьев и Каменев после долгих колебаний пошли на предложенную сделку. На суде они вели себя лояльно. Все подсудимые по этому процессу были приговорены к расстрелу и казнены.

В ходе этого судилища была опробована еще одна новинка. Обвиняемые называли в качестве соучастников людей, еще гулявших на свободе; это служило основанием для привлечения к судебной ответственности. В августе 1936 года такая участь постигла Серебрякова и Преображенского, против которых были немедленно возбуждены дела. Чуть позже к ним присоединили Сокольникову и других. Намеки на причастность правых вызвали истошные крики прессы; то же повторилось в январе 1937 года. Окончательно вопрос

об их судебном преследовании был решен на февральско-мартовском пленуме ЦК⁵.

Многословные покаяния и взаимные оговоры придавали московским процессам определенную степень правдоподобия — особенно в глазах наблюдателей с Запада, симпатизировавшим СССР. На эту удочку попался даже такой стриженный волк как Лион Фейхтвангер. Чтобы усилить впечатление, в состав подсудимых включались штатные провокаторы НКВД. Они с готовностью давали нужные показания, затем их отправляли на казнь наравне с остальными⁶.

Участие в репетициях августовского представления стоило жизни Орджоникидзе. Пламенный большевик Серго так и не смог до конца избавиться от кое-каких буржуазных предрассудков. Давая заключенным слово революционера, он был искренен и намеревался его сдержать. В феврале 1937 г. он узнал, что Зиновьев и Каменев тем не менее уничтожены. В ходе объяснения со Сталиным произошла горячая ссора. Вождь понял, что его старый товарищ — конченный человек, упорствующий в своих заблуждениях. 18 февраля, за неделю до открытия важнейшего пленума ЦК, Орджоникидзе был застрелен чекистом в кабинете кремлевской квартиры⁷. Членам Политбюро Сталин под страшным секретом сообщил, что Орджоникидзе не выдержал напряжения борьбы и покончил самоубийством. Ради сохранения его доброго большевистского имени было решено объявить народу о скоропостижной смерти от разрыва сердца.

Первый показательный процесс достиг цели. Атмосфера в стране накалилась. Сталин счел момент подходящим для захвата карательных органов, тем более, что с его отъездом на курорт в московской верхушке обнаружились колебания. НКВД возглавил секретарь ЦК Николай Ежов, набравший силу в недрах тайной сталинской канцелярии. Гладкое проведение августовского процесса не спасло Ягоду. Его смещение было предопределено телеграммой Сталина и Жданова⁸.

Ежов был идеальная фигура для порученной миссии. В отличие от Менжинского и Ягоды у него не было прошлых ревзаслуг и соответствующих амбиций. Вскормленный из

рук Сталина, он смотрел на мир его глазами, а в кровожадности и подозрительности даже превосходил патрона.

Осуществление заговора ускорилося. В январе 1937 г. открылся процесс параллельного террористического центра (Пятаков, Сокольников, Серебряков, Радек). Стране давали понять, что у врагов имеется гигантская организация с разветвлениями на случай провала одного из звеньев. (Намеки на участие в заговоре военных, впервые прозвучавшие в августе, были здесь повторены и усилены; мы еще будем говорить об этом подробно.) Технология процесса была усовершенствована — к участию в нем допустили адвокатов. Приговоры были дифференцированы: некоторые получили тюремное заключение вместо огульного расстрела. Дрессированная общественность неистовствовала в газетах и на митингах. Западные левые рукоплескали.

Теперь можно было разворачивать наступление по всему фронту. Оставалось только получить формальное одобрение партийного ареопага. Имеются намеки, что в сентябре 1936 года ЦК в таком мандате Сталину отказал. Видимо, весной представленных доказательств оказалось достаточно. Прозаседав одну неделю, партийные бонзы выдали Сталину карт-бланш на государственный террор; фактически в стране было введено негласное чрезвычайное положение. (Постышев пытался возражать, но Сталин его осадил; прочие предпочли смолчать.) Близорукие, никогда не умевшие мыслить самостоятельно, оглушенные пропагандистским ревом, они вынесли смертный приговор — себе и миллионам соотечественников.

После февральско-мартовского пленума все семафоры на пути Сталина к абсолютной власти были задраны в небо. Он победил в центре — деморализовал партийную верхушку, завладел НКВД и скрутил правительство. Государственный переворот стал свершившимся фактом. Репрессии распространились вширь и вглубь с целью обеспечить принятие нового порядка на местах.

В стране существовала еще грозная сила, не подчинив которую Сталин рисковал сломать себе шею. Эта сила — армия. Но прежде, чем перейти к обстоятельствам ее разгрома, сделаем необходимое отступление.

Очень соблазнительно свести террор тридцатых годов к одной пружине — Сталину. Но, увы, делать мы этого не вправе, и частые упоминания его имени были нужны нам только для удобства изложения. Слишком многое указывает на то, что установленный Сталиным режим есть закономерная стадия развития большевизма.

Корни сталинской диктатуры — в том виде, в котором она сложилась в 1936—1938 гг. и просуществовала до 1953 г. — следует прежде всего, хотя и не исключительно, искать в том человеческом материале, из которого была построена партия большевиков. Толстовцы не шли в большевистскую партию, да их бы и не взяли туда. Большевики всегда отличались тем, что все социальные проблемы стремились разрешать одним махом, с наскоку — насилием и террором. Поэтому естественно, что деятель, сделавший террор повседневным содержанием государственной политики, а лицемерие идеологии доведший до предельного совершенства, смог так долго удерживаться на вершине власти. Насилие (во имя грядущей справедливости) и неискренность (ради узкопартийных интересов) были с первых дней альфой и омегой режима. И нечего на Сталина кивать, коли рыло в пуху. Сталин велик, потому что неизменно ориентировался только на эти устои и не связывал себе рук побочными соображениями и сентиментальными воспоминаниями. Он делал ставку не на конкретных людей, а на коренную психологию своей партии.

Расчет оправдался. Партия в своей массе приняла и поддерживала террор. Даже те, кто попадал под колеса НКВД, оставались до конца верны большевистской идее и сталинской политике. Они давали облыжные, губительные для себя и других показания во имя высших интересов партии, они умирали с ее именем на устах. Страшно выговорить, но они заслужили свою участь.

Сталин не только писал партитуру и дирижировал террором. Он также боялся его не меньше других, зная из истории Французской революции, что зачинщикам резни обычно не удается сносить головы. Это было верное предчувствие. Его уничтожила и обесславил та же психология, та же система взглядов, которая ранее вознесла. Нет, Сталин

не шутил, не лицемерил, когда отвечал многочисленным просителям, что сам боится НКВД. Ежов был лично предан Сталину и даже не помыслил посягнуть на его жизнь, очутившись на краю пропасти. Берия в подобной ситуации повел себя более рационально...

Сталин — не исключение, не патологический случай, он органическая фигура коммунистического режима. Равно как Ракоши, Готвальд или Берут, который, кстати, в тридцатых годах подвизался в СССР в качестве следователя НКВД Рутковского. Идеалист Дубчек продержался у власти всего несколько месяцев. Зато Гомулка, пришедший к руководству на волне национального порыва к свободе и справедливости, кончил антисемитской агитацией и расстрелом рабочих демонстраций.

Ненаучно (и неверно) считать, что в тридцатых годах укреплялась одна только личная власть Сталина. Сильно упрочилась также власть партии, хотя употреблявшиеся для этой цели средства могут показаться бесчеловечными и безумными.

Не стоит забывать, что уже в начале тридцатых Сталин олицетворял партию для всех без изъятия, даже для его врагов. Доживи Маяковский до тех дней, он бы с полным правом написал: "Мы говорим партия — подразумеваем Сталин, и наоборот".

Сам Троцкий, к тому времени изгнанный, проклятый и оболганный в родной стране, стоял на такой же точке зрения. Он писал своему сыну Л. Седову, что не может выкинуть лозунг "Долой Сталина!" Если в СССР поднимут голову антисоветские силы, тогда ему, Троцкому, придется, пусть временно, выступить в поддержку Сталина.

Многие партийные лидеры видели губительность политической линии Сталина, противодействовали ей, но сознательно избегали открытого призыва к свержению тирана. Они дрожали за авторитет партии, еще больше — за ее власть. Они продолжали цепляться за партийно-сталинский фетиш даже у гробового входа. Во имя партийной дисциплины и солидарности они делали то, чего не могли пытками добиться Ягода и Ежов, — возводили на себя и других несусветный

поклеп, когда каждая буква показаний оборачивалась го-рами трупов.

Нам скажут: они верили в партию. Мы не вправе ставить под сомнение их веру. Но мы имеем право спросить: почему они думали только о партии и начисто забывали о народе, которому, будто бы, посвятили жизнь? Почему никогда не искали поддержки у него, своего народа?

Из ответа на этот вопрос вылезает и криком кричит беспощадная, убийственная для них правда. Они всегда были чужды своему народу, неизменно стояли над ним с указующим перстом и карающим мечом. Только себя и своих партийных единомышленников-соучастников мыслили они людьми, достойными свободы, справедливости, благополучия. Народ для них был — масса, строительный материал, глина, объект, подопытный кролик для холодных экспериментов. На пути к власти они постоянно провозглашали, что благо народа есть высший закон. Но когда руками народа вожденная власть была добыта, они тотчас уселись ему на шею и гордо заявили, что не пойдут на поводу у отсталых настроений масс. С первого дня принялись они понукать и погонять массы — по пути в очередную пропасть.

Вот по какой причине они не шли к народу. Для миллионов соотечественников любой большевик был — чужак и угнетатель. В страшную годину истребления крестьянства несогласные партийцы предпочитали вести теоретические споры в кремлевских кабинетах и аудиториях Комакадемии. Бухаринцы, противники насильственной коллективизации, не обратились к народу, не протянули руки брату меньшому, против которого НКВД проводил неприкрытый геноцид. Троцкий встретил коллективизацию сочувственно, он единственно пытался отстоять свой приоритет в этом деле. По поводу каждого посаженного или снятого своего сторонника он раздражался филиппиками из зарубежного далека, но словом не обмолвился о страданиях и гибели миллионов мужиков.

После этих несдыханных насилий у большевиков не было пути назад — к тому самому народу, который они предали, обрекли на голод, на вымирание. Оставался стре-

мительный бег к собственной могиле — под партийным знаменем, под водительством Сталина.

Стоит только прочесть политическое завещание Бухарина. "Ухожу из жизни. Опускаю голову — не перед пролетарской секирой, должной быть беспощадной, но целомудренной..." И в таком духе до самого конца: "...раньше революционная идея оправдывала жестокость к врагам (других, значит, резать позволительно!) ... Грозовые тучи нависли над партией". Партийная солидарность для него единственное мерило: "Уже седьмой год у меня нет и тени разногласий с партией".

Следовательно, на пороге уничтожения крестьянства у Бухарина еще были разногласия, а теперь исчезли, и в 1937 г. он полностью согласен с партией, провозгласившей террор. Только бы не трогали... Шоры партийного мышления застыли белым светом. Ничего не существует — ни Родины, ни близких. Перед лицом смерти не находит Бухарин ни слов покаяния, ни слов любви. Только: партия... борьба... кровь. "Никогда я не был предателем, за жизнь Ленина без колебаний заплатил бы своей собственной, любил Кирова, ничего не затевал против Сталина... Знайте, товарищи, что на том знамени, которое вы понесете победоносным шествием к коммунизму, есть и моя капля крови". Точка. Больше нечего сказать.

Если партия была им дороже всего на свете — народа, справедливости, правды, если Сталин был олицетворением партии, значит все, что шло ему на пользу, они обязаны были встречать приветственным гимном. Не исключая собственного уничтожения. Массовая гибель членов партии не угрожала ее власти, наоборот, укрепляла эту власть — выходит, это было исторически прогрессивно. До поры, до времени этот процесс проходил под эгидой Сталина и направлялся его волей. Но и после того, как ему сломали шею, господство партии сохранилось.

Когда бы вся эта грызня и резня не выходила за пределы стаи профессиональных заговорщиков, тогда сей предмет представлял бы интерес для одних партийных историков. На беду народа между ним и партией стоял мощнейший множитель импульсов, поэтому на одного пострадавшего

большевика приходилось пять, десять, а то и более беспартийных — простых граждан, никогда не читавших Маркса, Троцкого и Сталина и не видевших разницы между ними, неспособных даже толком понять, за что они идут на смерть или в лагерь.

Но и это было еще не все народное горе, только его начало. Беспощадная междуусобица в партии происходила во время, когда в мире ощутимо запахло порохом. До того ли было взбесившимся властолюбцам. В преддверии войны они обрушили смертельный удар на беззащитную с тыла армию родной страны.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ЖАТВЕ

Такие деяния, как уничтожение огромной армии, не совершаются вдруг, по наитию. Подкоп под РККА повели загодя, параллельно с разворачиванием государственного заговора. Внешние признаки этой работы долгое время были незаметны.

После военно-исторических открытий 1929 и разбойного налета 1930 отношения Сталина и армейской верхушки выглядели безоблачно. Тухачевского возвратили из ленинградской ссылки и доверили важный пост для руководства перевооружением Красной Армии в духе его собственных предложений, военспецов освободили и вернули на работу. Реорганизованная армия наливалась силой и усердно училась. На генералитет сыпались милости и отличия. Суровые воины, в свой черед, нелюбезно курили фимиами вождю. Казалось, идиллическому альянсу конца не будет.

4 мая 1935 года Сталин выступил на кремлевском банкете по поводу выпуска академиков Красной Армии. Именно в этой речи он выкинул знаменитый лозунг "Кадры решают все".

Своевременность нового курса не должна была вызывать сомнений. Это раньше, в пору отсталости, техника у нас стояла на первом месте. Теперь, когда мы, преодолев отсталость, вышли вперед (очень быстро, за 5–6 лет, но это никого не удивляло), главным стали люди, овладевшие техникой. А техника, что техника? Ее у нас с избытком: и в армии (плюс миллион лошадок, но об этом оратор умолчал), и везде, куда ни кинешь взгляд. Поэтому, воору-

женные до зубов первоклассной техникой, мы заменяем старый лозунг новым.

В речи, однако, прозвучал мотивчик об установке оппозиции на террор:

”Мы выбрали план наступления (имеется в виду ускоренная индустриализация. — Авт.) и пошли вперед по ленинскому пути, оттерев назад этих товарищей как людей, которые видели кое-как только у себя под носом, но закрывали глаза на ближайшее будущее нашей страны, на будущее социализма”.

Но вопрос стоял куда серьезней. Упомянутые

”...товарищи не всегда ограничивались критикой и пассивным сопротивлением. Они угрожали нам поднятием восстания в партии против Центрального Комитета. Более того: они угрожали кое-кому из нас пулями. Видимо, они рассчитывали запугать нас и заставить нас свернуть с ленинского пути. Эти люди очевидно забыли, что мы, большевики, — люди особого покроя. Они забыли, что большевиков не запугаешь ни трудностями, ни угрозами... Понятно, что мы и не думали сворачивать с ленинского пути. Более того, укрепившись на этом пути, мы еще стремительнее пошли вперед, сметая с дороги все и всякие препятствия. Правда, нам пришлось при этом по пути помять бока кое-кому из этих товарищей. Должен признаться, что я тоже приложил руку к этому делу. (Бурные аплодисменты, возгласы ”у р а”.)”

Интерпретация фактов выглядела не слишком логичной. Одно дело, когда некоторые товарищи (без кавычек) не видят дальше собственного носа и закрывают глаза на будущее социализма. Это досадный дефект зрения, называемый близорукостью. Но зачем им восстания, пули... Требовались объяснения. Противоречия никто не заметил. Все запасали дыхание для криков ”ура”.

Пассаж был вставлен Сталиным не для красного словца.

Никто ему пулями не грозил, но как раз об эту пору он усердно занимался тем, чтобы оппозиция созналась в подготовке террора. Он высказал то, что было на уме. Здесь помогает хронология. Речь датирована 4 мая. Первый зиновьевский процесс, где намерение стрелять пулями в вождей шили упорно и безуспешно, прошел в январе. Летом создали новое дело не получившее огласки: Каменев обвинялся в том, что из заключения готовил убийство Сталина. 27 июля, вскоре после банкета, состоялся тайный суд. Ничего не признавший Каменев на этот раз избежал расстрела.

Ближе к концу длинного нравоучительного тоста Сталин рассказал небольшую новеллу. В свете дальнейших событий она читается как шедевр лицемерия:

”Я вспоминаю случай в далекой Сибири, где я был одно время в ссылке... Человек тридцать ушло на реку ловить лес, унесенный разбушевавшейся громадной рекой. К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили, что тридцатый ”остался там”. На мой вопрос: ”Как же так, остался?” они с тем же равнодушием ответили: ”Чего ж там еще спрашивать, утонул, стало быть”. И тут же один из них стал торопиться куда-то, заявив, что ”надо-бы пойти кобылу напоить”. На мой упрек, что они скотину жалуют больше, чем людей, один из них ответил при общем одобрении остальных: ”Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы завсегда сделать можем. А вот кобылу... попробуй-ка сделать кобылу”. (Общее оживление в зале.) ”

Мораль вышла еще краше рассказа:

”Мне кажется, что равнодушное отношение некоторых наших руководителей к людям, к кадрам и неумение ценить людей является пережитком того странного отношения людей к людям, которое сказалось в только что рассказанном эпизоде в далекой Сибири”.

Подобные перлы комментировать безнадежно, их следует наизусть заучивать. Финал речи был пророческим:

”Если наша армия будет иметь в достаточном количестве настоящие закаленные кадры, она будет непобедима. За ваше здоровье, товарищи!” (Бурные аплодисменты всего зала. Все встают и громкими возгласами ”у р а” приветствуют товарища Сталина.)”

1935 год прошел и закончился для армии вполне благополучно. В ноябре появилось постановление о введении персональных воинских званий. До сего момента РККА семнадцать лет просуществовала без таковых: были красноармейцы, младшие командиры и командиры. Комсостав носил знаки различия на петлицах: треугольники, кубики, шпалы и ромбы; они соответствовали занимаемым должностям. Персональные звания, с одной стороны, демонстрировали заботу Партии, Правительства и лично товарища Сталина о наших Вооруженных Силах, а с другой, более важной — это был шаг на пути к возвращению старорежимных порядков. Большинство званий еще производилось от названия должностей: комбриг, комдив, комкор, командарм, но уже появились лейтенанты, капитаны, майоры, полковники и маршалы. В 1939 году добавили подполковника, а в 1940 — генерала. Отсюда было рукой подать до погонов, того самого признака, по которому в гражданскую узнавали врага.

О репрессиях против военных в 1935 году ничего не слышно. За вычетом одного случая. Был арестован и вскоре расстрелян красный командир Яков Охотников.

Сталин, как отмечают все знавшие его, был наделен превосходной памятью. В 1935 ему не составило труда припомнить случай из 1927-го. Перед 7 ноября, десятой годовщиной Октябрьской революции, схватка между сталинцами и фракцией Зиновьева-Троцкого достигла кульминационной стадии. Ожидались параллельные демонстрации оппозиционеров в Москве и Ленинграде, в связи с чем были приняты чрезвычайные меры предосторожности. В их числе была такая: бесценные жизни вождей, выстроившихся на

трибуне Мавзолея, помимо чекистов, должны были охранять слушатели военных академий. Утром праздничного дня начальник Академии им. Фрунзе Р. П. Эйдман вручил трем своим питомцам специальные пропуска и приказал не медля отправляться на задание. Слушатели — вместе с Охотниковым были отобраны Владимир Петенко и Аркадий Геллер — со всех ног кинулись на Красную площадь. На территорию Кремля они проникли беспрепятственно, но у деревянной калитки туннеля, ведущего на трибуну Мавзолея, вышла заминка. Охранник-грузин отказывался их пропустить. Горячие парни, участники гражданской, не спасовали перед наглостью чекиста. Они отшвырнули его, сломав при этом калитку¹, и бросились вперед. Через несколько секунд они были за спинами стоявших на трибуне. Охрана накинулась на новоприбывших. Вырвавшийся Охотников подскочил к Сталину, которого счел виновником этой провокационной неразберихи, и кулаком ударил его по затылку. В последнее мгновение телохранитель выставил нож — стрелять было нельзя — и ранил Охотникова в руку. Вмешательство присутствовавших военных погасило вспышку. Охотникову оказали первую помощь, все трое отправились восвояси. Вечером за ними пришли. Охотников предусмотрительно не ночевал дома, Геллера и Петенко взяли. Однако Эйдеману удалось замять это дело.

Вечером 7 ноября у Сталина произошел тяжелый припадок паранойи, из которого его вывел профессор В. М. Бехтерев. Этот визит, точнее поставленный диагноз, стоил жизни знаменитому психиатру — его отравили подосланные Сталиным агенты. В 1927 Сталин не стал раздувать инцидента — не до того было. Через восемь лет он расправился с обидчиком. Охотников, кстати, в период гражданской одновременно был адъютантом Якира. Петенко и Геллер погибли в 1937 году.

В 1936, когда приступили к физическому разгрому оппозиции, армия не была забыта. Стали брать военных — еще не в массовом порядке, без особого шума, но с дальним прицелом. Пока аресты шли в основном в провинции². Особое усердие НКВД проявлял на Украине. 5 июля взяли комдива Дмитрия Шмидта, командира единственной тогда

в РККА бригады тяжелых танков, и Бориса Кузьмичева, начальника штаба авиасоединения. Оба были доверенными людьми Якира. Та же участь постигла комдива Ю. Саблина³ и других; в их числе был товарищ Якира со времен гражданской Н. Голубенко, председатель Днепропетровского облисполкома, — он как говорят, высказался против репрессий.

В ходе разворачивавшихся проскрипций Сталин начинал платить по старым счетам. Кого-кого, а Шмидта он обязан был помнить — равно как и Охотникова. Дмитрий Шмидт, сын еврея-сапожника, киномеханик из Прилук, вступил в партию в 1915. Он лихо дрался на фронтах в составе корпуса червонного казачества, после войны командовал в нем дивизией. В двадцатых был активным троцкистом. Бывший партизан, человек отчаянной храбрости, Шмидт придавал мало цены кумирам и авторитетам. Провокационное исключение Троцкого из партии буквально накануне XV съезда привело его в бешенство. Он приехал в Москву и отыскал Сталина где-то в перерыве между заседаниями. Облаченный в черкеску, с папахой на голове, он подошел к генсеку, непотребно выругался и, доставая воображаемую саблю, пригрозил: "Смотри, Коба, уши отрежу!"

Сталину пришлось проглотить и это оскорбление. Не настало еще время обвинять оппозицию в терроре, речь пока шла о нелегальных типографиях. В 1936 памятный Коба не просто отомстил Шмидту, но снял с этого дела политические сливки. На августовском процессе первый из допрашиваемых Мрачковский сообщил о существовании в армии "группы убийц" во главе с Дмитрием Шмидтом. Затем Дрейцер упомянул Путну, И. Н. Смирнов это отрицал, но Пикель, Рейнгольд и Бакаев подтвердили. Несколькими днями спустя Генеральный прокурор Вышинский объявил, что дела по обвинению ряда лиц, упоминавшихся в показаниях подсудимых, выделены в особое производство. В их числе были Шмидт и Кузьмичев.

Фамилия Путны, однако, не была названа, что легко объяснимо. В то время он находился в Лондоне, где занимал пост военного атташе. При возбуждении против него судебного дела Путна, скорее всего, стал бы невозвращенцем.

Его просто вызвали в Москву, а в начале сентября арестовали. Так в лапы НКВД попал первый из восьми обвиняемых на июньском процессе 1937 года. Но относительно использования Путьны твердый план еще, видимо, не был выработан.

Осенью 1936 НКВД и Прокуратура СССР главную ставку делали на Шмидта. Военный и троцкист в одном лице, он должен был сыграть роль связующего звена между оппозицией и заговорщиками в армии.

В сентябре в механизме разворачивания репрессий случились маленькие поломки. Кто-то в ЦК пытался противодействовать Сталину, находившемуся на отдыхе вне Москвы. Поговаривают даже о таинственном пленуме ЦК, где Сталин остался в меньшинстве по вопросу о терроре. Это представляется невероятным хотя бы потому, что пленум не мог состояться в отсутствие Сталина. Тем не менее именно в сентябре обнаруживаются признаки антисталинских поползновений. 10-го опубликовано сообщение о прекращении следствия по делу Рыкова и Бухарина. 21 сентября датирован закрытый циркуляр ЦК, в котором говорится о необходимости прекратить необоснованные репрессии. Рядом, правда, помещен призыв к бдительности и преследованию истинных врагов, но все же это явный щелчок по сталинскому кулаку.

В свой звездный час Сталин реагировал незамедлительно и крайне результативно. 25-го последовала известная телеграмма с смещением Ягоды, несколько дней заняли формальности, и уже 30-го Николай Иванович Ежов принял у него дела. Он назначил двух новых заместителей — Матвея Бермана, бывшего начальника ГУЛага, и Михаила Фриновского, бывшего начальника погранвойск, — и приступил к работе.

21 января 1937 года, в годовщину смерти Ильича, открылся второй показательный процесс. Пятаков, Сокольников, Серебряков, Лившиц охотно давали показания о своем запасном (параллельном) террористическом центре, созданном на случай провала основного во главе с Зиновьевым и Каменевым. Поскольку подсудимые много лет провели на хозяйственной работе, то много места было отведено описа-

нию разнообразных вредительских подвигов, большинство которых неразличимы с привычным у нас разгильдяйством и жульничеством⁴. Не были забыты и попытки покушения на вождей, к счастью, никогда не достигавшие цели.

На скамье подсудимых сидел также Карл Радек, краснобай, сочинитель анекдотов и борзописец, который в начале тридцатых годов из оппозиционера переквалифицировался в сталинского клеветника и доносчика⁵. Согласно сценарию процесса, Радек ни террором, ни вредительством не занимался. Его амплуа — политика и связь с Троцким. Радек с головой "выдал" Бухарина, пропел дифирамбы НКВД ("не следователи нас мучали, а мы мучали их") и сделал зловещие намеки на причастность военных. На одном из утренних заседаний он показал:

"В 1935 году Виталий (правильно Витовт. — Авт.) Путна встречался со мной, передав одну просьбу Тухачевского".

Станным образом Вышинский пропустил этот факт мимо ушей и повел допрос в другом направлении.

Однако вечером того же дня он к нему возвратился. (Высказывалось предположение, весьма правдоподобное, что Тухачевский бросился за разъяснениями к Ворошилову и Сталину, после чего Вышинский получил указание *формально* обелить маршала. Сделал он это весьма своеобразно.) Итак, Вышинский спросил Радека, по какому поводу к нему обращался Тухачевский:

"Радек. Тухачевский имел правительственное задание, для которого не мог найти необходимого материала. Таким материалом располагал только я. Он позвонил мне и спросил, имеется ли у меня этот материал. Я его имел, и Тухачевский послал Путну, с которым вместе работал над заданием, чтобы получить материал от меня. Тухачевский понятия не имел ни о роли Путны, ни о моей преступной роли.

Вышинский. А Путна?

Р. Он был членом организации, он пришел не по

делам организации, но я воспользовался его визитом для нужного разговора.

В. А Тухачевский?

Р. Тухачевский никогда не имел отношения к нашим делам... Я заявляю, что я никогда не имел и не мог иметь никаких связей с Тухачевским по линии контрреволюционной деятельности, потому что я знал, что Тухачевский — человек, абсолютно преданный партии и правительству”.

Радек четырежды произнес слово ”материал”, но прокурор не спросил о его содержании. Его даже не заинтересовало, о чем говорили заговорщики Путна и Радек. Для Вышинского инцидент был исчерпан, но для Тухачевского он обрачивался скверной изнанкой. Муслирование его имени в такой компании бросало тень. Последующие разъяснения только сгустили краски. Зачем честному человеку лестная характеристика от заведомого контрреволюционера Радека? Настораживала также форма заявления Радека. Могло показаться, что, распевая маршалу дифирамбы и отрицая даже возможность связи между ними, он отводит подозрения от глубоко законспирированного сообщника. В 1937 такое эвентуальное соображение расценивалось как достаточная улика⁶.

Один из восьми, Путна, содержался на Лубянке, другого, Тухачевского, публично полили грязью, третий, Якир, чувствовал себя, ”как зверь в загоне”. Ведь Шмидту и Кузьмичеву приписывали намерение убить Наркома в кабинете... Якира. Надо отдать должное Якиру, он пытался разорвать сжимающееся кольцо. Он пошел к Сталину и заявил, что не верит в виновность Шмидта и Кузьмичева и вообще не слишком доверяет Ежову. Сталин, всегда симпатизировавший Якиру, и здесь пошел ему навстречу. Якиру дали свидание с Шмидтом. Заключение имел самый жалкий вид, у него был ”взгляд марсианина”. Свидание продолжалось недолго. Шмидт, однако, успел заявить командующему, что приписываемое ему есть ложь, и передал записку для Ворошилова.

Якир посетил Наркома, записку вручил, а от себя выска-

зал убеждение в невинности арестованных. Стоило Якиру вернуться в Киев, как позвонил Ворошилов: на новом допросе Шмидт сознался, что хотел обмануть и тебя, и меня; свои прежние показания он подтвердил. Сын командарма П. Якир далее пишет:

”В этом же разговоре Ворошилов сообщил, что арестован комкор Гарькавый. Отец опустился в кресло и схватился за голову руками. Илья Иванович Гарькавый был старейшим другом отца с семнадцатого года и нашим родственником — мужем маминой сестры”.

Когда это произошло? Согласно П. Якиру, 17 или 18 января командарм был на Лубянке и у Ворошилова, вернулся в Киев, поговорил по телефону с Наркомом и на следующий день снова уехал в Москву — чтобы присутствовать на процессе, открывавшемся 21-го. Возвращение в Киев на 1—2 дня выглядит странно. Зачем, спрашивается, было тратить более суток на дорогу ради суток пребывания дома? Если принять сообщаемую другими источниками дату ареста Гарькавого — апрель, тогда этот эпизод следует отнести на конец апреля — начало мая. Тем более, что М. Ф. Лукин (бывший подчиненный Якира, в 1937 — комендант Москвы) вспоминает, как он провожал командарма из столицы в мае, незадолго до ареста.

На январском процессе судили старого друга Якира Якова Л и в ш и ц а. Партиец с дореволюционным стажем, из рабочих, много поработавший в ЧК—ОГПУ, он последнее время был заместителем Наркома Путей Сообщения. Лившиц во всем, что требовалось, сознался, но перед расстрелом крикнул: ”За что!?” Якиру это стало известно.

Глава 19

СТРАДА

"В 1937 году были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали Советской власти 98,6 процента всех участников голосования... Спрашивается, где же тут признаки "разложения" и почему это "разложение" не сказалось на результатах выборов?"

Сталин

"...ценить кадры, как золотой фонд партии и государства, дорожить ими, иметь к ним уважение".

Сталин

Переходим к описанию того, что случилось в армии в 1937–1938 гг. Мы не имеем возможности нарисовать полную картину происходившего, поэтому вынуждены сосредоточиться на нескольких эпизодах и отдельных аспектах обстановки.

Тухачевский. В начале мая 1937 г. была внезапно отменена поездка маршала на коронационные торжества в Лондон — якобы из-за готовящегося покушения... в Варшаве. В качестве советского представителя был послан командующий ВМС флагман В. М. Орлов. 11 мая Ворошилов вызвал Тухачевского и объявил, что тот отстранен от должно-

сти первого заместителя Наркома и назначен командующим войсками Приволжского военного округа. Сообщение было сухое, совершенно официальное, без мотивировки. Тухачевский был ошеломлен — это отмечают все мемуаристы. Он обратился за разъяснениями к Сталину. Рассказывают, что Сталин успокоил маршала, обосновав его снятие близким знакомством с некоторыми осужденными на недавнем процессе: "Но мы Вам доверяем. Вам лучше временно уехать из Москвы, а когда утихнут разговоры — мы Вас вернем".

26 мая Тухачевский прибыл в Самару (ныне г. Куйбышев) и приступил к принятию дел у старого своего приятеля П. Е. Дыбенко, но в тот же день был арестован.

Я к и р. 28 мая член ЦК ВКП(б) и Политбюро ЦК КП(б)У Якир получил официальную секретную бумагу. В ней сообщалось об аресте Тухачевского и запрашивалось его согласие на возбуждение уголовного дела. Якир ответил, что ни секунды не сомневается в невинности Тухачевского, но против суда не возражает, рассматривая его как наилучшее средство для выяснения всех обстоятельств. 29 или, вероятнее, 30 мая командарму позвонил Ворошилов и приказал немедленно прибыть в Москву на заседание Военного Совета. В этот день поездов на Москву уже не было, и Якир хотел воспользоваться самолетом. Ворошилов, однако, не разрешил, предписав ехать в собственном вагоне командующего. Якир отбыл 31-го в час дня. Ночью вагон был отцеплен в Брянске. Сонного Якира взяли сотрудники центрального аппарата НКВД и в автомобиле доставили на Лубянку.

П р и м а к о в. Также был вызван в Москву и выехал в салон-вагоне. Когда по дороге чекисты сделали попытку его арестовать, он вспомнил свое червонноказахье прошлое и с помощью личной охраны обратил их в бегство. После этого Примаков связался с Ворошиловым. "Произошло недоразумение, — ответил Нарком. — К вам едут люди, которые все разъяснят". Вскоре прибыл усиленный наряд НКВД. Примаков сдал свой маузер и поехал на Лубянку.

Г а м а р н и к. В последних числах мая был болен и лежал дома. В один из этих дней, скорее всего 31-го, к нему приехал его заместитель А. С. Булин¹ и заместитель начальника Генштаба Смородинов — за ключом от сейфа, где хранились материалы, необходимые для заседания Военного Совета. Гамарник был подавлен: уже было известно об аресте Тухачевского и других. Посетители, как могли, старались его успокоить. Вскоре они откланялись. Примерно через час явились агенты НКВД. В то время, как дочь Гамарника открывала дверь новым гостям, в его комнате раздались два пистолетных выстрела. По другой версии, Гамарник застрелился немедленно после визита Булина и Смородинова, и они слышали выстрелы, выходя из квартиры².

В официальном сообщении Гамарник был назван сообщником подсудимых. (Сталин сказал на Военном Совете 4 июня: "... и ушедший от суда Гамарник"). Существует еще два объяснения мотивов самоубийства: а) чтобы не быть в числе членов Военной Коллегии Верховного Суда, б) чтобы не давать показаний против арестованных.

У б о р е в и ч а взяли 29 мая. Трудно сказать точно, где это произошло. По словам дочери — по дороге из Смоленска в Москву, по другим сведениям — в Москве на перроне, сразу по выходе из вагона.

Об аресте П у т н ы мы уже говорили.

К о р к, Ф е л ь д м а н и Э й д е м а н работали в Москве и были взяты во второй половине мая. Если верно, что Фельдман был отрешен от должности 28 мая, то это число и есть, видимо, дата ареста. Похоже, Якир знал об этом еще в Киеве. Есть указания, что Эйдемана забрали 22 мая во время Московской партконференции — за связь с Корком, схваченным несколькими днями ранее.

Кроме того, НКВД арестовал еще нескольких видных военных работников: в конце апреля начальника международного отдела НКО комкора А. И. Геккера и командующего Уральским округом комкора И. И. Гарькавого — оба расстреляны 1 июля 1937 года; 11 мая бывшего начштаба

ОКДВА комкора А. Я. Лапина. Точная дата неизвестна, но во всяком случае до начала процесса, даже до 1 июня, схватили начальника Управления ПВО командарма II А. И. Седякина, начальника Академии Генштаба комдива Д. А. Кучинского, начальника Политуправления ЛВО армкомиссара II И. Е. Славина, профессора Академии им. Жуковского, комкора Г. Д. Гая (Бжишкянца).

Г а я пришлось брать дважды. Сначала он был арестован в Минске в ночь с 2 на 3 июля 1935 года. В Москве Особое совещание НКВД определило ему пять лет тюрьмы³. По пути в Ярославский политизолятор Гай сумел выломать доску из пола вагона и выпрыгнуть. При этом он повредил ногу, но у него все же хватило сил добраться до ближайшего поля со стогами сена. Несмотря на боль, старый солдат замаскировался по всем правилам. Он вырыл руками углубление под стогом, забрался туда и уснул. Уже вскоре по всей округе начался генеральный шмон. Сотни ретивых комсомольцев под водительством чекистов прочесывали поля и веся, заглядывали под каждый кустик, протыкали штыками каждый стог и копну. Все комсомольцы имели на груди увеличенные фотографии Гая. Поиски ничего не дали.

Гай благополучно проспал эту церемонию в его честь. Проснувшись, он решил покинуть убежище и идти к людям. Нога сильно болела, еды не было. Достигнув деревни, он вошел в крайнюю избу. Хозяин узнал Гая: когда-то служил под его началом. Он рассказал комкору, что его ищут. Через несколько дней Гай решил выбираться в Москву. Хозяин отговаривал. "Сходи на станцию, — сказал ему Гай, — посмотри: висят еще портреты Ленина и Сталина?" Портреты были на месте. "Значит, советская власть существует!" Гай двинул на станцию. Свой арест он считал произволом НКВД. Начальник станции тоже узнал Гая и посоветовал скрыться. Комкор потребовал связи с Москвой и по прямому проводу поговорил с Ворошиловым. Тот его успокоил: "К вам выезжают люди — все объяснят". Люди ждать не заставили. На Лубянке Гай попал в одну камеру с Путной. Он все еще не понимал, что случилось. "Вот начнут со

спины ремни нарезать — сразу все поймешь!” — ответил Путна⁴.

Б л ю х е р. Первые репрессии против армии мало затронули Дальний Восток. Весь 1937 и первая половина следующего года прошли там относительно спокойно. Только летом 1938 начались массовые аресты в ОКДВА — Отдельной Краснознаменной Дальневосточной Армии. В конце мая туда прибыли начальник Политуправления РККА Л. З. Мехлис и заместитель Наркома Внутренних Дел Фриновский — каждый в отдельном поезде. Командиров стали хватать сотнями.

Нельзя сказать, что момент был выбран удачно. Обстановка на границе была накаленной — не без помощи Сталина. У вождя сложилось впечатление, что Дальний Восток — это пороховая бочка. Китайцы и корейцы, живущие под японским сапогом, ждут только искры, чтобы разжечь пламя народно-освободительной борьбы.

В июне 1938 года ОКДВА преобразовали в Дальневосточный фронт в составе 1-ой и 2-ой Отдельных Краснознаменных Армий. Командующим остался Блюхер. НКВД, в руках которого находилась разведка, постоянно внушал ему, что японцы вот-вот полезут. Развертывание наших войск не могло не насторожить японцев⁵.

Карательные органы занялись высеканием искры. На границе имелись недемаркированные участки, однако пограничные патрули обеих сторон ежедневно ходили по определенным маршрутам и столкновений не происходило. В конце июля на границу пожаловали Фриновский и заместитель начальника Управления НКВД по Дальнему Востоку Гоглидзе. Собрали пограничников свежего набора, незнакомых с местными условиями. Им были вручены новые карты, где некоторые участки, фактически контролируемые японцами, были показаны как наши. Высокие гости призывали к сугубой бдительности, предупредили о возможности провокаций.

29 июля на одном из ложно обозначенных участков в районе озера Хасан произошел инцидент. Наши пограничники увели с собой захваченного японского офицера в

качестве доказательства нарушения границы. Высоты Заозерная и Безымянная по молчаливому соглашению считались *ничиими*. Наши тут же их заняли. Японцы выбили оттуда советские части и укрепились. Развернулись военные действия крупного масштаба.

Положение наших войск осложнялось нелепым приказом Сталина: воевать так, чтобы ни одна пуля не перелетела на японскую территорию. Посему высоты пытались захватить с помощью почти что одних штыковых атак. Блюхер был храбрый воин, но старой закалки. Обучение войск он проводил без новомодных затей. Артиллерия, как в мировую войну, была по площадям, а не по разведанным огневым точкам. Такая тактика была отсталой для Красной Армии того времени. Когда наши части поднимались в атаку, японские огневые точки говорили во весь голос. Потери были очень чувствительные.

Наконец, ценой больших жертв удалось овладеть спорными высотами. 11 августа военные действия были остановлены. Была выполнена демаркация границы, закреплённая в мирном соглашении. Вспышка народных восстаний не состоялась⁶.

За время конфликта Блюхер ни разу не был упомянут в прессе. Через неделю после окончания боев его отозвали в Москву. Ворошилов дал ему изрядную нахлобучку и приказал отправиться на курорт — до решения о новом назначении.

Блюхер с женой и братом, командиром авиасоединения, поехали в Крым (по другим данным — в Сочи). На досуге старый боец много думал о постигшей его неудаче и добрался в конце концов до истинных причин. По свидетельству жены, в начале октября он написал письмо Сталину. Содержание: "Все, что произошло, — результат провокации... Я был полностью дезинформирован... Мои парни грудью шли на пулеметы японцев... Фриновского и Гоглидзе следует убрать с Дальнего Востока и наказать..." Вскоре Блюхера вызвали в Москву и 22 октября арестовали.

Маршала содержали в Лефортове. Первый допрос снимал свежее испеченный замнаркома Л. П. Берия. Обвинения были тяжелые: связь с японцами с 1921 года, намерение перебе-

жать к ним с помощью брата-летчика. Блюхер все отрицал.

Смерть наступила 9 ноября. Путем опроса свидетелей покойному В. В. Душенькину (начальник Центрального архива Советской Армии) удалось установить, что Ежов собственноручно застрелил Блюхера в своем служебном кабинете. Приговор сочиняли над трупом.

Приведенные случаи — всего лишь фрагменты гигантской работы по истреблению комсостава РККА. Имеющиеся сведения о датах арестов, тем более расстрелов, — отрывочны и часто противоречивы. Общее число жертв устанавливается лишь гадательно. Мы вынуждены поэтому смириться с тем, что процесс этот будет описан заведомо неполно.

Репрессии охватили десятки тысяч офицеров (красных командиров). Распределение жертв по носителям старших воинских званий помещено в следующей главе. Здесь мы попытаемся представить динамику кадровых изменений на высших должностях — центральном аппарате НКО и командовании округов.

С весны 1937 года аресты военных проводились в массовом порядке. Эта охота за людьми продолжалась до поздней осени 1938. Ее окончание можно условно связать с уничтожением Блюхера и падением Ежова. В последующие годы репрессии против красных командиров хотя и не прекратились, но стали разрозненными, единичными, можно сказать незаметными — по контрасту с вакханалией 1937—1938 гг.

Помещенные ниже таблицы показывают какое опустошение произвела пролетарская секира в руководстве РККА. Не все клетки удалось заполнить, но на приведенные данные можно полагаться. Проставлены только те даты, которые проверены по официальным источникам, и все показанные погибшими в репрессиях не умерли естественной смертью.

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ
в руководстве Наркомата Обороны с 1934 г. по 22 июня 1941 г.

Должность	20 июня 1934 – 22 июня 1941		
Нарком Обороны	Ворошилов К. Е. до 6 мая 1940	Тимошенко С. К. с 6 мая 1940	
Начальник Политуправления – 1-й зам. НКО (с авг. 1940 – зам. НКО)	Гамарник Я. Б. ¹ до 31 мая 1937 Мехлис Л. З. ² дек. 1937 – сент. 1940	Смирнов П. А. 15 июля – декабрь 1937 Запорожец А. И. с 7 окт. 1940	
1-й зам. НКО	Тухачевский М. Н. ³ 9 апр. 1936 – 11 мая 1937 Федько И. Ф. 25 янв. – 7 июля 1938	Егоров А. И. ⁴ 11 мая 1937 – 21 янв. 1938 Буденный С. М. с 15 авг. 1940	
Начальник Генштаба – зам. НКО (с 1936)	Егоров А. И. до 11 мая 1937 Мерецков К. А. 15 авг. 1940 – февр. 1941	Шапошников Б. М. 11 мая 1937 – 15 авг. 1940 Жуков Г. К. с февр. 1941	
Зам. НКО – начальник вооружений	Тухачевский М. Н. до 9 апр. 1936 Кулик Г. И. с 26 мая 1937	Халепский А. И. ⁵ 9 апр. 1936 – 4 апр. 1937	
Зам. НКО	Мерецков К. А. 7 июня – 15 авг. 1940; с февр. 1941		
Зам. НКО	Шапошников Б. М. с 15 авг. 1940		
Зам. НКО по разведке – нач. 5 ГУ	Проскурнов И. И. ⁶ 14 апр. 1939 – 27 июля 1940		
Командующий ВВС – зам. НКО (с янв. 1937)	Алексис Я. И. до 24 нояб. 1937 Смушкевич Я. В. ⁸ 20 июля – 28 авг. 40	Локтионов А. Д. ⁷ 28 нояб. 1937 – 11 июля 1940 Рычагов П. В. 28 авг. 40 – апр. 41 Жигарев П. Ф. с апр. 41	
Зам. НКО по кадрам	Щаденко Е. А. ⁹ янв. 1938 – 6 дек. 1940		
Командующий ВМС – зам. НКО (с янв. 1937)	Орлов В. М. до 15 июня 1937	Викторов М. В. 15 авг. – нояб. 1937	
Нарком ВМФ (с 30 дек. 1937)	Смирнов П. А. до нояб. 1938	Фриновский М. П. нояб. 1938 – март 1939	Кузнецов Н. Г. с марта 1939

Примечания к таблице 1

1. По приказу НКО от 31 мая 1937 г. «отстранен от занимаемой должности, исключен из состава Военного Совета при НКО СССР и уволен из РКК как работник, находившийся в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военно-фашистском заговоре». В тот же день застрелился.

2. В сентябре 1940 г. назначен Заместителем Председателя Совнаркома и Наркомом Госконтроля.

3. 11 мая 1937 г. назначен Командующим Приволжским Военным Округом. Арестован 26 мая.

4. 25 января 1938 г. назначен командующим Закавказским Военным Округом. 25 февраля того же года приказом НКО уволен из РККА по болезни. Арестован и погиб.

5. Формально не был заместителем Наркома. 4 апреля 1937 г. назначен Наркомом Связи СССР. Арестован и погиб.

6. 9 сентября 1940 г. назначен заместителем командующего ВВС Дальневосточного фронта, 23 октября помощником командующего ВВС РККА по дальнебомбардировочной авиации. В январе 1941 г. арестован и погиб.

7. Назначен командующим Прибалтийского Военного Округа. В январе 1941 г. арестован и погиб.

8. С 15 августа 1940 г. – генерал-инспектор авиации, с 3 декабря – помощник начальника Генштаба по авиации. В январе 1940 г. арестован и погиб.

9. Снят по решению Пленума ЦК. После начала войны восстановлен в прежней должности.

Выделение фамилий в таблице означает: репрессирован и погиб.

**ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ
В РУКОВОДСТВЕ ВОЕННЫХ ОКРУГОВ И ФЛОТОВ
(1934 – 1941)**

Должность

20 июня 1934 - 22 июня 1941

Округ: АРХАНГЕЛЬСКИЙ АрхВО, сформирован в 1940

1. Командующий	Курдюмов В. Н. III – IV.40	Качалов В. Я. с VI.40
2. Начальник ПУ (член ВС)	Вашугин Н. Н. III – IV.40	Клементьев Н. Н. V – XII.40
3. Начальник штаба	Иванов П. А. III – IV.40	Егоров П. Г. с VI.40

Округ: БЕЛОРУССКИЙ БВО, с 1939 – Белорусский Особый, с 1940 – Западный Особый

1. Командующий	Уборевич И. П. до 11.V.37	Белов И. П. 5.VI.37—11.38	Ковалев М. П. IV.38—11.IV.40	Павлов Д. Г. с VI.40	
2. Начальник ПУ (член ВС)	Смирнов П. А. до 29.IX.35	Булин А. С. ¹ 29.IX.35—15.IV.37	Голиков Ф. И. 30.XII.37—10.IX.38	Рогов И. В. 10.IX.38—25.III.39	Фоминых Я. А. с 7.VI.40
3. Начальник штаба	Мерцков К. А. до XII.34	Бобрин Б. И. 23.I.35—31.5.37	Перемыслов А. И. 28.VI.37—III.38	Пуркаев М. А. 3.IV.38—31.VIII.39	Климовских В. Е. III.40—27.VII.40 с 26.VII.40

Округ: ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ЗабВО, сформирован в 1935 г. из Забайкальской группы ОКДВА

1. 1. Командующий	Грязнов И. К.	Великанов М. Д.	Ефремов М. Г.	Яковлев В. Ф.	Ремезов С. К.	Конев И. С.	Курочкин Л. А.
	1. VI.35 – VII.37	9. VII – XI.37	XI.37 – 29. IV.38	29. VI.38 – 22. VI.39	22. VI.39 – 11. VI.40	22. VII.40 – II.41	с II.41
2. Начальник ПУ (член ВС)	Шестаков В. Н.	Шербаков А. С.	Битте А. М.	Васильев Г. А.	Галапович Д. А.	Леонов Д. С.	Зимин К. Н.
	1. VI.35 – VII.37	9. VII – X.37	X.37 – 28. I.38	II – XII.38	XII.38 – XII.39	1.40 – II.41	с II.41
3. Начальник штаба	Рубинов Я. Г.	Тарасов А. И.	Корытников П. К.	Троценко Е. Г.			
	1. V.35 – 16. VI.37	17. VI.37 – 1.40	1.40 – II.41	с II.41			

Округ: ЗАКАВКАЗСКИЙ ЗаКВО, перестроен в 1935 из Кавказской Красной Армии					
1. Командующий	Левандовский М. К.	Куйбышев Н. В.	Егоров А. И.	Толстополь И. В.	Ефремов М. Г.
	до 10. VI. 37	10. VI. 37 – 4. II. 38	4 – 21. II. 38	8. III. 38 – 3. IX. 40	3. IX. 40 – II. 41
2. Начальник	Ярцев А. П.	Апсе М. Я.	Фигля П. Н.	Дорохин Я. А.	Шаманин Ф. А.
ПУ (член ВС)	до 26. VII. 37	18. IX. 37 – 30. XII. 37	30. XII. 37 – 24. VI. 38	XII. 40	с XII. 40
3. Начальник	Алафузо М. И. ^к	Савицкий С. М.	Львов В. Н.	Храпов А. А.	Толбухин Ф. И.
штаба	до 11. II. 35	– 25. V. 37	17. VII. 37 – 17. IV. 38	2. VIII. 38	с 3. VIII. 38
Округ: КАЛИНИНСКИЙ КаВО, сформирован в 1938, расформирован в 1940					
1. Командующий	Болдин И. В.	Яковлев В. Ф.			
	VIII. 38 – X. 39	X. 39 – VI. 40			
2. Начальник	Соколин А. В.	Николаев А. С.	Сусайков И. З.		
ПУ (член ВС)	IX. 38 – VII. 39	11. VII. 39 – VI. 40	VI – VII. 40		
3. Начальник	Троценко Е. Г.	Гордов В. Н.			
штаба	VIII. 38 – XII. 39	XII. 39 – VI. 40			
Округ: КИЕВСКИЙ КВО, до 1935 – Украинский, с 1939 – Киевский Особый					
1. Командующий	Якир И. Э.	Федько И. Ф. ¹²	Тимошенко С. К.	Жуков Г. К.	Киринос М. П.
	до 11. V. 37	26. V. 37 – 21. I. 38	V. 40	– I. 41	с I. 41
2. Начальник	Амелин Н. П.	Щаденко Е. А.	Смирнов А. К.	Поляков М. Н.	Николаев А. С.
ПУ (член ВС)	до 11. V. 37	22. V. 37 – 7. I. 38	– 3. IV. 38	IV – XII. 38	XII. 38 – 11. VII. 39
	Вашугин Н. Н.				11. VII – 16. IX. 39
	с XI. 40				– VIII. 40
3. Начальник	Кучинский Д. А. ²	Бутырский В. П.	Подчуфаров Н. И.	Захаркин И. Г.	Смординов И. В.
штаба	до 11. V. 36	14. V. 36 – 25. IV. 37	– 23. VII. 37	23. VII. 37 – 27. V. 38	27. V. 38 – 27. X. 38
					– 26. VII. 40
					с 26. VII. 40

Округ: ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЛВО							
1. 1. Командующий	Белов И. П. до 17.X.35	Шапошников Б. М.	Дыбенко П. Е. 7.VI.37 – 6.I.38	Хозин М. С. 3.IV.38 – 13.II.39	Мерецков К. А. 3.VII.40	Кирпонос М. П. 3.VII.40 – 1.41	Попов М. М. с II.41
2. Начальник ПУ (член ВС)	Славин И. Е. ³ до 17.X.35	Смирнов П. А. ⁴ 2.XII.35 – VI.37	Говорухин Т. К. ⁵ 7.VI.37 – 17.IX.38	Вашугин Н. Н. 9.X.38 – III.40	Штыков Т. Ф. III – XI.40	Клементьев Н. Н. с II.41	
3. Начальник штаба	Зюзя-Яковенко Я. И. ⁶ до 29.VI.35	Федотов А. В. 21.X.35 – VI.37	Захаров М. В. 19.VII.37 – 31.V.38	Чибисов Н. Е. 1.VI.39 – 9.VII.40	Понеделин П. Г. 40 – X.40	Смородинов И. В. X – XII.40	Никишов Д. Н. с II.41
Округ: МОСКОВСКИЙ МВО							
1. 1. Командующий	Корк А. И. ⁶ 29.IX.35 – 31.V.37	Белов И. П. 8.VI.37 – 14.VIII.40	Буденный С. М. 8.VI.37 – 14.VIII.40	Тюленев И. В. с 14.VIII.40			
2. Начальник ПУ (член ВС)	Векличев Г. И. до VIII.36	Аронштам Л. Н. 13.XII.36 – 20.V.37	Троянker Б. У. 31.V.37 – 20.XI.37	Колонин С. Е. 26.II.37 – 24.II.38	Петровский Л. Г. ⁷ 16.III.38 – 16.III.38	Запорожен А. И. 16.IV.38 – 20.IX.40	Богаткин В. Н. с 24.IX.40
3. Начальник штаба	Вольде А. М. ⁸ до V.35	Степанов В. А. ⁸ V.35 – 20.V.36	Перемытов А. М. 28.V.36 – 28.VI.37	Антонов А. И. 5.VII.37 – 6.IV.38	Соколовский В. Д. 17.IV.38 – II.41	Шишенин Г. Д. с II.41	
Округ: ОДЕССКИЙ ОдВО, сформирован в 1939							
1. 1. Командующий	Болдин И. В. X.39 – 11.VII.40	Черевиченко Я. Т. с 11.VII.40					
2. Начальник ПУ (член ВС)	Колобяков А. Ф. с X.39						
3. Начальник штаба	Ляпин П. И. X.39 – 11.VII.40	Захаров М. В. с 11.VII.40					

Округ: ОРЛОВСКИЙ ОрВО, сформирован в 1938	
1. Командующий	Ефремов М. Г. VII.38 – VI.40
2. Начальник	Ремезов Ф. Н. с II. VI.40
ПУ (член ВС)	Сусайков И. З. Семеновский Ф. А. с 27. III.39
3. Начальник	Корнев А. Д. с VII. 38
штаба	
Округ: ПРИБАЛТИЙСКИЙ ПрибВО, сформирован в 1940	
1. Командующий	Докторов А. Д. Кузнецов Ф. И. 11. VII.40 – 25. XII.40 с 25. XII.40
2. Начальник	Сусайков И. З. Диброва П. А.
ПУ (член ВС)	13. VII.40 – 25. XII.40 с II.41
3. Начальник	Кленов П. С.
штаба	с 11. VII.40
Округ: ПРИВОЛЖСКИЙ ПРИВО	
1. Командующий	Дыбенко П. Е. Тухачевский М. Н. до 11. V.37 II – 26. V.37 Ефремов М. Г. с 5. VI – XII.37
2. Начальник	Смирнов П. А. Мезас А. И. Ароштан Л. Н. до II.34 II.34 – 11. V. 37 – 31. V.37
ПУ (член ВС)	Лисовский Н. В.* Барфоломеев Н. Е. с IV.36 до IV.36 IV.36 – III.38 Кленов П. С. с IV.38 – VII.40
3. Начальник	Лисовский Н. В.* Гордов В. Н. с VII.41
штаба	
	Мерещков К. А. Х.38 – II.39 Шваддин Т. И. ? II.39 – VII.40 Герасименко В. Ф. с VII.40
	Фоминих А. Я. Желтов А. С. IX.38 – 22. VII.39 VII.39 – II.41 Колонин С. Е. с II.41

Округ: СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ СКВО						
1. Командующий	Каширин Н. Д. [*] до 11. V.37	Грибов С. Е. 3. IX.37 – 9. I.38	Качалов В. Я. 16. III.38 – 11. VI.40 – 15. VIII.40 – 25. XII.40	Ефремов М. Г. Кузнецов Ф. И.	Конев И. С. I – VI.41	Рейстер М. А. с VI.41
2. Начальник ПУ (член ВС)	Кожанников С. Н. [*] до VIII.36	Величез Г. И. VIII.36 – VI.37	Прокофьев А. П. VI – VIII.37	Садоров К. Г. VIII – XI.37	Зинин К. Н. 27. XI.37 – 27. III.38	Шекланов И. П. с 27. III.38
3. Начальник штаба	Вакулич П. И. [*] до 1. VI.36	Цветков С. П. VI.36 – VIII.37	Никишов Д. Н. VIII.37 – 15. VIII.40 – II.41	Трофименко С. Г. Злобин В. М.	с II.41	
Округ: СИБИРСКИЙ СбВО						
1. Командующий	Гайлит Я. П. до 11. V.37	Антонох М. А. 25. VI.37 – 2. VI.38	Калинин С. А. с 17. VII.38			
2. Начальник ПУ (член ВС)	Прокофьев А. П. [*] до 31. V.37	Юнг Н. А. 22. VII – XII.37	Смирнов П. К. с 30. XII.37			
3. Начальник штаба	Серпокрылов М. С. [*] до 1.35	Зинцов И. З. 23. I.35 – XII.37	Лукин М. Ф. I.38 – 2. I.40	Глинский П. Е. с 2. I.40		
Округ: СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ САВО						
1. Командующий	Великалов М. Д. до 15. VI.37	Грязнов И. К. 3. VII – 10. VIII.37	Локтюнов А. Д. 20. VIII – 17. XII.37	Петровский Л. Г. 19. XII.37 – 10. III.40	Апанасенко И. Р. 36 – 31. XII.40	Трофименко С. Г. с 14. I.41
2. Начальник ПУ (член ВС)	Ястребов Г. Г. до 8. V.37	Баузер Д. Д. 20. VIII – 16. XI.37	Павлас К. Л. 28. I. – 8. X.38	Петренко М. С. [?] 26. X.38 – 19. VI.40	Рыков Е. П. – 31. XII.40	
3. Начальник штаба	Замлицкий Г. С. до 19. V.37	Мальшев А. К. 23. V.37 – 31. III.38	Казаков М. И. 10. IV.38 – 31. XII.40			

Округ: УРАЛЬСКИЙ урво				
1. Командующий	Горькацкий Г. И. до III.37	Горбачев Б. С. 22.III – 17.IV.37	Гайлит Я. П. 19.V – VIII.37	Софронов Г. П. 11.III.37 – 15.VII.38 с 15.VII.38
2. Начальник ПУ (член ВС)	Зинзовев Г. А. до 14.VIII.37	Тарутинский А. В. 14.VIII – XII.37	Николаев Т. А. 30.XII.37 – III.39	Леонов Д. С. 19.III.39 – XII.40
3. Начальник штаба	Соколовский В. Д. до 3.IV.38	Марков А. М. 9.IV.38 – 19.VIII.38	Захаров Г. Ф. с 18.VIII.38	
Округ: ХАРЬКОВСКИЙ ХВО, сформирован в 1935				
1. Командующий	Дубовой И. Н. VII.35 – VI.37	Тимошенко С. К. IX.37 – II.38	Смирнов И. К. IV.38 – 11.IV.40	Ковалев М. П. с II.41
2. Начальник ПУ (член ВС)	Березкин М. Ф. V – IX.35	Кожеников С. Н. IX.35 – XI.36	Шаденко Е. А. XII.36 – 1.37	Озольна К. И. VIII – XI.37
3. Начальник штаба	Соколов П. Л. VII.35 – VI.37	Галицкий К. Н. VIII – XI.37	Смородинов И. В. XI.37 – 27.V.38	Захаркин П. Г. с 28.IV.39
Округ: ОТДЕЛЬНАЯ КРАСНОЗНАМЕННАЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ АРМИЯ ОКДВА; с 28.VI.38 – Дальневосточный фронт. Краснознаменный фронт ДКФ расформирован 4.IX.38				
1. Командующий	Блюхер В. К. до 4.IX.38			
2. Начальник ПУ (член ВС)	Аронштам Л. Н. до 13.XII.36	Хазанья Г. Д. 1.II.37 – 20.IV.38	Мазелов П. И. 38 – 4.IX.38	
3. Начальник штаба	Сивугинский И. В. до 25.XII.34	Мерецков К. А. 25.XII.34 – 22.III.36	Богомыслов С. Н. 36 – 8.II.38	Штерн Г. М. 3.IV – 4.IX.38

Округ: 1 ОТДЕЛЬНАЯ АРМИЯ 1 ОКА, сформирована 4.IX.38, расформирована 1.VII.40	
1. Командующий	Штерн Г. М. Попов М. М. 4.IX.38 – 1.VII.39 – 1.VII.40
2. Начальник ПУ (член ВС)	Семеновский Ф. А. 4.IX.38 – 24.III.39
3. Начальник штаба	Попов М. М. Шелахов Г. А. 4.IX.38 – 1.VII.39 – 1.VII.40
Округ: 2 ОТДЕЛЬНАЯ КРАСНОЗНАМЕННАЯ АРМИЯ 2 ОКА, даты – см. 1 ОКА	
1. Командующий	Конев И. С. 4.IX.38 – 1.VII.40
2. Начальник ПУ (член ВС)	Бирюков Н. И. Фоминых А. Я. 4.IX.38 – 22.VII.39 – 1.VII.40
3. Начальник штаба	Мельник К. С. Троценко Е. Г.
Округ: ФРОНТОВАЯ (Читинская) ГРУППА ВОЙСК (Халхин-Гол), сформирована 5.VII.39, расформирована 1.VII.40	
1. Командующий	Штерн Г. М. 5.VII.39 – 1.VII.40
2. Начальник ПУ (член ВС)	Бирюков Н. И. 5.VII.39 – 1.VII.40
3. Начальник штаба	Кузнецов П. Г. 5.VII.39 – 1.VII.40

Округ: ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ ДВФ, сформирован 1.VII.40				
БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ				
1. Командующий	Штерн Г. М. ¹⁰ с 1.VII.40	Апанасенко И. Р. с 1.41		
2. Начальник ПУ (член ВС)	Бирюков Н. И. с 1.VII.40			
3. Начальник штаба	Кузнецов П. Г. с 1.VII.40			
БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ				
1. Командующий	Галлер Л. М.	Исаков И. С. с VII.37 – II.38 – V.39	Левченко Г. И. с V.39	Трибуц В. Ф.
2. Начальник ПУ (член ВС)	Гришин А. С.	Волков Я. В.	Булыжников А. А.	Муравьев А. Т.
3. Начальник штаба	??	Исаков И. С. с VII.37	??	Пантелеев Ю. А.
ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ				
1. Командующий	Кожанов И. К.	Смирнов П. И.	Юмашев И. С. с VIII.39	Октябрьский Ф. С.
2. Начальник ПУ (член ВС)	Гуляев Г. И. ¹¹	Разгон И. Б. с конца 1936	Земсков ?	Морозов С. Д. ?
3. Начальник штаба	??	Душенов К. И.	??	Елисеев И. Д.
ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ				
			Никитин В. А. ?	Муравьев А. Т.

СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ, перестроен в мае 1937 из Северной флотилии

1. Командующий	Закушев З. А. [*]	Душенов К. И. до VI.38	Дрозд В. П. ? до VII.39	Головкин А. Г.
2. Начальник ПУ (член ВС)	Байрацкий П. П.	Корниенко Д. И. ?	Масалов Ф. Г. ?	Кулаков Н. М.
3. Начальник штаба	Пантелеев Ю. А.	Смирнов П. С. ? с 1935	??	Голубев-Манаткин И. Ф. ?
				Кучеров С. Г.

ТИХООКЕАНСКИЙ ФЛОТ, перестроен в 1936 из Тихоокеанской флотилии

1. Командующий	Викторов М. В. ¹¹ до VI.37	Киреев Г. П.	Кузнецов Н. Г. до III.39	Юмашев И. С.
2. Начальник ПУ (член ВС)	Окунев Г. С. ?	Захаров С. Е. ?	??	
3. Начальник штаба	Солонников О. С. ?	??	Богденко В. Я. ?	??

Условные обозначения

Уборевич И. П. – репрессирован и погиб (знак ставится по последнему месту службы в пределах списка).

Алафузов М. И.^{*} – переведен на другую должность (ее установить не удалось), репрессирован и погиб.

Львов В. Н. Хрящев А. А.

17.VI.37 – 17.IV.38 – 2.VIII.38 – выделенная дата является раздельной для стоящих сверху фамилий.

Петренко М. С. ? – судьба данного лица неизвестна.

?? – неизвестно, кто занимал должность.

П р и м е ч а н и я

1. Назначен заместителем начальника ГлавПУР, осенью 1937 арестован и погиб.
2. С июля 1936 – начальник Академии Генштаба, репрессирован и погиб летом 1937.
3. Назначен начальником УВУЗ, репрессирован и погиб летом 1937.
4. С июля по декабрь 1937 – начальник ГлавПУР, с 30 декабря 1937 по ноябрь 1938 – нарком ВМФ, репрессирован и погиб.
5. Репрессирован, в 1956 освобожден и реабилитирован, в 1957 получил звание генерал-майора.
6. Назначен начальником Академии Фрунзе, погиб в 1937.
7. Уволен из РККА в 1938, возвращен на службу в 1940, погиб во время боевых действий в сентябре 1941.
8. С конца 1936 – главный редактор журнала «Военная мысль», погиб в 1937.
9. Назначен заместителем командующего ОКДВА, репрессирован и погиб в 1937.
10. Командовал 8 армией в период финской кампании, арестован в марте 1940, расстрелян в октябре 1941.
11. С августа по ноябрь 1937 – командующий ВМС, репрессирован и погиб.
12. С 25 января по 7 июля 1938 – первый заместитель Наркома Обороны, репрессирован и погиб.

Определенное представление о количественной стороне процесса дает следующая выборочная статистика. Она относится к узкой группе военных работников — заместителям Наркома и командующим округами, но динамическая картина репрессий в армейской массе была похожей — только с огромным коэффициентом усиления. Перед июньским процессом репрессировано 2 заместителя Наркома и 4 командующих, после процесса до начала 1938 — соответственно также 2 и 4, за первые четыре месяца 1938 — 1 и 6, позже — 1 и 3; всего, таким образом, — 6 заместителей Наркома и 17 командующих округами и флотами.

На 1 января 1937 года насчитывалось 17 округов и флотов; к этому сроку только один из погибших (Штерн) не занимал такого поста. Следовательно, командование военными округами за два года было уничтожено полностью. Вообще из лиц этой категории (заместители Наркома и командующие) выжили лишь двое — Шапошников и Буденный.

Замены выбывших производились совершенно произвольно. Фактически брали тех, кто оказывался под рукой. Все это не имело никакого значения, потому что большинству из вновь назначенных все равно предстояло вскоре погибнуть. Сталин придавал мало ценности личностям — кроме своей собственной, да и то потому только, что она была очень нужна стране. Прочие винтики громадного государственного механизма были взаимозаменяемыми — все до одного. Если каждая кухарка может управлять государством, почему тогда не поручить первому попавшемуся дураку и неучу командование корпусом или округом.

Несколько примеров дают возможность понять, насколько вдумчиво велась работа по подбору кадров. В июне 1937 из Испании отозвали трех комбригов, повысили им звание через одно и назначили: Н. Н. Воронова — начальником артиллерии РККА, Я. В. Смушкевича — заместителем начальника ВВС (после ареста Локтионова занял его место, но был расстрелян в 1941), Д. Г. Павлова — заместителем начальника Бронетанкового управления (арестован в первые месяцы войны в должности командующего Западным фронтом, расстрелян в октябре 1941).

Полковника А. М. Василевского, прослушавшего первый курс АГШ, назначили... начальником кафедры тыла (август 1937). Через два месяца он возглавил в Генштабе отделение оперативной подготовки высшего комсостава. Дальше пошло-поехало: 1939 — заместитель начальника оперативного отдела, 1940 — заместитель начальника оперативного управления, июль 1941 — заместитель начальника Генштаба и начальник оперативного управления, 1942 — начальник Генерального штаба. Так человек, никогда не командовавший соединениями, не имевший опыта штабной работы, с небольшим образованием, возглавил главное военное учреждение страны. Достаточно было того, что его исполнительность, безликость и расторопность пришлись по душе Сталину, абсолютному профану в военном деле.

Лейтенантов 1937 года П. В. Рычагова и И. И. Проскурова в 1939—1940 встречаем в звании генерал-лейтенантов на должности заместителя Наркома. Оба расстреляны: Проскуров — в 1940, Рычагов — в 1941.

Бывали взлеты еще более удивительные. Капитан Персыпкин из командира эскадрона связи за два года превратился в Наркома Связи СССР, а с первых дней войны стал еще и начальником связи Красной Армии.

Однокурсники Василевского — Н. Ф. Ватутин, М. В. Захаров, А. И. Антонов, также не имевшие соответствующего образования и опыта, стали начальниками штабов важнейших округов — Киевского, Ленинградского и Московского. К счастью, в отличие от Василевского, они — особенно Захаров и Антонов — сумели быстро подняться до уровня требований, предъявляемых должностью.

Такое удавалось далеко не всем. Это была их беда, а не вина, но за нее приходилось жестоко расплачиваться — им самим и стране. Командующий Западным Особым военным округом Д. Г. Павлов за три мирных года прошел путь от комбрига до генерала армии. Он был практически единственный из командующих, который буквально следовал самоубийственным предвоенным приказам Сталина, Тимошенко и Жукова. Благодаря этому Западный округ оказался наиболее беззащитным перед лицом врага. В первые

часы войны Павлов потерял управление войсками и обрек их на почти полное уничтожение. Он попросту не умел предпринять каких-либо положительных действий. За это его объявили изменником Родины и расстреляли.

Другие руководители приграничных округов — Ф. И. Кузнецов (Прибалтийский округ), Я. Т. Черевиченко (Одесский), М. М. Попов (Ленинградский) — не разделили, правда, судьбы Павлова, но в дальнейшем заметных успехов не добились. Более известен командующий Киевским Особым округом М. П. Кирпонос. В 1940 г. он был начальником Казанской пехотной школы и отчаянно просился на финский фронт. Просьбу полковника уважили и дали ему дивизию, в ходе боев присвоили звание генерал-майора. Дивизия Кирпоноса первой ворвалась в Выборг. Через месяц он стал генерал-лейтенантом и командующим Ленинградским военным округом, еще через полгода — генерал-полковником и командующим Киевским округом. Входя в свой новый кабинет, Кирпонос провел рукой по горлу и сказал: "Мне и дивизии было вот так достаточно". Честный и храбрый солдат, Кирпонос не сумел, однако, спасти свои войска от разгрома, а родную Украину — от захвата врагом. Возможно, гибель в окружении спасла его от репрессий.

В воспоминаниях маршала С. С. Бирюзова находим интересную зарисовку, которая хорошо иллюстрирует обстановку, сложившуюся в армии после избиения комсостава. После окончания академии он был направлен начальником штаба в прославленную 30 Иркутскую стрелковую дивизию. По прибытии в расположение дивизии он зашел в штаб. В кабинете начальника сидел старший лейтенант. Бирюзов решил, что это адъютант и спросил, где начштаба. Ответ был: "А я и есть начштаба". Увидев предписание Бирюзова, молодой офицер очень обрадовался: "Пройдите к командиру дивизии, товарищ полковник, а то мы тут совсем замучились!" В кабинете комдива сидел... другой старший лейтенант. Оказалось что все старшие офицеры дивизии арестованы. Командование по боевому расписанию приняли командиры рот и отделений штаба.

Глава 20

ПАЛАЧИ: ОБРАЗ ДЕЙСТВИЙ

Все эти люди, очевидно, были неуязвимы, непромокаемы для самого простого чувства сострадания только потому, что они служили. Они, как служащие, были непроницаемы для чувства человеколюбия, как эта мощеная земля для дождя... может, и нужны эти губернаторы, смотрители, городовые, но ужасно видеть людей, лишенных главного человеческого свойства – любви и жалости друг к другу.

...Люди эти страшны. Страшнее разбойников. Разбойник все-таки может пожалеть – эти же не могут пожалеть: они застрахованы от жалости, как эти камни от растительности.

Лев Толстой

Когда хотят убить собаку, говорят, что она бешеная.

Народное

Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали.

Сталин

*Наверно, вы не дрогнете,
Сметая человека.
О, мученики догмата,
Вы тоже – жертвы века.*

Пастернак

Сегодня еще трудно с определенностью установить, какой полный вид имел план Сталина-Ежова, направленный на уничтожение армейского руководства. В том же, что таковой существовал, сомнений нет. Кто в СССР работает без плана!

Легко допустить, что планов было несколько, что они менялись, переплетались, согласовывались или, напротив, приходили в столкновение. Важно другое: с лета 1936 против Красной Армии, против ее верхушки, действует разветвленный, глубоко заговорщицкий заговор.

Первоначальный замысел.

Основной план (что не исключало запасных вариантов) лежал в главном русле сталинской политики. Враги народа располагают собственной военной организацией или, на худой конец, тесно связаны с заговорщиками в армии. Из такой установки логически вытекал показательный процесс военных – вероятнее всего, в компании со штатскими оппозиционерами.

План был недурен, но его осуществление разбилося о мощную преграду. Для процесса были потребны крупные военные деятели, которые согласились бы взять на себя роль предателей Родины, заговорщиков, пособников врагов внутренних и внешних. Как на грех, НКВД, сколь ни трудился, не смог подобрать подходящих кандидатур. В 1936–1937 гг., равно и позже, военные, за немногими исключениями, начисто отказывались сотрудничать со следствием.

Неудачи преследовали НКВД и Прокуратуру с самого начала. Дмитрий Шмидт, выбранный для заправки всего дела, повел себя мерзко, неслучайно, не по-большевистски. Рассуждая умозрительно, он представлялся фигурой очень удобной. Троцкистское прошлое позволяло перебросить к нему мостик от штатских врагов народа, что и было сделано в августе 1936 г. показаниями Мрачковского.

Оставалось только связать его по преступной линии с видными командирами, с которыми он был близок со времен гражданской. Это давало возможность впутать, например, Примакова, Эйдемана, Дубового, а с более дальним прицелом — Якира. Если прикосновение к оппозиционерам было добыто без труда, и здесь Шмидт был объектом, на который указывали другие, то относительно военных все обстояло наоборот. Именно показания Шмидта должны были послужить основанием для привлечения к суду его боевых товарищей.

Следователи НКВД понимали, что признания Шмидта получить будет нелегко. Поэтому поначалу ему приписывали только намерение, действуя совместно с Кузьмичевым, убить Ворошилова. Очень вероятно, что Шмидт недолюбливал Ворошилова как ретивого сталинца, и следовательно, играя на этой неприязни, внушал возможность такого замысла. В сочетании с пытками подобная психологическая обработка нередко давала плоды. "Расколись" Шмидт по данному пункту, его потащили бы дальше — к признанию широкого заговора военных. Ему стали бы внушать, что взяв на себя одно, он должен принять остальное, потому что одного намерения покуситься на жизнь Наркома достаточно для вынесения смертного приговора, и облегчить свою участь он может, только назвав соучастников и вдохновителей и т. п.

Из хорошей задумки НКВД ничего не вышло. Истерзанный до предела Шмидт не сдался. Если в минуты нестерпимых мук он принимал на себя что-либо, то, придя в себя, отказывался от показаний. Но скорее всего, не было и этого. Во всяком случае, Якиру на Лубянке не предъявили протоколов с признаниями, только сказали о них, да и Ворошилов лишь на словах сообщил о якобы последовавшем возврате к прежним показаниям.

Шмидт устоял. План открытого процесса рухнул. На Лубянке содержался еще Путна; есть сведения, что его пытали, но также безуспешно. Путну приберегли для июньского судилища, которое пришлось проводить тайно. Шмидт, по-видимому, имел такой ужасный вид, что его невозможно было предъявить даже на этом закрытом

Сценарий открытого процесса все же существовал — по крайней мере, был подробно разработан. Главному драматургу Вышинскому было жаль истраченного вдохновения. Он решил получить с него хоть слабый навар, и обширные куски вошли в другой спектакль — бухаринский процесс 1938 года. Можно привести два соображения в пользу того, что "военные эпизоды" не писались специально к случаю, а были взяты из старых заготовок: а) преступные связи Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского, Гринько с военными ничего не добавляли к злодейскому облику подсудимых; они начисто отсутствуют в обвинительном заключении и никак не использованы в речи прокурора; б) в этих вставных номерах почти не фигурирует Якир (вместо него на Украине активно действует Гамарник) — это естественно, так как командарма присоединили к списку в последний момент.

Для нас эти упоминания имеют ценность как единственные конкретные обвинения, гласно предъявленные группе Тухачевского, пусть задним числом. Мы помещаем их полностью с сохранением хронологии судебных заседаний (см. Судебный отчет по делу антисоветского "право-троцкистского блока". М., Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938).

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 2 МАРТА (Первый день процесса)

Допрос Г. Ф. Гринько*

Гринько: ... Во-первых, связь с правотроцкистским центром. Связь эта пошла у меня по такой линии — Гамарник, Пятаков, Рыков. С Гамарником я связался через Любченко (предсовнаркома Украины, покончил самоубийством. — Авт.), имевшего связь с Якиром и Гамарником. Через Гамарника связался с Пятаковым, затем с Рыковым. Одновременно

* Известный украинский деятель. В последние годы перед арестом — Наркомфин СССР.

выполнялись внешне-политические задачи, поскольку и Пятаков, и Гамарник рассказали мне, что Троцкий договорился по поводу компенсации за счет Украины за военную поддержку нашей борьбы против Советской власти... Установление моей связи с Гамарником, Пятаковым и Рыковым относится примерно к концу 1935 года.

На основании ряда разговоров, связей и заданий, которые давались Рыковым, Бухариным, Гамарником, Розенгольцем, Яковлевым, Антиповым, Рудзутаком, Ягодой, Варейкисом и целым рядом других людей, для меня стало ясно, что право-троцкистский центр в это время базировался, главным образом, на военной помощи агрессоров... Наряду с этим у право-троцкистского центра существовал вариант захвата Кремля.

... В этот период террористическая работа была одним из основных орудий в общем арсенале борьбы против Советской власти.

Вышинский: От кого вы об этом узнали?

Г. От Рыкова, Яковлева, Гамарника, Пятакова...

В. Гринько, откуда пришли эти террористические установки?

Г. От Троцкого. Я об этом знал от Гамарника.

... ставился также вопрос о необходимости убрать Ежова как человека наиболее опасного для заговорщиков.

В. Что значит убрать?

Г. Убрать — это значит убить. Мне от Гамарника было известно, что Якир и Гамарник поручили троцкисту Озерянскому, который работал тогда в Наркомфине, подготовку террористического акта против Ежова*.

... Второй факт, который мне известен... это подготовка Бергавиновым из Главсевморпути (!) террористического акта против Сталина. Об этом я также знал от Гамарника... Об этом я знал также и от самого Бергавинова, который говорил мне, что он задание Гамарника принял и пытается его осуществить.

Из Гринько больше вытягивать нечего и Вышинский подключает Рыкова: Здесь Гринько говорил о военной группе изменников — Тухачевском и других, которые были в свое время осуждены Верховным Судом. Вы подтверждаете ту часть показаний, которая касается вас?

Рыков: Я знал о военной группе Тухачевского... Эта военная группа была организована независимо от блока, независимо

* Легко поверить, что у Якира и Гамарника не нашлось в армии надежных людей для такого дела. Пришлось обратиться в Наркомфин. Характерно отсутствие упоминаний о Шмидте и Кузьмичеве.

от оттенков — троцкисты или бухаринцы. Военная группа ставила своей целью насильственное устранение правительства Союза и, в частности, участвовала в подготовке кремлевского переворота... Я узнал об этом от Томского в 1934 году (сс. 53, 55, 56, 59).

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 3 МАРТА

Допрос Н. Н. Крестинского*

В. Обвиняемый Крестинский, скажите, пожалуйста, что вам известно об участии группы Тухачевского в "право-троцкистском блоке"?

Крестинский: Мне об участии Тухачевского известно следующее. Когда я в октябре 1933 виделся с Троцким в Мере, он обратил мое внимание на то, что ориентируясь на государственный переворот, мы ни в коем случае не должны опираться только на свои троцкистские силы, потому что они недостаточны для этого, а что нужно договориться и с правыми, и с военными. Он обратил особое внимание на Тухачевского, человека авантюристического, претендующего на то, чтобы занять первое место в армии**, и который, вероятно, пойдет на многое. Он просил меня передать об этом Пятакову и переговорить самому с Тухачевским.

В. Вам пришлось разговаривать с Тухачевским?

К. Я разговаривал с ним в начале 1934 года уже после того, как с ним говорил Пятаков. Я передал ему о своем разговоре с Троцким. Тухачевский сказал, что принципиально он относится вообще положительно не только к объединению сил, но и к постановке перед собой этой задачи. В дальнейшем мне приходилось несколько раз разговаривать с Тухачевским на эти темы. Это было во второй половине 1935, в 1936 и 1937 годах.

* Член Политбюро и оргсекретарь ЦК в первые годы после революции. Перед арестом — заместитель Наркома Иностранных дел, заместитель Наркома Внешней Торговли.

** Сразу после процесса в 1937 такую парашу не решались пустить даже в частных разговорах. Когда один американский дипломат спросил своего советского коллегу о мотивах маршала, тот ответил, что Тухачевский сошелся с женщиной, оказавшейся немецкой шпионкой.

В одном из разговоров в 1935 году он назвал мне несколько человек, на которых он, между прочим, опирается. Он назвал Якира, Уборевича, Корка и Эйдемана. Затем в другом разговоре, очень существенном разговоре, который происходил на чрезвычайном VIII Съезде Советов, Тухачевский поставил передо мной вопрос о необходимости ускорения переворота. Дело заключалось в том, что переворот увязывался с нашей пораженческой ориентацией, и приурочивался к началу войны, к нападению Германии на Советский Союз, и поскольку это нападение откладывалось, постольку откладывалось практическое осуществление переворота. В этот период начался постепенный разгром контрреволюционных сил. Были арестованы Пятаков и Радек, начался арест троцкистов, и Тухачевский начал бояться, что если дело будет оттягиваться, то оно вообще сорвется. Поэтому он поставил вопрос об ускорении контрреволюционного выступления.

В. Подсудимый Розенгольц, вы в этой части подтверждаете показания Крестинского?

Р. Да, подтверждаю.

В. Вам приходилось разговаривать с Тухачевским и Крестинским?

Р. У меня был в конце марта 1937 года разговор с Крестинским по вопросу об ускорении организации переворота.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 4 МАРТА

Допрос А. П. Розенгольца*

В. Говорил ли вам Рыков, что Тухачевский обещает выступить, а не выступает?

Розенгольц: Да.

В. А кто еще говорил?

Р. Об этом говорил и Крестинский, и Седов передавал мнение Троцкого.

В. Подсудимый Крестинский, скажите, в 1936 году вы говорили Розенгольцу о том, что Тухачевский медлит с контрреволюционным выступлением?

К. Да. В конце 1936 года вопрос был поставлен одновременно и Троцким за границей в письме Рыкову, и Тухачевским са-

* Нарком Внешней Торговли. Во время гражданской — председатель трибунала в личном поезде Троцкого.

мим о том, чтобы ускорить переворот и чтобы не увязывать этого с началом войны.

В. Значит, Тухачевский торопил?

К. В конце 1936 года Тухачевский стал торопить.

В. А вы в это время торопили его?

К. Я с ним согласился...

/ ... /

Р. Момент, на котором я остановился – это совещание, которое было с Тухачевским.

В. Где было это совещание?

Р. У меня на квартире.

В. У вас было совещание, с кем?

Р. С Тухачевским и Крестинским. Это было в конце марта 1937 года. На этом совещании Тухачевский сообщил, что он твердо рассчитывает на возможность переворота и указал срок, полагая, что до 15 мая, в первой половине мая, ему удастся этот военный переворот осуществить.

В. В чем заключался план этого контрреволюционного выступления?

Р. Тут у Тухачевского был ряд вариантов. Один из вариантов, на который он наиболее сильно рассчитывал, это возможность для группы его военных сторонников собраться у него на квартире, под каким-нибудь предлогом проникнуть в Кремль, захватить кремлевскую телефонную станцию и убить руководителей партии и правительства...

/ ... /

К. На эту тему мы говорили с Розенгольцем и Гамарником, говорили о необходимости террористических актов против руководителей партии и правительства.

В. Против кого именно?

К. Имелись в виду Сталин, Молотов и Каганович...

/ ... /

Начиная с ноября 1936 года я был решительным сторонником максимального ускорения этого переворота. Торопить Тухачевского не приходилось, ибо у него было такое же настроение, и он сам поставил перед нами – перед правыми, передо мной, Розенгольцем и Рудзутаком – этот вопрос. Наши настроения в вопросе о перевороте совпадали.

В. (Розенгольцу). Что вы скажете о ваших встречах с Гамарником?

Р. Я подтверждаю те показания, которые я давал на предварительном следствии.

В. Какие именно?

Р. Относительно Г а м а р н и к а основным моментом является то, что Г а м а р н и к сообщил о своем предположении, согласованном по-видимому с Т у х а ч е в с к и м , о возможности захвата здания Наркомвнудела во время военного переворота. Причем Г а м а р н и к предполагал, что это нападение осуществится какой-нибудь воинской частью непосредственно под его руководством, полагая, что он в достаточной степени пользуется партийным, политическим авторитетом в войсковых частях. Он рассчитывал, что ему в этом деле должны помочь некоторые из командиров, особенно лихих. Помню, что он назвал фамилию Горбачева*.

В. Значит, кроме того, что Т у х а ч е в с к и й вас посвящал в план своего преступного заговора, вас также посвящал в этот план и Г а м а р н и к?

Р. Да.

(сс. 130–133)

Второй допрос Н. Н. Крестинского

К. (передает содержание разговора, якобы состоявшегося у него с Троцким 10 октября 1933 г.) ... первая установка была на соглашение с иностранными правительствами, вторая — на создание в Советском Союзе объединенных сил троцкистов, правых и военных заговорщиков... Что касается военных, то говоря о них, Троцкий назвал только одно имя — имя Т у х а ч е в с к о г о , как человека бонапартистского типа, авантюриста, честолюбца, стремящегося играть не только военную, но и военно-политическую роль, который, несомненно, с нами пойдет... Он просил меня об этих установках и, в частности, о необходимости снестись с японцами, передать Пятакову. Кроме того, он просил меня, чтобы, не ограничиваясь разговором Пятакова с Т у х а ч е в с к и м и Рудзутаком, я тоже с ними повиделся... Возвратившись, я сразу информировал о своих разговорах Пятакова и Розенгольца. Пятаков переговорил с Т у х а ч е в с к и м и Рудзутаком.

В феврале 1934 года я виделся и с Т у х а ч е в с к и м , и с Рудзутаком, передал содержание разговора. Получил от обоих принципиальное подтверждение, принятие линии на соглашение с иностран-

* Б. С. Горбачев служил в Первой Конной начальником Особой кавбригады. Репрессирован в 1937.

ными государствами, на их военную помощь, на пораженческую установку, на создание внутренней объединенной организации.

... Относительно намеченных сроков выступления. С самого моего свидания в Мераме считалось непрерываемо установленным, что выступление приурочивается к началу войны и что поэтому мы здесь, в Союзе, сроков выступления Тухачевского устанавливать не можем... В конце ноября 1936 года, на Чрезвычайном VIII Съезде Советов, Тухачевский имел со мной взволнованный, серьезный разговор. Он сказал: начались провалы; очевидно, пойдет дальнейший разгром троцкистов и правых. Он делал выводы: ждать интервенции не приходится, надо действовать самим. Тухачевский говорил не только от своего имени, но и от имени контрреволюционной организации военных.

/.../

Оказалось, что Троцкий, по своей инициативе, поставил вопрос об ускорении выступления и послал это указание в письме на имя Розенгольца. ... После получения этого ответа и началась более непосредственная подготовка выступления.

Примерно к началу февраля (1937. — Авт.) относится и оформление выступления в центр Розенгольца и меня. В ноябре (1936. — Авт.) Розенгольцу, мне и Гамарнику пришлось взять на себя руководство троцкистской организацией. Пятакова уже не было, Радека тоже... Был намечен срок выступления — вторая половина мая. Но в самом начале мая выяснилось, что Тухачевский не едет в Лондон... Он заявил, что может произвести это выступление в первой половине мая.

(сс. 142—145)

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 7 МАРТА

Допрос Н. И. Бухарина

Бухарин: В этот период (1929—1930) мы уже обсуждали вопрос о свержении Советского правительства насильственным путем с помощью группы военных участников заговора.

В лице Тухачевского, Примакова и некоторых других?

Б. Совершенно верно...

/.../

Силы заговора — это были силы Енукидзе плюс Ягода, причем Енукидзе в то время (1933—34) удалось завербовать, насколько мне помнится, бывшего военного коменданта Кремля Петерсона, кото-

рый, кстати сказать, был в свое время комендантом поезда Троцкого, затем военная организация заговорщиков: Тухачевский, Корк и другие.

(сс. 190, 197)

Вот и все. Литературные упражнения академика Вышинского в комментариях не нуждаются. Остается подивиться, сколь незатейливо преподносилась народу страшная весть — о поголовном предательстве в командовании армии.

КРАСНАЯ ПАПКА

С легкой руки Хрущева в советской пропаганде прижился миф о том, что разгром руководства РККА — это результат злодейского замысла немцев, которые подкинули Сталину фальшивые документы о связи Тухачевского с германским генштабом. Версия позволяет сохранить лицо Сталину и системе, но принять ее на веру могут разве что люди вроде Льва Никулина¹.

Здесь верно лишь то, что комплект документов (его обычно именуют "красная папка") был действительно изготовлен в Германии и попал в руки Сталина. Прочее не столь радужно.

Ключевым является вопрос: от кого исходила инициатива при фабрикации "папки"? Все источники — а их немало — не совпадая в деталях, сходятся в одном: заказчика следует искать в Москве. Им был НКВД, действовавший, скорее всего, по приказу Сталина. Это сегодня можно считать установленным твердо. Остальные подробности придают делу много детективной занимательности, но не могут изменить его зловещего значения.

История "красной папки" сама по себе очень лихая. Попробуем суммировать все, ставшее известным. Разумеется, полной ясности с деталями до сих пор нет, что естественно, когда приходится говорить о деятельности секретных служб.

В центре этой истории стоит личность русского генерала Николая Владимировича Скоблина (1893 — ?). 26-летний

капитан Скоблин в ноябре 1918 г. стал командиром прославленной корниловской дивизии белых и оставался на этом посту и в эмиграции. Генерал Скоблин был видным деятелем белоэмигрантской военной организации — Русского Обще-Воинского Союза (РОВС).

По сей день биография Скоблина остается недописанной. Он исчез из Парижа на рассвете 23 сентября 1937 г., через несколько часов после похищения агентами НКВД главы РОВС'а генерала Миллера. Однако уже тогда стало ясно, что Скоблин сыграл решающую роль в этой акции; скорее всего еще в 1930 г. он был замешан в похищении первого возглавителя РОВС'а генерала А. П. Кутепова.

Вероятно, Скоблин был завербован НКВД через жену, знаменитую русскую певицу Надежду Плевицкую². Руководителем Плевицкой по линии НКВД был легендарный Наум Эттингон; связным и казначеем служил его брат Марк³.

Хотя, как мы уже сказали, упоминаний о "красной папке" много, в принципе их можно свести к двум законченным версиям. Первая из них изложена Виктором Александровым⁴, вторая — Робертом Конквестом⁵.

Собственно говоря, обе эти версии ни в чем существенном друг другу не противоречат. Описание Александрова весьма пространное (целая книга размером почти 200 страниц) и с претензией на занимательность; он пытается реконструировать длинные диалоги действующих лиц (Сталин — Радек, Сталин — Ворошилов, Радек — Николай, Фельдман — Тухачевский, Скоблин — Гейдрих и много других). Конквест уделил этому делу всего четыре страницы; круг его источников более узок, хотя сами они, возможно, более надежны⁶.

Стоит отметить, что оба автора не дают полной картины и оставляют неясными некоторые важные обстоятельства⁷.

Версия Александрова. Осенью 1936 г. Сталин послал К. Радека с тайным поручением установить контакты с немцами с прицелом на тесное сотрудничество. Радек встретился в польском прибалтийском городке Олива (Oliwa) вблизи Сопота с полковником Николай. После этого Ежов приказал Ягоде арестовать Радека на основании того, что после-

дний вел переговоры с полковником Николаи как посланец троцкистской оппозиции⁸. Эта часть версии Александрова наиболее трудна для проверки⁹.

После снятия Ягоды сменивший его Ежов послал в Париж заместителя Иностранного отдела НКВД Александра Шпигельгласса (Shpiegelglass) и некоего Саровского¹⁰. Это было частью плана Ежова начать дискредитацию Тухачевского как германского агента. Шпигельгласс поручил Скоблину сообщить чехам (через их резидента в Женеве Неманова), что троцкисты через посредство Радека и Пятакова установили связи с немцами; кроме того, Скоблин должен был передать Неманову показания Радека, что он (Радек) договорился с Тухачевским и Путной об организации государственного переворота. Взамен за эту услугу Скоблин получил обещание, что НКВД уберет генерала Миллера, что открывало ему возможность стать главой РОВС.

Путем сложных маневров Скоблину удалось выполнить поручение. Бенеш получил информацию о "заговоре Тухачевского" из трех источников и сообщил об этом Сталину.

Но Скоблин был не только платным агентом НКВД, но и ярким ненавистником советской власти. Он всегда мечтал о ее свержении и главные надежды возлагал на Гитлера. Скоблин работал также и на немцев: он был тесно связан с главой СД Р. Гейдрихом. Нужно, рассуждал Скоблин, пойти дальше инструкций НКВД. Если изготовить *документы* о связи Тухачевского с немцами и сделать их доступными Сталину, последний неминуемо разгромит высшее руководство Красной Армии, а тогда Гитлер не устоит перед соблазном напасть на ослабленный Советский Союз. Скоблин решил, что этот план найдет себе сторонника в лице Гейдриха, который был против усилий Николаи сблизить Берлин и Москву и, сверх того, знал о том, что Тухачевский видит в нацистской Германии главную угрозу для СССР.

Гейдрих принял идею Скоблина подкрепить информацию Бенеша документальными доказательствами¹¹. Он нашел поддержку у своего шефа Гиммлера и у специалиста по русским делам Розенберга. Оставалось заручиться согла-

нием Гитлера и Гесса. Решающее совещание состоялось в Рождественский Сочельник 1936 г. в кабинете Гитлера. Дело держалось в строгом секрете даже от высшего военного командования. Кроме Гитлера, Розенберга, Гесса и Гейдриха, присутствовали только несколько высших чинов СД и Гестапо, в их числе В. Гетль¹², Герман Беренс¹³. Техническое осуществление операции было поручено полковнику Нойоксу¹⁴.

С первых дней 1937 года работа пошла полным ходом. Тухачевский был в Германии шесть раз, не считая плена. От всех этих поездок остались подлинные документы, написанные его рукой. Они и были использованы при фабрикации подделок. Ссылаясь на генерала СС Шелленберга, Александров приводит интересную подробность. Подлинники писем Тухачевского были в основном собраны в военной разведке. Ее глава, адмирал Канарис, не захотел выдать их Гейдриху. Тогда М. Борман организовал с помощью нескольких профессиональных взломщиков ограбление архива *Nachrichtendienst'a*.

После этого специальная команда фальсификаторов (куда входил один русский эмигрант-фальшивомонетчик, осужденный за подделку британских фунтов) принялась за работу. Скоблин периодически наезжал в Берлин. Он был главным экспертом при оценке изготовленных документов.

Ежов с нетерпением ждал окончания работы над досье¹⁵. Он обещал Сталину, что к концу марта 1937 г. он положит ему на стол доказательства заговора Тухачевского. Когда выяснилось, что к намеченному сроку работа не будет завершена, он послал эмиссара к Скоблину с целью получить хоть какие-нибудь материалы, которые можно было бы показать Сталину. Скоблин поехал в Берлин и получил от немцев опись документов, составляющих досье.

Наконец, в середине апреля все было готово. В Берлин прибыл заместитель Ежова Заковский. Он предложил немцам заплатить за досье 200 тыс. марок (в рублях). Беренс считал сумму несоразмерно большой. Заковский настаивал. Он сказал, что никто в Политбюро не поверит, что столь важные документы можно купить за гроши; кроме того,

ему нужна была формальная расписка в получении денег. В конце концов сделка состоялась¹⁶.

Версия Конквеста. Она более короткая и сухая. НКВД через Скоблина сообщил Гейдриху о тайных связях Тухачевского с германским генштабом. Служба безопасности, понимая, что источник этой информации находится в Москве, все же решила ею воспользоваться — сначала для того, чтобы скомпрометировать генштаб, с которым у СД были натянутые отношения. Однако вскоре стало ясно, что наличие хорошего шанса другого рода.

Слух о германских связях Тухачевского был пущен через чехословацкого резидента Бенеша в последние месяцы 1936 г. В марте-апреле 1937 г. Гейдрих и Беренс приказали своим сотрудникам изготовить "документальные доказательства". Эту тонкую работу выполнил гравер Франц Путциг, специалист по фальшивым документам. Досье состояло из 32 страниц. По сообщению полковника Нойокса, в досье было "письмо" за подписью Тухачевского с грифом "совершенно секретно". Письмо воспроизводило стиль Тухачевского. Подпись маршала взяли с советско-германского соглашения 1926 г. о техническом сотрудничестве в области авиации. Подписи немецких генералов на других письмах были скопированы с их банковских чеков.

Германская служба безопасности передала эти документы НКВД. Тот, будто бы, подбросил досье чехам, "чтобы создать впечатление у Сталина (которому Бенеш их переслал), что он, Сталин, получил их из дружественных иностранных рук...".

Так или иначе, в начале мая досье было в руках у Сталина. Такова вкратце история "красной папки". Несмотря на разногласие некоторых деталей, можно считать установленным: а) немцы сфабриковали порочащие Тухачевского документы по предложению Скоблина, который действовал с ведома или в соответствии с инструкциями НКВД; б) получая — тем или иным способом — досье, Ежов знал, что это фальшивка.

Не до конца выясненной остается роль Сталина. Вполне вероятно, что инициатива принадлежала не ему, а НКВД. История знает достаточно примеров самостоятельной актив-

ности подобных учреждений. Царская охранка, чтобы далеко не ходить, была замешана в убийстве премьер-министра своей страны — Столыпина. Сталин и впрямь на какое-то время мог быть обманут, что отнюдь не уменьшает его ответственности. Любимое детище одурачило своего вождя, действуя, впрочем, совершенно, в его духе.

Дело 11 июня

В начале мая 1937 года "красная папка" легла на стол Сталина. Казалось, лучшего и желать было невозможно. Действительно, в мае приготовления к процессу приняли спешный характер. 11-го было объявлено о перемещениях в высшем генералитете. Тухачевский отрешался от должности заместителя Наркома и ехал командовать захолустным Приволжским округом. Якир переводился с Киевского округа, который возглавлял на протяжении 12 лет, на Ленинградский; должности были приблизительно равноценные с тем только различием, что переезжая в Ленинград, он автоматически терял важную позицию члена украинского Политбюро. Одновременно Егоров, оставаясь заместителем Наркома, освобождал пост начальника Генштаба для комвойск ЛВО Шапошникова. Тогда же появилось сообщение о восстановлении института военных комиссаров¹⁷.

Из кадровых перестановок по-настоящему важны две — Тухачевского и Якира. Однако оба еще какое-то время остаются на местах. 23 мая Якир даже выступил на партконференции КВО. Тухачевский прибыл в Самару только 26 мая, зато в тот же день был арестован в здании крайкома ВКП(б), куда отправился по вызову П. П. Постышева.

Трудно объяснить, почему Сталин дал такую отсрочку двум главным фигурам предстоящего процесса. Тем более, что еще до отъезда Тухачевского из столицы там были взяты: 11 мая — Корк, 22-го Эйдемман, 24 или 25-го — Фельдман.

30 мая настала очередь Уборевича, 31-го схватили Якира, в тот же день застрелился Гамарник. Нет пока ясности с датой ареста Примакова¹⁸.

Возрождение комиссарской власти была мера крайне существенная, обнаруживавшая зловещую серьезность намерений Сталина. Со времен гражданской войны комиссары занимали ключевые позиции во всей армейской иерархии. Без подписи комиссара (члена РВС) ни один приказ командира или командующего не имел законной силы. Вызвано это было недоверием к командным кадрам, которые слишком часто имели непролетарское происхождение, особенно на верхних этажах.

В 1934 в РККА было установлено е д и н о н а ч а л и е. Реввоенсовет СССР (коллегия Наркомата по военным и морским делам) был ликвидирован, равно как РВС округов, армий, флотов и т. д. Военное ведомство получило наименование Наркомата Обороны. Из Положения о НКО, утвержденного ЦИК и СНК СССР 22 ноября 1934 г.:

"1. Во главе НКО стоит Нарком Обороны. Он же стоит во главе РККА. ... 6. При Наркоме состоит Военный Совет в качестве совещательного органа..."

Комиссары превратились в заместителей соответствующих воинских начальников по политической части. На местах не предусматривалось никаких совещательных органов.

Постановление ЦИК и СНК от 10 мая 1937 г. знаменовало крутой поворот руля. С полка и выше комиссары восстанавливались в своих прежних правах. Несмотря на то, что Положение о военных комиссарах вошло в силу только 15 августа, того же 10 мая в округах (армиях, флотах) были образованы Военные Советы, но не совещательные, а полновластные.

Из Положения о Военном Совете округа, утвержденном 16 мая 1937 г.:

"1. Во главе Военного Округа стоит Военный Совет в составе комвойск и двух членов.

2. Командующий председательствует на заседаниях Военного Совета.

3. Военный Совет является высшим представителем

военной власти в округе. Военному Совету подчиняются все войсковые части и учреждения расположенные на территории округа.

... 5. Военный Совет подчиняется непосредственно Наркому Обороны.

... 7. Все приказы по округу подписываются комвойск, одним из членов Военного Совета и начальником штаба”.

Командующие округами, которым предстояло поголовно погибнуть, были предусмотрительно лишены единоначальной власти над вверенными войсками. Симптоматично, что Наркома — сталинского подручного Ворошилова — новый порядок не затрагивал; Военный Совет при нем сохранил совещательный статус. Фактически в армии было введено чрезвычайное положение.

Теперь — по крайней мере в теории — можно было блокировать любого командующего, приставив к нему надежных членов Военного Совета. Правда, кадры политработников были изрядно засорены в результате вражеской деятельности Гамарника, здесь тоже предстояла чистка и перетряска, но сталинская команда никогда не брезговала работой такого рода.

Сталину теперь недоставало малого — санкции какого-то высокого органа на проведение суда. Речь, конечно, не могла идти о соблюдении конституционных гарантий. Просто Сталин не хотел взваливать на себя единоличную ответственность за такое решение. Без труда можно было получить согласие безвластного ЦИК во главе с добрейшим Калининым. В любой момент Молотов был готов соорудить Постановление СНК. Арест Тухачевского уже был одобрен путем письменного опроса членами ЦК, включая Якира. Сталину всего этого показалось мало.

Созыв пленума ЦК был связан с определенным риском: в памяти была свежа февральская заминка. Но не только в этом заключалась трудность. В конце концов генсек мог заставить партию принять правильное решение. Он бы им сказал: ”Помните, я говорил о том, какой огромный вред могут принести несколько шпионов, засевших где-нибудь в штабе армии. Теперь эти люди разоблачены и схвачены”.

Все равно при этом остался бы неприятный привкус. "Кое-кто мог бы сказать, — рассуждал, очевидно, Сталин — что Партия осудила Армию. Верно ли это с политической точки зрения? Нет, это политически н е в е р н о". Сталин решил: пусть последнее слово останется за военными. ПУСТЬ АРМИЯ СУДИТ АРМИЮ.

1 июня Нарком Обороны созвал Военный Совет. Этот совещательный орган включал армейские верхи — заместители Наркома, начальники управлений Наркомата, командующие округами, начальники академий; всего 80 человек. Официальные сведения об этой сессии Совета очень скупы. Только 14 июня, по окончании суда и совершении казни, газеты опубликовали приказ Ворошилова:

"С 1 по 4 июня в присутствии членов Правительства заседал Военный Совет при Наркоме Обороны. Слушался мой доклад о раскрытии НКВД предательской, контрреволюционной, фашистской организации..."

Собственно говоря, больше никакой содержательной информации в приказе не было — одни ярлыки и ругательства. Не сказано даже, какое решение принято и было ли оно. Члены Совета были истреблены почти поголовно. Кое-кто из оставшихся в живых донес до нас правду об этих исторических заседаниях.

Собравшиеся были ошеломлены, мало того — они были подавлены. Доклад Ворошилова никого, разумеется, убедить не мог. Ощущение катастрофы повисло в зале. Ждали Сталина.

К появлению вождя аудитория была деморализована в нужной степени. Сталин метал громы и молнии. Вина восьми арестованных, а также "ушедшего от суда Гамарника", полностью доказана. Это изверги рода человеческого — изменники, предатели, пособники фашистов, шпионы. Их, кроме того, изобличают показания сообщников: командарма Седякина, начальника Академии Генштаба Кучинского, начальника УВУЗ Славина. Факты не приводились, документы не оглашались, но никто не смел о чем-либо подобном вопрошать.

Члены Совета восседали за длинным столом. Сталин ходил вокруг. Временами он останавливался у кого-нибудь за спиной, и тогда этот человек, закаленный в сражениях воин, съеживался и опускал голову. Было стыдно и страшно.

В молчании зала видел Сталин свою победу. Он постарался развить успех. Продолжая двигаться по кругу, он вдруг задерживался и заводил разговор. Здесь его ждала неудача — частная, но чувствительная.

Сначала все шло хорошо. Сталин обратился к Блюхеру: "Скажите, Блюхер, вот Аронштам¹⁹ говорит, будто вас ничего не интересует, кроме того, что у женщин находится между ног..." Маршал, имевший в РККА репутацию большого охотника до прекрасного пола, взорвался: "Старый козел, сам уже ничего не может, так взялся на меня клепать!" Дальше Блюхер сообразил, что его ловко провоцируют и перестал реагировать. Сталин, довольный, отошел. Став подле Буденного, он возгласил: "Вот сидит Семен Михайлович, подлинный пролетарский полководец, а эти мерзавцы твердили, что ему только кавалерийский эскадрон можно доверить!" Польщенный рубака разразился ругательствами в адрес "мерзавцев". Настала очередь Ивана Наумовича Дубового, старого друга и многолетнего сослуживца Якира: "Скажите, Дубовой, правду ли говорит ваш дружок Якир, что вы совершенно не способны войсками командовать?" Дубовой отрубил: "Не верю. Надо еще разобраться, в чем виноват Якир". "Так ты не веришь?!" — крикнул Сталин, от волнения переходя на ты. Прощупывание будущих судей пришлось прекратить. (Есть данные, что все трое опрошенных были уже включены в состав Специального присутствия Военной Коллегии.) По выходе из зала Дубовой был арестован.

Тем не менее Сталин мог быть доволен. Генералы не взбеленились. Они не потребовали реальных доказательств, удовольствовавшись тем, что было сказано. Внешние приличия были соблюдены: командиров Красной Армии будут судить не штафирки, не НКВД, а свой брат — военные.

Сталин не обольщался достигнутым. Выходка Дубового показывала, что убедить-обмануть-запугать удалось не всех, что кое-кто остался себе на уме, где могло таиться все, что

угодно: сомнение, отвращение, ненависть, решимость действовать. Ответных действий, контрзаговора Сталин боялся пуще всего.

Можно предположить, что Сталину с Ежовым было весьма не просто избрать форму уничтожения группы Тухачевского. И впрямь — поначалу они очень торопятся, а потом вдруг делают длинную паузу. 31 мая арестован последний из подсудимых, на завтра собирается Военный Совет — спешка. Но заседает он почему-то целых четыре дня; дальше еще хуже — до суда проходит неделя. Такое промедление вполне могло иметь последствия роковые.

Если Сталин всерьез опасался враждебной реакции со стороны некоторых генералов, тогда лучший способ — покончить дело немедленно и одним махом. Иначе недовольство, вызванное арестами Тухачевского, Якира и других, может дозреть. Всю эту неделю командующих не отпускают из Москвы — к подчиненным войскам. Цель такой изоляции понятна. Но здесь гнездится другая опасность — не меньше первой. Как никак, вместе собрались все руководители Красной Армии. Сколько за ними ни шпионь, все равно они имеют возможность сговориться, объединиться против общего врага — сталинско-ежовской банды. Связь с войсками у них по-прежнему существует. Что тогда Сталин противопоставит мощи миллионной РККА? Ясное дело, ничего. Конечно, НКВД бдит в Москве и в провинции, но угроза велика и реальна.

Между тем неделя проволоочки есть исторический факт. Чем его объяснить? Вероятнее всего, Сталин не имел твердого, продуманного плана. Ах, как много мучительных, роковых вопросов предстояло разрешить!

Главное сомнение было гамлетовское: быть или не быть процессу вообще? Еще не поздно отказаться от затеи, связанной со смертельным риском. Ведь если на этом схватят — не отбрехаться цитатами и тезисами об усилении классовой борьбы. Разгром руководства армии есть прямая государственная измена. Мосты еще не сожжены, не дано даже извещения в печать. Аресты красных генералов легко объявить происками врага, кровавого болвана Ежова выставить козлом отпущения, а всю затею похерить без лишней огла-

ски. Потому что нет никакой уверенности в бездействии армии. Если она всколыхнется, Сталину остается только упование на отмененного Бога — ибо тщетно ждать защиты от синих фуражек²⁰. Но соблазн и необходимость устранения армейской верхушки были слишком велики. Сталин рискнул. Он понадеялся на пассивность, нерешительность жертв. Грустно, но такой расчет тиранов нередко оправдывается.

Однако решиться на проведение процесса не значило еще иметь четкую программу. Одно было ясно сразу: зарекомендовавший себя с лучшей стороны прием с "открытым" судом здесь неприменим. Это достойно всяческого сожаления, но прославленные командиры с самого начала повели себя скверно. Выводить на публику столь закоренелых злодеев было нельзя. С политической точки зрения. И с воспитательной тоже. В смысле чистосердечного раскаяния это были пропащие, безнадёжные люди, и товарищ Сталин, Ежов и Вышинский махнули на них рукой. Их даже пытать не стали — ввиду бесполезности и рискованности такой меры. Как никак Тухачевского и его соратников следовало предъявить военным судьям, пусть и в закрытом заседании Специального присутствия Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР. Внешний вид подсудимых, свидетельствующий о перенесенных пытках, или заявление о применении таковых могли обозлить судей, обострить для них неизбежную нравственную дилемму. Это могло также отозваться в армейских кругах, чего Сталин допустить не хотел.

Хорошо, ладно, — не надо пыток, обойдемся без открытого процесса, но и тогда не конец мученьям. В чем, собственно, виноваты эти мерзавцы, эти подлецы, изверги, двурушники? Вопрос только кажется праздным. Ответ на него определял линию обвинения. Конечно, как говорит один герой Кафки, вина всегда доказана. Все же для судебного обвинения требуются обвинительная формула и доказательства. Или их суррогат.

Читатель вправе удивиться: разве "красная папка" не достаточный обвинительный материал? И зачем столько трудов было положено, чтобы его добыть? В этом месте всплывает самая пикантная — и вопиющая — деталь всего

дела. Сталину нечего было предъявить подсудимым. Говоря конкретнее, сочинить состав преступления было легко, да не так просто было предъявить обвинения.

Ей-Богу, нам чуждо намерение выискивать парадоксы. Доподлинно известно: "красная папка" не фигурировала ни на Военном Совете, ни на процессе 11 июня. Этот факт только поначалу поражает воображение и ставит в тупик.

При этом безразличными, несущественными оказываются обстоятельства, при которых был выдан заказ на изготовление "папки". Сделал ли это Ежов по указке Сталина или он действовал на свой страх и риск, все равно при ознакомлении с документами СД Вождь Народов немедленно обнаружил, что держит в руках незатейливую л и п у. Его нельзя было провести с помощью такой дешевки, как фотографический снимок Троцкого в кругу германских официальных лиц. Как было забыть, что тесную связь еврея Троцкого с юдофобами-фашистами выдумал он сам — Сталин. Да и при чем тут Троцкий, с которым у Тухачевского никогда не было близких отношений. Относительно самого маршала сомнения возникали еще более острые. На кой ляд, спрашивается, ему якшаться с немцами, когда в мировую войну он п я т ь раз бежал из германского плена? Слава, ордена, высшее воинское звание в 42 года, важнейший пост в руководстве армии — все это у него е с т ь. Что еще могли ему посулить в Берлине? Разумеется, такие категории, как любовь к отечеству, верность долгу, для самого Сталина не существовали, и он не собирался исследовать их у других. В бонапартизм Тухачевского Сталин всерьез не верил. Он уничтожал Тухачевского как человека, вокруг которого в армии м о г у т сплотиться те, кто недоволен его, Сталина, узурпаторскими действиями. Нельзя же было, в самом деле предъявить вслух такое обвинение!

Да и не об этом сейчас шла речь. Решение о ликвидации Тухачевского было принято раньше, оставалось придумать под каким соусом подать эту акцию народу и армии. Итак, если Сталин и не проявил инициативы в фабрикации "красной папки", то ее поддельность стала ему ясна с перво-

го взгляда. Любая проверка только подтвердила бы этот вывод.

Однако отказ от использования "красной папки" не был продиктован сомнениями в ее подлинности. Эвентуально можно указать на два веских основания.

П е р в о е. На двух прошедших громких процессах и множестве судилищ рангом ниже обходились одними голословными показаниями — без документов. Представление вещественных доказательств, даже липовых, грозило серьезно сбавить ход сталинской машине, если не совсем ее застопорить. Создавался опаснейший прецедент. Ну как публиका или ее доверенные представители и в дальнейшем будут ожидать доказательств вины — в виде чего-то материального, что можно пощупать, прочесть, изучить и т. п. Под угрозой ставился весь план переворота, основанный на массовом судебном избиении, потому что открытой резни Сталин ни за что не хотел допустить. Резня означала явный захват государства, сталинцы на него идти боялись. Им нужен был захват, имевший видимость защиты от захвата со стороны других. Жесткие охранительные действия производились под прикрытием закона, юридически сомнительного, логически абсурдного, но все-таки **з а к о н а**, имевшего, кстати, достаточную силу в глазах ко всему привычного советского населения. Документальные доказательства были противны духу и замыслу этого противоправного закона. Изготовить самые приблизительные документы для обвинения миллионов людей сталинской машине было не под силу. Достаточно взглянуть на сохранившиеся дела т. н. "врагов народа": пять-шесть листов дрянной бумаги, исписанных неряшливым почерком следователя-выдвиженца. Сегодня, когда наше общество еще не задыхается от избытка формальной законности, чтобы передать в суд дело на стопроцентного воришку, приходится заполнять несколько десятков, чуть ли не сотню страниц. В результате жулик получает — страшно вымолвить — год-другой.

В т о р о е. Сталин боялся подвоха со стороны немцев. Пока обвинения военным предъявлялись голословно, немцы могли относиться к этому как к дежурной пропагандистской трескотне. Но в ответ на опубликование доку-

ментов или упоминание о них, они могли реагировать острее. Чем черт не шутит, взяли бы да и рассказали историю с "папкой". Такой ход приносил Гитлеру двойной выигрыш: вдобавок к уже достигнутому ослаблению армейской верхушки он добивался дискредитации политического руководства в России. Сталин при этом выставлялся на всемирное посмешище.

Каким бы соблазнительным ни представлялось использование документов в этом критическом процессе — ему придавалась солидность, парировалось возможное обвинение в произволе и т. д. — но "красную папку" пришлось оставить втуне. Сталин не сделал ей никакого употребления, не только не показал ее никому, но даже не сослался на нее ни разу.

Мы видим, что сталинскому мозговому тресту было над чем поразмыслить в июньские дни. На протяжении недели пришлось изрядно поволноваться и принять очень трудное решение. В конце концов Сталин, никогда не питавший склонности к тонкой работе, предпочел грубый фарс. На тайном суде были выдвинуты самые примитивные, грубо заушательские обвинения: измена, ослабление обороноспособности, попытка захватить власть (см. главу "Ассамблея на Никольской"). Мотивировки были абсурдные и голословные — из всего состава Спецприсутствия в них мог поверить разве что Буденный. От судей требовали одного: вести себя лояльно и не мешать Ульриху довести дело до желанного приговора. Так и вышло. Невыясненным остается факт отсутствия на процессе государственного обвинителя.

Краткое сообщение, которое швырнули народу, было сколочено еще грубее. Все в нем противоречило логике, здравому смыслу, но, может быть, именно на это делалась ставка. Искусством оглушающей пропагандистской лжи Сталин владел лучше Геббельса.

Возвратимся к исходной точке процесса. Из 16 главных участников принадлежавших к военной корпорации, только двое умерли естественной смертью. Почему все-таки в тот июньский день одни были палачи, или судьи, а другие — их жертвы? Попробуем оценить некоторые факторы, которые

могли играть роль при подборе состава обеих групп. Для удобства данные о действующих лицах процесса сведены в таблицу (с. 346).

Н а ц и о н а л ь н о с т ь. Легко узнается почерк великого знатока нацвопроса т. Сталина. О национальности подсудимых ни сейчас, ни позже не будет обронено ни слова, но судите сами: 2 латыша, 2 еврея, 2 литовца и всего двое русских. Фамилии для российского уха звучат подозрительно все, кроме одной — Примакова (ирония в том, что он, кажется, тоже еврей). Рядовой человек из народа, зараженный пережитками прошлого, м о г, подумать, что все они... ж и д ы. Упаси Бог, никто ему этого не внушает, но подумать мог, ох, как мог. Как это привычно считать, что изменники, предатели, шпионы — поголовно инородцы.

Состав суда, напротив, на слух вполне православный: Белов, Каширин, Шапошников, Дыбенко, Буденный... Выпадает латыш Алкснис, да еще Блюхер, который, кстати, русский; фамилия была присвоена крепостному деду барином, большим поклонником прусского фельдмаршала.

Сегодня нет нужды доказывать, что Сталин был антисемит. Здесь нам совершенно безразлично, какую природу имел антисемитизм Отца Народов — зоопатологическую или политическую. Но уже в двадцатые годы он пользовался этим оружием в борьбе с оппозицией. Группа Бухарина, по преимуществу русская, противопоставлялась фракциям Зиновьева и Троцкого, густо начиненным еврейским элементом. Русским партийцам из этих фракций прямо указывалось, что они не туда попали. (Сталин Преображенскому: "Что тебе делать в этой еврейской компании?").

В тридцатых сталинская пропаганда много вещала о связях оппозиционеров-евреев с гестапо. Как ни странно, это не вызывало удивления у широкой публики. Советская пресса обычно замалчивала, во всяком случае не особенно подчеркивала, юдофобскую ориентацию Гитлера; после заключения советско-германского пакта 1939 года это стало обязательным правилом. Следствием было увеличение жертв среди еврейского населения на оккупированной

Таблица 3

Подсудимые		Национальность	Бывший офицер	Дооктябрьский партистаж	Учеба в Германии	Кавалерия	Воевал вместе со Сталиным	Связи с членами другой группой	Военная интеллигенция	Связи внутри своей группы
1.	М. Н. Тухачевский	русский	х		х			3, 7	х	2, 5, 7,
2.	И. Э. Якир	еврей		х	х			2, 3, 5	х	1, 4, 5
3.	И. П. Уборевич	литовец	х		х				х	1, 2, 5
4.	В. М. Примаков	русский?		х		х				2
5.	Б. М. Фельдман	еврей							х	1, 2, 6
6.	А. И. Корк	латыш	х						х	1, 5, 7
7.	Р. П. Эйдеман	латыш	х						х	1, 2, 6
8.	В. К. Путьна	литовец	х						х	1, 6
Всего			5	2	3	1	0		7	
Судьи										
1.	С. М. Буденный	русский				х	х			8
2.	В. К. Блюхер	русский		х	х			2		5
3.	П. Е. Дыбенко	украинец		х				1, 2		
4.	И. П. Белов	русский	х							
5.	Н. Д. Каширин	русский	х			х				2
6.	Б. М. Шапошников	русский	х					1	х	
7.	Я. И. Алкснис	латыш	х						х	
8.	Е. И. Горячев	русский				х	х			1
Всего			4	2	1	3	2		2	

территории. Нечего добавлять, что никакой целенаправленной эвакуации евреев никто не производил. Еще раньше, в 1939—1940, НКВД широко практиковал выдачу гестапо немецких коммунистов еврейского происхождения.

Нельзя, разумеется, утверждать, что состав подсудимых и суда подбирался исключительно по национально-фонетическому признаку. Но... в 1934 были введены паспорта с графой "национальность", уже прошли в Москве два процесса страшных злодеев и изменников, фамилии которых в большинстве очень недоброкачественны. Сейте разумное, доброе, вечное! Что-нибудь останется и даст желанные всходы. Не сейчас, так в 1947, 1949, 1953!

Происхождение и партстаж. Здесь группы П (подсудимые) и С (судьи) почти равнозначны. В первой 5 бывших офицеров, во второй — 4. Этот небольшой перевес в непролетарском характере группы П уравнивается более высоким представительством членов высших парторганов: один член ЦК (Якир) и два кандидата ЦК (Тухачевский, Уборевич), тогда как в группе С только два кандидата ЦК (Буденный, Блюхер). Коммунистов с дооктябрьским стажем в обеих группах поровну.

Кавалеристы и соратники Сталина. По этим показателям впереди группа С — соответственно 3:1 и 2:0.

Интеллигентность. Здесь группа П бесспорно доминирует — соотношение 7:2 в ее пользу. За вычетом Примакова, все ее члены — цвет армейской интеллигенции, люди с большой военной эрудицией и широким культурным кругозором, авторы научных трудов, крупные реформаторы военного дела. В группе С под эту рубрику подпадают только Шапошников и Алкснис; Блюхер, хоть и учился в германской Академии Генштаба, но службист по преимуществу.

Сплоченность групп. Под этим мы понимаем наличие связей (служебных и личных) между членами одной группы. С этой точки зрения группа П предстает монолитной, а ее противник выступает как механический конгломерат. Для Сталина это имело свои плюсы и минусы. Спаянную группу П было довольно просто представить как

з а г о в о р; с другой стороны, такой коллектив трудно расколоть, ему сложно навязать свою волю и помешать выступить на процессе единым фронтом — так и вышло. Зато разрозненные индивидуумы группы С легче поддаются обработке по одиночке — им сговориться нет возможности.

Межгрупповые связи. Соответствующий столбец таблицы показывает, что они были выражены довольно слабо. Между тем эти связи могли играть определенную роль — роль прикрытия. Поскольку в армейской среде сведения о процессе были довольно скудные и главную пищу умам доставляли слухи, прежние личные отношения между подсудимыми и их судьями создавали видимость объективности. Одно дело, когда приговор Тухачевскому подписывают его закоренелые ненавистники Буденный и Каширин, другое — когда под ним стоят фамилии близкого приятеля Дыбенко и многолетнего сотрудника Алксниса. Аналогичные соображения справедливы в отношении Блюхера, Дыбенко и Каширина — друзей и сослуживцев Якира; видимо, такое же амплуа отводилось Дубовому.

Конечно, весь предыдущий анализ носит скорее иллюстративный характер. Наивно предполагать, что Сталин, Ежов, Ворошилов и Вышинский пользовались именно таким методом подбора обеих групп. Но хотя частично приведенные соображения должны были обязательно приниматься ими в рассмотрение. Мы берем на себя смелость утверждать, что два аспекта сыграли в их решении существенную, если не определяющую, роль: противопоставление русских — инородцам и интеллигентов — службистам.

Ворошилов упомянут в предыдущем абзаце не случайно. Вокруг его имени еще сохраняется ореол — легендарный герой с чистыми руками, храбрый, но простодушный воин, не разбиравшийся в политике и потому не причастный к деяниям Сталина. Увы, это не более, как очередная иллюзия, питающаяся незнанием фактов. На протяжении своей карьеры руководителя РККА Ворошилов оставался по преимуществу политиком, а не военным человеком. Он

был с головой вовлечен в дела сталинской команды, хотя и не занимал в ней первых мест.

Если требуются факты, извольте: 1) в 1925 именно Ворошилов публично огласил лживую версию смерти Фрунзе, чтобы отвести от Сталина и себя самого вполне обоснованные подозрения в убийстве; 2) в 1930 он санкционировал арест большой группы военспецов; 3) в 1937 он выступает как активный непосредственный участник избиения командных кадров, не гнушаясь ролью провокатора (достаточно вспомнить его предательское поведение в организации ареста друга и соратника Якира). Общая картина поведения Ворошилова в этот период только подтверждает сделанный вывод. Нет даже намеков на то, чтобы Ворошилов оградил кого-то от репрессий или, на худой конец, пытался защитить. Напротив, он все подписывал, ко всему припечатывал свою кровавую лапу. На письме обреченного смерти Якира с мольбой позаботиться о семье Нарком начертал: "Сомневаюсь в честности бесчестного человека вообще". И только. Ворошилов предпочел умыть руки, зная, что мать с ребенком ожидают позор и страдания.

Храбрость здесь ни при чем. В бою Ворошилов не боялся смерти, но разве Якир, Тухачевский, Примаков, Шмидт и множество других командиров уступали ему в доблести? Перед лицом Сталина отвага Ворошилова улетучивалась²¹.

Говорят, что в 1936 и начале 1937 Ворошилов не был согласен — в теории — с массовым уничтожением кадров РККА. Причины были самые прозаические. Ворошилов не мог не понимать, что, лишившись способных командиров, он будет не в состоянии руководить вверенным ему наркоматом, не обеспечит боеспособности армии. Перелом произошел в преддверии февральско-мартовского пленума. Сталин со товарищи поставили перед Наркомом популярный вопрос эпохи: "С кем ты? С ними или с нами?" Прочие соображения, оборону страны в том числе, пришлось отбросить. Спасая шкуру, Ворошилов примкнул к коллективу палачей, с которыми у него, право, было куда больше общего, чем с военными. Первый красный офицер перестал

мучиться сомнениями и ударно включился в разгром РККА. Даже Тухачевского, который тянул за него всю текущую работу в Наркомате, он с головой выдал чекистам. Объявляя ему об отрешении от должности своего первого заместителя, он слова человеческого не нашел в оправдание или утешение.

Главное бремя подготовки и осуществления июньского злодеяния легло на доблестных людей НКВД. Сталин поспешил выразить им свою признательность. Уже 22 июня публикуется указ о награждении чекистов. Перечисление идет не в алфавитном порядке. Это наводит на мысль, что место в списке отражает важность проделанной работы. Тем более, что первым в когорте славных стоит Л. М. Заковский, причастность которого к процессу 11 июня несомненна²². Кроме него, ордена Ленина получили Н. Е. Шапиро-Дайховский, П. А. Коркин, П. Е. Карамышев. 10 человек были награждены орденом Красной Звезды. Отмечены были также палачи высшего ранга. Сделав приличествующую паузу объявили о награждении орденом Ленина: 17 июля — Н. И. Ежова (шум в печати был оглушительный), 20-го — А. Я. Вышинского.

ПРОСКРИПЦИИ

Июньские казни оказались прологом катастрофы. Репрессии против высшего и среднего комсостава приняли характер поголовного избиения. Нет никакой возможности выяснить, почему погиб тот или иной командир. Правоммерно скорее поставить вопрос, по каким причинам немногие уцелели.

В выборе последовательности, с которой уничтожались жертвы, можно усмотреть свою мрачную логику. Брали тех, кто был связан с участниками процесса 11 июня, потом стали брать тех, кто был связан с этими связанными... Брали немногих, осмелившихся хотя бы робко возражать против террора (Н. Куйбышев, Федько, Блюхер), брали сотни и тысячи молчаливых. Добрались до вершителей зла — до судей.

Потери высшего командного состава можно определить по носителям соответствующих воинских званий. Здесь

помогают списки, опубликованные в 1935 и 1940 гг. Получается такая картина¹:

Т а б л и ц а 4

З в а н и е	Современ- ный экви- валент	было	аре- сто- вано	вер- ну- лось	по- гиб- ло
1. Маршал	маршал	5	3	—	3
2. Армкомиссар I	ген. армии	1	—	—	1 ²
3. Командарм I	ген. армии	4	3	—	3
4. Флагман флота I	адм. флота	2	2	—	2
5. Командар II	ген.-полковник	10	10	—	10
6. Флагман флота II	адмирал	2	1	—	1
7. Армкомиссар II	ген.-полковник	15	15	—	15
8. Комкор	ген.-лейтенант	55	49	1	48
9. Флагман I	вице-адмирал	6	5	—	5
10. Корп.комиссар	ген.-лейтенант	28	25	2	23
11. Флагман II	контр-адмирал	15	9	1	8
12. Комдив	ген.-майор	199	136	11	125
13. Див. комиссар	ген.-майор	97	79	10	69
14. Комбриг	полковник или ген.-майор ³	397	221	21	200
15. Бриг комиссар	полковник или ген.-майор	36	34	—	34
16. Коринженер	инж. ген.-лей- тенант	2	2	1	1
17. Коринтендант	ген.-лейтенант	3	3	—	3
18. Корврач	ген.-лейтенант мед. службы	2	2	—	2
19. Корветврач	ген.-лейтенант мед. службы	1	1	1	—
20. Дивинтендант	ген.-майор	10	6	—	6
21. Дивинженер	инж. генерал- майор	9	7	2	5
И т о г о:		899	643	60	583

Примечания:

1. по состоянию на 1. 1. 1937. Поэтому наши данные несколько отличаются от тех, которые приводят А. И. Тодорский и Э. Генри;

2. Я. Б. Гамарник застрелился 31 мая 1937 г., чтобы избежать ареста;

3. в зависимости от должности.

Итак, для званий от генерал-лейтенанта и выше (позиции 1—11, 16—18 таблицы) погибшие в репрессиях составляют 93%; для званий, соответствующих генерал-майору и частично полковнику (позиции 12—15, 20, 21), этот показатель равен 58,5%. Поименные списки помещены в Приложении.

Данные о репрессированных командирах, носивших звание полковника и ниже, пока отсутствуют. В связи с этим невозможно указать общие потери РККА за время Большой чистки. Скудные упоминания в официальных источниках носят косвенный характер и с трудом поддаются интерпретации. Собственно говоря, величина потерь, да и то относительная, названа лишь однажды — в книге "Великая Отечественная война 1941—1945" (М., Воениздат, 1965); там сказано, что в результате репрессий погибло 20% состава. Из всей советской военной литературы невозможно узнать, какова же была абсолютная численность состава в то время. Сделанная нами оценка, поневоле весьма грубая, говорит, что в Красной Армии 1937—1938 гг. насчитывалось 100—130 тыс. командиров (офицеров), находившихся на действительной службе. Это дает размер потерь порядка 20—25 тыс. человек. Есть, однако, основания полагать, что цифра эта сильно занижена.

В книге Ю. Петрова "Партийное строительство в Советской Армии и Флоте" (М., Воениздат, 1964) говорится, что репрессии уменьшили численность армейских коммунистов вдвое — с 250 до 125 тысяч. Для наших целей вполне допустимо считать, что объектами деятельности НКВД в армии были только командиры и политработники. Последние были членами партии поголовно, первые — процентов на 80—85 (в технических родах войск этот показатель составлял 95—97%). Следовательно, убыль армейской парторганизации падает главным образом на офицерский корпус. Но если вспомнить, что в те годы исключение из партии почти автоматически влекло за собой арест, то мы приходим к выводу почти невозможному. Выходит, что репрессированы были почти все командиры, находившиеся на службе к началу Чистки. К такому заключению следует отнестись с большой осторожностью.

Стоящее перед нами затруднение невозможно окончательно разрешить, не привлекая дополнительных данных, но они пока недоступны. Но кое-какие дальнейшие соображения высказать можно. У нас нет оснований не доверять статистике Ю. Петрова — советский автор ни за что не станет в официальной публикации преувеличивать размах репрессий, да кроме того, никто ему этого не позволит. С другой стороны, мы не можем заметно увеличить предложенную нами численность офицерского корпуса, памятуя, что к началу 1937 года в Красной Армии служило всего 1600 тыс. человек. Поэтому мы вынуждены считать, что убыль кадрового состава за два года чистки составила приблизительно 100 тыс. человек. Завышения здесь нет, потому что предполагается закрытие приема в партию за указанный период; если же какой-то прием был, то цифру придется увеличить. Можно, однако, предположить, что в этот показатель попали лица, которые состояли на учете в армейских парторганизациях, не будучи в то же время в о е н н о с л у ж а щ и м и. (Здесь не имеются в виду жены командиров, а также лица рядового и сержантского состава, исключенные из партии; они наверняка попадают в те 25 тысяч, которые мы вычли из цифры Ю. Петрова.) Здесь речь идет об о с о б и с т а х. Это были работники армейской контрразведки, которые находились на службе в НКВД, но действовали непосредственно в воинских частях и там же числились на партийном учете. Особистов было очень много: такого рода надсмотрщик сидел в каждой р о т е, начиная с батальона образовывались Особые отделы. Численность особистов находилась в пределах от 20 до 30 тысяч, уничтожены они были почти поголовно, как и другие категории чекистов. Мы, следовательно, можем понизить показатель потерь кадрового состава и принять его на уровне 70—80 тысяч. Если еще учесть сообщение того же Ю. Петрова, что репрессии затронули не менее 20 тыс. политработников, тогда потери среди "чистых" командиров (строевики, технари, штабисты, преподаватели) можно оценить в 50—60 тысяч.

Попытка объяснить причины столь широкого разлития репрессий в армии наталкивается на многочисленные за-

труднения. Невозможно предположить, что поначалу у Сталина было намерение известить почти весь командный состав, но факт налицо. Приходится строить догадки.

Главное объяснение, как нам кажется, следует искать в психологии массового террора, в закономерностях его спонтанного развития. Сталину не было никакого резона уничтожать в армии всех подряд. Вооруженные силы приняли порядок, сложившийся в результате государственного переворота. Если в Тухачевском, в меньшей степени — в Якире, диктатор еще мог видеть возможных оппонентов или соперников, то среди последующих жертв лиц с такими потенциями не отыскать при всем желании. Остается предположить другое. Вызвав лавину ненависти, подозрительности и крови, Сталин оказался неспособен ее остановить, пока не иссякли стихийные силы, питавшие энергией ее движение.

Не следует, конечно, думать, что после июньского процесса Гениальный Полководец Всех Времен и Народов был пассивным наблюдателем развернувшегося уничтожения РККА. Не такой это был человек. Если даже размах репрессий в армии и казался ему чрезмерным, он, будучи не в силах его сократить, был обязан принимать в них самое активное руководящее и направляющее участие.

В июне 1937 года Сталин на пленуме ЦК призвал к ужесточению карательной политики, не делая для армии исключения. В январе 1938 года по его распоряжению было разослано закрытое письмо ЦК "О недостатках в партийно-политической работе в РККА и мерах к их устранению". Документ содержал установку на разоблачение скрытых врагов народа, но не их одних. Следовало взять за горло "молчалиных" — людей, которые не имели преступных связей, но были "политически бесхребетными" и потому потенциальными врагами. Легче было евангельскому верблюду протиснуться через игольное ушко, чем остаться "честным советским человеком" в таких условиях. Праведный гнев против врагов, публичное их поношение, неустанное доноительство — все это не давало никаких гарантий. Всегда можно было придраться, что такой-то разоблачает врагов недостаточно энергично или делает это

в провокационных целях, или в интересах личной карьеры.

Подручные Сталина в армии тоже не дремали. Ворошилов, Мехлис, Щаденко неустанно призывали искоренять последышей Тухачевского-Якира и ставленников "гамарнико-булинской банды". Как и во всей стране, в армейской среде был создан психологический климат, делавший массовый террор неизбежным.

Люди на местах правильно поняли призыв своего руководства. Они кинулись искать живых носителей зла в поле своего зрения. Половодье доносов захлестнуло страну. НКВД охотно пускал их в дело и, сверх того, "организовывал материал" на тех, кого доносы пока не охватили. Чем выше находился человек на служебной лестнице, тем больше к нему было приковано взоров; соответственно возрастало вероятие, что кто-нибудь не поленится состряпать против него обвинения. Мотивы были разнообразные — зависть, старые обиды, личная неприязнь, расчистка пути для карьеры, но результат всегда один.

Так формировались проскрипционные списки на арест и уничтожение. Тысячи этих документов шли наверх и попадали на столы Сталина и Ворошилова. Реакция насмерть перепуганного Наркома была на редкость однообразной, он не решался противоречить Ежову — из опасения, что завтра тот представит Вождю материал на него самого.

Положение Сталина было немногим лучше. Даже когда летом 1938 года стало ясно, что, разрастаясь в геометрической прогрессии, посадки грозят охватить все население страны, даже и тогда он не мог остановить этот чудовищный механизм одним нажатием кнопки. Сталин не мог крикнуть Ежову: "Хватить сажать и расстреливать б е з в и н н ы х людей!" Не мог, потому что сам породил этого кровожадного карлика, потому что с самого начала они находились в сговоре, потому что между заговорщиками речь могла идти только о том, кого и когда хватать. Термин "вина" отсутствовал в их лексиконе как излишний и вредный, иначе они не сумели бы даже начать переворот. Но и это еще не все. Сперва чрезмерность репрессий была Сталину на руку, поскольку они затягивали в свой водоворот

множество "мавров" — доносчиков, провокаторов, палачей, от которых все равно хотелось избавиться²³.

Наступил, однако, момент, когда позарез стало необходимо дать команду "стоп". Нелегко далось это Вождю. Он страшился НКВД, боялся прослыть мягкотелым, добреньким и, следовательно, слабым, опасался заговора против себя и своей власти, основанного на обвинении в попустительстве врагам. Перемена политики была невозможна без смены людей. Для приостановки репрессий следовало обезглавить аппарат НКВД, а затем и уничтожить его весь²⁴. Такая акция требовала времени. Пока приходилось мириться с уничтожением людей, которых сам Сталин, возможно, и оставил бы в живых — из соображений практической полезности.

Вернемся непосредственно к армии. Не исключено, что н е к о т о р а я часть командиров была ликвидирована Ежовым с вынужденной санкции Сталина или даже без нее. Конечно, это одни догадки, но, может быть, именно так обстоит дело со старыми друзьями Ворошилова — Левандовским и Горбачевым. Узнав об аресте последнего, застрелился конармеец Горячев, один из восьми судей на июньском процессе.

Судьба не пощадила членов Специального судебного присутствия, которые послали на смерть своих товарищей по оружию²⁵. В проscriпциях 1937—1938 сгинули пятеро. Только Шапошников да Буденный умерли в своей постели.

В отношении судей Сталина должны были раздирать противоречивые чувства. С одной стороны сохранение их представлялось крайне нежелательным. Выполнив отведенную им грязную роль, они особой ценности более не представляли. Напротив, они могли на что-то особенное претендовать за оказанную важную услугу. Сталин не мог не знать, что большинство вынесло приговор сжав зубы, через силу. Опомнившись, они м о г л и подумать о мщении. Во всяком случае, трудно было рассчитывать на их молчание по поводу того, что действительно произошло на процессе. (И. Эренбург свидетельствует: И. П. Белов, рассказывая о суде, поделился мрачными предчувствиями о будущей

участи — своей и своих коллег.) Все это толкало Сталина на расправу.

В то же время существовали аргументы противоположного плана. Устранение судей неизбежно бросало тень на весь процесс и ставило под сомнение справедливость приговора группе Тухачевского.

Так или иначе, но судьям пришлось последовать за подсудимыми. Сохранение Шапошникова можно объяснить той несомненной симпатией, которую к нему питал Сталин. Шапошников был чуть ли не единственный человек, которого диктатор в глаза и заочно называл по имени-отчеству. Что касается Буденного, подписавшего приговор с радостной готовностью, то его близость с Вождем со времен гражданской войны, служила, казалось, лучшей гарантией личной безопасности. Буденный был живой экспонат из музея воинской славы Сталина. Существует, однако, рассказ, почти легендарный, что Семену Михайловичу только чудом удалось избежать ареста²⁶. Стоит добавить, что его жена, певица Большого театра Михайлова, была репрессирована.

Егорову, который также был сталинским прихвостнем со времен гражданской, повезло меньше. В мае 1937 года он временно вознесся, заняв пост первого заместителя Наркома вместо Тухачевского, но потом был переведен на округ и вскоре совсем исчез.

В июле 1938 Сталин сделал серьезный шаг к сворачиванию репрессий, размах которых превзошел все мыслимые пределы. Первым заместителем Ежова стал Л. П. Берия. Но за несколько месяцев своего заката кровавый сталинский карлик успел вырвать из армейских рядов немало жертв. Наиболее известные — это Федько и Блюхер. Если верен рассказ о том, что Ежов безо всякого суда застрелил Блюхера в своем кабинете, тогда с большой вероятностью этот инцидент послужил Сталину формальным поводом для того, чтобы избавиться, наконец, от своего любимца. В пользу такого вывода свидетельствует близость дат: смерть Блюхера — 9 ноября, удаление Ежова с поста Наркома Внутренних Дел — 9 декабря 1938 года²⁷.

Каковы бы ни были первоначальные намерения Сталина, но к исходу 1938 года от Красной Армии осталось одно

название. Офицерский корпус был разгромлен наголову. Исчезли все заместители Наркома и почти полностью руководители центрального аппарата, все командующие округами и флотами, все начальники военных академий, все корпусные и подавляющее большинство дивизионных командиров, свыше половины командиров полков...²⁸.

Вторично на протяжении двадцати лет стране предстояло заново создавать свою армию.

ЖЕРТВЫ: МОТИВЫ БЕЗДЕЙСТВИЯ

*Вспомнить о них — значит
пожалеть, что их нет.*

Ключевский

— Разве ты не видишь, куда идет дело? Он всех нас передошлет поодиночке, как цыплят. Необходимо действовать.

— То, что ты предлагаешь, — это государственный переворот. Я на него не пойду.

Так ответил маршал Тухачевский своему другу комкору Фельдману. Разговор состоялся на исходе 1936 или в самом начале 1937 года. Фельдман не унялся. Он поехал в Киев к еще одному своему другу — Якиру.

На даче командарма были гости, среди них — украинский генсек С. Косиор. Пили, произносили тосты. Кто-то предложил: "Давайте выпьем за Сталина, за которым мы пойдем до конца — с закрытыми глазами!" Хозяин возразил: "Зачем же с закрытыми? Мы пойдем за Сталиным, но с открытыми глазами".

Когда гости разъехались, Фельдман передал Якиру содержание своей беседы с Тухачевским. Реакция была такая же. Якир продолжал верить в Сталина.

Описанный эпизод (достоверность его не подлежит сомнению) — единственное, что нам известно о попытках организовать сопротивление террору в армейской среде.

Мы слишком далеки, конечно, от того времени, чтобы исполниться его настроениями. И все же неотвязчиво, мучительно встает вопрос: почему эти сильные, мужественные люди, имевшие под началом столько войск, так без-

ропотно дали себя сгубить? Почему они не сопротивлялись?

Разумеется, многое было сделано, чтобы не дать военным выступить. На стороне Сталина были могучие силы — ореол власти, НКВД, располагавший всепроникающей сетью, а также миллионы честных дураков, которые донесли бы, не задумываясь.

Но и военные были отнюдь не слабы. Многих из них связывала боевая дружба, они доверяли друг другу до конца. Авторитет Якира, Тухачевского, Примакова в армии был огромен. Немало строевых командиров повело бы за ними свои полки и дивизии, стоило бросить клич. Он так и не раздался...

Противник был могущественный, но им не занимать было храбрости и решительности. В 1919 Якир провел свой легендарный поход в условиях, еще более неблагоприятных. И потом — разве не почетнее умереть в бою, чем в застенке?

Нет, видимо, не физическое соотношение сил сыграло роль. Были у этих испытанных воинов внутренние побуждения, мешавшие защищать собственную жизнь.

Одно простое объяснение приходит на ум немедленно. Храбрость на войне и в обыденной жизни — не одно и то же. Примеры такого рода известны. Герой, вернувшийся с войны, оказывается беспомощным перед лицом бюрократа, хама, казнокрада, нередко — перед собственной женой. Там, на фронте, все побуждает тебя храбро сражаться — воинский долг, дисциплина, боевые товарищи, наконец, противник, ищущий твоей смерти. В мирных условиях угроза обычно не столь остра, противник почти невидим, правила борьбы другие. Теперь ты уже не идешь на врага в сплоченной массе, здесь требуется мужество иного рода. Напротив, приходится восставать одному против власти, за которой равнодушная и раболопная толпа. На войне смелость приносит лавры, здесь грозит обернуться унижением, позором.

Эти общие рассуждения приблизительно верны, но в нашем случае вряд ли достаточны. Имеется еще кое-что. Мы попытаемся разъяснить, что имеем в виду, но пусть читатель

не ждет четких определений, ясной картины и твердокаменных выводов. Материи, которые придется трактовать, весьма деликатны и не выдерживают грубой препарации. Изложение мы построим на нескольких случаях.

Я к и р. Военачальником его сделала революция. Недоучившийся студент-химик в свои 20 с небольшим лет оказался не только способным агитатором и организатором, но и выдающимся командиром, о котором уже в годы гражданской складывались легенды. У Якира был цепкий природный ум и врожденная интеллигентность. Он умел сплотить вокруг себя людей и повести их в неравный бой. А человеческий материал, который ему доставила революция, был самый пестрый: вчерашние подпольщики, не умевшие держать винтовку, зеленая молодежь, добровольцы-китайцы, бывшие царские офицеры, "красный Робин Гуд" — Григорий Котовский, одесский налетчик Мишка Япончик со своими урками.

Личная храбрость Якира была беспредельной. Он рвался в бой с белыми всех мастей. В этом стремлении драться его одушевляли не одни революционные идеалы, но и тяжелые воспоминания. Еврейский мальчик, выросший в Кишиневе, своими глазами видел страшный погром 1903 года...

После войны военная и партийная карьера молодого Якира складывалась очень счастливо: 1921 — командующий Киевским военным районом, 1923 — помощник командующего войсками Украины и Крыма Фрунзе, 1924 — начальник Главного управления военно-учебных заведений РККА, ноябрь 1925 — командующий Украинским военным округом, декабрь того же года — член ЦК КП(б)У, 1927 — член Украинского Политбюро.

В 1928—1929 Якир вместе с группой высших командиров (Тухачевский, Блюхер, Уборевич, Седякин и др.) прослушал курс германской Академии Генштаба. На выпуске он удостоился высшего отличия. Престарелый президент Германии фельдмаршал Гинденбург вручил Якиру книгу Шлиффена "Канны" с очень лестной надписью, чуть ли не "Лучшему полководцу современности".

С приходом Якира Украинский округ становится главным учебным полигоном РККА, где отрабатывались новейшие методы ведения боевых операций. Якир не был теоретиком, не писал трудов, но дух современной войны понимал едва ли не лучше всех крупных военачальников. В его округе были созданы первые в Красной Армии воздушно-десантные части, сформирован первый мехкорпус (45-ый А. Н. Борисенко). Он много трудился над отработкой приемов взаимодействия родов войск (сухопутные войска — флот, наземные части — авиация) и прививал его культуру своим подчиненным.

Якир с самого начала придавал мало значения стратегии сокрушения. Он усиленно занимался вопросами стратегической обороны и побуждал к этому своих коллег-командующих. Именно в УВО зародились первые системы эшелонированных укреплений, здесь же началась подготовка партизанских баз на случай отступления. Поворот Тухачевского к стратегической обороне совершился под ненавязчивым, но твердым нажимом Якира. Надобно учесть, что Якир был не только на три года моложе Тухачевского, он, кроме того, не прошел школы старой армии и мировой войны.

Авторитет Якира как руководителя и воспитателя был непререкаем. Без преувеличения он был кумиром своих подчиненных. Якир неустанно воевал с солдафонством и фанфаронством. В отношении с младшими по рангу был ровен, приветлив, доброжелателен, главную задачу видел в воспитании, а не наказании. Офицерский корпус УВО был всегда лучшим в армии. Якир лично знал почти всех командиров округа, а начиная с командиров полков эта связь была настолько тесной, что он был даже в курсе их семейных забот. Якира отличал подлинный демократизм. Он постоянно противился попыткам обособить комсостав от красноармейской массы, превратить его в замкнутую касту.

Наша идиллическая картина не будет полной, если не отметить одного обстоятельства. Якир был большевиком прежде всего и по преимуществу. Его большевизм не был ни напускным, ни вынужденным, как у многих кадровых военных. Якир свято верил в партийные идеалы.

Для него интересы партии, дело построения социализма всегда стояли на первом месте, впереди личных и профессиональных соображений. В этой идейной заряженности, соединенной с альтруизмом, отсутствием карьерного честолюбия и глубокой порядочностью, следует искать источник силы и величия Якира. Но по тем же причинам он в решающий для страны миг оказался слаб и беспомощен.

Горячая убежденность Якира в правоте дела, которому он служил, порой толкала его на поступки, которые невозможно совместить с общечеловеческой моралью. В главе о Миронове мы уже имели случай рассказать об отношении члена РВС 8 армии Якира к антисоветским восстаниям. Позиция эта предельно проста: а) никаких переговоров, б) полное уничтожение всех мятежников, в) расстрел на месте всех схваченных с оружием, г) в ряде случаев превентивное процентное уничтожение мужского населения. Восьмая армия оставила на донской земле кровавый след — тысячи расстрелянных. А ведь Якир не был закоренелым и жадным до крови фанатиком. Напротив, его деятельность после войны говорит о другом.

Якир был крупной политической фигурой, он единственный среди военачальников был полным членом ЦК (Гамарник и Ворошилов в этот счет не идут — они комиссары). В этом качестве Якиру приходилось заниматься делами, далекими от военной службы. Известна его активная роль в строительстве Харьковского тракторного завода. Он принимал деятельное участие в проведении коллективизации на Украине. Результаты его ужаснули. 1933 год был особенно страшным для украинского селянства. Несмотря на засуху, сталинский план осуществлялся с железной последовательностью. Мало было того, что в селах миллионы людей погибали от бескормицы, но на хлебозаготовки пошло зерно из семенного фонда. Якир и еще несколько украинских деятелей предложили заготовки остановить, а семенное зерно возвратить хлеборобам. Косиор, боявшийся Сталина, не соглашался. Тогда Якир, Дубовой и секретари обкомов Хатаевич и Вегер написали в Москву. Сталин скрепя сердце пошел на уступки, но выразил Ворошилову недовольство: зачем военные лезут не в свое дело.

Как знать, может быть, этот искренний порыв стоил Якиру маршальского звания в 1935...

Раньше, в середине 1930 г., произошел эпизод, еще более характерный. Параллельно с арестом бывших генералов в Москве Украинское ОГПУ состряпало местное дело. Большую группу царских офицеров обвинили в организации заговора с целью поднять антисоветское восстание. Между прочим, им инкриминировалось намерение уничтожить головку УВО — Якира, Дубового, Хаханьяна. Якир горячо протестовал против этой провокации и не побоялся пойти на конфликт с главным украинским чекистом Балицким. Дело дошло до верхов. 30 декабря Якира и Дубового вызвали в Москву, где их принял Орджоникидзе. Большую часть арестованных удалось отстоять. Балицкого перевели с Украины. Читатель имеет возможность сопоставить поведение Якира и Тухачевского в одной и той же ситуации (см. главу "Удар по штабам").

Якир не был ни слабым, ни трусливым. Он не боялся всемогущего ГПУ, но был бессилен перед Партией. В 1937 Якир старался вызволить Шмидта и Кузьмичева, пойдя на риск столкновения с самим Ежовым, он еще раз обратился к Сталину после ареста близкого друга Гарькавого. Но он не мог восстать против политики репрессий, потому что за ней стояла *Партия*, его собственная партия. Партия была для него всем, служение ей составляло смысл и содержание жизни Якира. Для него было невозможно, немыслимо переменить убеждения. В этом трагедия целого поколения, сделавшего революцию и выдвинутого ею на авансцену. Якир не дрогнул бы перед лицом любого врага, но поднять руку на Партию — даже мысль такая была для него противоестественной.

Вот почему он не поднял по тревоге свои отборные полки, которые в считанные часы могли смести НКВД. Вот почему перед лицом смерти он крикнул: "Да здравствует партия! Да здравствует Сталин!" Да, Сталин, потому что для Якира вождь и партия были двуединое целое.

Т у х а ч е в с к и й. Хотя Тухачевский с Якиром много лет провели в одной упряжке и встретили смерть вместе, но

люди это были совершенно разные. Тухачевский был замешан из совсем иного теста, чем его коллега. Дело здесь не только в происхождении, но и в складе личности. Если для Якира на первом месте стояли идеалы, которым он служил с религиозным рвением, то ведущим мотивом Тухачевского было, пожалуй, честолюбие. Не безудержное стремление к власти, как у Сталина, не карьеризм Ворошилова, заставлявший для удержания наверху идти на любые сделки с совестью, а именно честолюбие, тщеславие, жажда отличий, славы, стремление быть первым, лучшим. Само по себе это качество не является обязательно отрицательным, наоборот, не обладая им, трудно сделаться большим полководцем.

Амбиции Тухачевского были самые серьезные и простирались далеко. В этом отношении он напоминал молодого Бонапарта, и такое сходство бросалось в глаза. Но напрасно недоброжелатели приписывали ему бонапартизм. Тухачевского не прельщала роль политического вождя или правителя. Если в мечтах он и уносился далеко, то видел себя только в ореоле полководческой славы. Своим призванием он считал поприще стратега. Это очень хорошо видно из его ранних работ.

Вчерашний поручик, не достигший 30 лет, пишет с завидной твердостью. На каждой странице можно встретить высказывания наивные, незрелые, по существу неверные, но тон безапелляционный, сухой, учительский. Автору чужды сомнения. Он доверяет своим выводам больше, чем всему предшествующему опыту человечества.

Тухачевский был натура богатая и одаренная. Природный ум, решительность, независимость суждений, храбрость — все эти качества выделяли его из общей массы революционных командиров. Породистая внешность, желание и умение нравиться женщинам, незаурядная физическая сила¹ сочетались в нем с глубоким интересом к культуре. В особенности это касалось музыки: он изготовлял скрипки, был завсегдатаем концертных залов и одним из первых заметил и поддержал юного Шостаковича.

Однако удача карьеры Тухачевского имела в основании не одни только личные достоинства. Два обстоятельства

сильно ей способствовали. Первое — было раннее вступление в партию, еще в апреле 1918 года. Для Якира революция была желанным и логичным событием. Тухачевский принял ее как неизбежную внешнюю реальность, как явление природы или стихийное бедствие. По возвращении из плена он застал старую армию в агонии. Он пошел к единственной наличной власти в центре, к большевикам, чтобы участвовать в строительстве новой армии. Вступление в партию произошло не в результате прозрения или идеологического перерождения. Это была плата за вход, необходимое условие военной карьеры. Тухачевский не был приспособленцем. Просто он решил, что большевистская власть — это надолго. Он не мыслил себя вне военной профессии. В царское время непросто было продвигаться по службе, не будучи православным. Истовая вера не требовалась (да это и невозможно: военные существуют для того, чтобы нарушать заповедь "не убий"), но внешняя лояльность к церкви была обязательна. Теперь пришлось перейти в новую государственную религию — только и всего. Скоропелый большевизм Тухачевского был и остался по преимуществу показным, неглубоким.

Младшего офицера Тухачевского, работавшего при военном отделе ВЦИК, быстро заметили и оценили. Его послали на высокую командную должность — на армию. Мужественное поведение во время левозсеровского мятежа Муравьева — был второй важнейший момент карьеры. Теперь в глазах центральной власти и местных комиссаров он окончательно попал в категорию *с в о и х*, стал полноценным красным командиром. Ему давали доступ ко *в с е й* информации. С командующими, которые числились *в о е н с п е ц а м и*, такая доверительность не допускалась. Они, как правило, знали меньше, чем приставленные к ним члены РВС.

Тухачевский воевал удачно. Успехи на Восточном фронте принесли ему шумную славу. Скупой на похвалу Сталин назвал его "демоном гражданской войны". Его перебросили на юг против Деникина, и снова он показал себя с лучшей стороны. Тухачевский был прирожденный оператор. В гражданской войне оперативная сторона заслоняла стра-

тегию. Ряд последовательных сражений в короткий срок решил судьбу кампании. Многие, Тухачевский в их числе, приняли это временное, специфическое положение за непреложный закон всех будущих войн. В этом убеждении следует искать истоки идеологии блицкрига или стратегии сокрушения. Одним из главных ее проповедников на долгие годы стал Тухачевский. Даже провал польского похода не охладил его пыла. Он видел, что поражение есть результат стратегического просчета, что крупные оперативные ошибки соседнего фронта не были фатальными, а главным оказалась недооценка ресурсов противника и его способности нанести ответный удар. Но сокрушительный образ действий обладал для Тухачевского неотразимой притягательностью. Он надеялся, что новая техника войны даст этой стратегии решающий козырь. Он отдал много сил созданию технической базы Красной Армии. Только к концу жизни Тухачевский подверг частичной ревизии свои стратегические воззрения.

Мы намеренно не развиваем эту линию, она достаточно освещена в предыдущих главах. В данном контексте для характеристики личности Тухачевского много крат важнее другое. В годы гражданской войны он оказал советской власти важные услуги не только на фронтах борьбы с белыми, но и при подавлении народных восстаний. Слава усмирителя не была столь шумной, но была по достоинству оценена правительством. После удачи в Кронштадте Тухачевского немедленно бросили на Антонова. (Интересно, что романтический авантюрист Г. Котовский, также действовавший на Тамбовщине, функции карателя исполнял с явной неохотой.)

Эпизоды 1921 года, которые, с какой стороны ни бери, были нравственно сомнительными, проливают новый свет на личность Тухачевского. Обнаруживается его политическая незрелость и социальная черствость. Характерно, что он не только подавлял восстания, но незадолго до того сочинил боевое наставление по этому вопросу ("Стратегия национальная и классовая"). Кажется, продлилась малая гражданская война, и Тухачевский мог стать штатным усмирителем.

Если помнить об этой стороне, то уже не столь удивительными выглядят приемы Тухачевского в полемике со Свечным. От приклеивания политических ярлыков он логично перешел к травле оппонента, брошенного в застенки НКВД. При этом он старательно исполнил партию первой скрипки в оркестре политических загонщиков. Ни в 1930, ни в 1937 Тухачевский ни за кого не заступался.

Тухачевский мыслил себя составной частью советского истеблишмента. Он получил от него все — славу, регалии, высокое положение. Вряд ли он согласился бы принять должность палача, но власть, которой он служил и которая щедро его одарила, была в глазах маршала "богоданной" — не только сама по себе, но и в лице своих носителей. Так честолюбие вошло в противоречие с любовью к Отечеству и парализовало ее, сделало абстрактной, умозрительной.

Тухачевский органически не был способен к социальному протесту, тем более — действию. Он не пошел на борьбу со Сталиным ни в 1936, когда увидел, что диктатор взял порочный курс в отношении обороноспособности СССР, ни позже, когда тот посягнул на армию.

По горькой иронии истории Сталин уничтожил Тухачевского, опасаясь его как нового Бонапарта, а маршал ни в коей мере не подходил для этой роли. В роковой для Тухачевского час открылась пустота, зияющая за оболочкой сильной и целеустремленной личности. Дорого далась ему погоня за славой. Перед лицом смертельной угрозы он ощутил одиночество, обреченность, нравственное бессилие. Он не внял призыву Фельдмана за несколько месяцев до катастрофы. После отрешения от должности 11 мая он уже не сомневался в гибельном исходе, но не сделал ни малейшей попытки защищаться. Собственная жизнь, Красная Армия, в строительство которой он вложил столько сил, самая судьба Родины — вдруг стали ему безразличны. Все рухнуло, зря, не так прожита жизнь, не на что уповать в последний час². Он не мог, как Якир, умереть за партийную идею, потому что никогда в нее не верил. "Мне кажется, что все это происходит во сне", — только и мог сказать Ту-

хачевский на суде. Он взялся за голову и молчал до конца заседания.

Военный Совет 1 — 4 июня. 80 высших военачальников страны безропотно приняли наглую выходку Вождя, который облыжно оклеветал их боевых друзей. Он заставил скрепить смертный приговор — они согласились. Кроме Дубового, никто не осмелился усомниться.

Что ими руководило? Угодливая подлость, равнодушие к чужой судьбе, злорадство по поводу несчастья ближнего, страх? Возможно, страх в сочетании с растерянностью сыграли главную роль. С. П. Урицкий рассказывал, что после заседания он, как и все другие, вышел из зала в твердой уверенности: сейчас их всех схватят.

Можно понять поведение Буденного и ему подобных, которые откровенно радовались падению ненавистных интеллигентов. Но такие пребывали в меньшинстве. Так не могли думать — и не думали — Алкснис и Халепский, ближайшие сотрудники Тухачевского. Подобным чувствам не было места у боевых друзей Якира — Федько, Криворучко, Хаханьяна. Гигант Криворучко, командовавший 2 кавкорпусом после Котовского, отличался непосредственностью и необузданным нравом. Он боготворил Якира, который, кстати, очень мягко, по-отечески относился к его кавалерийским выходкам. В других обстоятельствах Криворучко, не колеблясь, отдал бы жизнь за командарма. Здесь он смолчал. Не взорвался, не бросился на обидчика, которого мог перешибить одним пальцем. (Только позже, в застенке, проявилась натура Криворучко. Он схватил следователя и задушил, потом долго, действуя его телом как дубиной, отбивался от охранников — пока не был застрелен.)

Несколько десятков мужественных людей, чья профессия — не терять голову в минуту опасности, вести за собой большие вооруженные массы, позорно, малодушно смолчали. Получив плевков в лицо, они опустили глаза и застыли, не имея смелости даже выругаться, даже зарычать от бесильной злобы.

Четыре долгих дня они просидели вместе — и не нашли возможности сговориться. У них были на выбор разные линии поведения: пассивное неприятие, открытый протест, даже физическая расправа со Сталиным и Ворошиловым³. Они предпочли холопское одобрение. Через год-полтора почти никого из них в живых не было.

Б л ю х е р. На протяжении нескольких лет он был военным диктатором Дальнего Востока. Пограничное положение края, ожидание столкновения с Японией — давали ему в руки неограниченную власть. Авторитет Блюхера в подчиненных войсках стоял вне сомнения. Десять тысяч верст удаления от Москвы, с которой единственная связь была ниточка Транссибирской магистрали, делали его трудно уязвимым для Сталина.

Несколько сот опричников, прибывших с Мехлисом и Фриновским, не могли, конечно, его испугать. Короткого приказа Блюхера было довольно, чтобы они перестали существовать. Что оставалось бы в этом случае Сталину? Вести Красную Армию походом на Дальний Восток? Вряд ли...

Блюхер бездействовал, а НКВД косил его командиров; затем он безропотно отправился в Москву, где неоткуда было ждать защиты. Герой Перекопа струсил, опустил руки. Когда через пару месяцев он опомнился, было поздно.

Двойное предательство в июне, принятая роль палача своих товарищей лишили его воинской доблести, стратегической смекалки, подавили даже инстинкт самосохранения. На Дальнем Востоке Красная Армия имела последнюю и самую реальную возможность противостоять Сталину.

Феномен поразительной пассивности военачальников в 1937–1938 гг. будет еще долго занимать психологов и историков. Сегодня мы слишком бедны фактами, чтобы исследовать его во всей полноте. Однако один прискорбный вывод приходится сделать уже теперь. Якир, Тухачевский, Блюхер, многие другие искусные полководцы, сильные личности, храбрые воины не выдержали решающего испытания, оказались плохими сынами Родины. Они отдали тирану не одни собственные жизни, они бросили ему под ноги — Армию.

ГЛАС НАРОДА

Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство..., такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам.

Ленин

Оторвемся ненадолго от запутанных интриг и мрачных тайн московского двора. Глотнем бодрящей атмосферы тех лет. Посмотрим, как реагировала советская общественность на происходившие события.

Мы начнем немного издалека — с лета 1936 года. Чтобы не утомлять читателя, ограничимся материалами одной газеты — официального органа "Известия Советов депутатов трудящихся".

Народу советскому только что дарована (вынесена на обсуждение, но ведь назад ее никто не заберет) конституция нового типа — Сталинская Конституция. Несомненно, это веха в истории человечества. Отдаленный прецедент можно отыскать в 1215 году в Англии, когда была принята т. н. Великая хартия вольностей, но масштабы явлений несоизмеримы. Нет границ радости и благодарности наших людей.

6 июля

Главный редактор "Известий" Н. И. Бухарин пишет в статье "Маршруты истории":

”Если искать одного слова для выражения этих перемен, то с известным правом можно сказать: с п л о ч е н и е, к о н с о л и д а ц и я, ... консолидация широчайших народных масс вокруг партии, вокруг Сталина”.

11 июля

Стихотворное послание белорусского народа т. Сталину. Там есть такие строки:

Звучало у нас Кагановича слово,
Он в Гомеле партию нашу растил,
Рабочие Витебска помнят Ежова,
Отдавшего много для партии сил.

14 июля

За радостными событиями не забыты недостатки. Статья ”Почему нет патефонных пластинок?”

16 июля

Доклад А. И. Микояна ”Добьемся изобилия пищевых продуктов”. Уместно вспомнить анекдот тех лет, не попавший, правда, в газеты:

В Академию наук приходит делегация рабочих и просит исключить из русского алфавита за ненужностью букву ”М”. Основание: мяса нет, масла нет, маргарина нет, макарон нет, мыла нет. Налицо один Нарком торговли Микоян, но ради него одного нет смысла иметь в алфавите специальную букву.

Постановление ЦИК СССР: освободить т. Сокольникова Г. Я. от обязанностей Наркома лесной промышленности с переводом его на местную работу по Наркомлесу.

20 июля

Отмечается десятилетие со дня смерти Ф. Э. Дзержинского. Фото: великий вождь в объятиях железного Феликса (лето 1925).

22 июля

Сообщение о беспосадочном перелете Чкалова, Байдукова, Белякова по маршруту Москва-Петропавловск-Чита.

24 июля

Жизнь народа становится лучше, богаче.

Ресторан ПРАГА открыт

Сад-крыша

Кухня под руководством опытных кулинаров

2 августа

Речь Л. М. Кагановича "Сталинский год на железнодорожном транспорте".

10 августа

Советские люди с удовольствием прочли статью известного публициста Карла Радека "Как стать Чкаловым": "Если хотите быть Чкаловым, то выполняйте призыв нашего вождя и учителя Сталина: учитесь, учитесь и учитесь, чтобы догнать и перегнать капиталистический мир".

12 августа

Проф. Е. Тарле в статье "Исторические параллели" сравнивает избирательные системы в СССР и на Западе.

20 августа

Передовая статья "Троцкистско-Зиновьевская банда перед судом".

Слушание дела в открытом судебном заседании только началось, но газета на первой полосе помещает телеграммы трудящихся:

НИКАКОЙ ПОЩАДЫ!

РАССТРЕЛЯТЬ ФАШИСТСКИХ УБИЙЦ!

Ниже официальное сообщение о начале процесса. Слушается дело троцкистско-зиновьевского террористического центра. На скамье подсудимых Зиновьев, Каменев, Евдокимов, И. Н. Смирнов и 12 других. (По Сталинской Конституции все национальности нашей страны полностью равноправны. Поэтому в списке подсудимых 9 еврейских

фамилий + Зиновьев (Радомысльский) и Каменев (Розенфельд), 1 армянская, 1 польская и 3 русских.)

Состав суда: председательствующий — В. В. Ульрих, члены — И. О. Матулевич, В. Г. Никитченко, запасной — И. Т. Голиков, секретарь — А. Ф. Костюшко, государственный обвинитель — А. Я. Вышинский.

Подсудимые охотно признают предъявленные обвинения, но не ход самого процесса нам здесь интересен.

21 августа

Из передовой "Фашистские выродки": "Стимул подполья: жажда личной власти".

Шапка на первой полосе: ТРУДЯЩИЕСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЕДИНОДУШНО ТРЕБУЮТ ОГРАДИТЬ МИРНЫЙ ТРУД, РАССТРЕЛЯТЬ ФАШИСТСКУЮ БАНДУ!

Это, так сказать, официальный лозунг. Что же сами советские люди? Может быть, хотя бы некоторые удивлены, озадачены столь чудовищной метаморфозой недавних своих вождей? Ничуть не бывало. Они сразу разобрали, что к чему и что кому. Еще идет допрос подсудимых, а народ уже выражает свое твердое и окончательное мнение. Пожалуй, точнее других его сформулировала школьница из Кадиевки Ева Нерубина. Вот концовка ее стихотворения, опубликованного на второй день процесса:

Трижды презренные, мерзкие гады.
Смертью посмели кому угрожать.
Нет! Не дождетесь вы больше пощады.
Суд вам один: как собак расстрелять.

Воистину устами младенца...

Свыше десяти других откликов говорят об одном: РАССТРЕЛЯТЬ!

Писатели Ленинграда. Выступили А. Толстой, В. Шишков, Ю. Либединский, Н. Брыкин, Г. Белицкий. Они единодушны; "Это самое гнусное предательство из всех предательств, известных в истории человечества", — сказал А. Толстой.

Не остался в стороне любимец публики Карл Радек. Он пишет в статье "Троцкистско-зиновьевская фашистская банда и ее гетман Троцкий": "У подсудимых нет и не было никакой политической программы. Только стремление к личной власти". Достается заочно судимому Троцкому: "фашистский обер-бандит", "кровавый бандит", "кровавый шут". Радек уверен: "Пролетарский суд вынесет банде кровавых убийц приговор, которого они заслужили... Главный организатор этой банды и ее дел Троцкий уже пригвожден историей к позорному столбу. Ему не миновать приговора мирового пролетариата".

— А Вам, т. Радек, — Военной Коллегии Верховного суда, — может добавить позднейший историк.

22 августа

Передовая "Наступает час возмездия".

Новые ноты звучат в дружном хоре: РАСПУТАТЬ ДО КОНЦА ПРЕСТУПНЫЙ КЛУБОК! РАСПУТАТЬ НИТИ, ИДУЩИЕ К ТОМСКОМУ, СОКОЛЬНИКОВУ, ЛИДЕРАМ ПРАВОЙ ОППОЗИЦИИ, РАДЕКУ, СЕРЕБРЯКОВУ!

Вот ведь как жизнь стремительна: только вчера была статья Радека!

Один из двух лидеров правой оппозиции (Томский назван по имени) Н. И. Бухарин по-прежнему редактор "Известий", и номер этот им подписан.

У московских писателей. Собрание открыл В. Ставский. В. Киришон, В. Инбер, Е. Зозуля, М. Шагинян, поэты Луговской, Лахути и др. говорили о своем величайшем презрении к изолгавшимся вконец двурушникам и убийцам и требовали их расстрела. Были приняты приветствия тт. Сталину, Ворошилову, Ягоде.

Мы обещали не освещать ход самого процесса, но не можем удержаться, чтобы не привести один эпизод:

Допрос И. Н. Смирнова

Вышинский. Когда же вы вышли из центра?

Смирнов. Я не собирался уходить, не из чего было выходить.

В. Центр существовал?

С. Какой там центр!

Прокурор поочередно спрашивает нескольких подсудимых "Центр был?", они с готовностью подтверждают.

Заявление Генерального Прокурора Вышинского: Уже привлечены к суду Серебряков и Сокольников. Вопрос об остальных расследуется.

НЕ ПОПАЛО В ГАЗЕТЫ СООБЩЕНИЕ о том, что в этот же день один из лидеров правых М. П. Томский застрелился на даче в Болшеве. Вскоре ЦК осудил эту акцию как слабость, недостойную большевика.

Заметки с мест. "Скрытый троцкист": "Двурушник исключен из партии".

Н. Изгоев (бывший активный сотрудник эмигрантской газеты Милюкова) "Штурмовики Троцкого".

23 августа

Передовая "Расстрелять взбесившихся псов".

Шапка на первой полосе: **РАСПУТАТЬ ДО КОНЦА ЗЛОДЕЙСКИЙ КЛУБОК, ВЫЯСНИТЬ ВСЕ СВЯЗИ РЫКОВА, БУХАРИНА, УГЛАНОВА, РАДЕКА И ПЯТАКОВА С ЦЕНТРОМ.**

С ВОЗМУЩЕНИЕМ ОТМЕЧАЕМ ПОДЛОЕ ДВУРУШНИЧЕСТВО ПРАВЫХ. ДО КОНЦА ПРОВЕРИТЬ И ВЫЯСНИТЬ — требуют рабочие.

Бухарин подписал и этот номер газеты.

Речь Генерального Прокурора Вышинского. Четыре часа говорил государственный обвинитель и закончил исключительно точной юридической формулой: "Взбесившихся собак я требую расстрелять — всех до одного".

Сообщение о высотном рекорде летчика В. Коккинаки.
Из стихотворения Н. Сидоренко:

И не спасти им скользкой шкуры,
Сумеет гадину рассечь
Меч пролетарской диктатуры,
Без промаха разящий меч.

Статья В. Антонова-Овсеенко "Добить до конца".

Еще один провидец собственной судьбы...

Все выступающие в газете полностью согласны с приговором.

Заметка "Разоблачены троцкистские последыши": Следы террористов в Наркомземе Узбекистана.

Народный артист Грузии Ак. Васадзе: Уничтожить гнусных людей гнусного дела.

26 августа

Сообщение о смерти С. С. Каменева, главкома во время гражданской войны.

Нет вам пощады, предатели народа! — Софья Бортман, детский врач Бауманского района.

Решение суда — наше решение!

29 августа

Ботвинник и Капабланка — победители турнира в Ноттингеме.

30 августа

Сообщение о перелете В. Молокова.

Итак, первый показательный процесс окончен. Утихли отклики, народ вернулся к созидательному труду, Сталин и НКВД перешли к подготовке очередного судилища. Опыт, полученный в августовские дни, будет проанализирован и учтен. Шумовое оформление будет более мощным и массовым, приговоры будут выноситься более дифференцированно.

25 декабря

Из выступления Т. Д. Лысенко на сессии ВАСХНИЛ: "И мне непонятно, как может Вавилов после решающей проверки настаивать на своих ошибочных утверждениях. Сейчас уже это не просто неверно, а вредно".

Н. И. Вавилов сообразил и во время следующих процессов исправно подавал голос в поддержку. Это было исторически прогрессивно, но не спасло от смерти в тюрьме.

26 декабря

Всесоюзное совещание жен командного и начальствующего

шего состава РККА. Фото: Сталин, Ворошилов и Жданов среди жен командиров.

Сталин сидел в президиуме рядом с С. Л. Якир. Приветливо беседовал с ней: "Вы берегите командарма. Он очень ценный для нас человек".

29 декабря

Объявлено, что 6 января будет проведена Всесоюзная перепись населения.

Перепись действительно состоялась в указанный срок, однако результаты не увидели света, а ее руководители были расстреляны.

1937 – ЗАВЕРШАЮЩИЙ ГОД ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ

3 января

"Вчера т. Сталин принял немецкого писателя Лиона Фейхтвангера. Беседа продолжалась свыше 3 часов".

Фейхтвангер был совершенно очарован и написал все, что хотелось Сталину.

16 января

Последний раз газета подписана Н. И. Бухариным. Со следующего номера это делает безликая РЕДКОЛЛЕГИЯ. Так удобнее.

21 января

ДЕНЬ СМЕРТИ ЛЕНИНА

Рядом на первой полосе: ПРОКЛЯТЫЕ ПРЕДАТЕЛИ РОДИНЫ!

"НКВД под руководством Ежова разоблачил "параллельный центр": Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков...

Они опаснейшие и злейшие враги нашего народа. Эти троцкистские звери, кровавые и циничные, хуже Деникина, хуже Колчака, хуже отъявленных белогвардейцев, залитых рабоче-крестьянской кровью.

... Радек — эта извивающаяся лицемерная блудливая гадина, ядовитая троцкистская гадина, за лстивой улыбкой прятанная ядовитые зубы.

... И эти злобные враги Ленина, эти подлецы смели называть себя ленинцами.

... Судить их со всей строгостью закона, судить сурово и беспощадно. Со всей беспощадностью истребить троцкистскую нечисть дотла!"

22 января

Сессия ЦИК РСФСР: принятие новой Конституции

24 января (в субботу 23 газета не выходила)

Передовая в три столбца "Изменники Родины, лакеи фашизма, подлые реставраторы капитализма": "Раздавить троцкистскую гадину — таково единодушное требование всех честных людей, любящих свою Родину и свободу".

Телеграмм и откликов трудящихся пока нет.

Бруно Ясенский: "Германские сапоги господина Троцкого".

"Профессор двурушничества Радек..."

Вот и пришла очередь Радека получать бранные эпитеты. Ясенский сменил его на посту публициста. Он будет изо всех сил стараться, но ... НКВД статьям не верит.

Официальное сообщение о процессе по делу антисоветского троцкистского центра. Подсудимые: Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков, Муралов, Лившиц, Дробнис и 10 других.

Состав суда: Ульрих, Матулевич, Н. М. Рычков. Обвинитель — Вышинский. Защитники: Брауде (подсудимый Князев), Коммодов (Пушин), Казначеев (Арнольд).

Организаторы процесса сообразили, что с адвокатами сподручнее...

25 января

Передовая "Союзники и пособники фашистских агрессоров":

"... Радек — блудливый, насквозь прогнивший двурушник, бесчестный политический интриган, старый лазутчик троцкизма, злобный иезуит, перещеголявший самого Лойолу, Талейрана, Фуше".

Небось, Радеку лестно в такой компании!

”... Волны народного гнева, бушуя и нарастая, со всех концов великой нашей страны бегут к порогу Дома Союзов. Тысячи, десятки тысяч митингов ночью и днем идут в заводских сменах, в шахтах, в колхозах”.

И действительно, гневные отклики занимают полных две полосы, да еще две полосы — судебный отчет.

Профессор-орденоносец Н. И. Бурденко: ”Беспощадно покарать врагов народа!”

Кажется, в клятве Гиппократы нет такой формулы...

”Слово матери”: ”Я — женщина, я — мать, я — бабушка. Но ни одну секунду не дрогнула бы у меня рука, если бы мне поручили привести в исполнение беспощадный приговор, который *должен* (курсив здесь и далее наш. — Авт.) вынести всем им Верховный Суд!”

Во все времена желающих заниматься профессией палача не хватало, несмотря на приличное вознаграждение. Палачи-добровольцы, да еще бабуси — разве это не зримое достижение сталинской эпохи! Мы едва не позабыли упомянуть, кто эта отважная женщина. Запомните, дорогие соотечественники: Мария Михайловна Васильева, работница завода ”Красный треугольник”. Народ должен знать своих палачей.

Б. Ясенский: ”Профессор двурушничества”. Нетрудно догадаться: это о Радеке.

Лион Фейхтвангер о первом дне процесса: ”Уже первый день судебного следствия *показывает желание* провести этот важный процесс спокойно, достойно и внушительно. Вина подсудимых уже сейчас представляется в значительной мере доказанной. Однако в интересах окончательного установления истины я надеюсь, что в ходе процесса будут вскрыты такие *мотивы*, по которым обвиняемые делают свои подробные признания”.

Спору нет, вина *представляется* доказанной, беда только, что отсутствуют доказательства, например, документы. Все основывается исключительно на показаниях самих обвиняемых о себе и других, т. е. на оговоре и самооговоре. Поэтому Фейхтвангер и делает оговорку в духе гнилого западного либерализма. Ничего, как покажут последующие выступления, прогрессивный немецкий писатель удоволь-

ствуется тем, что дают, вспомнив, может быть, гегелевское положение "все действительное разумно". Видимо, московский воздух наделен чудесным свойством отнимать рассудок даже у тех, кому от этого нет проку.

К. Вольский: "Презренный обер-предатель". А это о Троцком.

ГНЕВНОЕ СЛОВО ТРУДЯЩИХСЯ МОСКВЫ

Ткачиха Трехгорки Топчевская: "Для меня Троцкий и его свора хуже Гитлера! Тот, хоть скинул личину! А эта сволочь Радек, как он обманывал нас, лгнул, извивался. Я бы хотела убить его собственной рукой!"

М. М. Васильева не одинока в своем благородном порыве. Быть может, родится новый почин, всенародное движение женщин-палачей...

Секретарь парткома Беляева: "Мы должны выудить всю троцкистско-фашистскую банду предателей и возглавляемых Б у х а р и н ы м предателей из лагеря правых. Ненависть кипит в сердцах рабочих и работниц Трехгорки. Мы должны стать чекистами".

Да, есть женщины в русских парткомах...

"Б у х а р и н, Р ы к о в и все, кто был с ними, должны быть призваны к ответу. Надо тщательно проверить, какова была степень их участия в преступлениях троцкистской банды!" — таково единодушное требование коллектива завода им. Войтовича.

Сдается, что Николаю Ивановичу собираются присудить высшую награду, то бишь м е р у за многолетнюю и беспорочную борьбу с троцкизмом.

Ленинград. Старейшая работница фабрики "Скороход" Воронова: "Мы уверены, что органы НКВД будут еще зорче охранять интересы нашего народа и, как зеницу ока, беречь наших вождей. А мы в этой работе будем им всячески помогать".

Это раньше говорили: "У женщины дорога от печки до порога". Теперь у нее на выбор два пути: либо в палачи, либо в охранники.

Тбилисский паровозоремонтный завод: "Уничтожить подлецов всех до одного!"

Академик А. Палладин: "Требуем полного уничтожения всей этой банды".

Народная артистка Яблочкина: "От презренных людей надо раз и навсегда очистить нашу землю".

Статья П. Лапинского "Чудовищное, но последовательное развитие".

26 января

Передовая "Троцкистские изверги, душители народа": "Они будут стерты с лица земли".

А. Толстой "Сорванный план мировой войны". Профессионально проводится аналогия между Троцким и ... Ставрогиным.

Якуб Колас: "Они не имеют права жить!"

Не спутайте, потомки, это не Колас "милость к падшим призывал", — это Пушкин.

Алексей Стаханов, Макар Мазай: "Стереть с лица земли Пятакова, Радека, Сокольников и всю их подлую банду! Мы требуем расследовать до конца гнусную роль Бухарина, Рыкова. Пощады не будет никому!"

Ученые-химики профессора Б. Климов, А. Н. Несмеянов, В. Н. Николаев, О. Е. Звягинцев осудили и заклемили.

Открылся Московский институт косметики. В первый день его посетили около 100 человек.

Из стихотворения Александра Жарова:

Верховный Суд!
Ударь по грязным лапам
Чудовищ, сеявших войны пожар,
Так, чтоб блудливый выкормыш гестапо
Иуда-Троцкий чувствовал удар!

27 января

Передовая "Троцкистские мародеры — лазутчики интервенции".

Шапка: **МЫ БУДЕМ БИТЬ ВРАГА СТАХАНОВСКОЙ РАБОТОЙ!**

"Мы требуем беспощадной расправы с подлыми преда-

телями нашей великой Родины. Мы требуем уничтожения подлых выродков”.

Академики: В. Комаров, А. Бах, Б. Келлер, А. Архангельский, Н. Вавилов, Н. Горбунов, И. Губкин, Г. Кржижановский, А. Терпигорев.

Заслуженные деятели науки: Н. Образцов, Е. Павловский, А. Сперанский.

Профессора: В. Вегер, В. Высоцкий.

”Нет места на земле этой банде!” — из резолюции собрания московских композиторов и музыкальных деятелей.

28 января

Николаю Ивановичу Е ж о в у присвоено звание Генерального Комиссара Государственной безопасности.

Я. И. Алкснис утвержден заместителем Наркома Обороны и командующим ВВС, В. М. Орлов — заместителем Наркома и командующим ВМС.

Академик Богомолец: Они должны быть уничтожены.

А. Корнейчук: Расстрелять гадов!

Статья Всеv. Иванова ”Чудовища”.

Генеральный комиссар Госбезопасности Г. Г. Ягода переведен в запас.

”Истребить изменников!” — требует коллектив Арктического института: профессора Р. Самойлович, В. Ю. Визе, доктор геологических наук Н. Н. Урванцев и др. (всего 170 подписей).

ГНУСНЫЕ ПОДОНКИ

”Раз и навсегда раздавить фашистскую гадину” и пр. Подписи:

Заслуженные деятели искусств: А. Герасимов, С. Герасимов, К. Юон, Д. Моор, Е. Лансере, Е. Кацман, И. Машков, И. Грабарь, М. Черемных, Д. Штеренберг.

Художники: Фаворский, Перельман, Соколов-Скаля, Иогансон и др.

Скульпторы: И. Шадр, Б. Мухина, С. Лебедева, С. Меркуров и др.

29 января

Народное ликование по поводу присуждения звания

Ежову — поздравительные письма коллективов трудящихся.

Речь Вышинского: Требую только смерти!
Зарубежная информация "Гестапо в смятении"

Казачья песня

Из-за Дона, Терека, Урала
Клич единый по стране летит:
Мало вырвать у гадюки жало,
Надо гаду голову срубить!

Из стихотворения П. Маркиша ЗА ВСЕ МЫ ВОЗДАДИМ:

На бойни гнать бы вас с веревками на шеях,
Чтоб вас орлиный взор с презреньем провожал
Того, кто родину, как сердце, выстрадал в траншеях,
Того, кто родиной в сердцах народов стал.

Здесь не все вполне ясно. Родиной в сердцах народов мог стать только Сталин, однако в траншеях ему бывать не доводилось. Может речь идет о двух лицах? Тогда второй, без сомнения, Ворошилов. Нам неизвестны, правда, его траншейные подвиги, но простим автору поэтическую вольность. Тем более, образ вождя, наблюдающего, как осужденных ведут на б о й н ю, звучит свежо и актуально. Возможно по этой причине Маркиша взяли не тотчас, как Ясенского, а через десяток с лишним лет. Или стихи в ЧК котировались выше прозы.

Народный артист Москвин: "СУД НАРОДА".

30 января

Долгожданный приговор: 13 человек — к высшей мере, Сокольников, Радек, Арнольд — 10 лет тюремного заключения, Строилов — 8 лет.

Вот и уразумей логику пролетарского суда! Радеку, на которого извели столько желчи и чернил, сохранена жизнь, а людей малоизвестных уничтожают. Что это за упражнение для религиозного чувства: одобряйте, потому что абсурдно. И одобряют.

Из последнего слова Р а д е к а: ... "Не следователи нас мучали, а мы их мучали... На мне еще одна вина. Я долго не выдавал Бухарина. Я ждал, что он сам даст честные показания советской власти. Я не хотел приводить его связанного в Наркомвнудел... Я обращаюсь к тем, кто были с нами связаны. Идите с повинной... Хочу перед смертью принести маленькую пользу".

Кто может, пусть комментирует т а к о е. Мы не в силах.

Из стихотворения В. Лебедева-Кумача —

СПАСИБО ПРОЛЕТАРСКОМУ СУДУ

Как колокол набатный прогудела
Страна от возмущения дрожа.
Спасибо вам, бойцы Наркомвнудела,
Республики великой сторожа.

В заголовке — благодарность суду, а в тексте — охране. Впрочем, все знают, что это одно и то же.

Герои Советского Союза А. Ляпидевский, В. Молоков, И. Доронин, М. Водопьянов: "Они получили по заслугам!"

Народная артистка Корчагина-Александровская: "Я аплодирую пролетарскому суду".

Профессора Сперанский, Павловский и др.: "Истинно народное правосудие".

Наглядный и поучительный пример гражданского долга. Эти ученые мужи не поленились вторично выступить в ходе одного процесса.

Л. Фейхтвангер. "ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОБ ЭТОМ ПРОЦЕССЕ".

"С удовлетворением можно констатировать, что процесс пролил свет на мотивы, заставившие подсудимых признать вину. Тем, кто честно стремится установить истину, облегчается таким образом *возможность расценивать эти признания как улики*" (курсив наш. — Авт.).

Итак, улик не нашлось, за неимением таковых можно оперировать признаниями. Почтенный литератор не сделал открытия. Именно в этом состоит вклад в юриспруденцию,

сделанный Вышинским. Что до мотивов признаний, то их следует искать не в огромном зале Дома Союзов, а в уютных кабинетах лубянских следователей. Можно не сомневаться, что сам Фейхтвангер, попади он туда, дал бы суду любые требующиеся улики, вплоть до признания, что он приемный отец Гитлера.

1 февраля

Сообщение о митинге, который состоялся 30 января на Красной площади. Присутствовало 200 тыс. человек. Выступления Н. С. Хрущева, Н. М. Шверника, акад. Комарова и др.

Все, конечно, одобряют и приветствуют.

В Ленинграде 100-тысячный митинг на пл. Урицкого.

В. Чижевский: "ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ СТРАТОПЛАН":

Высказана мысль о заброске людей на Северный полюс с помощью стратоплана.

1 февраля проводится Всесоюзная перепись скота.

Страна понемногу возвращается к нормальной жизни.

2 февраля

Постановление ЦИК и СНК "О повышении пенсий инвалидам гражданской войны".

Управились с врагами — позаботились о народе. Пенсии, правда, не чрезвычайные. Инвалид 1-ой группы будет получать 65 руб. в месяц. На эти деньги можно приобрести 2,5 кг масла или 10 бутылок водки.

НАШ ОТВЕТ ВРАГАМ — СТАХАНОВСКАЯ РАБОТА

4 февраля

Передовая "Крепнет советская государственность".

5 февраля

Статья Н. Крыленко "Враг народа Троцкий".

Последний непосредственный отклик на процесс.

Мы просим прощения у читателя за то, что ворошим перед ним этот, с позволения сказать, материал. Но без этого многое из того, что произошло, совершенно непонятно.

Смеем утверждать, что без этой всеобщей поддержки многое не могло бы произойти.

Два прошедших процесса — несомненно крупные самостоятельные события. Но они одновременно генеральная репетиция центрального события 1937 г. — процесса военных, события, имевшего для страны катастрофические последствия. По этой причине мы осветим и те месяцы, которые остались до суда над Тухачевским и его товарищами.

11 февраля

Пушкинские празднества в Большом театре. Присутствует весь иконостас во главе со Сталиным.

А. Сванидзе. "К вопросу о хеттах и их родстве с грузинскими племенами".

18 февраля

Постановление СНК об ученых степенях и званиях.

19 февраля

Официальное сообщение: ВЧЕРА В 5-30 ВЕЧЕРА СКОРОПОСТИЖНО СКОНЧАЛСЯ Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Фото: вожди у гроба. Газета в траурной рамке, то же 20 и 21-го.

Статья М. Тухачевского "Командарм тяжелой индустрии", много других статей о покойном.

Орджоникидзе убрали, но в отличие от других жертв Сталина хоронят с подобающей помпой.

26 февраля

Межлаук назначен Наркомом тяжелой промышленности на место Орджоникидзе.

Ни слова о начавшемся в этот день Пленуме ЦК.

4 марта

Майор Спирин: "БЕСПОСАДОЧНЫЙ ПОЛЕТ ВОКРУГ ЗЕМНОГО ШАРА".

6 марта

Информационное сообщение о Пленуме ЦК, проходив-

шем 26 февраля — 5 марта. Повестка дня: 1) О партийной работе в связи с выборами, 2) хозяйственно-партийное строительство, 3) об антипартийной деятельности Бухарина и Рыкова (исключены из партии).

Резолюция по докладу Жданова о парработе.

11 марта

Доклад Жданова на Пленуме ЦК 26 февраля.

13 марта

20 ЛЕТ СО ДНЯ СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ.

14 марта

М. Москалев БОРЬБА БУХАРИНА И РЫКОВА ПРОТИВ ПАРТИИ В 1917 г.: "Эти люди ... оказались агентами фашистской буржуазии".

17 марта

Собрание московского партактива. Доклад Хрущева: "Некоторые директора и даже наркомы думают, что и не было и нет вредительства". Сообщает о выступлении Сталина на Пленуме.

18 марта

Активы наркоматов по итогам Пленума.

20 марта

Л. Фейхтвангер "ЕВРЕИ В СССР И В ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ":

"Величайшее утешение и облегчение испытываешь, когда от германских событий обращаешь взор на судьбу евреев в СССР".

21 марта

Партактив в Ленинграде. Доклад Жданова.

23 марта

Москва готовится принять волжские воды.

29 марта

Речь Сталина на Пленуме 3 марта. Вчера речь передавалась по радио, сегодня будет повторена дважды.

1 апреля

Заключительное слово Сталина на Пленуме 5 марта.

Теперь народ знает, что террористы и вредители — не одиночки, не выродки и отщепенцы, а массовое закономерное явление.

Проф. Е. Тарле "Шпионаж и диверсии как продолжение политики буржуазного государства".

Прогрессивные ученые всегда под рукой!

2 апреля

Передовая "ПРЕТВОРИМ В ЖИЗНЬ ЛОЗУНГ ПАРТИИ": "Природа большевизма не терпит бездействия так же, как физическая природа не терпит пустоты".

Руки чешутся...

Вл. Сорин "БОРЬБА БУХАРИНА И РЫКОВА ПРОТИВ ПАРТИИ ЛЕНИНА—СТАЛИНА" (исторический очерк).

"ПОБЕДА СОВЕТСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ": Д. Ойстрах, Е. Гилельс, М. Козолупова.

4 апреля

Сообщение об отрешении от должности Наркома Связи Г. Г. Ягоды: в связи с обнаруженными должностными преступлениями уголовного характера дело передать следственным органам.

Поистине роковой это пост Наркома Связи. Сидел на нем Рыков — оказался антипартийцем, сменивший его Ягода за несколько месяцев влип в уголовное дело (потом выяснится кое-что похуже). Ая-яй! Как никак столько лет возглавлял ОГПУ и НКВД... Назначат командарма И. А. Калепского — и тому не сносить головы. Но уже по-тихому.

11 апреля

Явка с повинной: "За последнее время в угрозыск Тбилиси явилось свыше 100 рецидивистов. Многие уже устроены

на работу. Несовершеннолетние направлены в детские колонии”.

Идиллия! Сейчас не до уголовников — они ”социально близкие” для кремлевских правителей и нечего ими загружать лагеря и тюрьмы.

21 апреля

В. Молотов ”НАШИ ЗАДАЧИ В БОРЬБЕ С ТРОЦКИСТСКИМИ И ИНЫМИ ВРЕДИТЕЛЯМИ, ДИВЕРСАНТАМИ И ШПИОНАМИ”.

23 апреля

СТАЛИН, МОЛОТОВ, ВОРОШИЛОВ, ЕЖОВ на канале Москва-Волга.

29 апреля

О снижении розничных цен на промтовары

1 мая

А. Вышинский ”ДВЕ СИСТЕМЫ — ДВЕ ДЕМОКРАТИИ”: ”Пролетарская демократия *всегда выше* буржуазной демократии, являясь воочию следующей, более высокой ступенью развития демократизма”.

Именно я в л я я с ь воочию...

8 мая

В. Антонов-Саратовский ”О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ ВРЕДИТЕЛЬСТВА НА ЮРИДИЧЕСКОМ ФРОНТЕ”: ”Работники юстиции, призванные к борьбе с врагами народа, ... проглядели врагов в собственной среде.

11 мая

НЕ СООБЩАЕТСЯ об освобождении маршала Тухачевского от обязанностей первого заместителя наркома обороны и назначении его командующим приволжским военным округом.

17 мая

Передовая: ”СОВЕТСКИЙ ЗАКОН НЕРУШИМ”.

22 мая

21 МАЯ "ОДИННАДЦАТЬ ОТВАЖНЫХ СЫНОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЫ — высадились на Северном Полюсе.

Полюс взят нами!"

М. Водопьянов "БОЛЬШЕВИКИ НА ПОЛЮСЕ".

23 мая

Передовая "БОЛЬШЕВИСТСКИЙ РОМАНТИЗМ".

7 номеров газеты 22—29 мая отведены целиком штурму Полюса.

Между тем 26 мая арестован маршал Тухачевский, в те же дни арестованы другие военачальники.

30 и 31 мая по пути в Москву на заседание Военного Совета схвачены Якир, Примаков, Уборевич.

1—4 июня проходят заседания Военного Совета при Наркоме Обороны. Об этом тоже не сообщается в те дни в газетах.

3 июня

Награждение работников Большого Театра.

4 июня

Награждены орденами музыкальные педагоги: Столярский, Ямпольский, Цейтлин, Гнесина и др.

лауреаты конкурсов: Давид Ойстрах, Эмиль и Лиза Гилельсы, Буся Гольдштейн, Марина Козолупова, Яков Флиер, Абрам Дьяков.

5 июня

Передовая "ПОЛИТИЧЕСКАЯ И МОРАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ НАШИХ КАДРОВ". Рассказывается о методах вербовки советских граждан иностранными резидентами. В заключение: "Большевиков запугать нельзя. Бесстрашно борясь с врагами народа, большевики всю силу диктатуры пролетариата направляют на уничтожение двурушников, шпионов и диверсантов, без остатка выкорчевывая их со всеми корешками и последышами".

ПЛЕНУМ ЦК КП(б)У: избрано Политбюро, в составе которого уже нет Якира.

Пленум Исполкома Ленсовета: "Вывести из состава Исполкома Свешниова, Примакова и Васильева как разоблаченных врагов народа".

6 июня

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ. Открывает Хрушев: "Только что проходила работа Московской городской конференции, где... были проведены выборы ГК, куда были избраны проверенные, преданные делу партии большевики. Однако в состав ГК попал также троцкистский предатель, изменник Родины, враг народа Г а м а р н и к. Этот факт еще раз говорит о том, что враг подло маскируется".

Ловко формулирует Никита Сергеевич: проверенные большевики были и з б р а н ы, а враг народа Гамарник попал в ГК.

8 июня

Передовая: "СВЯТО БЛЮСТИ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ".

МОСКОВСКАЯ ПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ. С. М. Б у д е н н ы й рассказал "о гнусной работе шпионов и диверсантов из среды троцкистов и правых".

9 июня

В СНК СССР: "О привлечении к судебной ответственности виновников недостачи НИТОК".

Правительство постоянно думает о нуждах народа!

МОСКОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. Член Совета МВО Т р о я н к е р сообщил "о попытках шпионов и предателей ослабить могущество страны... Подлый двурушник Г а м а р н и к вел предательскую работу" ...

10 июня

Передовая "БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ЕДИНСТВО И СПЛОЧЕННОСТЬ".

Дм. Кутузов. "ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ". Концепция Радека — Тарле о Наполеоне.

МЕДИЦИНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ клеймит позором насильника и садиста Плетнева (в 1938 г. проф. Плетнев предстанет как подсудимый на процессе Бухарина-Рыкова).

11 июня

Передовая "МЕТАЛЛУРГИ, В НАСТУПЛЕНИЕ".

На второй полосе "В ПРОКУРАТУРЕ СССР".

"Дело арестованных органами НКВД в разное время Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова и Путны" (полный текст сообщения приводится нами в главе **АССАМБЛЕЯ НА НИКОЛЬСКОЙ**).

РЕДАКЦИЯ против того, чтобы Тарле связывать с Радком и называть фальсификатором. Тарле не марксист, но книга хорошая...

Видимо, позвонил Сталин, которому уже тогда понравилась книга, а еще больше сам Наполеон.

В Москву приезжает футбольная команда басков.

12 июня

Передовая "СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ УДАР ПО ФАШИСТСКОЙ РАЗВЕДКЕ".

"Мы отнюдь не собираемся проигрывать сражения в войне, которую всеми силами и средствами пытается навязать нам фашизм. Наоборот, напавшего на нас врага будем бить на его территории до полного уничтожения".

"ПРИГОВОР СУДА — АКТ ГУМАННОСТИ".

Сообщение о приговоре: **"ВСЕ К ВЫШЕЙ МЕРЕ".**

"РАБОЧИЕ МОСКОВСКИХ ЗАВОДОВ И ФАБРИК ЕДИНОДУШНО ОДОБРЯЮТ..."

Шарикоподшипник: **"ПУСТЬ СОДРОГНУТСЯ ЛАЗУТЧИКИ ФАШИЗМА".**

Электрокомбинат им. Куйбышева: **"ДРУГОГО ПРИГОВОРА БЫТЬ НЕ МОЖЕТ".**

Завод им. Лепсе: **"ПРИГОВОР — СВИДЕТЕЛЬСТВО НАШЕЙ МОЩИ".**

"Динамо": "ЗАСЛУЖЕННАЯ КАРА".

**"Калибр": "И ВПРЕДЬ БЕСПОЩАДНО УНИЧТОЖАТЬ
ВРАГОВ НАРОДА,**

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НЕ ОТСТАЕТ ОТ ГЕГЕМОНА".

Народный артист Л. М. Леонидов: **"РАССТРЕЛ — ЕДИН-
СТВЕННАЯ МЕРА ДЛЯ ШПИОНОВ".**

Архитектор Н. Я. Колли: **"Справедливый приговор".**

Президиум Академии Наук СССР (В. Комаров, Н. Горбунов): **"ПРЕДАТЬ ИХ ПОЗОРНОЙ СМЕРТИ".**

Старички, не горячитесь! Они уже мертвы, ваши защитники.

Писатели: **"МЫ ТРЕБУЕМ РАССТРЕЛА ШПИОНОВ! МЫ
ВМЕСТЕ С НАРОДОМ В ЕДИНОМ ПОРЫВЕ ГОВОРИМ —
НЕ ДАДИМ ЖИТЬЯ ВРАГАМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА".**

Ставский, Лахути, Вс. Иванов, Вишневский, Фадеев, Леонов, Малышкин, Панферов, Новиков-Прибой, Федин, Павленко, Шолохов, А. Толстой, Тихонов, Погодин, Д. Бедный, Гладков, Бахметьев, Тренев, Сурков, Безыменский, Ильенков, Юдин, Кирпотин, Микитенко, Серафимович, Кириленко, Луговской, Сельвинский, Голодный, Пастернак, Шагинян, Караваева, Макаренко, Гидаш, Бехер, Вайнер, Вольф, Слонимский, Лавренев, Прокофьев, Н. Асеев и др.

Пламенный привет советским литераторам — доблестным чекистам пера! Россияне, никого не забудьте из тех, кто пишет и выступает от вашего имени!

Академик С. Вавилов выразил единодушное мнение коллектива Оптического института, **ПОТРЕБОВАВ БЕСПОЩАДНОЙ РАСПРАВЫ** и пр.

Собрание сотрудников 2-ой клинической больницы 1-го Мединститута: **"ТРЕПЕЩИТЕ, ГАДЫ!"**

14 июня

Передовая **"СВЯЩЕННА И НЕПРИКОСНОВЕННА НАША
ЗЕМЛЯ".**

“... Поражение — не наш удел, нас может ждать только победа...”

... Ни одного шага не смогут пройти по советской земле кровавые Мальбруки фашизма”.

ПРИКАЗ НАРКОМА ВОРОШИЛОВА: “С 1 по 4 июня в присутствии членов Правительства заседал Военный Совет при НКО. Был заслушан мой доклад о раскрытии НКВД предательской, контрреволюционной, фашистской организации... Конечной целью этой шайки было — ликвидировать во чтобы то ни стало и какими угодно средствами Советский строй в нашей стране уничтожить в ней Советскую власть, свергнуть рабоче-крестьянское правительство и восстановить в СССР ярмо помещиков и фабрикантов...”

Логично и потому убедительно: сначала ликвидировать строй, потом уничтожить власть, после чего ничего не остается, как восстановить ярмо...

УМЕРЛА М. И. Ульянова.

К. Вольский **“ЧЕРНАЯ ПЯТНИЦА ФАШИСТСКОЙ РАЗВЕДКИ”**.

“ВСЕ НАРОДЫ СОЮЗА ПРОКЛИНАЮТ ИХ”, — пишут из колхозного санатория в Гурзуфе молодые колхозницы.

Академик И. Орбели: **“ИСТРЕБЛЕНИЕ ИХ — НАШ СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ”**.

Человек огромной культуры, директор Эрмитажа...

Академик С. Вавилов: **“ИСТОРИИ ВСПЯТЬ НЕ ПОВЕРНУТЬ”**.

Сергей Иванович, вы же больше по оптике, но все равно... быть вам президентом Академии.

Алексей Толстой **“РОДИНЕ: Бдительность, бдительность!”** “Ставрогин — потенциальный троцкист (...) Как будто бы выходит, что каждый гражданин, не любящий свою родину, — троцкист, диверсант и шпион. Да, так выходит. Такова форма нашей революции...”

Да, граф, такова форма в а ш е й революции, после нее каждый гражданин становится диверсантом и шпионом. Не надо причастных оборотов. И насчет Ставрогина вы напрасно сделали оговорку. 26 января сего года вы изволили выразиться определеннее касательно того, что Троцкий — это и есть Ставрогин. Впрочем, правительство ценит ва-

ши услуги. Вы понадобятся при расследовании уничтожения польских офицеров в Катынском лесу...

Академик Н. И. Вавилов (в числе других): "ЧЕСТЬ И ХВАЛА СЛАВНЫМ РАБОТНИКАМ НКВД!"

Напрасно, Николай Иванович, вы им лижете пятки, все равно они вас уничтожат...

Н. Тихонов: "ЕСЛИ БЫ ВОСЕМЬ ШПИОНОВ НЕ БЫЛИ ИСТРЕБЛЕНЫ, СКОЛЬКО ЖЕРТВ ВЫРВАЛИ БЫ ОНИ ИЗ РЯДОВ ЗАЩИТНИКОВ СВОБОДЫ".

Очевидно, поэт Тихонов придерживался такого мнения до своей смерти в 1979 году. По крайней мере, он не нашел случая публично отказаться от своих слов.

П. Маркиш "ОТНЫНЕ НАМ БЫВАТЬ ВЛАДЫКАМИ СРАЖЕНИЙ":

Мы сопрягли хребты с хребтами воедино.
На тучи, на ветра свою простерли власть.
Где надобно, у нас раскинулась долина,
Где надобно, в лазурь вершина вознеслась.

(Перевел Д. Бродский)

Народу нашему слишком памятно, что вышло, когда владыками сражений взамен Тухачевского и Якира стали хозяева Маркиша. Но полет фантазии в части правительственного руководства организацией природы — бесподобен. Такому позавидовал бы даже Александр Христофорович Бенкендорф.

"ХУДОЖНИКИ И СКУЛЬПТОРЫ МОСКВЫ ПРИСОЕДИНЯЮТ СВОЙ ГНЕВ К ГНЕВУ МИЛЛИОНОВ ТРУДЯЩИХСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА".

Народный артист Хмелев: "НАВЕК ИМ ПОЗОР И ПРОКЛЯТЬЕ".

Народная артистка Тарасова: "ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ ПОСТИГЛА ЗАСЛУЖЕННАЯ КАРА".

20 июня

"НАЧАЛСЯ ПЕРЕЛЕТ ЧКАЛОВА—БАЙДУКОВА—БЕЛЯКОВА ПО МАРШРУТУ МОСКВА—СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС—АМЕРИКА".

21 июня

“ПЕРЕЛЕТ УСПЕШНО ЗАВЕРШЕН”.

28 июня

“НАГРАЖДЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ЭКСПЕДИЦИИ НА СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС”.

Представление окончено. В прологе и эпилоге эффектно использованы авиационные полеты — на полюс и через него. Зрители разошлись в намерении вернуться к своим повседневным занятиям. Но брошенные в их души семена ненависти и одичания дали буйные всходы. В обыденную жизнь прочно вошли — доносы, посадки, приговоры, расстрелы, лагеря и СТРАХ. Страх иссушающий, всепоглощающий, доводящий до безумия, до потери человеческого облика. То, что раньше было тщательно маскируемым уделом отдельных групп и сословий, выплеснулось наружу и растеклось во все концы советской земли, стало плотью народного бытия. За короткий срок усилиями внутреннего супостата и его многочисленных пособников — активных и пассивных — страна была обескровлена и деморализована. Лишенная своих лучших защитников она превратилась в соблазнительную добычу для внешнего завоевателя. Он не заставил себя ждать.

Из газетных материалов видно, что Сталин действовал не единолично, а совместно с многочисленными сторонниками, точнее будет сказать — соучастниками. В этой роли — помимо прямых пособников (исполнителей) из карательных, партийных и прочих органов — выступали те, кого принято называть *о б щ е с т в е н н о с т ь ю*: наиболее активные ученые, рабочие, крестьяне, деятели искусств. В СССР эта публика замещает народ в большинстве социальных процессов, она обильно и охотно говорит от имени народа и вместо него. Сталин, как и всякий диктатор, мог вынашивать любые далеко простирающиеся замыслы, но без единодушной поддержки общественности не сумел бы осуществить и сотой доли задуманного.

В силу особенных условий общественность наша носит элитарный характер. Это не совокупность людей, питающих интерес к политике и активно ею занимающихся, как на Западе. В Советском Союзе общественность образуют те, кто добился заметных успехов или влияния в своей профессиональной области: ученые с мировым именем, знаменитые артисты и писатели, высококвалифицированные рабочие, прославленные летчики, герои войны и т. д. Мы оставляем в стороне вопрос о подлинности их заслуг, нам достаточно знать, что они **в ы д е л я ю т с я** из среды своих коллег.

Роль советской общественности не та, что у западной. Наша не может воздействовать активно на политику правительства. Она предназначена исключительно для публичного *одобрения* действий государства, отнюдь не для их критики или деформации. Но в силу дуализма подобного рода явлений она получает в свои руки серьезное оружие. Человек, которому дозволяется только рукоплескать, может, не нарушая установленного порядка, остаться бездеятельным, **п р о м о л ч а т ь**, даже если у него отняли возможность возражать. Такая форма пассивного неодобрения вполне допускается советским режимом. Остается выяснить, почему общественность ею не воспользовалась. В этом контексте мы будем оценивать ее поведение не с горних высот общечеловеческой морали, а с учетом возможностей и свойств той среды, в которой ей приходилось действовать.

Деспотическая власть стремится отнять у подданных возможность выражения собственного мнения и, увы, слишком часто преуспевает в этом. Ей, понятно, хочется большего: чтобы каждый поступок власти получал одобрение населения и его представителей. В этом начинании положение правителей менее обеспечено, и полнота успеха не всегда такая, как хочется.

Здесь нет ничего удивительного. Чтобы не дать высказаться несогласным, их **п о д а в л я ю т**: лишают трибуны, изгоняют со службы, заключают в тюрьму, расстреливают. А вот чтобы обратить неверующих или хотя бы получить их гласное одобрение, приходится прибегать к

убеждению, агитации. Если вдуматься, иначе быть не может.

Конечно, методы убеждения могут быть предельно грубыми и агрессивными, в них могут звучать, иногда преобладать, угрожающие мотивы. Однако до осуществления подобных угроз дело обычно не доходит, что закономерно. В России народ извечно безмолвствует; иными словами, подавляющее большинство предпочитает не раскрывать своего отношения к действиям власти, да и к ней самой. С этим ничего не поделаешь. Правители всегда мирились с такой скрытностью, помалкиванием, недостаточной сознательностью. Никакой нет возможности подвергнуть преследованию каждого гражданина, который молчит или кричит "ура" недостаточно громко. В конце концов, это физически нереализуемо, попросту говоря, никогда не найдется нужного числа гонителей, исполнителей, карателей.

Можно избрать другой путь: пытаться воздействовать на представителей народа и выдавать их мнение за голос всего народа. Именно так поступают в СССР. При этом, однако, главную роль все равно отводят убеждению, внушению, уговорам, подкупу, обману, лести — не насилию. Можно даже не ссылаться на общие соображения, достаточно указать, что факты последовательного принуждения к публичному выступлению попросту неизвестны. Кто осмелится, не кривя душой, утверждать, что его под дулом пистолета или угрозой кутузки заставили написать письмо в газету с одобрением расстрела Тухачевского и Якира? Напротив, известны случаи, их довольно много, когда почтенные граждане яростно потели и тужились, восхваляя деяния Сталина, — и все же не сносили головы.

Писатели Леонид Леонов и Константин Федин вкупе с другими собратьями по перу одобрили казнь военных, а писатели Михаил Пришвин и Константин Паустовский нашли в себе силы промолчать, ... но остались на свободе и окончили жизнь с чистой совестью и незапятнанным именем. Нечего и говорить, что нет в этом кровавом списке таких дорогих нашему сердцу имен как Михаил Булгаков, Осип Мандельштам, Андрей Платонов...

Сочинив серию статей, наполненных апологией расстре-

лов, писатель Бруно Ясенский вскоре помер с голоду на лагерных нарах. Поэт Перец Маркиш писал в те дни стихотворения, кои иначе как людоедскими не назовешь, но через десяток с небольшим лет нашел смерть под пулями сталинских охранников. Значит, прислужничество палачам не давало гарантий личной безопасности.

Мотивы соучастия были разнообразные. Одних увлекало стадо озверевших носорогов, робкие поддавались страху, слишком многие боялись думать. Лишь единицы сохранили человеческий облик и, даже оступившись, не пали окончательно.

Сколько сердец болезненно сожмется, натолкнувшись в своре литературной сволочи на имя великого Пастернака. В пятидесятых поэт заявил, что подпись была выставлена в газете без его согласия¹. Тогда же он опубликовал свой роман, который стал ценнейшим свидетельским показанием эпохи. Александр Твардовский после того, как запустил — вместе с другими — кампанию травли Пастернака, до самой смерти испытывал жгучее раскаяние и содейл много доброго для российской литературы. Он открыл читателям Солженицына и мужественно поддерживал его, пока не лишился редакторского поста.

Были и другие, как Булгаков и Платонов, продолжавшие творить великую литературу в безвестности и нищете, но не прельстившиеся синекурами и тиражами. Их судьба, их поведение — тяжелый укор продавшимся, опровержение их бесстыдной лжи. Мы уже не говорим о тех, кто, подобно Мандельштаму и Пильняку, погиб за право писать правду.

Сказанное про писателей, справедливо для других отрядов общественности. Невозможно также обойти молчанием роль и поведение западной интеллигенции. Как не вспомнить, что многочисленные ее представители — самые, самые: прогрессивные, либеральные, мыслящие, чуткие, прославленные, совестливые — оправдывали сталинские преступления, относились к ним с пониманием, нередко их приветствовали. Мало этого — они набрасывались с грубой бранью на всякого, кто на Западе пытался разоблачить советский террор.

Не пожалеем места, чтобы назвать сталинских адвока-

тов в среде западной интеллигенции. Ромэн Роллан, Бернард Шоу, Ж. П. Сартр, Лион Фейхтвангер, Анри Барбюс, Бертольд Брехт, Теодор Драйзер, Джон Притт, Пьер Дэкс² — это далеко не полный перечень, он включает только самые известные имена. У нас нет ни времени, ни желания разбираться в мотивах их позорного поведения. Мы только ни за что не поверим, что они не могли видеть правду. Если вовремя отшатнулся Андре Жид, если сразу все поняли Кестлер и Оруэлл — значит, такие вещи были доступны пониманию других. Там же на Западе находился крупнейший русский философ XX века Николай Бердяев, который после 15 лет эмиграции написал в 1937 году:

”Одна безобразная инсценировка советских процессов, в которых обыкновенно в одной и той же форме каются, может внушить отвращение ко всей системе”. (Истоки и смысл русского коммунизма. Книга вышла в 1937 на английском и французском; мы цитируем по русскому изданию: Париж, 1955, с. 121).

Что касается деятелей западных компартий — М. Тореза, П. Тольятти, Г. Поллита, Ю. Денниса, В. Пика, В. Ульбрихта, Б. Берута, М. Ракоши, Г. Димитрова, К. Готвальда — то они сами были активными соучастниками Сталина и отправили в застенки НКВД не одну сотню своих партийных товарищей.

Почему же здесь, в СССР, подписывали и кричали? Нам кажется, что как правило, руководящие мотивы были — подлость и корысть. Попытаемся разъяснить.

Войдем ненадолго в положение власти. Позарез необходима единодушная поддержка общественности, а убедить ее чертовски трудно. Имеется, оказывается, выход. Нужно присваивать звание представителей народа тем только, кто согласен одобрять, а прочих достаточно обойти своим благосклонным вниманием. Пусть упрямы строят мосты, хлеб растят и поют арии из опер — ничего не поделаешь, без этого государство существовать не может. Но молчать от имени народа им не будет дозволено, только от своего собственного. Не беда, что молчальников миллионы.

Безмолвие страшно и значимо, когда оно всеобщее, а тут оно покрывается истошными голосами одобрителей, достаточно многочисленных.

Где же в этом случае корысть? Да самая прямая. Тот, кто громогласно (искренность не принималась во внимание) поддерживал власть, причислялся к избранным, получал свою долю почета, орденов, званий и более вещественных благ. Ему разрешали выступать от лица всего народа, чем, конечно, немало льстили самолюбию и жажде признания. Раз к нему обращаются за поддержкой, следовательно, он и у ж е н. Нужен Родине. Эти простодушные люди легко подменяли родную страну государством, точно так же, как последнее выставляло их вместо народа. Выгода была и в том, что массовые избиения расчищали пути для карьеры, устраняли конкурентов, освобождали места у кормушки. Это была до крайности рискованная игра, и для многих она имела фатальный исход, но алчность редко сочетается с прозорливостью.

Перейдем к подлости. Большинство одобрителей сознавало, что своими подписями они скрепляют смертные приговоры, освящают от имени народа топоры в руках палачей. Они самочинно брали на себя право как бы предрешать решение суда, и без того эфемерного. Между тем они далеко не всегда располагали хоть какими-то доказательствами, как в случае с военными. Значит, они посылали на смерть людей, в виновности которых были по меньшей мере н е у в е р е н ы. В такой ситуации справедливый судья, всякий нормальный человек, обязан воздержаться от вынесения приговора, хотя бы приговора крайнего, необратимого.

Они утешали свою совесть рассуждениями вроде следующего: "Даже если обвиняемые невиновны (чаще говорили: в чем-нибудь да виновны, не станут предавать суду людей абсолютно безвинных), они все равно обречены. Власть слишком сильна и беспощадна. Я ничего не могу изменить в их судьбе. Лучше подписать — это чистая формальность, зато после этого меня оставят в покое".

Такие уловки дела не меняют. Протестовать против репрессий в тех условиях было равносильно самоубийству — таково было, в любом случае, всеобщее мнение.

Это подвиг, и требовать его от человека никто не в праве. Однако сохранить молчаливое достоинство и не броситься вместе с вооруженной толпой на одного беззащитного повелевает долг порядочного человека. Кто во имя личной выгоды или спокойствия устраивал охоты убийцам, тот подлец, пособник преступления и сам преступник.

Каковы бы ни были цели и методы государственного переворота, замысленного сталинской группой, он не мог произойти без широкой общественной поддержки. Эта поддержка придавала силу и размах намеченным репрессиям, не только позволяла их продолжать, но обеспечивала им видимость высшей законности, оправдывала в глазах собственного народа и всего мира. Она же затыкала рты и связывала руки оппонентам Сталина, убивала в них волю к сопротивлению. Они ощущали свое одиночество, беспомощность и бессилие не только перед сталинской карательной машиной, но и перед лицом народа.

Историческая удача карьеры Сталина основывалась в конечном итоге на том, что нашлось преизбыточно готовых к преступному услужению академиков и ткачих, романистов и токарей, хирургов и хлеборобов. Он опутал их круговой порукой совместно пролитой крови, подкупил спеппайками и барскими квартирами, которые раздавались на фоне всенародной скудости. Он освободил их совесть от сомнений и ответственности, возложив это бремя на свою совесть, которой у него никогда не было. Они пошли за ним и сделали из него своего идола, образец для подражания. Если им не удавалось во всем походить на своего вожда, то это происходило не от недостатка старания, а по той простой причине, что не все способны подняться до таких высот низости и коварства. В короткий срок они были накрепко прикованы к сталинской колеснице невидимыми цепями, которые прочнее любого металла. Обрывки этих цепей по сей день чувствительно хлещут по народным головам и спинам.

Они безжалостно избивали собственный народ, утопили его в ужасе и крови, но одновременно готовили ему еще более страшную участь. Потому что жертвы и разрушения военной поры полностью на совести Сталина и всех, кто

ему помогал — ретиво или нехотя, молча или с восторженным визгом. Кто кроважально рукоплескал и захлебывался от холопского экстаза при уничтожении всего лучшего в Красной Армии, тот в июне 37-го призывал июнь 41-го, горы трупов, позор отступления и выжженную землю Родины.

Не надобно семи пядей во лбу для соображения, что с армией дело обстоит принципиально иначе, чем с партией и разными прочими политическими институтами. Если там грызутся, борются, дерутся за портфели, кормушки, влияние, то таковы естественные правила игры. Люди затем и шли в партию, чтобы добиваться — власти. Стране было практически безразлично (одинаково плохо), когда один амбициозный и некомпетентный секретарь или нарком сменял другого. Не то с армией, которая существует для защиты Отечества — так, по крайней мере, принято думать. Поэтому, когда в схватке за власть обрушиваются на армию, которая в этой борьбе не участвует, страну ничего хорошего не ждет.

Справедливость требует отметить, что не все молчали. Рассказывают, что Рудзутак, Эйхе, Орджоникидзе, Постышев и ряд других возражали против массового избиения к а д р о в. (Ранее будто бы свое несогласие с к р а й н и м и формами террора выражали Киров и Куйбышев.) Знаменательно, что ими руководили не гуманистические, а узко утилитарные соображения. Но и этот запоздалый хилый протест не достиг цели, прежде всего потому, что он был келейным, кабинетным, тайным. Они не осмелились поделиться со страной своей тревогой. Да у них и не было на это морального права. Чересчур еще было памятно, как те же самые товарищи громили оппозиционеров, не жалея кулаков и глоток. Теперь они сами стали оппозицией и разделили ее закономерную участь.

Широкая общественность не поднялась даже до понимания практической невыгоды репрессий. Презрев элементарные чувства справедливости и сострадания, она витийствовала, глумилась над открытыми могилами и пустилась в кошунственный пляс на тризне своих лучших защитников. Позор вам, жалкие слепцы и продажные души! Кровью со-

отечественников подписывали вы свои раболепные каннибальские письма. Это вы накликали на Россию ее беспримерные несчастья.

До сих пор эти люди продолжают твердить, что они верили: верили в историческую правоту Сталина, верили в виновность его жертв. Однако вера и искренность побуждений суть вещи глубоко личные, интимные и мало подходят для мотивировки социального поведения. По этому поводу блестяще высказался незабвенный Аркадий Белинков:

”Искренность к тому, что человек делает, отношения не имеет и оправданием служить не может. От того, что Чингиз-хан или Гитлер искренне верили в свои человеконенавистнические идеи и, следуя им, старались уничтожить все, до чего удавалось дотянуть руки, преступления их не становятся меньше. Человек должен быть искренним. Но это не может быть единственной добродетелью, оправдывающей его сомнительные или злодейские поступки. Искренность не заменяет других добродетелей. Иногда она может заменить глупость. Но никогда ей не удавалось заменить ум”.

Помимо всего прочего, как следует оценивать мыслительные способности этих господ, которые столько лет слепо доверяли Сталину и принимали без доказательств все, что им говорили? Мы уже не спрашиваем, что можно сказать об их совести!

Призванные стать гордостью нации, они превратились в ее проклятье. Гадко и фальшиво звучат оправдания прислужников, переживших своего хозяина. Мы верили... Мы не знали... Нас заставили...

Что братья-академики Вавиловы в физике и генетике были столь же легковверны или там они каждый мельчайший факт подвергали многократной кропотливой проверке? Если в делах общественных им не было охоты доискиваться истины, почему они не предпочли промолчать?

Они не знали... Раскольников мог знать, знал и написал

об этом. Пильняк еще в 1926 году рассказал о ликвидации Фрунзе. У остальных было достаточно ума и информации, чтобы понять, каким образом НКВД фабрикует процессы. Если они и не знали, то потому только, что знать не хотели правды.

Их заставляли... Еще одна ложь. Отчего через много лет при развенчании культа ни один не поведаль, к а к его принуждали, и не отрекся от своих высказываний?

Советская общественность, интеллигенция особенно, знала и обязана была знать, коли брала на себя выражение народного мнения. Она предпочла другое. Она лизала залитые кровью руки тирана, а он взамен допускал ее к кормушке, наделял наспех сочиненными титулами и раздавал талоны на бессмертие.

На человеке ученом, интеллигенте, лежит неизбывный долг. Этот долг не материальный, он возникает не в связи с необходимостью расплатиться за полученное образование. Интеллигент обязан видеть дальше других и использовать свои знания на пользу людям. Говорить народу правду, предостерегать его от грозящих бедствий, указывать на его заблуждения и пороки, работать над тем, чтобы жизнь стала лучше, чище, справедливей — вот призвание и назначение интеллигенции. Это долг зрячего перед слепым, сильного перед слабым, мужчины перед женщиной, взрослого перед ребенком.

Не понимающий этой обязанности, пренебрегающий ею, все равно — из корысти, страха или легкомыслия — не в праве считаться интеллигентом. Более того, это человек нравственно и социально неполноценный. Ни одна система не осуществляет сама себя. Почему же у нас всегда преизбыточно охотников до вершения всяких несправедливостей и мерзостей и так мало — для честной и качественной работы?

Пусть народ знает имена своих злодеев — не ради отмщения и поношения, но чтобы навечно затвердить страшный урок.

Э П И Л О Г

Кровавое похмелье

*Пришли к победе. Победили
Самих себя и свой народ*

Коржавин

ЗАГОВОР ПРОТИВ МИРА

"Или, например, взять Германию. Уступили ей Австрию, ... уступили Судетскую область, бросили на произвол судьбы Чехословакию, нарушив все и всяческие обязательства, а потом стали крикливо лгать в печати о "слабости русской армии", о "разложении русской авиации", о "беспорядках" в Советском Союзе, толкая немцев дальше на восток, обещая им легкую добычу и приговаривая: вы только начните войну с большевиками, а дальше все пойдет хорошо... это тоже очень похоже на подталкивание на поощрение агрессора. Характерен шум, который подняла англо-французская и северо-американская пресса по поводу Советской Украины... Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований /.../

Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии, как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их куда-то подальше /.../

Мы не боимся угроз со стороны агрессоров и готовы ответить двойным ударом на

удар поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность Советских границ /.../

Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками /.../”

Сталин

Доклад на XVIII съезде, март 1939

Настала пора праздновать очередной триумф, но радость торжества имела горький привкус. Нет, не пролитая кровь и содеянная несправедливость мешали Сталину и его доблестным соратникам насладиться плодами победы. Их беспокоила обстановка в Европе, где в 1938 году ощутимо запахло новой войной.

Еще НКВД усердствовал в отлове и отстреле военачальников, когда потребность в сильной армии стала жгучей и настоящей. Гитлер начал свои завоевания. В течение 1938 года пали Австрия и Чехословакия. Слишком поздно западные лидеры осознали самоубийственность мюнхенской политики. Воспользовавшись их близорукостью и своекорыстием, Германия сбросила версальские путы, пробила брешь в оцеплении малых стран, которое с такими трудами возвела вокруг нее Франция.

Французы были уверены в своей военной мощи, англичане все эти годы серьезно к войне не готовились. Когда со дня на день наглекующая Германия оцетинилась в сторону Польши, западные союзники засуетились. Умиротворение агрессора сменилось запугиванием. Гарантии неприкосновенности, которые Англия и Франция поспешили дать полякам, представляли собой не только блеф, но и невольную провокацию. Не имея с Польшей общих границ, союзники не могли физически прийти ей на помощь, тем более, что их вооруженные силы были к этому не готовы. Польская армия была довольно многочисленной, но ее организационные принципы устарели, а современного вооружения не хватало. И в этом пункте англо-французская коалиция была покамест бессильна, так как сама остро нуждалась в танках и самолетах.

Гитлер испытывал искушение опровергнуть опрометчивый ход союзников. Он понимал, что благоприятная для него военная конъюнктура не будет существовать вечно. Англия уже приступила к перевооружению армии. Солидный экономический и инженерный потенциал позволял ей быстро наверстать упущенное, тем более, что за спиной маячил американский колосс. Следовательно, время для удара по Польше было самое подходящее. При одном условии — если не вмешается Россия. Гитлер это хорошо понимал.

О том же думали и западные союзники. Они надеялись, что возрождение франко-русско-английского союза предотвратит войну в Европе. Во всяком случае, считали они, если Советский Союз присоединится к гарантиям для Польши, Германия не выступит. Таким образом, летом 1939 года силовые линии европейских интересов сходились в Москве.

Нельзя сказать, что в Кремле этого не осознавали. Но к этому времени советское руководство состояло исключительно из дилетантов и выскочек. Во всяком случае все эти люди были совершенно некомпетентны в международной политике и большой стратегии. Раньше они все же прислушивались к мнению военных специалистов и дипломатов чичеринско-литвиновской школы. В период Большой Чистки аппарат НКО, Генштаб, стратегическая разведка и дипломатические кадры были разгромлены. Чудом уцелевший наркоминдел М. М. Литвинов оказался в полной изоляции. Он выглядел белой недобитой вороной в окружении людей, которые всю жизнь занимались интригами и расстрелами, не бывали за границей, слабо разбирались в дипломатической кухне и в силу объективных причин не смогли выучить географию¹. 4 мая 1939 года при перемене курса Литвинова отставили от дел.

Новый курс был достоин новых вершителей внешней политики. Оказавшись в фокусе европейского внимания, они немедленно обнаружили главную черту своей натуры: стали высматривать, чем поживиться. Им толковали о надвигающейся войне, в которую обязательно будет втянут СССР, они думали — о сиюминутных выгодах, прежде всего о территориальных приобретениях. (Здесь и далее, говоря о расширении территории, мы не будем рассматривать ни

этических аспектов, ни вопросов международного права. Нас будет интересовать голая государственная целесообразность: как эти присоединения отразились на обороноспособности страны.)

Архитектором внешней политики стал быстро входящий в силу А. А. Жданов, практические заботы взял на себя предсовнаркома В. М. Молотов, который по совместительству возглавил дипломатическое ведомство после удаления Литвинова. Еще весной 1939 Жданов высказался в том смысле, что Германия — достойный партнер и перспективный союзник. Политический строй, то бишь гитлеризм, — это внутреннее германское дело, а нам бы следовало отказаться от односторонней ориентации в международных делах. Литвинов, много радевший за англо-советское сближение, был, понятно, против, но ничего не мог поделать. Благо еще не объявили агентом британского империализма, что напрашивалось: он долго прожил в Лондоне и был женат на англичанке.

Ждановская идея упала на подготовленную почву. Сталин еще с трибуны XVII съезда делал реверансы в сторону Гитлера (26 января 1934 года):

”Как известно, во время первой империалистической войны тоже х о т е л и уничтожить одну из великих держав — Германию — и поживиться за ее счет. А что из этого вышло? Германию они не уничтожили, но посеяли в Германии такую ненависть к победителям и создали такую богатую почву для реванша, что до сих пор еще не могут, да, пожалуй, не скоро еще смогут расхлебать ту о т в р а т и т е л ь н у ю к а ш у, которую сами же заварили” (разрядка здесь и в следующих сталинских цитатах наша. — Авт.).

Вот оказывается что! Мировая война была затеяна, ”каша заварена” — с целью уничтожить Германию и поживиться за ее счет. Лейпцигский процесс над Г. Димитровым и его товарищами завершился совсем недавно — 23 декабря 1933 года. Хотя подсудимые-коммунисты были оправданы за недостатком улик, но в приговоре виновником поджога

рейхстага названа Коммунистическая партия Германии. Сталин ни слова не сказал в докладе об этом важнейшем процессе, зато фактически присоединился к нацистскому объяснению причин мировой войны. Еще одно место из доклада свидетельствует, что приведенная выдержка не случайная оговорка или небрежность в формулировке:

”Некоторые германские политики (читай: нацисты. — Авт.) говорят, что СССР ориентируется теперь на Францию и Польшу, что из противника Версальского договора он стал его сторонником, что эта перемена объясняется установлением фашистского режима в Германии. Это неверно. Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме (охотно верим И. В. — Авт.), хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной. Дело также не в мнимых изменениях в нашем отношении к Версальскому договору (слушайте, слушайте в Берлине!). Не нам, испытавшим позор Брестского мира, воспевать Версальский договор. Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны”.

Итак, Гитлеру ясно дали понять: мы не ваши противники, хотя вы и упрятали в тюрьмы большинство германских коммунистов, мы можем сговориться. Умолчание о Лейпцигском процессе не было случайным. Димитров и Танев были оправданы по суду, но еще находились в тюрьме. Шли тайные переговоры. 15 февраля правительство СССР решило принять болгарских коммунистов в советское подданство, а 27-го гестапо на специальном самолете отправило их в Москву. Первый контакт с новым германским режимом привел к конструктивным результатам.

В марте 1939 года, на XVIII съезде, Сталин продолжал ту же линию. Он недвусмысленно указал, что Германию и СССР хотят столкнуть лбами англо-французы (“сторонники невмешательства”) и именно на них нацелил огонь своей критики:

”Я далек от того, чтобы морализировать по поводу политики невмешательства, говорить об измене, о предательстве и т. п. Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали. Политика есть политика, как говорят старые, прожженные буржуазные дипломаты. Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства может кончиться для них серьезным провалом”.

Таким образом, в 1939 замаячила перспектива возрождения германско-советского сотрудничества, которое протекало довольно успешно в период между Рапалло и приходом Гитлера к власти. Взаимодействие происходило во многих сферах, не исключая и военную. Советские военачальники обучались в германской Академии Генштаба, взамен СССР помогал Германии обходить стеснительные статьи Версальского договора, предоставляя на своей территории полигоны и аэродромы.

Все это было бы ничего, если бы советско-германское сближение рассматривалось как одно из нескольких направлений внешней политики. На беду, в Кремле абсолютно ошибочно оценивали ситуацию в Европе. Пребывавший в плену марксистской фразеологии Сталин исходил из наличия е д и н о г о фронта империалистов. С его точки зрения, Германия и Англия были заодно, они устраивали свои дела за счет третьих стран, таких как Чехословакия. (Последнее было отчасти верно, однако тайный англо-германский альянс существовал исключительно в воображении Сталина, который всех по собственному примеру наделял безграничным коварством и вероломством.)

Поэтому, когда с Москвой стали заигрывать с двух сторон, прозорливый Вождь немедленно заподозрил сговор. Возник соблазн самому столкнуть лбами тайных союзников, в терминах официальной пропаганды: расколоть единый империалистический фронт против СССР. И еще продвинуть государственную границу СССР в западном направлении, коль скоро границы в Европе перестали быть стабильными. (Это называлось: использовать противоречия

империалистических держав между собой.) И отсрочить момент вступления СССР в войну. (А это официально никак не именовалось, но представляло собой величайшую бессмыслицу, так как нападать было не кому: ни Англия-Франция, ни Германия не имели общих границ с Советским Союзом, а Польше было не до агрессии.) Все эти соображения не опирались на реальную оценку обстановки и плохо согласовывались одно с другим.

Жадность, некомпетентность и склонность к интригам взяли свое: Сталин выбрал предложенный Ждановым союз с Гитлером. Тем более, что внутри страны никто не возражал. Одиноким голос Литвинова, у которого были личные причины тянуться к Англии и национальные побуждения ненавидеть фашизм, потонул в трусливом молчании Наркомата Обороны (Ворошилов), Генштаба (Шапошников), военной разведки (Голиков). Тухачевского не было в живых, того Тухачевского, который в 1935 указал на германскую угрозу, а в 1936 недвусмысленно заявил начальнику французского генштаба генералу Гамелену, что Гитлер в конце концов столкнется с СССР, но начнет с Франции. Если предположить, что Сталин замыслил альянс с Германией не летом 1939, а раньше, то ради одного этого ему следовало избавиться от Тухачевского и его товарищей, потому что для них такой курс был немыслим и органически неприемлем как прямое предательство.

В пользу сделанного выбора говорило многое: традиционное германофильство большевиков, общность методов осуществления власти, поразительные совпадения в пропагандистском инструментарии². (Недаром в медовые месяцы альянса отличное взаимопонимание установилось не только в экономике и политике³, но и по линии НКВД — гестапо⁴). Были между тем два фактора решающего значения. Гитлер более чем охотно соглашался с экспансионистскими притязаниями Москвы, а западные союзники говорили лишь о том, как обеспечить неприкосновенность польского государства, а также о создании новой системы коллективной безопасности. Второе: репрессии сильно подорвали боеспособность Красной Армии. Сталин это знал, не мог не видеть. Он инстинктивно боялся настоящей войны.

Поэтому напористого Гитлера выгоднее было иметь в качестве друга и союзника.

Переговоры с англо-французами тянулись вяло и безрезультатно. Наконец, в конце августа во время молниеносного визита Риббентропа в Москву был заключен советско-германский пакт о ненападении. Тайные статьи пакта содержали согласованные сферы интересов, точнее — притязаний. Дележ касался главным образом Польши: Гитлеру отводились западные районы страны, Сталину — восточные. Кроме того, СССР признавал германские приобретения в Австрии и Чехословакии, Германия — советские притязания на Прибалтику. Судьба Речи Посполитой и мира в Европе была решена.

Гитлер был вне себя от радости:

”Таким образом, я выбил из рук западных господ (Англии и Франции) их оружие. Польшу мы завели в положение, наиболее удобное нам для достижения военного успеха... Сталин пишет, что этот курс сулит большие выгоды обеим сторонам. Гигантский поворот всей европейской политики” (Дневник Гальдера. Запись от 22 августа 1939).

В сентябре вермахт начал вторжение в Польшу⁵. Англия и Франция объявили войну Германии. Вторая мировая война началась.

Сталин имел все основания быть довольным. Уже во второй половине сентября на фоне тяжелых неудач польской армии Советский Союз оккупировал Западную Украину и Западную Белоруссию. Зима 1939/1940 гг. принесла захват Кольского перешейка у Финляндии. Летом и осенью 1940 в состав СССР были включены три прибалтийских государства, а также Бессарабия и Северная Буковина, отторгнутые у Румынии. Только финские приобретения потребовали настоящих военных действий, которые, правда, стоили больших человеческих жертв, но все же завершились победой СССР (190 млн. населения) над Финляндией (4 млн.). Прочие обширные территории достались бескровно.

Процветанию, казалось, конца не будет. К исходу 1940 была повержена Франция. Хозяевами европейского континента стали СССР и Германия. Трогательное единение этих гегемонов вселяло самые радужные надежды. Еще осенью 1939 года умиленный Молотов признал нацизм органической идеологией германского народа, с которой можно полемизировать, но недопустимо бороться с помощью вооруженной силы⁶. Братские чувства завели его еще дальше. "Мы считаем, что сильная Германия — это залог мира в Европе", — заявил он на сессии Верховного Совета. Сталин на всякий случай не выступал публично с апологией фашизма, но по всем признакам считал, что дела идут на лад⁷. Правда, Англия оставалась несломленной, но это была проблема для Гитлера. СССР поддерживал нормальные дипломатические отношения с Соединенным Королевством, хотя и вел против него враждебную пропаганду.

Если бы Сталин и его окружение были способны к трезвому анализу, они бы разом умерили восторги. Территориальные приобретения были значительны и достались недорогой ценой, однако в целом стратегическое положение СССР к лучшему не изменилось. Скорее наоборот. Остановимся на главных аспектах.

Красная Армия, точнее, — то, что от нее осталось, переживала тяжелейший кризис. Почти поголовное истребление высшего комсостава посеяло в армейских рядах неуверенность и страх, самым губительным образом сказалось на боеспособности войск. Новое командование уступало прежнему по всем статьям — полководческим способностям, образованию и боевому опыту. Среди этих руководителей не нашлось внезапных самородков. Все в той или иной мере оказались неподготовленными к занятию высоких постов, на которые их забросило кровавое безвременье. Слабость командования проявилась уже во время ограниченных операций на Дальнем Востоке, но во всей беспомощной наготе она открылась в первой серьезной кампании — против Финляндии.

Один выбор времени для начала боев не предвещал ничего хорошего. С привычными к морозам финнами пошли воевать в наиболее благоприятных для них условиях —

зимой, словно имели дело с теплолюбивыми французами или итальянцами. Стратегический план наступления был составлен из рук вон неудачно. Предложения Шапошникова и Штерна, предусматривавшие удар через незащищенный район Кандалакши, были отвергнуты по причине неудобства местности для продвижения войск. (Откуда было знать новоявленным стратегам, что в современной войне труднопроходимая местность дает наступающим хорошие шансы — благодаря пространственной внезапности. Немцы дважды это доказали успешным наступлением через Арденны; блестящий результат Белорусской операции Советской Армии был обусловлен нанесением удара через болота). Взамен войска заставили в лоб штурмовать предельно укрепленную линию Маннергейма⁸. Потери атакующих были огромны. Ущерб дополняли десятки тысяч обмороженных.

Конфуз был полный. Поэтому Сталин поспешил закончить военные действия, едва оборонительные сооружения финнов были прорваны. Так как финская армия сохраняла боеспособность, пришлось удовольствоваться довольно скромными приобретениями.

Неудача кампании привела к переменам в армейском руководстве. Ворошилова на посту Наркома заместил С. К. Тимошенко, получивший вскоре звание маршала. Конечно, раздавать маршалские жезлы было легче, чем растить настоящих полководцев. Бывший конармеец Тимошенко если и отличался от Ворошилова, то в худшую сторону: был еще более безграмотным, не имел ни опыта высшего командования, ни политической сноровки. С началом Отечественной войны это стало заметно даже Сталину.

Другой свежевыпеченный маршал, Г. И. Кулик, занял пост начальника вооружений. Это был неуч и фанфарон, неслыханный даже для советских условий. Его карьера двигалась тем счастливым обстоятельством, что в Царицыне он командовал десятком небольших орудий на глазах Сталина. Кулик положил много сил, чтобы разрушить достижения своих предшественников — Тухачевского и Халепского. Он не давал в войска новых видов вооружения,

поскольку все его знания остались на уровне гражданской войны. У Сталина он пользовался безграничным доверием. Из-за противодействия Кулика танк Т-34, оказавшийся лучшим во второй мировой войне, почти не поступал на оснащение войск. Нарком боеприпасов Б. Л. Ванников, активно боровшийся с Куликом, был отправлен на Лубянку. Война, правда, восстановила справедливость. Ванников был возвращен на прежний пост и заработал четыре звезды Героя, а Кулик уже в первые месяцы боевых действий переквалифицировался сначала в генерал-майора, затем и просто в майора.

В этой перетряске безвинно потерял пост начальника Генштаба опытный Шапошников. Симпатизировавший ему Сталин разъяснил, что, хотя его (Шапошникова) план оказался правильным, приходится его снимать за компанию с Наркомом Ворошиловым — чтобы успокоить недовольное общественное мнение. Освободившийся пост занял К. А. Мерецков, которого в январе 1941 г. без серьезного повода заменили Г. К. Жуковым. Таким образом, в год, предшествовавший началу войны, Генштаб был лишен стабильного руководства.

В оперативно-тактической области армия была отброшена на двадцать лет назад — к линейным боевым построениям. Теорию глубокого боя объявили предательской и вредительской. Снова доминировала кавалерия в ущерб бронетанковым и механизированным войскам. На случай войны планировалось развертывание 99 /!/ кавдивизий (у немцев в 1936 г. их было — две с половиной). К слову сказать, конница обходилась советскому народу дороже всей системы образования.

Включение в состав СССР новых областей привело к возникновению советско-германской границы протяженностью во многие сотни километров. Это был неоспоримый стратегический минус. Опасность внезапного нападения со стороны Германии многократно возросла. Агрессор мог теперь по своему усмотрению выбирать, в каком месте границы нанести удар, а обороняющийся был вынужден защищать ее по всей длине, что требовало огромных сил. Раньше, чтобы войти в соприкосновение с советскими вой-

сками, немцам нужно было преодолеть территорию Польши или прибалтийских стран. В этих условиях нападение не могло быть полностью внезапным. Красная Армия получала определенное время для того, чтобы изготавиться для ответного удара. Что касается возможных пунктов вторжения, то их в той или иной степени можно было предугадать.

Приобретение обширного предполья глубиной до 300 км осложняло стратегическое положение Советского Союза. Позиции Красной Армии были еще более ослаблены благодаря двум вопиющим просчетам политического руководства. Вдоль старой государственной границы в течение тридцатых годов были возведены мощные оборонительные сооружения, не уступавшие линии Мажино. В 1940 в связи с перемещением границы было начато строительство новой линии, рассчитанное на несколько лет. Однако, не дожидаясь его окончания, Сталин приказал демонтировать бронеколпаки и вооружение на старых укреплениях.

Второй просчет был связан с фантастическим буквализмом Сталина в тех вопросах, где он был не способен разбираться по существу. Опираясь на пропагандистский лозунг "Не отдадим врагу ни вершка своей земли", Сталин требовал, чтобы линия обороны в точности повторяла конфигурацию западной государственной границы. Протяженность оборонительной линии из-за этого катастрофически возросла. Полностью отказались от подвижной обороны. Совершенно не использовались такие сильные естественные рубежи, как р. Неман в среднем течении, Августовский канал и р. Бобр — только потому, что они отстояли от границы на несколько десятков километров. Советскую границу от Баренцева моря до Буковины защищали 12 армий плюс отдельные корпуса и дивизии Одесского округа; туда же были брошены две трети мехкорпусов — созданных и заканчивающихся формированием. Все равно этих огромных сил было недостаточно для устойчивой обороны.

Территориальные захваты 1939—1940 гг. отбросили сопредельные с СССР страны, занимавшие прежде буферное положение, в лагерь потенциального противника. Прежде

всего это касалось Румынии и Финляндии. Немцы спокойно отнеслись к аннексии Буковины, Бессарабии и Кольского перешейка, хотя она и не была оговорена в секретных статьях пакта Молотов-Риббентроп. Теперь Бухарест и Хельсинки превращались в естественных союзников Берлина в предстоящей войне. Германия получала новые плацдармы для вторжения и дополнительные людские контингенты, в которых особенно нуждалась. Несомненно также, что румынский эпизод способствовал усилению германского влияния в двух других балканских государствах — Венгрии и Болгарии.

Между тем аппетиты Сталина продолжали расти. Во время визита Молотова в Берлин немцы предложили, чтобы СССР вступил в тройственный (антикоминтерновский) пакт. 25 ноября 1940 года Сталин сообщил Гитлеру о своем принципиальном согласии. Были выдвинуты условия этого присоединения, составленные с большим размахом. Предусматривалось "заключение пяти секретных протоколов:

1. Относительно Финляндии, с которой они (СССР) хотят прийти к соглашению без применения силы (но под угрозой такового и под германским нажимом. — Авт.).

2. Относительно Болгарии, которая должна (не иначе. — Авт.) заключить с Россией пакт о ненападении.

3. Об аренде опорных пунктов на Босфоре.

4. Относительно Турции, которой следует предъявить требование о присоединении к тройственному пакту; в случае согласия — гарантия ее границ. Если последует отказ, то дипломатическое и военное давление Германии, Италии и России. Япония должна отказаться от своих концессий на Сахалине.

5. Относительно русской сферы влияния южнее линии Батуми-Баку (см. Дневник Гальдера, запись от 3 декабря 1940 года).

Гитлер так и не дал ответа на эти предложения. Видимо, столь серьезное усиление СССР не входило в его расчеты. Он окончательно решил воевать на Востоке и менее чем через месяц утвердил план "Барбаросса".

Глава 24

ОСЛЕПЛЕНИЕ

Наша государственная машина приспособлена к обороне, а не к нападению. Она дает нам столько же устойчивости, сколько отнимает подвижности. Когда мы пассивно отбиваемся, мы сильнее себя, ибо к нашим оборонительным силам присоединяется еще наше неумение скоро понять свое бессилие, т. е. наша храбрость увеличивается тем, что, испугавшись, мы не скоро собираемся бежать. Напротив, нападая, мы действуем только 10% своих сил, остальное тратится на то, чтобы привести в движение эти 10% ... Сила есть акт, а не потенция; не соединенная с дисциплиной, она сама себя убивает. Мы низшие организмы в международной зоологии: продолжаем двигаться и после того, как потеряем голову.

Ключевский

С момента пирровой победы в финской кампании начинается последний акт предвоенной драмы. Развязав в паре с Гитлером Вторую мировую войну, Сталин вполне серьезно рассчитывал надолго остаться в стороне от главных боев. Он тешил себя мыслью, что, пока Запад и Германия будут заниматься взаимным уничтожением, он будет без риска заглатывать жирные куски, а если и ввяжется, то под занавес, чтобы принять участие в дележе мирового пирога. Все советские планы предусматривали возможное вступление

в войну не раньше конца 1942 года, когда по сталинским расчетам главные сражения уже отгремят.

Истоки катастрофы 1941 года следует прежде всего искать в абсолютной непригодности кремлевской верхушки к ведению государственных дел. Редко в истории случалось, чтобы у кормила великой державы стояла такая когорта на подбор своекорыстных, некомпетентных и просто невежественных людей. О чем думали все эти сталины, молотовы, маленковы и берии? Только о том, чтобы укрепить и расширить свою власть. (Даже в июне 1941 г., в годину смертельной опасности для Родины, они не могут вести себя иначе. Пока перепуганный главарь Сталин две недели взаперти пьет горькую, Берия с Маленковым устраивают тихий государственный переворот: в узком составе создают Государственный Комитет Обороны во главе с недееспособным Вождем, а из старых членов Политбюро допускают туда одного Молотова.)

Даже смотря на вещи более спокойно, невозможно не отметить: в 1940 и первой половине 1941 кремлевское руководство делает то же самое, что западные союзники в 1938—1939, — бездействует, теряет время. Между тем аппетит Гитлера разыгрывается буквально с каждым днем. Он рыщет по Европе в поисках легкой добычи и находит ее. Пала Франция, отчаянно отстаивает свое существование Англия, захвачены Греция, Норвегия, Дания, Югославия.

Сталину все нипочем. В Москве продолжают убаюкивать себя идиотским соображением, что не станет же Германия воевать на два фронта. (Это следовало вспомнить в декабре 1941 года, когда Гитлер у же воевавший на двух фронтах, — и каких! — все-таки объявил войну США.) Неисправимые доктринеры из недоучившихся семинаристов и гимназистов, весь интеллектуальный багаж которых состоял из десятка готовых формулировок, твердо усвоили: война есть продолжение политики другими средствами, а экономические факторы играют решающую роль в войне (и общественном развитии). Куда же Германии (население 70 млн.) нападать на СССР (190 млн.), имея в качестве врага несломленную Англию (50 млн.), за спиной которой

стоят США (150 млн.) с огромным экономическим потенциалом! Да и производственные отношения у нас более передовые, не говоря о социальном устройстве. Они также из истории кое-что слышали. Бисмарк учил немцев не со- ваться на Восток; на это особенно напирает Жданов. Нет, немцы ни в коем случае не нападут. Не должны-с. А если посмеют (здесь голос крепнет), найдут на необъятных наших просторах свою могилу. Как Наполеон. Это они выучили. Недосуг только вспомнить, что Бонапарт дошел до Москвы и даже побывал в ней. Им не хочется додумывать до конца эту возможность. Но они-таки допускают Гитлера под самые стены столицы — наверно, чтобы не нарушать исторической аналогии.

К войне готовиться надо. Но планомерно, продуманно. Поэтому утверждается план перевода промышленности на военные рельсы — завершение этого процесса намечено на конец 1942 года! Куда спешить. Поэтому Маленков не допускает передачи политработникам армии директивы о немедленной боевой готовности. Это происходит 3 июня 1941 года: "Документ составлен так, словно война начнется завтра. Такой подход совершенно неприемлем". Сталин соглашается с Маленковым. Прав оказался Георгий Максимилианович: война разразилась только через 19 дней. Поэтому спустя 9 часов после нападения Германии войска Белорусского округа не имеют боевого приказа.

Не требует особых доказательств, что при оценке вероятности нападения со стороны возможного противника, никак нельзя ограничиться сопоставлением одних военных потенциалов. В этом случае дают ответ на совсем другой вопрос: кто в конце концов выйдет победителем? Но агрессор не обязательно действует наверняка, иначе, скажем, Наполеон не пошел бы на Россию, а державы Тройственно- го согласия не развязали бы первую мировую войну.

При анализе намерений противника куда важнее уяснить логику и психологию его стратегии. Если бы Сталин был способен к такому реальному способу мышления, он почти точно пришел бы к выводу, что у Гитлера нет другого выхода, кроме нападения на СССР, и нападения немедленного. Напрасно Сталин и его окружение надеялись, что, пока

идут сражения на Западе, Германия не может развязать войну против СССР. Гитлер должен был мыслить иначе. Англия не сломлена, а Англия в его глазах ненавистная и страшная сила. За ней стоит могущественная Америка, которая рано или поздно окажется втянутой в войну. Посетив Берлин в ноябре 1940 года, Молотов не откликнулся на призыв об участии СССР в войне против Англии. Гитлер видит, что русские себе на уме и в удобный для них момент могут выступить против Германии. В преддверии неизбежной схватки с Америкой он хочет избавиться от нависшего над ним дамоклова меча русских¹ и одновременно получить решающее стратегическое превосходство. В самом деле, если кампания на Востоке будет скоротечной (другой он себе позволить не может), тогда Гитлер получит огромные материальные и, вполне вероятно, неисчерпаемые людские ресурсы. После этого Англия окажется перед лицом невероятно усилившейся Германии в Европе и рвущейся в бой Японии в Азии. Исход войны тем самым решен в пользу держав оси. Англия не может продолжать борьбы и вынуждена будет принять германские условия мира. Даже в случае вмешательства Америки Гитлер, как говорят шахматисты, стоит теперь лучше, чем имея за спиной русского колосса.

Такой ход рассуждений может показаться надуманным. Но вот что сказал по этому поводу сам Гитлер на совещании в ставке вермахта 9 января 1941 года (цитируем по Дневнику Гальдера):

”Англичан поддерживает надежда на возможность вмешательства русских. Они откажутся от сопротивления, когда будет разгромлена эта их последняя континентальная надежда. Он, фюрер, не верит в то, что англичане ”безнадежно глупы”; если они не будут видеть никакой перспективы, то прекратят борьбу. Если они проиграют, то никогда не найдут в себе моральных сил сохранить империю. Если же они смогут продержаться, сформировать 30—40 дивизий, и если США и Россия окажут им помощь, тогда создается весьма тя-

желая для Германии обстановка. Этого допустить нельзя”.

Таким образом, для Гитлера продолжающая борьбу Англия — мощный побудительный мотив для нападения на СССР, в то время, как именно в этом Сталин видит залог своей безопасности.

”...Необходимо разгромить Россию. Тогда либо Англия сдастся, либо Германия будет продолжать борьбу против Англии в благоприятных условиях. Разгром России позволит также и Японии обратить свои силы против США. А это удержало бы последние от вступления в войну.

...Особенно важен для разгрома России вопрос времени. Хотя русские вооруженные силы и являются глиняным колоссом без головы, однако точно предвидеть их дальнейшее развитие невозможно. Поскольку Россию в любом случае необходимо разгромить, то лучше это сделать сейчас, когда русская армия лишена руководителей и плохо подготовлена... Тем не менее и сейчас нельзя недооценивать русских”.

Гитлер совершил губительный просчет. Но Сталина это ничуть не обеляет; он не смог предугадать развитие событий и обнаружил полное непонимание мотивов агрессора. Напрасно нам твердят казенные историки, что пакт 1939 года давал СССР желанную отсрочку для укрепления обороны. Наоборот, он позволил Гитлеру захватить Польшу и провести приготовления для похода на Восток. В 1939 году Германия не только не могла напасть на СССР, но при отсутствии пакта не решилась бы, вероятно, напасть на Польшу из опасения наших контрмер, предпринятых совместно с Англией и Францией.

В защиту образа действий Сталина было истрачено много чернил и простодушного старания. Но в конце концов последовал незамысловатый вывод, что Вождь всего лишь ошибся. Страна-де под руководством партии готовилась

к отражению агрессии, но с определением сроков вышла ошибка, что поставило нас в начальном периоде войны в довольно тяжелое положение.

Эта формулировка заслуживает рассмотрения только как образец бесстыдного обращения с фактами, а еще как доказательство счастливой уверенности ее авторов в том, что сколько ни изрекай лжи — все сойдет с рук. О готовности СССР к войне и тяжести нашего положения мы выскажемся позже. Первым же делом отметим, что государственный руководитель, допускающий такие просчеты, по меньшей мере находится не на своем месте, и ему следует подыскать другое, более подходящее и безобидное занятие.

Поищем все-таки для Сталина оправдательных аргументов. Может быть, чем черт не шутит, он взаправду был великим человеколюбом и стремился уберечь страну от несчастий войны? Потому что любая война, пусть и самая справедливая (да и кому об этом судить), несет народу неисчислимы бедствия, приводит к потере человеческих жизней, которые не возместишь никакими завоеваниями. Блажен государственный муж, который мудро избежит вовлечения в бойню. Но при всем желании у Сталина не отыскиваются эти благородные намерения. Войны он, действительно, не хотел, он ее боялся, прежде всего потому, что чувствовал свою неспособность к полководческой деятельности. Он знал также, что настоящие военные руководители уничтожены по его собственному приказу. Но страх перед войной поверг Сталина в оцепенение, он пожертвовал безопасностью страны ради интриг, тешивших его имперское самолюбие. Он фактически парализовал подготовку к отражению надвигающейся агрессии и слишком часто — по невежеству — действовал на пользу врагу.

Ну, а если мы все же недооцениваем Сталина? Может быть, в его действиях был скрыт хитроумный замысел? Вдруг он хотел избежать катастрофического просчета в политике царизма, когда Россия вмешалась в войну, будучи к ней неподготовленной. Если бы она как можно дольше оставалась нейтральной, с ней — как с потенциаль-

ным союзником или нежелательным противником — заигрывали бы обе коалиции, а царю осталось бы выбрать, чей куш солиднее.

Но сходство здесь мнимое. В конце тридцатых годов налицо не две равносильных группировки, а наглый агрессор и остальной мир, следящий за его действиями поначалу беспечно, потом с тревогой, но все время пассивно. Кроме того, Сталин на первых порах избегает вовлечения в войну на сомнительном основании. Кто не рвется воевать, пусть не спешит насытиться из свежевскипевшего военного котла. Если Сталин хотел выждать разворота событий, оставаясь нейтральным, ему не следовало начинать с закулисной сделки с агрессором, предусматривавшей территориальные приобретения. Такую плату, говоря цинически, выгоднее получить под конец войны за победоносное усиление одной из сторон. Пока же этот наспех заглоченный кусок стал поперек горла.

Затевая столь тонкую игру, Сталин был о б я з а н хорошо распознавать намерения и предугадывать действия борющихся сторон. Он должен был понять, что Гитлер не потерпит длительного нейтралитета России — из опасения, что русская карта может стать решающим козырем в руках западных союзников. Поскольку Россия не стала военным союзником Германии, то по логике Гитлера ее следует разгромить и подчинить. Такое решение Гитлера тем более вероятно, что слабость Красной Армии образца 1940 года была только что выставлена напоказ в столкновении с Финляндией.

Всякий, кто дал себе труд наблюдать стратегическое поведение Гитлера, после карельского провала должен был особенно ожидать нападения с его стороны. Стратегия Гитлера была построена на гипертрофированной агрессивности. Усмотрев где-нибудь слабость, он непременно напал. Но еще заранее он стремился ослабить, дезорганизовать и деморализовать противника. В СССР после 1937 года все эти признаки были налицо, причем по инициативе самого Сталина и его попечением. Гитлер, в отличие от Сталина, высоко ценил фактор времени. Он спешил, понимая, что благоприятная обстановка может измениться.

Наконец, Гитлер ясно уловил растерянность и нерешительность кремлевского диктатора. Излагая своим генералам план войны с Россией, он заверил, что в д а н н ы й м о м е н т СССР не выступит первым: "В Москве правят разумные люди".

Предложение о продуманной фабианской стратегии Сталина вроде бы не находит подтверждения. Совсем не заслуживает серьезного разговора вероломство Гитлера, на которое столь охотно указывает советская пропаганда. Вольно ж было верить на слово государственному деятелю, ни в теории, ни на практике не признававшему никаких договоров, кроме тех, что были ему выгодны.

Остается еще одно объяснение — более вероятное. Сталин твердо знал, что к войне не готов, и боялся ее панически. Он гипнотизировал себя и других надеждой на авось, упованием на чудо. Именно поэтому он слышать не хотел о явственных признаках надвигающейся войны. Ему было мало проку от такого рода донесений, он все равно не знал, ч т о делать. Воля его была парализована. Он упустил все предоставлявшиеся ему возможности выправить положение. Мистический ужас царил в Кремле. Чтобы умерить напряжение безнадежности, Сталин выдумал теорию о миролюбии Гитлера, которого из всех сил толкают на войну с нами кровожадные генералы. Посему следовало сидеть тихо, не дать себя спровоцировать, не представить немцам повода к войне. Страх и апатия достигли в Кремле такого предела, что, догадайся Гитлер цыкнуть погромче, Сталин, очень возможно, пал бы перед ним ниц². Он уже опустился на одно колено, когда 14 июня 1941 года выпустил Заявление ТАСС, в котором черным по белому заверял весь мир и собственный народ, что вопреки домыслам враждебной пропаганды (очевидно, британской) колоссальные переброски германских войск к советской границе н е н а п р а в л е н ы против СССР. До вторжения вермахта оставалась неделя. Все эти позорные старания сталинской клики пропали даром³.

История цинично посмеялась над Сталиным. Именно он оказался союзником и пособником германского фашизма,

а не те подсудимые на московских процессах, которые пошли на смерть с ярлыком агентов гестапо.

Соратники Сталина были подстать своему главарю. С тупой покорностью судьбе ожидали они вражеского нашествия. Им в голову не пришло устранить впавшего в оцепенение диктатора и заняться спасением Родины. Горе стране, вверяющей свою судьбу подобным правителям.

РАСПЛАТА

*У нас ведь не парад,
У нас — война.*

Пушкин

Что касается решительности, предприимчивости и готовности брать на себя ответственность, то вся система существовавшая в русской армии, способствовала не развитию, а подавлению этих моральных качеств, наиболее важных для войны /.../

Управление войсками давно уже было самой слабой стороной русской армии. В ее обширной боевой работе за последние столетия было обнаружено много храбрости и весьма мало военного искусства. Обыкновенно русские военачальники делали все от них зависевшее для проигрыша войны, а если она все-таки выигрывалась, то успех объяснялся лишь самоотвержением прежнего русского солдата, истребившего кровью ошибки командования, а также слабостью противников, с которыми России приходилось сталкиваться /.../

В прежней России не придавали особого значения умственному развитию военных начальников. В правительственных кругах до самого последнего времени твердо держалось убеждение, что для командования вой-

сками при мирных условиях особого ума не нужно, а война когда-то еще будет /.../

Мартынов¹

Нападение немцев застало нас врасплох, но это была искусственная внезапность. Армии заткнули уши, надели шоры на глаза, связали руки. Это сделали Сталин и руководители Наркомата Обороны.

Скрытно подготовить и бросить в бой многомиллионную армию невозможно. Предупреждений о надвигающемся вторжении было достаточно. Сталин предпочел их игнорировать. В нормальных условиях за одно это его следовало отдать под трибунал. Бок о бок с ним на скамье подсудимых должны были по справедливости восседать многие, в первую голову — Нарком Обороны Семен Тимошенко, начальник Генштаба Георгий Жуков и начальник Разведуправления Филипп Голиков.

Деяния названной троицы невозможно оправдать политической обстановкой тех лет. Они злостно и упорно нарушали свой воинский долг — быть постоянно готовыми к защите Отечества. Пусть тиран был слеп, невежествен и руководствовался предвзятыми мнениями. Их вина от этого не меньше. Занимая высшие военные посты страны, они даже не пытались противодействовать Сталину, не осмелились указать ему на неизбежные губительные последствия его политики. Наоборот, они работали с ним сообща и давили тех людей в армии, которые старались хоть что-то сделать в ситуации, ухудшавшейся со дня на день.

Неудачи начального периода

Основные положения советской пропаганды о причинах поражений 1941 года суть: внезапность нападения, численный перевес германской армии, ее превосходство в технике. Эти утверждения, все до одного, — намеренная ложь.

В н е з а п н о с т ь. Первые сведения о подготовке пла-

на нападения на СССР советская разведка добыла в июле 1940 г. — буквально через несколько дней после того, как германский генштаб начал эту работу.

18 декабря 1940 года Гитлер утвердил план "Барбаросса". Ровно через неделю советский военный атташе в Берлине получил анонимное письмо с сообщением, что немцы нападут на Россию весной следующего года. К *29 декабря* советская разведка знала главное о плане "Барбаросса": его цели и сроки.

В *январе* 1941 года заместитель госсекретаря США С. Уоллес предупредил советского посла К. Уманского о готовящемся нападении Германии.

20 марта советский Генштаб получил в свое распоряжение обширные материалы о плане "Барбаросса"².

25 марта Главное Разведывательное управление (ГРУ) сообщило, что 120 германских дивизий переброшены к границам СССР.

3 апреля Сталин получил предупреждение от Черчилля через британского посла С. Криппса.

5 мая ГРУ сообщило: "Военные приготовления в Польше ведутся открыто. Немецкие офицеры и солдаты говорят о войне как о решенном деле. Начало — после весенних полевых работ".

22 мая заместитель военного атташе в Берлине Хлопов прислал донесение о том, что вторжение начнется 15 июня или несколько раньше. Военный атташе в Берлине генерал Тупиков почти ежедневно докладывал о подготовке немцев к войне.

6 июня — сообщение ГРУ о концентрации на границе германских войск численностью 4 млн. чел. По странной иронии, в тот же день предсовнаркома Сталин утвердил план перевода промышленности на военные рельсы к концу 1942 года.

При таком количестве сообщений грех жаловаться на неосведомленность или внезапность. А ведь мы еще не говорили о Рихарде Зорге! Первое сообщение о предстоящей войне Германии против СССР он прислал *18 ноября* 1940 года. Вскоре, *28 ноября*, информировал Москву о формировании в Лейпциге новой запасной армии в составе 40 ди-

визий. 80 дивизий уже дислоцированы на советско-германской границе, 20 — перебрасываются из Франции.

5 марта 1941 года Зорге отправил фотокопию телеграммы Риббентропа германскому послу в Токио Отто; там названа дата нападения — середина июля.

Донесение Зорге от 11 апреля: "Представитель Генштаба в Японии сообщает, что немедленно после окончания войны в Европе начнется война против Советского Союза".

2 мая. Зорге: "Гитлер решил начать войну и уничтожить СССР, чтобы использовать Европейскую часть СССР как сырьевую и зерновую базу. Наиболее вероятные сроки возможного начала войны: а) поражение Югославии, б) окончание весеннего сева, в) окончание переговоров с Турцией. Решение о начале войны Гитлер примет в мае".

4 мая он сообщает, что война начнется в конце текущего месяца.

15 мая называет 20—22 июня в качестве даты начала войны.

19 мая доносит: "Против СССР сосредоточены 9 армий, 150 дивизий".

Зорге скопировал у германского военного атташе в Токио карту, на которой были нанесены советские военные объекты с указанием планов наступления. Задача: занять Украину, использовать 1—2 млн. военнопленных как рабочую силу. На границе собраны 170—190 дивизий, начало боевых действий без объявления войны. Красная Армия и советский строй падут через два месяца.

12 июня Москва выразила Зорге сомнение в достоверности его данных.

13 июня на Западе было распространено печально знаменитое Заявление ТАСС (в советской прессе появилось на следующий день), где военная угроза со стороны Германии квалифицировалась как измышление враждебной пропаганды. Того же числа по прочтении этого идиотского документа взбешенный Зорге радировал: "Я повторяю : 22 июня 9 армий, 150 дивизий начнут наступление на рассвете".

Итак, с внезапностью дело представляется более или менее ясным. Относительно двух других тезисов советские авторы вносят значительную диалектическую путаницу. Все

зависит от того, в каком контексте приводятся данные. Если надобно оправдаться в провалах начального периода, тогда численность германских войск берется побольше, да еще приуменьшается оснащенность Красной Армии боевой техникой — и наши временные неудачи представляются вполне оправданными. В тех же случаях, когда приходится доказывать, что Сталин с подручными органами не дремали, к войне готовились, тон и содержание речей меняется. Мы узнаем, что всеми видами боевой техники наша армия была оснащена в достаточных размерах и на современном уровне, а по возможностям военной промышленности СССР превосходил Германию раза в полтора. Что касается численности наших войск и количества боевых единиц, то эти сведения даются более или менее стабильно. Памятуя об этом, перейдем к деталям.

Ч и с л е н н ы й п е р е в е с . Как уже говорилось в оценке германских войск наличествует путаница. Между тем очень важно знать, какие силы Гитлер бросил на Россию в июне 1941 года. Одни советские источники³ дают понять, что реализацию плана "Барбаросса" начинала чудовищная армия в 8,5 млн. человек. Есть и другая оценка — 190 дивизий, 5,5 млн. человек⁴. Увы, эти удобные цифры не выдерживают даже поверхностного анализа. Оказывается, с 1939 по конец мая 1941 года в вермахт было призвано 7,4 млн. человек⁵. Если учесть потери в польской кампании и на западном фронте, получим остаток — круглым счетом 7 миллионов. Не стоит забывать, что Германия продолжала вести боевые действия на Западе и в Африке, а также держала оккупационные контингенты на большей части Европы.

В интересах сопоставимости возьмем для обеих сторон данные только о сухопутных войсках. Это приходится делать потому, что для Красной Армии имеются только такого рода цифры.

Гитлер бросил на Восток наземные части, насчитывавшие 3,3 млн. человек⁶. Красная Армия к этому времени насчитывала приблизительно 5 млн. человек, в том числе в западных округах — 2,9 млн.⁷ Кроме того, еще до начала войны на Украину перебрасывались 16 армия (М. Ф. Лу-

кин), 19 армия и 2 корпуса из Северо-Кавказского округа, а всего к западным границам — 5 армий. В европейской части страны находилось под ружьем не менее 4 млн. человек.

Некоторое представление о силах сторон дают данные о числе дивизий: Германия — 152, СССР (западные округа) — 170 дивизий и 2 бригады⁸. Гальдер приводит в своем "Дневнике" несколько иную оценку: соответственно 141 и 213 дивизий⁹. Следует, правда, помнить, что по штатной численности немецкая дивизия крупнее советской.

Вывод простой. Преимущество немцев в количестве войск, если оно имело место, невозможно квалифицировать как подавляющее или внушительное¹⁰. При таком соотношении сил обороняющиеся вполне могли оказывать организованное сопротивление.

Превосходство в технике

Здесь мы сталкиваемся не с простым извращением фактов, но еще и голословным, еще и наглым и кощунственным. Провозгласить такое советскому народу, который в годы пятилеток недоедал и прямо помирал с голоду ради создания оборонной мощи... Люди, высказывающие подобные утверждения походя, не снисходя до объяснения причин, должны обладать бронированной совестью. Поистине, как говорит украинская пословица, поганому виду нэмае стыду.

Интересно, что в этом пункте стараются обходиться вовсе без цифри. Если же взять качество боевой техники, то война показала, что по большинству видов вооружения СССР превосходил Германию. Наш средний танк Т-34 безусловно был лучшим в Европе; тяжелая машина КВ во всяком случае не уступала немецким аналогам. Оба этих танка имелись к началу войны в немалых количествах. Наша артиллерия была мощнее и многочисленнее немецкой. Такое эффективное оружие, как реактивные минометы ("катюши"), было разработано задолго до войны; только косность начальства (Сталин, Кулик) помешала своевременно оснастить им войска.

В авиации картина не выглядела столь ясно. По количеству самолетов мы стояли впереди немцев, однако было много машин, по тактико-техническим характеристикам не годившихся для современной войны, устаревших. Ошибочный курс, взятый в развитии авиации, обнаружился во время боев в Испании. Были приняты меры к его исправлению. К 1941 году появились новые модели, не уступавшие немецким, — МИГ-3, ЯК-1, ЛА-3; штурмовика, подобного ИЛ-2, противник так и не смог создать за всю войну. Эти новые самолеты были запущены в серийное производство, и к началу боевых действий свыше 3 тыс. единиц поступило на вооружение авиачастей. Флот наш был сильнее немецкого.

В чем мы действительно отставали, это в оснащении войск автоматическим стрелковым оружием. Здесь печальной памяти Кулик при покровительстве Сталина приложил свою нечистую руку.

Мы не будем вдаваться в особые статистические подробности. Надеемся, что и самых общих данных будет достаточно. Из-за разноречивости сведений о вооружении советских войск мы дадим несколько вариантов (см. стр. 438).

Позволим себе небольшой комментарий к таблице. По т а н к а м немцы не имели перевеса. В 2800 боевых машин входят как штурмовые орудия, так и довольно большое число устаревших танков — собственного производства, французских и чехословацких. Современных танков вермахту явно не хватало. Промышленность Германии за 1940 и первую половину 1941 года выпустила всего 2,8 тыс. средних танков; тяжелые появились только в 1943 г., да и то всего 100 машин¹¹. Таким образом, можно считать, что по современным средним танкам вермахт никак не превосходил Красную Армию, по тяжелым — уступал (у нас в 1941 г. было 654 танка КВ), по легким — находился далеко сзади.

С авиацией положение у противника было еще более напряженное. За 1940 и первую половину 1941 германские авиационные заводы произвели 10 тыс. истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков. Потери за тот же период составили свыше 7,5 тыс. единиц¹².

Вид вооружения	Вермахт на Востоке ¹	Красная армия		
		ВОВ ¹	Жуков ²	Лотоцкий ³
Танки	2800 (вместе со штурмовыми орудиями)	Зап. округа 1475 ⁴ (только Т-34 и КВ)	Всего 7 тыс. машин Зап. округа 1800 тяжелых и средних (2/3 новых) + значит. число легких	—
Артиллерия (орудия и минометы)	48 000	Калибр 76 и выше — в 2 раза меньше, чем у немцев	Всего 92 578 Зап. округа 35 000	Всего 67 335 (без 50 мм минометов) Зап. округа 34 695
Авиация	4 950 (в т. ч. 1 000 румынских и финских)	—	Всего 17 745 из них — 3719 новых типов Зап. округа 1500 новых и большое число устаревших	—

Примечания:

1. Великая Отечественная..., ук. соч., с. 33, 53;
2. Жуков, ук. соч., с. 205, 206, 209;
3. Лотоцкий и др., ук. соч., с. 157;
4. по другим данным, за 1940 и первую половину 1941 г. сов. заводы выпустили 1215 танков Т-34 (см. История Вел. Отечественной войны, М., 1965, т. 1, с. 415.)

Нелишне напомнить, что по людским ресурсам и военно-экономическому потенциалу Германия уступала СССР. Если же брать в расчет Англию, картина выглядела еще хуже:

Страна	Население млн. чел.	Военное производство, млрд. долл. (цены 1944 г.)
СССР	190,6	8,5
Англия	48,2	6,5
Всего	238,8	15,0
Германия	69,8	6,0

Даже если добавить Италию, которая располагала 43,8 млн. населения и слабой экономикой, да к тому же вела собственную войну и в действиях против СССР фактически не участвовала, то позиция Третьего Рейха выглядела сомнительной уже в июне 1941 года — еще до вступления в войну США.

В нашем изложении наступает парадоксальная заминка. Стало быть, немцы не были сильнее нас, но никуда не деться от того, что в 1941 году они нанесли Красной Армии серию чувствительных поражений, захватили Белоруссию, Украину и Прибалтику, вышли к Москве, обложили Ленинград. В чем причина? Ужели германский солдат настолько превосходил русского?

Такое предположение далеко от истины, ничем фактическим оно не подтверждается. Но если эту мерку приложить к командованию, то вывод напрашивается сам собой. Рамки нашей книги слишком тесны для анализа подробного и исчерпывающего, однако можно с ответственностью заключить: в 1941 году советское командование, особенно высшее, уступало германскому едва ли не по всем статьям. Отсутствие у наших войск боевого опыта тоже имело зна-

чение, но второстепенное. Главная причина была в том, что немцы превосходили нас в качестве руководства на всех уровнях — в стратегическом планировании, оперативном, даже тактическом мышлении. У немцев были свои проблемы. Им мешали неэффективная организация высшего командования, сумасбродство, непоследовательность и дилетантизм Гитлера — но в меньшей степени.

Колоссальную, может быть решающую, роль в нашей слабости сыграл недавний разгром офицерского корпуса. Кто в нем виновен, достаточно известно. Но свою, очень большую долю ответственности несут высшие руководители Красной Армии — Тимошенко и Жуков. Каким бы разоренным и неустроенным ни было доставшееся им хозяйство, они обязаны были сделать все, что в человеческих силах, чтобы враг не застал нас врасплох. Тем более, что в их распоряжении находились огромные ресурсы, людские и материальные. Они пренебрегли многим, что входило в их прямые служебные обязанности. Они постыдно и безвольно шли за тираном по гибельному для Родины пути. Вот далеко не исчерпывающий перечень их ошибок:

До начала войны:

1. неверная оценка сил и намерений противника;
2. не был разработан план стратегического развертывания на случай войны;
3. войска западных округов не выводились на боевые позиции, они оставались на гарнизонном положении; командование округов не ориентировали на возможное близкое начало войны;
4. пренебрежение к пограничным укреплениям (старые разоружили прежде, чем были возведены новые);
5. пресекались даже элементарные меры предосторожности, принимаемые в войсках¹³;
6. беспечность верхов простиралась столь далеко, что на случай войны в Москве не построили специально оборудованного командного пункта для Ставки¹⁴;
7. самое главное: Тимошенко и Жуков не настояли на объявлении мобилизации. Это не поздно было сделать даже в начале июня. Такая мера безусловно расстроила бы планы немцев и могла вообще предотвратить нападение.

В первые часы и дни войны руководители Наркомата Обороны вели себя не лучше. Несколько штрихов:

1. Получив сообщение о вторжении германских войск, Тимошенко и Жуков долго препирались: кому звонить Сталину (это происходило в присутствии адмирала Кузнецова).

2. Они утратили управление войсками¹⁵. Директива НКО № 1 (приказ о начале военных действий) была объявлена не ранее 7 ч. 15 мин., т. е. через четыре часа после вторжения. Приказ был сумбурный и носил печать растерянности. В нем не говорилось, что СССР и Германия находятся в состоянии войны. Было приказано разгромить и уничтожить вторгшиеся войска, но запрещалось переходить государственную границу СССР (звучит как издевательство). Воздушную разведку разрешалось проводить лишь на 100—150 км в глубь вражеской территории. Бомбить можно было только Кенигсберг и Меммель. Полеты над Румынией и Финляндией без особого разрешения запрещались¹⁶.

3. Они руководствовались порочной стратегической установкой на удержание каждого клочка земли; это происходило в условиях, когда инициатива была целиком на стороне противника¹⁷. Это было равносильно попытке потушить лесной пожар, возводя на его пути завалы из хвороста. А. А. Свечин еще в двадцатых годах предупреждал о гибельности такого курса. Следовало совершить быстрый организованный отход на рубежи, которые можно было реально защитить. Это предотвратило бы бессмысленные потери и деморализацию войск, а динамическая энергия наступающего противника была бы заметно погашена пространством. Но где Тимошенко с Жуковым было читать Свечина! Даже со стратегией Барклая и Кутузова они были знакомы более понаслышке.

В нашем рассказе невозможно обойти фигуру Голикова, возглавлявшего перед войной стратегическую разведку. Казалось бы, то обстоятельство, что разведорганы постоянно предупреждали об опасности нападения, говорит в пользу Голикова и позволяет даже причислить его к претерпевшим за правду. Но дело не так просто.

Голиков не утаивал донесений агентов, он доводил их до сведения Наркома, Генштаба и Сталина, но — пикантная подробность! — делал это очень и очень своеобразно. Информацию о подготовке немцев к войне, о сроках нападения он помещал в раздел, где излагались слухи и прочие недостоверные данные. Когда через много лет его об этом спросили, Голиков возразил, что действовал из лучших побуждений, что как раз слухам Сталин доверял больше всего. Возможно, любители парадоксов охотно зарегистрируют это признание, нас же скучные обязанности историков заставляют сделать другой вывод: Голиков хотел угодить, потрафить начальству, сообщая Сталину именно то, что тот хотел слышать. Голиков и ему подобные много способствовали созданию в советских высших кругах атмосферы, которую метко охарактеризовал Г. Солсбери:

”Документы наводят на мысль, что Сталин, Жданов и его помощники жили в мире, вывернутом наизнанку, в котором черное казалось белым, в котором опасность выглядела как безопасность, в котором бдительность расценивалась как измена и дружеские предупреждения как коварная провокация”.

Конечно, не в одном Голикове было дело. Такая социальная патология была вообще свойственна сталинской системе:

”Если нет прямого хода от низших инстанций к высшим, если руководство не настаивает на том, чтобы донесения были честными и объективными, и не готово действовать в соответствии с такими донесениями..., то самая лучшая в мире разведка пропадает зря, или, что хуже, становится орудием самообмана”¹⁸.

На одном из последних донесений Зорге Голиков приписал, что это версия, подброшенная англичанами, которые спят и видят, как бы втянуть СССР в войну. Сталин поверил. Именно эта формулировка была использована в печально знаменитом Заявлении ТАСС¹⁹.

Так недостойно вел себя шеф разведки, и все сошло с рук. Подлинным героям тайного фронта приходилось намного хуже. Яркий пример — судьба самого Зорге. Этот немец работал много лет против Германии, оказывая СССР неоценимые услуги. Наградой было недоверие. Уже в октябре-ноябре 1941 года он сообщил о предстоящем нападении Японии на США. Таким образом, угроза советскому Дальнему Востоку отодвигается на длительное время. Это позволило пустить в дело так наз. сибирские дивизии, сыгравшие решающую роль в битве за Москву.

Вскоре после этого Зорге попал в руки японцев в обстоятельствах, позволяющих предположить, что его провалили намеренно. Жена разведчика к этому времени уже находилась в советском лагере, о чем он не знал. Почти три года провел Зорге в японской тюрьме, но Сталин так и не удосужился его выменять²⁰.

Сталин как полководец

Льстивые дифирамбы, которые расточались военному гению Сталина при его жизни, рассмотрения не заслуживают, тем более, что партитуру этих песнопений сочинял он сам. Тем не менее по сей день множество людей — в их числе носители высших воинских званий — продолжают считать Сталина великим полководцем. Логика здесь нехитрая: Советский Союз войну выиграл, во главе его армии стоял сами знаете кто... что и требовалось доказать.

Маститые мемуаристы (такие, как Жуков, Василевский, Штеменко) преподносят нам этот общий вывод, не подкрепляя его фактами. Зато когда они же рассказывают о конкретных эпизодах с участием Вождя, напрашивается другое заключение. Чем больше знакомишься с военными мемуарами, тем сильнее утверждаешься во мнении: самостоятельные решения Сталина, касавшиеся армии и флота, не только были как правило неверными, они еще оказывались на руку врагу.

Доказательством этого тезиса в приложении к довоенному периоду служит в с я наша книга. Что касается собственно войны, то мы отсылаем читателя к воспомина-

ниям советских военачальников и пусть он делает выводы сам. Здесь мы дадим место нескольким ярким фактам, взятым наудачу.

1. Сталин, как это нередко наблюдается у тиранов, был человек трусливый. Поэтому известие о вторжении немцев повергло его в уныние. Еще не зная, что судьба уготовила ему лавры величайшего полководца всех времен и народов, он стал прикидывать, нельзя ли как-нибудь обойтись без войны и полюбовно, как прежде, договориться с агрессором. В "Дневнике Гальдера" имеется запись, сделанная 22 июня:

"12.00 (в Москве 14.00) — *Поступили сведения* о том, что русские восстановили свою международную радиосвязь, прерванную сегодня утром. Они обратились к Японии с просьбой представлять интересы России по вопросам политических и экономических отношений между Россией и Германией и ведут оживленные переговоры по радио с германским министерством иностранных дел" (т. 3, кн. 1, с. 26).

Оживленные постыдные усилия ничего не дали: Гитлер предпочитал воевать. Сталин и здесь оказался на высоте положения. Он удалился в свою кремлевскую квартиру и запил. Отходя в запой, он произнес для истории напыщенную фразу: "Великое дело Ленина погибло. Мы не сумели его защитить".

Прибегать к алкоголю в критические моменты было в характере Сталина. Когда после ограбления тифлисского банка в руки царской полиции попал Камо-Петросян, Сталин, главный организатор налета, вел себя подобным образом. Он сидел безвылазно в духанах, пил горькую и дрожал от страха. (Камо не выдал. Благодарный Сталин убрал его в 1924 г.). Теперь, казалось, никакое чудо не могло спасти недоучившегося семинариста. В июньские дни 1941 года не исход войны занимал мысли Сталина, а собственная судьба. Он ждал, что его, обанкротившегося авантюриста, заведшего страну на край пропасти, просто-напросто поставят к стенке. Но время шло, а ничего такого не происходило.

Наконец 29 июня на восьмой день войны, несколько членов Политбюро явились к затворнику. Вождя они застали опустившимся, заросшим щетиной. Вот оно! — подумал Сталин. Ничего подобного. Красные царедворцы всего-навсего просили пожаловать на заседание ЦК и СНК. Сталин упирался. Тогда ему осторожно намекнули, что он может остаться не у дел. Это был совсем другой, понятный Сталину разговор. Раз его не собираются казнить, то уступать власть он не намерен. Вождя кое-как привели в благообразный вид. 3 июля он выступил по радио с обращением к советскому народу.

Сталин воспрял духом и снова забрал в свои руки все нити государственного и военного управления. Но и назначив себя Верховным Главнокомандующим, он не преисполнился воинской доблести. В районы боевых действий он предпочитал не выезжать. Собственно говоря, достоверно известна только одна его поездка на фронт (август 1943 г. под Вязмой), да и то, по свидетельству А. И. Еременко, там он не производил впечатление храбреца.

2. Несмотря на свою феноменальную память, Сталин весьма туманно представлял себе организацию современной армии.

Благодаря этому он был весьма чуток к разного рода фантастическим затеям. Н. Н. Воронов пишет: "В Ставке время от времени возникали совершенно нелепые проекты. Меня удивляло, что Сталин относился к ним серьезно". Так, в конце 1943 г. им овладела идея объединить артиллерию и танки в единый род войск. Последствия этой несостоявшейся новации легко предвидеть. Тогда же он вновь задумал ввести институт главкомов направлений, который блестяще провалился в 1941²¹.

Еще раньше, перед войной, Сталин одним движением пера ликвидировал должность начальника артиллерии Красной Армии, передав его функции Главному артиллерийскому управлению своего любимца Кулика²². Когда последний блестяще провалился в первые дни войны, Сталин задумался. "Как могло случиться, — спросил он Воронова, — что наша артиллерия осталась без начальника артиллерии. Кем и когда было принято такое решение?" —

”Да вами же!” — хотелось ответить мне. В нескольких словах я напомнил о заседании в Кремле, где решался этот вопрос”²³.

...Июль 1941. Начальнику ПВО Воронову Сталин предлагает возглавить строительство оборонительных сооружений на Украине:

”Его поддержал Молотов. Пришлось доказывать, что я не специалист этого дела. Посоветовал возложить работу по строительству рубежей на начальника Главного инженерного управления, ведь она же непосредственно входит в круг его обязанностей. Оба были удивлены:

— Разве такой у нас есть?

— А как же. Начальником Инженерного управления у нас генерал Котляр”²⁴.

Таких анекдотов можно было бы привести еще немало. Добавим один. Зимой 1942 служба тыла доложила Сталину о неблагополучном положении со *спецукупоркой* — так на бюрократическом языке назывались ящики для боеприпасов. Начальник тыла А. В. Хрулев предложил издать приказ об обязательном возвращении использованной тары. Решение было разумное. Сталин с ним согласился, но от себя сделал приписку:

”...если какие-то части не будут возвращать ящики из-под патронов и снарядов, следует немедленно прекратить их питание боеприпасами, *независимо от хода боя*”.

Ни больше, ни меньше. Иосиф Виссарионович не хотел уступать в решительности самому Александру Македонскому²⁵.

3. Сталин был начисто лишен стратегического мышления. Наглядная иллюстрация — его действия в начале 1942 года. После того, как советские войска отбросили немцев от Москвы, Вождь немедленно воспылал безудержным оптимизмом. Он счел, что наступил перелом в ходе войны

и до победы — рукой подать. Где ему было понять, что германский главнокомандующий сухопутных войск оценил свое положение как невыгодное и совершил планомерный оперативный отход, заранее наметив его рубежи. При этом ему удалось сохранить силы: "4-я армия и 3-я танковая группа вообще не были разбиты, а 2-я танковая группа полностью сохранила свою мощь"²⁶. Гитлер за это Браухича отстранил. Ему, как и Сталину, больше импонировала "стратегия мясорубки" — кровопролитные сражения за любой клочок земли. Отступление немцев тем не менее продолжалось.

Что же Сталин? Он обратился к военным советам фронтов с директивным письмом:

"Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом *полный разгром гитлеровских войск в 1942 году*"²⁷.

Эта бодряческая директива Верховного полностью дезориентировала всех командующих фронтами. Повсеместно отход противника они принимали за паническое бегство. Такому настроению поддался даже осторожный Ватутин. Поведение фронтового командования в какой-то мере объяснимо. Каждый мог думать, что Сталин исходит из анализа *в с е й* стратегической обстановки, что Ставка располагает данными о критическом положении противника.

Общее советское наступление на всех фронтах быстро выдохлось. Оно привело только к полному израсходованию резервов, собранных с огромным трудом. Но Сталин не отказывается от своей навязчивой идеи — победить немцев в 1942 году. В мае он поддержал безграмотный план Тимошенко-Хрущева о наступлении на Харьков. В результате четыре советских армии попали в окружение. Отвести их своевременно Сталин не разрешил и они были полностью разгромлены. Немцы получили решающий перевес на юж-

ном крыле наших войск и смогли дойти до Главного Кавказского хребта и Волги. Десантная операция в Крыму не достигла цели. Ленинград продолжал агонизировать в кольце блокады. Весенне-летняя кампания 1942 года была проиграна советским командованием.

4. Венцом, вершиной полководческого творчества Сталина по праву считается Берлинская операция. Конечно, он и без того обогатил военную науку. Кое о чем мы рассказали, многого не смогли охватить. Например, оригинальное предложение о создании Конной армии, выдвинутое в 1942 г. Только единодушное противодействие Генштаба помешало претворить этот замысел. Но Берлинская операция есть предмет особый, ее обойти никак невозможно.

Стратеги старой школы свою главную задачу видели не столько в выигрывше отдельных сражений, сколько в достижении окончательной победы, в выведении противника из войны. Сталин был стратегом новой формации и не имел права действовать по старинке. Он загодя, еще в ноябре 1944, предопределил, что война будет окончена взятием Берлина. Тогда же было решено поручить захват имперской столицы маршалу Жукову, который, оставаясь первым заместителем Верховного, был с указанной целью назначен командующим Первым Белорусским фронтом. Вопрос о целесообразности Берлинской операции, о том, во что она обойдется, никогда Ставкой не рассматривался.

Что война должна завершиться победоносным вхождением советских войск в Берлин — это было для Сталина аксиомой. Правда, в Первой мировой войне поражение Германии состоялось без того, чтобы противник появился на ее территории. Но Сталин был всегда склонен к примитивной символике, как, впрочем, и Гитлер, придававший мистическое значение Сталинграду, в бесплодных попытках завладеть которым он загубил столько войск. Можно считать установленным, что в 1945 году Германия, теснимая с двух сторон, все равно не могла сопротивляться долго. И без решительного штурма последние вершки победы добывались с неизбежными тяжелыми потерями, особенно обидными, потому что без них можно было обойтись. Но что значили для Сталина горе и слезы сотен тысяч матерей,

чьи сыновья не дожили считанных дней и часов до мира! Все же оставим в покое стратегическую обоснованность Берлинской операции, раз она не попадала в поле зрения советского командования.

26 января 1945 года войска двух фронтов — Жукова и Конева — вышли к Одеру. Оба командующих увидели возможность с ходу атаковать Берлин и запросили разрешения Ставки. Сталин, взявший на себя координацию всех усилий на берлинском направлении²⁸, уже через день утвердил план операции. Была установлена разграничительная линия двух фронтов, предложенная Жуковым. Здесь была некая заковыка. Сталин не забыл, что он заранее назначил Жукова покорителем Берлина. Сам Жуков тоже ни с кем не хотел делить лавров. Поэтому намеченная им разграничительная линия не оставляла Коневу "окна" для нанесения удара по цели. Возникла парадоксальная ситуация, которую тогдашний заместитель начальника Генштаба Штеменко описывает словами:

"Получалась явная несуразица: с одной стороны, утвердили решение маршала Конева — правым крылом наступать на Берлин, а с другой установили разграничительную линию, которая не позволяла этого сделать".

В феврале, однако, наступление на Берлин не состоялось, потому что в последний момент заколебался Жуков. Угроза флангового удара со стороны группировки противника в Восточной Померании была признана им слишком серьезной. Трудно сказать, насколько обоснованными были опасения Жукова. Во всяком случае его подчиненный В. И. Чуйков, чья 8 гвардейская армия стояла в 60 км от Берлина придерживался другого мнения, от которого не отказался и после войны. Чуйков полагал, что Берлин практически беззащитен, и он возьмет его прежде, чем немцы успеют нанести удар во фланг. Мы не собираемся быть судьями в этом споре. Отметим только, что Жуков предпочел отложить штурм, но не наступать совместно с Коневым. (В этом случае он мог выделить часть своих сил для обеспечения фланга.)

К исходу марта оба фронта, особенно жуковский, накопили огромные резервы. Захват Берлина снова стал на повестку дня. 31 марта в Генштабе с участием Жукова и Конева рассматривался план операции. Последний, крайне раздосадованный своим нелепым положением, настаивал на изменении разграничительной линии. Но кто мог отменить решение Сталина?

На следующий день Верховный Главнокомандующий решил ускорить взятие Берлина. Он опасался, что его опередят американцы и англичане²⁹. Было собрано новое совещание, на этот раз с участием Сталина. Начальник Генерального штаба А. И. Антонов с самого начала возражал против такого плана операции. Ранее он неоднократно доказывал его несостоятельность Сталину, но добился только того, что ему было запрещено поднимать этот вопрос. 1 апреля Антонов решил все же предпринять новую попытку, прекрасно понимая, насколько рискованна такая настойчивость в отношениях со Сталиным. Начальник Генштаба высказал мнение, что невозможность для войск 1 Украинского фронта наступать на германскую столицу может увеличить продолжительность операции. Сталин вспыхнул и... сдался. Не говоря ни слова, он подошел к карте и стер 60-километровый отрезок разграничения от Люббена до Берлина. Дорога на Берлин была открыта для войск Конева.

Сталин оценил мужество Антонова. После войны ему вопреки стандарту того времени так и не было присвоено маршальское звание.

Цена

Задним числом легко отыскивать ошибки и подсказывать стопроцентные решения. В реальной обстановке, когда времени на обдумывание очень мало, а информация всегда недостаточна, просчеты неизбежны. Воевать наверняка никто не умеет. Зачем, спрашивается, ворошить прошлое? Тем более, что мы победили...

Два вопроса мы все же поставим:

1. Кто добыл победу в Отечественной войне?

2. Какой ценой она досталась?

Самый общий, отрицательный ответ на первый вопрос логически вытекает из всей нашей книги: не Сталин. Но постановка его ни в коем случае не является излишней. Слишком много наших соотечественников знают о войне чересчур мало правды.

Сразу после победы Сталин сам коснулся этой проблемы. Он хотел, прежде всего, дать свою интерпретацию событий и одновременно закрыть, исчерпать тему, не позволить высказаться кому-либо другому. 24 мая 1945 года он произнес тост на приеме в честь командующих войсками Красной Армии³⁰. Эта краткая речь исполнена глубокого политического смысла:

”Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа... Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза”.

”Наиболее выдающаяся нация” и далее ”руководящая сила” и ”руководящий народ” ... Такой угол зрения был сенсационной новинкой в официальном словоупотреблении. До этого руководящая сила всегда классифицировалась по классовому признаку: рабочий класс и его партия. Теперь властитель провозгласил превосходство одного, главного, народа над другими. Это было ново и неожиданно, это была важная перемена курса с далеко идущими последствиями.

Сталин открыто заявил о своей солидарности с доктриной нацистов, потому что ”руководящий народ” — это калька с немецкого выражения ”народ-фюрер”. Прочие народы советской страны как бы провозглашались неполноценными, что поощряло национальные обиды и сыпало соль на недавние раны. Немедленно началось переписывание истории. Вскоре обнаружилось, что царская Россия вовсе не была ”тюрьмой народов”, как привыкли твердить большевики, что национальные окраины, столько лет со-

противлявшиеся натиску Российской империи, на самом деле присоединились к ней добровольно. (Даже завоевание Кавказа, столь ярко описанное у Марлинского, Лермонтова и Л. Толстого, было признано не имевшим места: Дагестану даровали праздник присоединения к России, а Шамиля разоблачили как турецкого шпиона.) Кроме того, тезис о превосходстве русского народа послужил сигналом к разворачиванию антисемитской кампании, достигшей апогея в 1949—1953 гг. Неполноценных евреев снимали с руководящих постов, изгоняли из научных, культурных и идеологических учреждений, не допускали в высшие учебные заведения, травили как безродных космополитов... Круг замкнулся: война с фашизмом, на знамени которого значилось поголовное истребление евреев, завершилась принятием антисемитского курса в собственной стране.

Но и это еще не все, что можно почерпнуть из пятиминутного тоста. На парадном приеме в честь победы Сталин заговорил о недавних неудачах:

”У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала /.../, потому что не было иного выхода”.

Анализировать свои ошибки Сталин не стал. Он прибег к испытанному риторическому приему — выдвинул вздорный тезис и без труда его опроверг:

”Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой”.

Альтернатива насквозь фальшива: мира с агрессором быть не могло.

Не кто иной, как Сталин вел с Гитлером самоубийственную игру и пытался заключить сделку уже после вторжения нацистов. Был другой выход: поставить во главе стра-

ны честное и дееспособное руководство, но обсуждать эту возможность Вождю невыгодно.

Чуть раньше Сталин сделал русскому народу щедрый комплимент:

“...у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение”.

Само по себе такое определение бессодержательно, ибо про какой народ можно сказать, что у него мутный ум и т. д. Теперь выясняется, что это злобная, самодовольная насмешка. Здесь вся соль в т е р п е н и и:

“Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии”.

Тиран донельзя преисполнен торжеством, а все не может удержаться от издевки. Все вытерпел русский народ: коллективизацию, голод, чистки и п р а в и л ь н у ю политику, приведшую страну к о т ч а я н н о м у положению.

Окончательный вывод Сталину сформулировать просто:

“И это доверие русского народа своему Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом”.

Ишь, как складно: победа была добыта не борьбой народа, не его отчаянными усилиями, не его жертвами (мы еще покажем их немыслимый масштаб), а его д о в е р и е м к правительству, т. е. Сталину. А победил ясно кто — Сталин.

Теперь мы сделаем с в о й вывод. Войну выиграли народы Советского Союза — русский и все другие, и любое указание на чей-то исключительный вклад есть глумление над бесчисленными нашими могилами, в которых покоятся солдаты и мирные жители без различия национальностей. Наши воины на фронте, наши женщины, старики и подростки в тылу победили в этой войне — в о п р е к и Сталину

и его подручным, чья политика была измена Родине, совершенная во имя своекорыстных целей. Наши люди отстаивали свой дом и свою землю, но не Сталина и не сталинской хомут, который он надел на шею народа.

Сталин, Ворошилов, Тимошенко, Жуков, Голиков, Кулик, Мехлис, Молотов, Жданов, Берия и им подобные проиграла свою войну, зазря загубили многие миллионы человеческих жизней. Хотя они увешали себя пышными побрякушками — нет их доли в народной победе. Жуков и Василевский, стоявшие у руля советской военной машины, одарили нас своими мемуарами. Но тщетно ждать от них честной оценки своих действий и политики своего Вождя. Они скованы со Сталиным одной цепью. Это он взял их в историю — грязную, отвратительную, кровавую, и они до последнего надеялись, что историю можно подкрасить, подчистить, подлакировать — и в ней остаться. Они нашли у своего Генералиссимуса пару неприятных черт, но в целом отнеслись к нему благосклонно и почтительно. Потому что в нем они видят и судят — себя³¹.

Нам осталось сказать немногое — и самое страшное: о наших потерях. Когда мы говорим о трудности положения Советского Союза в начальный период войны, это не должно заслонять того факта, что поход Гитлера на Восток был безумной авантюрой. Он рассчитывал победить Красную Армию в шесть недель. Когда это не удалось (и удасться не могло), у Гитлера не оставалось никаких шансов. На нашей стороне были важные преимущества (берем только те, которые поддаются реальному учету):

1. огромная территория;
2. более богатые людские и материальные ресурсы;
3. вооружение, в начале войны не уступавшее немецкому, а потом превосходившее его;
4. более сильные союзники.

В длительном противоборстве более слабый противник в конце концов должен был уступить. Следовательно, более правильно говорить не о самой победе, которая была предрешена нашим превосходством, а о той цене, которая была за нее уплачена. Только таким образом можно

вывести объективное суждение о качестве руководства страной во время войны.

Можно было ожидать, что жертвы, которые мы принесли во имя победы, будут в худшем случае равны потерям поверженного противника. С них и начнем. Для начала сделаем маленькое замечание. Обычно статистика войны включает в графу потерь всех выбывших из рядов вооруженных сил — убитых, раненых, попавших в плен и пропавших без вести. Нас же в конечном счете будут интересовать цифры п о г и б ш и х (убитых и умерших от ран), т. е. безвозвратно потерянных для страны людей.

В германской армии учет потерь исправно велся почти до самого конца войны. Вот данные за период с 1 сентября 1939 г. по 20 апреля 1945³²:

Вид потерь	Вост. фронт	Зап. фронт	Общие
1. Убитые	1 044 178	156 796	1 201 974
2. Раненые	4 122 041	557 510	4 679 551
3. Пропавшие без вести и пленные	1 400 646	987 985	2 388 631
Все виды потерь	6 567 465	1 703 291	8 270 756

Согласно таблице, германская армия потеряла убитыми на обоих фронтах 1 млн. 200 тыс. человек, в том числе на Восточном — свыше 1 миллиона. Но это не ответ на вопрос об общем числе погибших. Дело в том, что часть раненых умирает от ран, а убитые попадают в категорию пропавших без вести. Кроме того, здесь нет сведений за последние 18 дней войны, охватывающих сражение за Берлин, где со стороны немцев участвовало около 1 млн. чел.

Полный учет приводит нас к оценке, которую дают западные источники: германская армия за время войны на всех фронтах потеряла убитыми и умершими от ран приблизительно 3 млн. человек. Потери среди мирного населения также составляют 3 миллиона.

Столь подробная *советская статистика* никогда не публиковалась; есть сведения, что ее вообще не существует. Наши источники говорят о потерях неохотно, скупно и каждый раз по-разному. Сразу после победы было заявлено, что потери СССР в войне составили 6 млн. человек, несколько лет спустя цифру уточнили до 9 млн., чуть позже — до 10.

В пятидесятых годах сбежал на Запад некий полковник МГБ, выдавший секретную цифру — 20 млн. погибших. Советские официальные органы сначала этот показатель дезавуировали, но немного погодя приняли на вооружение (Хрущев однажды назвал 22 млн.). Заметим, что все это говорится об общих потерях страны, т. е. армия плюс мирное население в приблизительном соотношении 1:1.

Итак, нам говорят, что Красная Армия потеряла 10 млн. солдат и офицеров. Увы, это лишь половина правды. Демографические расчеты бывшего советского профессора Курганова, основанные на сопоставлении переписей 1939 и 1959 гг., дают другие, еще более ужасающие цифры: общие потери — 45 млн. человек, армия — 22 млн.³³.

45 и 6, 22 и 3 — таково соотношение жертв, принесенных советским и германским народами. Разница в численности населения не сглаживает этого различия. Германия бросила на алтарь войны 8,6% населения, мы — 23%, почти четверть нации. Вот она цена гениального руководства, политики, неизменно правильной на всех этапах, избиения армии в мирное время, единодушного и горячего одобрения. Господь, благослови Россию! Избавь нас от таких испытаний и таких правителей!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Наша книга подошла к концу. Мы собрали — рыхло, неполно, сколько сумели — материал о горестной судьбе Красной Армии, как смогли рассказали о ее падении, которое обернулось для страны немыслимой трагедией, обескровило ее, отняло десятки миллионов сынов и дочерей. Мы упорно твердили тебе, читатель: запомни имена палачей армии, губителей Родины. Скажем теперь другое.

Было бы величайшим лицемерием всю вину за самое гигантское пролитие крови в истории России и памяти человечества возложить на Сталина и Ворошилова, Молотова и Маленкова, Ежова и Берию, на их присных, на их подпевал и восхвалителей. Такой вывод вышел бы удобным и спасительным для нашей совести. Черноту злодейства, содеянного этими людьми, не отбелит самая едкая щелочь. Но не вся это правда.

Что-то неладно с нами самими. Ведь не из других же стран или миров пришли эти демоны зла. Они наши соотечественники, наши братья, отцы, деды, наши кровные, единокровные. Пусть утешаются современные русопяты, что все беды святой Руси от неизменных жидов, грузинских выходцев, полячишек-католиков и латышских стрелков. Такой довод годится для убогих духом, слепорожденных людей. Это не ответ на гнетущий, душу пожирающий вопрос, а всего лишь увертка пещерного мышления.

Не станем себя жалеть. В нашем национальном сознании существует изъян, червоточина. Трудно описать его в двух словах, но главное это — терпимость к злу и покорность несправедливой власти. Легко принимаем мы заведомую, кричащую ложь. Так было, так будет... Плетью обуха не перешибить... Мало и этого. Притерпевшись, приняхавшись к смраду неправды, мы теряем веру в способность собственного разума, становимся глухи к голосу нравственного чувства и подчиняем вялую свою волю железной решимости тиранов. Многие идут дальше. Они находят упоение, сладо-

страстие, экстаз в потере личности, зрения, разума. Так возникает ситуация, когда народ пожирает самого себя, следуя безумным затеям верховодов. Чего бы стоили каннибальские замыслы Сталина, не найди он миллионов исполнителей, большинству которых не удалось сносить головы. Они отыскиались, пришли по первому зову, все совершили по предначертаниям параноика, а погибая, славословили его. Они надрывно оплакивали его смерть. Даже в неслыханном размахе несчастий своей страны они нашли повод для бахвальства и чванства. Когда им приоткрыли малую долю правды о преступлениях Сталина, они (или мы?) все же остались тайными обожателями поверженного кумира.

Пережитая трагедия — не простая страница истории, но отверстая рана в сердце России, еще и путы ее духа, шоры на глазах. Слова о возмездии здесь неуместны. Мертвецов наших этим не воскресить. (Да и кому мстить, когда организаторы и вдохновители бойни уже в почетных могилах! Престарелому Молотову, Маленкову или сотне-другой палачей помельче?)

Но сказать п р а в д у обо всем, ничего не утаивая, ничего не закрашивая, — наш святой долг. Перед памятью невинно погибших, перед нашими детьми, перед будущим Родины. Духовное возрождение нации невозможно, пока зло остается потаенным, неосужденным, пока торжествующая ложь парализует нашу волю, разъедает души и усыпляет совесть.

Москва,

11 июля 1977 года

П Р И М Е Ч А Н И Я

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Г л а в а 1

1. По Москве и ее окрестностям. Путеводитель-справочник для туриста и москвича. И. Ф. Горностаева и Я. М. Бугославского. Типография Товарищества И. Д. Сытина, Валовая ул., его дом, Москва, 1903.

2. Вся Москва в кармане. Государственное издательство. Москва—Ленинград, 1926, с. 63.

3. Похоже, старались соблюсти российскую государственную традицию. Вот как поступил с осужденными декабристами Николай I: "Приговор выполнили украдкой... на гласисе крепости, где был призрак суда, и под прикрытием внезапно собранных войск... Родным запретили взять тела повешенных: ночью кинули их в яму, засыпали негашеной известью и на следующий день все-народно благодарили Бога за то, что пролили кровь" (Мих. Лунин. Разбор. Из книги Н. Я. Эйдельмана "Лунин" (ЖЗЛ)).

Г л а в а 2

1. Гитлер так никогда и не узнал о наличии у него союзника в лице Польши. 10 ноября 1937 г., через год после кремлевской игры, он заявил на совещании политических и военных руководителей Германии: "Если Чехия будет разгромлена и будет установлена граница Германии с Венгрией, то в случае нашего конфликта с Францией можно будет скорее ожидать, что Польша займет нейтральную позицию... Если Германию постигнут неудачи, то надо ожидать, что Польша выступит против Восточной Пруссии, а возможно также против Померании и Силезии" (см. "Совершенно секретно! Только для командования!") Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. Под ред. Н. Г. Павленко. М., "Наука", 1967, сс. 58—59).

Глава 6

1. Позже И. С. Кутяков, командовавший 25 "Чапаевской" стрелковой дивизией на польском фронте, в сотрудничестве с Н. М. Хлебниковым написал книгу "Киевские Канны". В ней было показано, каким образом Третьей армии поляков удалось избежать окружения и разгрома. В 1937 г. Кутяков передал рукопись наркому Ворошилову, после чего был арестован и погиб.

2. Это пришлось признать Сталину ("К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов"). Несмотря на это, до самой Отечественной войны тезис о поддержке Красной Армии пролетариатом воюющих с СССР стран был составной частью советской военной доктрины и глубоко укоренился в народном сознании.

3. Не следует думать, что не будь заминки с Первой Конной, Варшава была бы непременно взята, а Польша повержена. Наше описание относится только к о п е р а т и в н о й обстановке. При анализе с более высокой точки приходится брать в расчет, что за спиной Польши находилась военная и особенно экономическая мощь всей Антанты. Ленин открыто назвал неудачу польского похода просчетом в п о л и т и к е. Относительно чисто военной стороны дела он как-то заметил в разговоре: "Ну кто же ходит на Варшаву через Львов..."

Глава 7

1. Официальная пропаганда не заботится, понятно, об исторической достоверности. В конце шестидесятых годов на месте боев за Каховку, воспетых в песнях и стихах, поставили памятник в виде... тачанки. В воображении потомков немедленно всплывает образ Первой Конной. Между тем во время этого сражения — июль 1920 — она воевала на польском фронте, за много сотен верст от Каховки. Победу добыли п е х о т н ы е части Латышской, 3, 46 и 52 дивизий. Можно предположить, что это махновская тачанка. Но Повстанческая армия перешла на сторону красных только в октябре.

2. Написано в 1976 году. Позднее она появилась на Западе, см. Sergey Starikov and Roy Medvedev. Philip Mironov and the Russian Civil War, translated by Guy Daniels (New York: Alfred A. Knopf, 1978).

3. Принято вести родословную казаков от беглых крестьян. Л. Н. Гумилев считает, однако, что на Дону еще раньше возникли поселения уцелевших х а з а р, которые вложили, наряду с другими, камень в основание казачьего племени. После окончательного покорения Дона при Петре I беглые продолжали находить там прибежище, но в казаки их не верстали. Так возник разряд иногородних.

Позже к ним присоединились бывшие крепостные донских помещиков.

4. Председатель Донбюро Сырцов после начала Вешенского восстания инструктировал: "За каждого убитого красноармейца и члена ревкома расстреливайте сотню казаков. Приготовьте этапные пункты для отправки на принудительные работы в Воронежскую губернию, Павловск и другие места всего мужского населения от 18 до 55 лет включительно. Караульным командам приказать за каждого сбежавшего расстреливать пятерых, обязав круговой порукой казаков следить друг за другом".

5. За время гражданской войны в Красную Армию было призвано 48 409 бывших офицеров. Всего на конец войны в РККА насчитывалось 130 тыс. командиров (см. А. М. Иовлев. Д. А. Воропаев. Борьба коммунистической партии за создание военных кадров. М., Воениздат, с. 18). Строевые командиры, начиная с батальонных, в огромном большинстве были из царских офицеров, о штабах и говорить нечего.

6. Любопытно, что последний в 1918, будучи в Ярославле, пытался вступить в РКП. Дело не удалось, потому что прибалтийского студента буржуазного происхождения там никто не знал, а на революционном поприще он не успел себя проявить. Розенбергу ничего не оставалось, как поехать в Германию и записаться в другую партию.

Глава 8

1. Сегодня ход и содержание дискуссии выглядят как фарс. Троцкий и примкнувший к нему Бухарин откровенно требовали превратить профсоюзы в орудие подавления рабочего класса, не оставляя ему никак средств защиты против государства — хозяина всех фабрик и заводов. Ленин и Зиновьев были в принципе согласны с таким подходом (в резолюции, принятой ЦК по предложению Ленина, одобрялись "здоровые формы милитаризации труда"), но настаивали на более осторожных формулировках ("профсоюзы — школа коммунизма"). "Рабочая оппозиция" кричала о невыносимо трудном положении пролетариата, о массовом выходе рабочих из партии и добивалась передачи всей власти в промышленности профсоюзным функционерам в лице Всероссийского съезда производителей. Среди вождей "рабочей оппозиции" тон задавали бывшие пролетарии Шляпников, Кутузов, Медведев вкупе с дочерью царского генерала Александрой Коллонтай. В пылу словесных баталий они напирала на засилье интеллигентов в партии (на местах говорили откровеннее — евреев). Как и следовало ожидать, группировки Ле-

нина и Троцкого легко нашли общий язык и выступили единым фронтом. Шляпниковцы заработали ярлык марксоотступников, то бишь анархо-синдикалистов, и были наголову разбиты на X съезде. Вряд ли из их затей вышло бы что-нибудь большее, чем рекламные рабочие советы в Югославии.

2. Все эти потрясающие документы опубликованы: см. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922), т. III, М., Воениздат, 1974, сс. 508–509.

3. Фрунзе доложил Ленину и ЦК, что "общая убыль убитыми (красных) при штурме перешейков не менее 10 тыс. человек".

4. Это тот самый рыцарски настроенный Бела Кун, которого назначили председателем Крымского ревкома.

5. Стороннему наблюдателю сразу бросалось в глаза, что с властью рабочих и крестьян дело обстоит не вполне чисто. Член итальянской коммунистической делегации Э. Коломбино, побывавший в стране летом 1920 г. написал в книге "Три месяца в Советской России": "Много раз говорили и повторяли, что основной принцип русской революции – это диктатура пролетариата. Но и в этом случае мы имеем дело, по меньшей мере, с преувеличением. Диктатура существует, – и, возможно, ко благу пролетариата, но собственно он, бедняга, в настоящее время тут ни при чем... Диктатуру осуществляет коммунистическая партия, вернее, даже ее фракция... Это безусловно диктатура немногих лиц. Это – социалистический царизм, который легко понять, если не оправдать, в стране, имеющей за собой века рабства и царской диктатуры", (Цит. по: Протоколы X съезда РКП (б). М., Партиздат, 1933, сс. 884–885).

6. Цит. по: А. Слепков. Кронштадтский мятеж. М.-Л., 1928.

7. В дело были брошены нешуточные силы. Против основных формирований повстанцев, где далеко не у каждого бойца была винтовка, действовала ударная группа Уборевича: 14 кавбригада (1000 сабель при двух орудиях), кавбригада Котовского и три бронетряда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 9

1. Время от времени этот порядок нарушали деятели рангом поменьше. Так "Рабочая оппозиция" пыталась продолжить борьбу по с л е X съезда, где потерпела сокрушительное поражение. За это Ленин едва не исключил Шляпникова из ЦК.

2. Где тогда безраздельно властвовал Зиновьев.

3. Этот эпизод мы подробно освещаем в следующей главе.

4. Даже дату переворота – 25 октября ст. ст. – выбрали не случайно: это был день рождения Троцкого.

5. Этот пункт разрешал ЦК за нарушение дисциплины и проявление фракционности применять крайнюю меру – исключение из партии. Наказание можно было распространить даже на членов ЦК. В этом случае собирался пленум ЦК с приглашением всех кандидатов ЦК и членов Контрольной Комиссии. Исключение считалось правомочным, если за него подано две трети голосов. Прежде такая мера была исключительной прерогативой съезда. Проект резолюции, писанный рукой Ленина, смутил многих делегатов. Их долго уламывали. Ленин заверял, что пункт этот применяться никогда не будет и введен только для острастки ("наставить пулеметы"). Замешательство было столь велико, что потребовалось поименное голосование. За резолюцию высказалось только 59% делегатов. Пункт 7 было решено не оглашать. Уже через год его применили к члену ЦК А. Шляпникову, но для исключения не хватило 3 голосов (вопрос поставил, конечно, Ленин). Сталин на X съезде в голосовании не участвовал, так как присутствовал с совещательным голосом, тем не менее с успехом воспользовался ленинским инструментом. Он же, кстати, впервые предал гласности этот пункт во время полемики с троцкистами на XIII конференции (1923).

6. Большинство исключенных вернулось в партию, но кое-кого, например Зиновьева и Каменева, изгоняют снова и снова. Эти люди вычеркнуты из политической жизни и полностью деморализованы. Никому из них не суждено пережить Большой Чистки.

7. За проведение процесса были Сталин, Молотов, Ворошилов, против – Рыков, Томский, Бухарин. Все решили голоса Калинина, Рудзутака и Куйбышева, которые, недолго помявшись, присоединились к сталинцам.

8. Набоков писал в кадетской газете "Руль" от 18. XI. 21: "Коммунистическая партия пришла к власти небольшой группой, состоящей из идейных энергичных деятелей, располагающей среди рабочих и крестьян некоторым количеством дисциплинированных работников. Затем партия постепенно, но сравнительно медленно увеличивалась, причем борьба на фронтах помогала поддерживать в рядах партии железную дисциплину. За последнее время в ряды партии хлынул в огромном количестве мелкобуржуазный элемент – чиновники, служащие, бывшие приказчики и т. д. Прежний мускулистый, выдерживающий самые сильные удары организм партии стал ослабевать, покрываться жиром... Прекратился приток в партию идейных работников, главным образом в партию стремились люди, искавшие всякого рода жизненных благ.

... Испытания, заключающиеся в экзаменах по программе коммунистической партии, дали самые отрицательные результаты. В громадном большинстве случаев, даже в городах, нельзя было получить удовлетворительные ответы..."

Глава 10

1. И. Берхин. Военная реформа в СССР (1924–1925). М., Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1958.

2. Когда на VIII съезде его противники сплотились в "военной оппозиции", Троцкий демонстративно уехал на Восточный фронт, предоставив Ленину наводить порядок в собственной партии. Ленин не без труда, но решительно подавил маленький мятеж, и военспецы остались на своих местах.

3. Жить Склянскому оставалось недолго. Его, врача по профессии, назначили управляющим трестом "Моссукно". Летом 1925 г. он утонул на одном из зарубежных курортов.

4. Эти крупные перемещения прошли не только без Троцкого, но и без нового предсовнаркома Рыкова, который тоже был в отъезде до апреля.

5. Повесть должна была появиться в журнале "Новый мир" в 1926 году, но в последнюю минуту весь тираж был конфискован. Редколлегия признала, что принятие к публикации этой вещи Пильняка было политической ошибкой. Повесть увидела свет в Софии в 1927 году; советский читатель до сих пор знает о ней больше понаслышке.

6. Об этом сообщает со слов Тухачевского И. А. Телятников в опубликованных мемуарах и добавляет, что указанное высказывание повредило ему в дальнейшем в глазах Ворошилова.

7. В том же 1925 г. Сталин убрал потенциального соперника Квиринга из партаппарата и перебросил на хозяйственную работу — в ВСНХ; потом — до гибели в 1937 — он работал в Госплане. На Украине Квиринга сменил матерый сталинец Каганович.

8. Злые языки, порой говорящие правду, сообщают такой эпизод при разборе ворошиловского дела. Рухимович заявил: "Все мы хорошо знаем Клима, парень он храбрый, но куда ему армией командовать. Ротой — в самый раз!"

9. Из военных один зинovieвец М. Лашевич, новый заместитель председателя РВС СССР, сражался на съезде в рядах "ленинградской оппозиции". За это его сослали на КВЖД, где он умер или покончил с собой в 1928 году.

1. Во время дискуссии в редакции "Военно-исторического журнала" (см. ВИЖ, 1966, № 2) некоторые историки — М. Ангарский, С. Найда, А. Кадишев, А. Голубев и др. — призывали отказаться от мифологического представления об организованном походе 14 стран. Праведный народный гнев начальства не знал границ: вся редколлегия журнала во главе с главным редактором была разогнана.

2. См. Гражданская война 1918–1921. М.-Л., 1930, т. III, с. 130–131; Малая Советская Энциклопедия. М., 1930, т. 3, с. 480.

3. Одинокое исключение — статья А. В. Голубева в "Военно-историческом журнале" (1965, № 10).

4. Чапаев, кстати, обладал незаурядным природным умом. Героем анекдотов его сделали авторы фильма, весьма кособоко прочитавшие книгу Фурманова. Выполняя социальный заказ своих хлебодавцев, они сочинили фантастический образ — красный Егорий-победоносец пополам со скоморохом. Чапаев был талантливым и храбрым командиром и не обладал теми дурацкими причудами, которые приписали ему псевдобратья Васильевы. Но — из песни слов не выкинешь — с грамотностью было слабовато. Достаточно привести в оригинальной орфографии рапорт Чапаева по поводу ухода из Академии:

"Многоуважаемому тов. Линдову (член РВС 4 армии. — Авт.).

Прошу Вас покорно отозвать меня в штаб 4 Армии на какую небудь должность командиром или комиссаром в любой полк так что я преподавания Академии мне не приносить никакой пользы что преподают я его прошол на прахтеки вы знаети что я нуждаюсь в общеобразовательном цензе которой я здесь не получаю и томится понапрасну в стенах я несогласин его мне кажится тюрьмой и прошу еще покорно не морить меня в такой неволи я хочу работать и не лежать и если вы меня не одзовете я пойду к доктору которой меня освободит и я буду лежать бесполезно но я хочу работать и помогат вам если вы хотите чтобы я вам помогал я судовольствием буду к вашим услугам так будети любезны выведите меня из етих каменных стен.

Уважающий вас ЧЕПАЕВ"

Резолюция Линдова: "Указать Чапаеву, что мы не имеем права отозвать его из Академии, так как он послан туда по распоряжению тов. Троцкого".

5. Перечислим только отдельные издания:

Война в горах. СПб, 1906–1907; В Восточном отряде. Варшава,

1908; Воздухоплавание в Германии. СПб, 1910; Русско-Японская война 1904—1905. Ораниенбаум, Офицерская строевая школа, 1910; История военного искусства. М., 1922—1923. 2-ое изд., М., 1925; Стратегия в трудах военных классиков. М., 1924—1926; Стратегия. М., Госвоениздат, 1926; 2-ое изд., М., 1927; Эволюция военного искусства. М.-Л., 1927—1928; Искусство вождения полка. М.-Л., 1930; Клаузевиц. М., 1935.

6. См.: Вопросы высшего командования, 1924; Вопросы современной стратегии, 1926; Тактика и стратегия, 1926; Комментарий к Полевому уставу, 1929.

Глава 12

1. В феврале 1920 Сталин уговорил Буденного и Ворошилова подчиниться новому командующему, назвав при этом Тухачевского "демоном гражданской войны".

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 13

1. См. записку Ленина наркомюсту Курскому о терроре (1921).

2. Может статься, что триста лет — предельный срок, дольше которого ни одно значительное явление в России продержаться не может. Как монгольское иго, как крепостничество, Романовы отслужили его и должны были уйти. Соображение это не стоит пока принимать близко к сердцу.

3. Видимо, подобно тому, как у каждой актрисы объявляются поклонники, так и у всякого тирана, самого жестокого, после смерти остаются бескорыстные вздыхатели. Нерон в сравнении со Сталиным — мальчишка и пижон, но в свое время успел достаточно досадить римлянам. Светоний так описывает настроения общества после самоубийства свергнутого принцепса: "Его смерть вызвала в обществе такую радость, что по всему городу люди бегали с войлочными шляпами на головах в знак освобождения от рабства. Тем не менее было не мало и таких, которые еще долго спустя весной и летом украшали его гробницу цветами; на рострах выставляли также его изображения в ширококаемчатой тоге и его эдикты, словно он был жив и словно ожидалось скорое его возвращение". После этого можно не удивляться, что до сих пор имеется спрос на самодельные сувениры с изображением Сталина. И не в одной Грузии...

4. Национализация не была воплощением целей пролетарской революции. Программное требование большевиков состояло в рабочем контроле над промышленностью. Национализация, как объяснил Ленин, была возмездием буржуазии за нежелание сотрудничать с новой властью. Конечно, для владельцев предприятий, это различие было малосущественным.

5. Каждому двору был оставлен небольшой п р и у с а д е б н ы й участок площадью 0,20–0,25 га, причем размер его у единоличников был еще меньше, чем у членов колхоза. Прокормиться с такого надела можно было только в некоторых районах с особыми условиями – Закавказье, Средняя Азия.

6. Штамм вышел на диво живучий, и ныне это заболевание поразило многие страны. Бациллоносителей называют по-разному. Одни видят в них борцов за свободу и независимость, другие – террористов, даже обыкновенных преступников и убийц.

7. Отождествление Троцкого со Ставрогиным, проделанное Алексеем Толстым в период Большой Чистки, есть произвольная натяжка для казенных надобностей, рассчитанная притом на неосведомленность публики.

8. Невозможно удержаться от обширной цитаты: "У него хорошо в тетради... у него шпионство. Каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное – равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей!.. Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство, и вот щигалевщина!" (Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. Л., 1974, т. 10, с. 322).

9. Там же, с. 311.

10. Для психиатра не составило бы труда квалифицировать такие эскапады как манию величия и эксгибиционизм. Однако на печальном примере проф. Бехтерева можно видеть, что в периоды общественного подъема постановка профессионального диагноза – дело крайне небезопасное. Позже отношения психиатрии с реальной жизнью страны приняли и вовсе другое направление.

11. Достоевский. Указ. соч. т. 10, с. 323.

Глава 14

1. Вот какими словами описывает Свечин экономическую политику периода войны: "Придется временно отказаться от 8-часового рабочего дня и приостановить действие Кодекса законов о труде. Придется повысить интенсивность труда и продолжительность работы, уменьшив реальную зарплату. Предъявление требований к массам, обречение их на каторжный труд, лишение их сносных условий существования будут идти параллельно с борьбой — за эти самые массы... Воевать — это значит не только манифестировать". Ну, слыханное ли дело! Ничего подобного в помине не было в Отечественную войну...

Глава 15

1. Старый кавалерист горько сетовал, что над ним издеваются в печати за пристрастие к коневодству: словесно и с помощью карикатур. Буденного принимали тепло, но публика при этом веселилась на славу. В стенограмме одиннадцать раз отмечен смех, один раз общий хохот и даже — гомерический хохот. Оратор стоял на своем, что без коняшки народному хозяйству не обойтись, армии — тем более: "Я уже не говорю о том, какое огромное значение имеет лошадь в обороне страны. Оборона страны без лошади немыслима". Так, увы, думал не один Буденный.

2. Триандафиллов писал: "... в настоящее время, рассуждая абстрактно, при обороне легче достигнуть устойчивого фронта, чем раньше. Но беда обороны заключается в том, что она ведется заведомо малыми силами и не всегда может дать ту плотность фронта, которая обеспечила бы достаточную плотность боевых порядков". В силу излишней категоричности это утверждение оказалось ошибочным. Можно указать на Сталинград и Курскую дугу, где исключительная устойчивость обороны создала условия для крупнейших по своему значению оперативных успехов.

3. Генерал-лейтенант Дзенит вспоминает, что в 1930 г. для демонстрации Сталину и членам Политбюро возрастающего значения бронетанковых войск "были проведены под Москвой большие маневры с участием единственной в то время механизированной бригады и моторизованного отряда в составе Московской пролетарской дивизии... Отмахиваться, как прежде, от предложений Тухачевского стало просто невозможно. Последовало решение о выделении значительных средств на танкостроение". Наверно, Сталин впервые увидел танки и они ему приглянулись...

4. Достаточно полное представление о состоянии советской военной мысли в 20–30 гг. дают две выпущенные недавно хрестоматии: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–40). М., 1965; Вопросы тактики в советских военных трудах (1917–40). М., 1970.

5. Г. Иссерсон. Эволюция оперативного искусства. М., 1937. Цит. по: Вопросы стратегии и оперативного искусства..., ук. соч., с. 396–399.

6. Лиддел Гарт, выдвинувший доктрину непрямых действий, начал научную карьеру почти одновременно со Свечиным. Его первая работа "Париж, или Будущее войны" увидела свет в 1925 г. – спустя два года после свечинской "Стратегии". В ряде фундаментальных положений английский автор созвучен со своим русским коллегой, хотя и не был знаком с его трудами.

Глава 16

1. Удобнее считать в тоннах, но в центнерах выглядит в 10 раз внушительнее.

2. Цифра посчитана на основании относительных показателей из доклада на предыдущем съезде. Похоже, что эти показатели процентов на 5 завышены. Если их принять для последующих лет, то в 1929 было бы 754 млн. ц.

3. Мы исходим из того, что взятый темп прироста товарности – 15% в год – сохранялся. Больно заманчиво было в 1932 или 33 гг. достичь уровня 1913.

4. С учетом принятого нами роста товарности.

5. В то же время колхозы владели 74% зерновых площадей, да еще 11% было у совхозов, так что на долю 34% единоличников приходилось всего 15% земли.

6. По самому скромному счету. Сталин хвастал, что товарность колхозов, не в пример мужику, достигла 30–40%. Если подбирали по верхнему пределу, то товарищам колхозникам приходилось совсем туго. С е й ч а с товарность зернового хозяйства приблизительно 40%, не валовой сбор раза в 2,5 повыше, а сельское население вдвое убавилось.

7. Это из расчета "сам-пять", но вообще в эти годы площади посевов подросли на 15–20%.

8. Возможно, ох, как возможно, что цифры валового сбора зерна завышены. Потом, в пятидесятых, Хрущев открыл нам маленький секрет относительного того, как решалась зерновая проблема. Вместо того, чтобы считать зерно, ссыпанное в закрома,

определяли урожайность на выборочных участках — ясно, довольно хороших, затем ее помножали на посевные площади. Благодаря этому нехитрому изобретению, хлеб, потерянный при уборке и транспортировке, а также недобранный на плохих землях, считался как с о б р а н н ы й. Если Сталин додумался до такой неевклидовой арифметики еще в начале тридцатых годов, тогда положение с прокормом мужика выглядело еще х у ж е...

9. Кому прискучила статистика, пусть прочтет "Котлован" великолепного и честного мастера Андрея Платонова. Люди в голодающих деревнях, почувствовав приближение смерти, с а м и ложились в загодя заготовленные гробы — чтоб легче было хоронить.

10. Хлеб был главный источник валюты, но не единственный: за границу везли лес, пушнину, шетину, кожу... Всего этого не хватало, и в стране развернулась подлинная охота за валютой и золотом. В 1929—30 гг. ОГПУ произвело массовое изъятие ценностей у населения. Во время первой пятилетки гостиницы и рестораны в Москве и Ленинграде обслуживали одних иностранцев. В те годы продали за рубеж огромное количество картин и других художественных ценностей из собрания Эрмитажа, а также детали убранства разрушенного храма Христа Спасителя в Москве.

11. Был еще небольшой процент комсомольцев, которым впоследствии приписали в с е, что было построено.

12. Есть данные, что в 1928—1929 гг. расстреляли 48 человек из аппарата Госплана.

13. По сообщению Орджоникидзе, в тяжелой промышленности было истрачено 21,5 млрд. руб., причем основные фонды возросли на 13,6 млрд. Видимо, он включил в общий итог также и оборотные средства.

14. Говорил также П я т а к о в, исключенный в 1927 и восстановленный в 1929. Но он был, видимо, давно прощен, потому его выступление посвящено исключительно вопросам тяжелой промышленности (он работал первым заместителем Орджоникидзе). Пятакова проводили "продолжительными аплодисментами".

15. В партию, получается, он вступил в 1892 году. РСДРП, от которой большевики ведут летоисчисление, создана в 1898. Некоторые, в том числе Ленин, в качестве начала партстажа брали работу в Петербургском "Союзе борьбы" (1895). От какой даты отправляется старый боец — неясно.

16. Только хлеба мы до сих пор выращиваем намного меньше, чем, скажем, фермеры в Северо-Американских Соединенных Штатах.

17. Все, кому надо, знали: Сталин неприязненно относился к Тухачевскому и любым его предложениям. Однажды, когда нужно

было провести в Политбюро увеличение армии, Тухачевский со своим другом Триандафилловым пошли на военную хитрость. Тухачевский в докладе назвал не ту цифру, которую хотел. Триандафиллов ему возразил. Сталин обрадовался случаю досадить и присоединился к поправке. Она была принята как предложение Сталина-Триандафиллова.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 17

1. Тот самый Сергей Иванович Сырцов, который на посту председателя Донбюро прославился неутомимой жестокостью в преследовании казачества (см. главу "Миронов").

2. 11 августа 1936 ЦИК внес некоторые поправки в Закон от 1 декабря: а) открытые заседания суда, б) допущение адвокатов, в) 72 часа на подачу просьбы о помиловании. Смягчение было приурочено к августовскому процессу, чтобы дать надежду подсудимым, которым обещали жизнь взамен нужных показаний. Фактически ничего не изменилось. В 1937 г. закон, который что дышло, снова ужесточили.

3. В двадцатых годах проговоры были смутные, позже вполне определенные. Факты медицинских убийств теперь признавались открыто, а виновных подбирали из подходящего круга лиц. Расправа с Горьким, Менжинским, Куйбышевым была отнесена на счет личных секретарей и докторов Левина, Плетнева, Казакова. В смерти Щербакова и Жданова обвинили в 1953 большую группу кремлевских врачей-евреев, куда для вящей убедительности включили личного лекаря Сталина — Виноградова. Последний, к слову пришлось, в 1938 подписал несколько липовых экспертиз о злонамеренном лечении, явившихся смертным приговором для его коллег.

4. Одна из версий. Согласно другой, Зиновьев и Каменев требовали разговора на Политбюро. Их будто бы повезли в Кремль, где с ними беседовали Сталин, Ворошилов и Ежов — в качестве специальной комиссии Политбюро. Обе версии сходятся на том, что им были обещаны жизнь и неприкосновенность семей в случае принятия на процессе линии обвинения.

5. Томский застрелился 22 августа 1936 г. по получении номера газеты с отчетом о процессе. С Рыковым и Бухариным еще поиграли в кошки-мышки. 10 сентября в газетах появилось краткое сообщение, что следствие по их делу прекращено "за отсутствием каких-

либо свидетельств об их преступной деятельности". На январском процессе Радек снова указал на правых как на соучастников.

6. На августовском процессе 1936 года работала целая команда провокаторов — В. Ольберг, Ф. Давид, Берман-Юрин, М. Лурье, Н. Лурье, на январском 1937 г. вроде бы один — Шестов.

7. Снова имеется параллельная версия. Она относит описанный эпизод к январскому процессу и связывает его с Пятаковым. Серго действительно высоко ценил своего заместителя по Наркомтяжпрому и мог торговаться со Сталиным за его жизнь. Известно, что он навещал Пятакова в тюрьме. В пользу этой версии говорит также близость сроков: казнь Пятакова — конец января, убийство Серго — середина февраля.

8. 25 сентября 1936 г. они телеграфировали из Сочи Молотову, Кагановичу и другим членам Политбюро: "Мы считаем абсолютно необходимым и спешным, чтобы т. Ежов был назначен на пост Наркома Внутренних Дел. Ягода определенно показал себя явно неспособным разоблачить троцкистско-зиновьевский блок. ОГПУ отстает в этом деле на четыре года". Цифра не названа наобум: она отсылает в 1932 — к делу Рютина. Ягodu пока — до посадки — назначили Наркомом Связи, благодаря чему из Совнаркома был выведен его бывший председатель Рыков.

Глава 18

1. Ничего в истории не проходит без следа. Комендатура Кремля выставила Академии счет за сломанную калитку — он сохранился.

2. Высшие военные начальники визировали аресты подчиненных. Сохранились пухлые списки с подписями Гамарника, Примакова, Блюхера, Уборевича, многих других, но не Якира и Тухачевского.

3. Сотрудница НКВД Анастасия Рубан сообщила Якиру, что виденные ею обвинительные материалы против Саблина сплошь сфабрикованы. Три дня спустя она застрелилась, но официально умерла от сердечного приступа.

4. Сценаристы процессов, в частности Вышинский, были неизобретательны и лишены чувства юмора. Чудовищные злодеяния их драматургии выглядят как обыкновенные проделки мошенников. Так, председатель Центросоюза Зеленский показал на процессе 1938 года:

"Когда человек приходит за покупкой в лавку, его *обсчитывают, обмеривают и обвешивают*, то есть ему назначают цену боль-

шую, чем та, по которой продается товар, либо ему дают меньше, чем это следует, либо отпускают товар не того качества”.

Все это суть основополагающие принципы нашей торговли и стыдно претендовать на какое-то выдающееся вредительство. Зеленский продолжал:

”Чтобы дать характеристику размеров этого вредительства, я укажу на то, что из 135 000 лавок, которые были проверены инспекцией торгово-кооперативной сети, установлены случаи обсчета и обмана покупателей в 13 000 лавок”.

Только-то! Не знаем, как тогда, но сегодня честная проверка обнаружила бы жульничество не в 10, а в 90% случаев. Слушайте далее:

”Очень важный вид вредительства, также в целях вызова недовольства населения, заключается в замораживании товарооборота, достигаемом путем неправильной или несвоевременной засылки товаров. Так, например, были случаи, когда летние товары засылались зимой, и наоборот, зимние товары прибывали в лавки летом (выделено всюду нами. — Авт.).

Вышинский. То есть летом населению предлагали валенки, а зимой тапочки.

Зеленский. Да.

В. Стало быть, это делалось преднамеренно, по вашим указаниям?

З. Да.

В. В тех же провокационных целях?

З. Да”.

Спешим успокоить (или смутить?) усопшие души т. т. Зеленского (реабилитирован посмертно) и Вышинского (никогда не преследовался). Такое вредительство в торговле ”в целях вызова недовольства населения” продолжается по сей день с неизменным успехом. Подобного сорта байками кормили публику на всех открытых процессах. Не исключено, что смехотворные примеры подсказывали следствию сами подсудимые — в тайной надежде продемонстрировать народу вздорность обвинений.

5. То, что Радек был стукач, показывает следующий пример. Левый эсер Блюмкин, убивший в 1918 германского посла Мирбаха, был сотрудником ВЧК. Дзержинский все же решил сохранить Блюмкина — ввиду выдающихся его способностей. Его только убрали с глаз публики и использовали для особых заданий. Так, Блюмкина посадили в одну камеру с Савинковым. Он настолько вжился в образ прославленного боевика, что составил документ, который сумели представить в качестве предсмертного письма Савинкова, когда расправу с ним выдали за самоубийство. Даже сын

Савинкова признал письмо аутентичным. В 1930 или 31 году Блюмкин был за границей с секретной миссией и по собственной инициативе заехал к Троцкому на Принцевы острова. Тот попросил его передать письмо Радеку. Блюмкин просьбу выполнил, а Радек, в свою очередь, не поленился сходить в ОГПУ. На этот раз Блюмкина не пощадили.

6. Красный Монтескье т. Вышинский указывал, что для вынесения приговора вполне достаточно вероятности выводов о виновности.

Глава 19

1. Только что – 28 мая – назначенный начальником Управления кадров РККА. Осенью 1937 был арестован и погиб.

2. Эта версия представляется более складной, что, впрочем, не увеличивает ее достоверности. Самоубийство будто бы последовало после того, как Гамарник узнал от Булина, что снят с поста начальника Политуправления РККА, а также об аресте Якира.

3. См. А. Дунаевский. По следам Гая. Ереван, 1966, сс. 188, 232, 233.

4. А. Дунаевский очень скупно упоминает о побеге Гая, но не дает никакой даты. Если верно сообщение о встрече с Путной, тогда этот эпизод произошел не раньше сентября 1936, т. е. год спустя после минского ареста. Гая снова отправили в Ярославль отбывать пятилетний срок, но 12 декабря 1937 года после нового суда расстреляли.

5. Кстати, главарь местной ЧК Люшков по приезде Мехлиса и Фриновского не стал дожидаться закономерного конца и 13 июня перебежал к японцам в Маньчжурию.

6. То, что ход боев был для нас не слишком удачен, подтверждается скучными и сдержанными по тону сообщениями газет. Объявленные потери: 236 убитых и 611 раненых – у нас, 600 убитых, 2500 раненых – с японской стороны. Вряд ли это правдивые данные. Во всяком случае в следующем году японцы пошли в открытое наступление на Халхин-Голе.

Глава 20

1. Автор бездарно-претенциозной и далекой от правдивости книги "Маршал Тухачевский" – первой советской биографии Тухачевского, вышедшей в свет после разоблачений культа Сталина на XX и XXII съездах.

2. Биографии Скоблина и Плевичкой изложены в книге Б. Прянишникова "Незримая паутина", изд. автора, Нью-Йорк, 1979. Там же читатель найдет весьма полную картину глобального проникновения НКВД во все уголки жизни русской эмиграции и в ее организации, в частности РОВС.

3. О злобещей фигуре Н. Эттингона известно крайне мало. Сведения которые удалось собрать, изложены в Приложении 4.

4. Работа В. Александрова "Дело Тухачевского" впервые увидела свет в 1960 в римской газете "Giornale d'Italia" (он долго не мог найти издателя). Она была немедленно замечена в Советском Союзе и по указанию Хрущева переведена на русский язык для узкого круга высших сановников. В докладе на XXII съезде КПСС Хрущев определенно имел в виду публикацию Александрова, когда говорил об "одном иностранном источнике" в связи с причинами ареста Якира, Тухачевского и других. Насколько известно, советская официальная версия до сих пор базируется на книге Александрова. Отдельным изданием она вышла в 1962 г. на французском языке (L'affaire Toukhatchevsky, Robert Laffont, Paris, и вскоре была переведена на английский – 1963 (McDonald and Co. Publ., London). Мы пользовались американским изданием – (The Tukhachevsky Affair, by Victor Alexandrov, translated from French by John Hewish, Prentice Hall, Inc., Englewood Cliffs, NJ, 1964).

5. Robert Konquest. The Great Terror. Русский перевод – Роберт Конквест. Большой террор, перевод с английского Л. Владимирова, Флоренция, 1974.

6. Общие источники для обоих авторов: В. Гетль (псевдоним – В. Хаген) "Секретный фронт" (W. Hoettl, The Secret Front, NY, 1954; (Джон Эриксон "Советское высшее командование" (John Erickson, The Soviet High Command, London, 1962); У. Черчилль "Вторая мировая война" (W. Churchill, The Second World War, vol. 1, London, 1948).

Конвест указывал еще доклад В. Гомулки (Tribuna Ludu, 1961, 23. XI) и книгу советского перебежчика Кривицкого (Krivitsky, I was Stalin's Agent, London, 1940).

Александров дополнительно использовал мемуары Шелленберга, книгу Рейтлингера (Reitlinger, Heydrich, and the SS), книги Виктора Сержа (Memoirs; Carnets; The Tulaev Affair), архивы В. Л. Бурцева и Русской Исторической Комиссии в Париже, русскую эмигрантскую прессу (в частности, публикации Б. И. Николаевского) Он утверждает, что получил устные сведения от следующих лиц: от чешских разведчиков Волганина и Неманова, от польского генерала В. Гроша и другого анонимного поляка, от советских невозвращенцев Ф. Раскольникова, В. Кривицкого, А. Бармина, от немецкого коммуниста

Э. Волленберга, от бывшего французского премьера Э. Даладье и от журналисток Л. Норд и Ж. Табуи. Александров сообщает, что в 1936 году он получил от германского резидента в Афинах предложение передать чехам письма, якобы написанные Тухачевским, где выражаются его прогерманские симпатии. Александров отказался.

7. Интересно отметить, что Конквест в своей книге, вышедшей в 1968 году, использовал огромное количество источников, но на В. Александрова не ссылается. Не делают этого и другие авторы. Возможное объяснение состоит в том, что книга написана с использованием художественной фантазии: в ней можно встретить изрядное количество неточностей. Нам, однако, кажется, что полностью обходиться ее молчанием неразумно.

8. Сведения о встрече Радек – Николай Александров основывает на следующих источниках: а) беседа с анонимным свидетелем этой встречи; б) информация, полученная в 1946 г. от генерала Виктора Гроша (Grosz), директора информационного отдела польского МИДа; в) заметки в русской эмигрантской газете "Народная правда" (Париж) – без указания даты встречи и имени участников, авторы – известный историк Б. И. Николаевский и некто Бондарь, бывший сотрудник НКВД.

9. Особенно затрудняет дело отсутствие дат. Во всяком случае неверно, что, как пишет Александров, Радек был возвращен из ссылки и немедленно послан в Польшу. В августе 1936 г. Радек опубликовал в "Известиях" несколько статей во время процесса Зиновьева-Каменева (см. сс. 374, 375).

10. Здесь снова неясность с датами. Александров пишет, что день их прибытия в Париж был очень жарким. Это странно, так как назначение Ежова состоялось в конце ноября.

11. Разговор с Гейдрихом изображен у Александра очень живописно. Настаивая на необходимости убрать Тухачевского, Скоблин указывает не только на антинацизм красного маршала, но и на то, что он масон 23-ей степени и имеет еврейских предков.

12. И Александров, и Конквест ссылаются на его книгу "Секретный фронт" (см. примечание 6 на с. 477).

13. В 1945 г. Беренс попал в плен к союзникам и был выдан югославам как военный преступник (начальник Гестапо на территории Сербии). В ходе допросов Беренс дал много показаний о "деле Тухачевского". Александров сообщает, что соответствующая информация была передана в Москву; он также дает понять, что он знаком с показаниями Беренса. Беренс был приговорен к смертной казни и повешен.

14. На него тоже ссылаются оба автора.

15. В. Александров не сообщает, каким образом НКВД стало

известно об изготовлении документов. Как мы помним, идея исходила от Скоблина, который решил "переиграть" своих советских хозяев.

16. Деньги эти оказались... фальшивыми. Об этом же сообщает Прянишников, называя, впрочем, сумму в 3 млн. рублей: "Три немецких агента, расплачивающихся этими бумажками на территории США, были арестованы чинами НКВД. Гейдрих возмущался, что за фальшивые бумаги Советы расплачивались фальшивыми деньгами". (См. Прянишников. Указ. соч., с. 217.)

17. Встречающиеся упоминания, что тогда же Гамарник был снят с поста заместителя Наркома, но оставлен начальником Политуправления РККА, трудно принять на веру; во всяком случае в печати об этом не было сказано.

18. В одном советском источнике сказано, что он был заместителем комвойск ЛВО до ноября 1936 года. Это не обязательно считать датой ареста. Похоже, что его все-таки взяли в конце мая. В пользу этого срока говорит то обстоятельство, что 6 или 7 июня Примаков был официально выведен из состава Ленсовета "как разоблаченный враг народа".

19. В 1936 году был начальником Политуправления ОКДВА у Блюхера, затем был переведен на ту же должность в Московский округ; арестован в мае 1937 года.

20. Берю в 1953 они не спасли. Карательные органы всегда обречены в столкновении с регулярными войсками, если последние не идут под нож без сопротивления.

21. Только раз в сороковых он потрянул стариной. Когда люди МГБ пришли за его женой, Екатериной Давидовной, Ворошилов выхватил пистолет (может быть, это был маузер!) и сказал, что не отдаст. И не отдал!

22. Раньше он орудовал в Ленинграде, где прославился неслыханной жестокостью на допросах. Заковский хвастал, что попадись ему в руки К. Маркс, он бы немедленно сознался, что был агентом Бисмарка. В январе 1938 года Заковского повысили до замнаркома. Вскоре Берия с ним расправился.

23. Сталин так никогда и не решился публично обвинить Ежова. Даже годы спустя после уничтожения железного наркома, говоря о нем в узком кругу, он был вынужден ломать комедь. Вот как выглядит один из сталинских номеров такого рода в передаче авиаконструктора А. Яковлева (см. Цель жизни, М., 1969, с. 509): "Однажды Сталин дома за ужином сам заговорил о том, что во всех областях не хватает хороших работников. — Ежов мерзавец! Погубил наши лучшие кадры. Разложившийся человек. Звонишь к нему в наркомат — говорят: уехал в ЦК. Звонишь в ЦК — говорят: уехал

на работу. Посылаешь к нему на дом — оказывается лежит на кровати мертвецки пьяный. Много невинных погубил. Мы его за это расстреляли". Да, зря Николай Иванович манкировал служебными часами. Сидел бы в рабочем кабинете в положенное время, глядишь — был бы до сего дня жив и здрав.

24. Большая чистка затронула карательные органы в еще большей степени, чем другие звенья государственного аппарата. Тема эта особая, но один факт достоин упоминания. Из большой группы лиц, которым в 1935 были присвоены высшие (генеральские) звания НКВД, к концу войны в строю остался лишь один — С. А. Гоглидзе, да еще Т. Дерibas продолжал физически существовать — благодаря тому, что был списан в сумасшедший дом. Кое-кому такое должно послужить уроком, во всяком случае — дать пищу для размышлений.

25. Мы не говорим о сталинском обер-палаче В. Ульрихе. Он дожил свои дни в почете и умер после войны.

26. Историю эту будто бы рассказал сам маршал корреспонденту "Комсомольской правды" в недолгую пору разоблачений культа. Наблюдая, как вокруг бушуют аресты, Буденный решил позаботиться о себе. Он завез на дачу несколько пулеметов, установил их на чердаке и отрядил хлопцев на круглосуточное охранение. Сам он ночевал исключительно на даче и нередко лично нес с НП круговое наблюдение. Когда однажды приехали чекисты по его душу, Буденный закричал им в мегафон о наличии пулеметов и предупредил не переходить проведенную во дворе черту под угрозой открытия огня. Затем отправился звонить Сталину. Тот, как и полагается ответил: "Я к этим делам отношения не имею; сам знаешь, что за организация НКВД — завтра и за мной могут прийти". В ответ старый рубака заявил, что открывает огонь. Это весьма позабавило Вождя: "Ладно, передай им, Сталин сказал, чтобы уезжали". Скорее всего — это фольклор, но сочиненный с большим знанием дела.

27. Дальнейшая судьба Ежова прослеживается с трудом. Поначалу он оставался кандидатом Политбюро и Наркомом Водного Транспорта (должность которую занимал по совместительству с лета 1938). В марте 1939 он выступил на XVIII съезде ВКП(б). Видимо, еще не осознав произошедшей перемены, Ежов вздумал говорить о достижениях карательных органов под его руководством. Сталин оборвал оратора, назвав дураком. Несколько месяцев после этого опальный палач провел на даче под домашним арестом. Приставленным чекистам вменялось в обязанность не только охранять, но и обслуживать Ежова, который был регулярно пьян до потери человеческого облика, которого, впрочем, никогда не имел. В начале декабря охранникам приказали покинуть дачу. Арест произво-

дили другие сотрудники НКВД. Есть сведения, что Ежова пропустили через обычную мясорубку физического дознания, заставили подписать, что требовалось, и расстреляли. Мотивировка: обман партии и народа, необоснованные репрессии, уничтожение кадров и пр. Это произошло в самом конце 1939 года.

28. См. Великая Отечественная Война Советского Союза, М., 1967, сс. 39–40.

Глава 21

1. Рассказывают, что Тухачевский, сидя в седле, мог подтянуться на руках вместе с лошадей.

2. В мае 1937 он сказал сестре: "В детстве отец хотел подарить мне скрипку. Очень жаль, что он этого не сделал – я стал бы скрипачом".

3. Заседали во 2-ом Доме НКО против Кремля, т. е. на территории армии. Охрана на таких заседаниях в зал не входит. Брут и Кассий лучше использовали свой шанс...

Глава 22

1. В 1957 он так изложил эту историю д-ру Нильсону: "Моя жена была беременна. Она плакала и умоляла меня подписать эту бумагу, но я не мог. В тот день я взвесил все и попытался установить, сколько у меня шансов остаться в живых. Я был убежден, что меня арестуют – пришел и мой черед. Я был к этому готов. Вся эта кровь была мне ненавистна, я больше не мог терпеть. Но ничего не случилось. Меня, как выяснилось впоследствии, косвенным путем спасли мои коллеги. Никто не осмелился доложить высшему начальству, что я отказался поставить свою подпись". Доложить, конечно, смелости хватало, но, видимо, кто-то из писательских бонз решил включить подпись Пастернака без его ведома – разные могли быть мотивы. Не исключено, что были и другие подобные случаи. Но никто впоследствии ни о чем таком не сообщил – даже когда ему ничего не угрожало. Следовательно, остальные, если они были, взяли на себя эту ответственность.

2. Этот деятель умудрился в тридцатых написать: "Лагеря... в Советском Союзе – это достижение, свидетельствующее о полном устранении эксплуатации человека человеком", а через много лет сочинил сочувственное предисловие к французскому переводу повести Солженицына "Один день Ивана Денисовича".

ЭПИЛОГ

Глава 23

1. М. Джилас описывает, как после войны Сталин в одной беседе вполне серьезно утверждал, что в Бенилюкс входят только Бельгия с Люксембургом и никакой Голландии там нет. Присутствовавший Молотов не рискнул поправить Вождя. Тот, похоже, до самой смерти так и остался при этом убеждении.

2. Муссолини, у которого со Сталиным были, выражаясь словами последнего, "наилучшие отношения", писал в октябре 1939: "Большевизм в России исчез и на его место встал славянский тип фашизма". Еще раньше в том же году специальный уполномоченный германского правительства д-р Шнурре подчеркнул: "Имеется одна вещь, общая в идеологии Германии, Италии и СССР: оппозиция против капиталистических демократий. Ни мы, ни Италия не имеем ничего общего с капитализмом Запада. Поэтому нам казалось бы совершенно парадоксальным, если бы Советский Союз как социалистическое государство оказался на стороне западных демократий". Основанием для такой оценки было заявление Молотова в официальной речи 31 мая, что антикоминтерносский пакт — всего лишь маскировка для союза держав "оси" против Запада.

3. Собственно говоря, немцев больше всего интересовала экономическая сторона дела и они с этого начали. Кремль, однако, обуславливал заключение экономического соглашения общим политическим урегулированием. Столковались на том, что оба договора будут готовиться параллельно. Торговый договор Шнурре—Микоян был заключен 19 августа, т. е. накануне пакта Риббентроп—Молотов. Обильные потоки сырья (нефть) и продовольствия (пшеница) немедленно хлынули в Германию; ответные поставки (машины и оборудование) безнадежно затянулись и так и не были выполнены. Новое соглашение от 11 февраля 1940 года было опять очень выгодным для Германии: сроки советских поставок — 18 месяцев, германских — 27 месяцев. Кроме того, СССР обязался закупать для Рейха металл в третьих странах, помогая обходить британскую блокаду. По свидетельству Гальдера, Германии в то время ежемесячно не хватало 600 тыс. т стали. Со своей стороны, немцы сознательно тормозили отгрузки, имеющие военное значение. Если что и давали, то с брачком. Тот же Гальдер упоминает продажу России тяжелого крейсера с конструкторскими дефектами. Кремлевские ослы скрупулезно и в срок выполнили все свои обязательства. В апреле 1941 в Германию было поставлено 208 000 т зерна, 90 000 т

нефти, 8 300 т хлопка, 6 400 т меди, стали, никеля и др. металлов, 4000 т резины. Значительная часть этих материалов, включая резину, была приобретена за границей. В результате 22 июня 1941 г. немецкие танки и самолеты вторглись в СССР, имея в баках советское горючее; желудки экипажей были набиты русским хлебом.

4. Опричники братались, с умилением взирая на сердечное согласие хозяев. На банкете по случаю подписания пакта Сталин возгласил: "Я знаю, как крепко германский народ любит своего вождя (по-немецки — фюрера. — Авт.). Поэтому мне хочется выпить за его здоровье". Тост не был предусмотрен протоколом; по понятным причинам, текст его не попал в печать. Вспоминая об этом банкете, Риббентроп сказал, что он "чувствовал себя в Кремле, словно среди старых партийных товарищей". Стоит ли удивляться, что палачи начали интенсивно обмениваться опытом и пыточными орудиями, а также взаимно выдавать политзаключенных.

5. Знаменательно, что немецкое наступление началось 1 сентября — на следующий день после ратификации Москвой советско-германского пакта.

6. Вот его слова, опубликованные в советской печати 1 ноября: "Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать... Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с ней войной, поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война на уничтожение гитлеризма!" (выделено всюду нами. — Авт.). На Нюрнбергском процессе не было Гитлера и Геббельса — по причинам физического порядка. Как жаль, что в силу иных обстоятельств на скамью подсудимых не были посажены Сталин и Молотов.

7. Народу давали понять, что советско-германское сближение рассчитано надолго. "Майн кампф" издали на русском языке и даже на несколько часов пустили в продажу в одном из книжных магазинов Москвы. Был снят запрет с Вагнера, и Большой театр поставил любимые оперы фюрера — "Валькирии" и "Мейстерзингеры". Началось исполнение Рихарда Штрауса. Один мемуарист (Ю. Елагин. Укрощение искусств) рассказывает: "Москвичи валили валом в концертные залы, желая послушать вчера еще запрещенную "фашистскую", "гитлеровскую" музыку".

8. Шапошников тоже предлагал штурм линии Маннергейма, но с одновременным нанесением отвлекающего удара через Канда-лакшу; в плане Штерна этот удар был основным. Принята была, однако, диспозиция крупного стратега Тимошенко, только что назначенного командующим Ленинградским округом (на время военных действий преобразован в Северо-Западный фронт). Тимо-

шенко заявил: "Никогда в истории самые мощные укрепления не выдерживали массированного удара. И вообще, как учит нас т. Сталин, "нет таких крепостей, которые бы не взяли большевики".

Глава 24

1. В это время даже наличные контингенты Красной Армии представляют смертельную угрозу для Германии, незащищенной с востока.

2. Немецкий дипломат фон Хассель записал в своем дневнике 15 июня 1941: "С потрясающим единодушием носят слухи..., что неминуемо взаимопонимание с Россией, придет Сталин и пр.". В Берлине упорно говорили о "мирной капитуляции" — последнем козыре Сталина. Будто бы за отказ Германии от войны с СССР он соглашался заплатить такую цену: отдать немцам разработку природных ресурсов на Украине и управление русской авиационной промышленностью. Это маловероятно и документально не подтверждено, но как же надо было себя вести, чтобы могли возникнуть такие унижительные слухи...

3. Когда утром 22 июня германский посол фон Шуленбург, недавно с риском для жизни предупредивший Кремль о неизбежности нападения, объявил наркоминделу Молотову о начале войны, у того вырвался крик души: "Мы этого не заслужили!" Воистину Гитлер проявил черную неблагодарность.

Глава 25

1. Е. И. Мартынов. Царская армия в февральском перевороте. М., НКВМ и РВС СССР, 1927, сс. 20–22. Автор — б. генерал-лейтенант старой русской армии.

2. См. Г. Жуков. Воспоминания и размышления. М., АПН, 1969, с. 239.

3. Жуков, ук. соч., с. 204; Н. Козлов. А. Зайцев. Сражающаяся партия. М., Воениздат, 1975, с. 61; а также изрядное число столь же уважаемых авторов.

4. См., например, С. Лотоцкий и др. Армия Советская. М., Политиздат, 1969, сс. 155–156.

5. По данным германского Верховного командования. Приводится в советских публикациях: "Совершенно секретно. Только для командования". Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., "Наука", 1967, с. 713;

Промышленность Германии в период войны 1939–1945 гг. М., 1956, с. 189.

6. См.: "Совершенно секретно...", ук. соч., с. 658; Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. М., Воениздат, 1967, с. 33; Дневник Гальдера, т. 3, кн. 1, с. 161.

7. Жуков, ук. соч., с. 204.

8. Великая Отечественная..., ук. соч., с. 33, 53; "Совершенно секретно...", ук. соч., с. 88; Поражение германского империализма во второй мировой войне. М., 1961, сс. 582-583.

9. Т. 2, сс. 582-583.

10. Иногда, наряду с германскими, указывают также войска стран-сателлитов – 29 дивизий, 0,9 млн. чел. (см. Великая Отечественная..., ук. соч., с. 33). Стоит, однако, заметить: а) эти войска были введены в дело далеко не сразу; б) их боевые качества стояли невысоко.

11. "Совершенно секретно...", ук. соч., с. 726.

12. Там же, сс. 730-731.

13. Немецкие разведывательные самолеты свободно пересекали нашу границу. Сбивать их было запрещено, летчики, нарушавшие этот приказ, шли под трибунал. Командующий Прибалтийским округом Ф. И. Кузнецов ввел затемнение городов и отдельных объектов. 20 июня Н. Н. Воронов, только что назначенный командующим ПВО, испросил у Жукова разрешение распространить эту меру на другие округа. "В ответ я услышал ругань и угрозы в адрес Кузнецова. Через некоторое время командующему Прибалтийским округом было дано указание отменить этот приказ". (Н. Воронов. На службе военной. М., Воениздат, 1963, с. 173).

14. 22 июня, после немецкого нападения, Ворошилов спросил об этом И. В. Тюленева, командующего МВО. Тюленев был смущен: о подземной штаб-квартире позабыли. Только Нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов на свой страх и риск соорудил такое убежище. Надо отметить, что руководители флота вообще более серьезно относились к угрозе войны. Еще 3 марта 1941 г. Кузнецов под давлением командующего Балтфлотом адм. Трибуца разрешил без предупреждения открывать заградительный огонь по немецким самолетам, вторгшимся в наше воздушное пространство. 17 и 18 марта немецкие самолеты были обстреляны над Либавой (Лиепая); то же произошло вблизи Одессы. Сталин и Берия обругали Кузнецова и заставили отменить приказ. Трибуц продолжал нажим на Наркома, и 21 июня на флотах была объявлена боеготовность № 1 (в отношении сухопутных войск на такую меру Тимошенко с Жуковым пойти не решились. Боевые корабли Балтфлота удалось с малыми потерями увести в Кронштадт. Однако эвакуация морем таллинского гарни-

зона (50 тыс.) была задержана по вине Ворошилова; в результате пробились только 12 тыс. человек (см. "Военно-исторический журнал", 1966, № 10, сс. 19-31).

15. Это было немедленно замечено немцами. Гальдер записывает в первый день войны: "Ряд командных инстанций противника полностью не знал обстановки, и поэтому на ряде участков фронта почти отсутствовало руководство действиями войск со стороны высших штабов" (Дневник Гальдера, т. 3, кн. 1, с. 27).

16. Дорого обошелся нам этот столбняк. Гальдер пишет: "22 июня... Пограничные мосты через Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном положении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать" (т. 3, кн. 1, с. 25 — разрядка наша. — Авт.). Командиры, запрашивавшие указаний от начальства, жестоко поплатились. Многие погибли в бою, некоторых (в их числе командующий БВО Павлов и его начштаба Климовских) расстреляли в назидание другим. Вина их заключалась в привычном ожидании приказов сверху, которые в первые часы войны либо запаздывали, либо были лишены смысла.

17. Гальдер: "Признаков оперативного отхода нет и следа. Вполне вероятно, что возможность организации такого отхода была просто исключена... Представляется, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению. Русские вынуждены принять бой в той группировке, в которой они находились к началу нашего наступления" (т. 3, кн. 1, с. 27).

18. Солсбери. 900 дней. Нью-Йорк, 1973, сс. 129, 107.

19. В шестидесятых годах донесение Зорге с пометками Голикова всплыло на поверхность. Голиков (в то время маршал и зам. министра обороны) не растерялся. Он принялся инсценировать умственное расстройство в своем служебном кабинете: залез на стол, разрывал себе пальцами рот, визжал и т. д. Ветерана отправили на покой. Расследование назначено не было. Другие факты показывают Голикова как человека недобросовестного. Штеменко вспоминает, что во время войны командующий фронтом Голиков часто сообщал в ставку искаженные сведения: "В эти дни самого острого развития событий на Воронежском фронте оказалось невозможным составить объективную картину по докладам Ф. И. Голикова"

(С. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. М., Воениздат, 1968, с. 109; см. также с. 99).

20. В самое последнее время в ФРГ объявился некий Киндерманн, утверждающий, что Зорге таки выменяли (Киндерманн будто бы участвовал в этой сделке). Согласно его версии, Зорге уничтожили в 1949 г. Хрен редьки не слаще.

21. Став Верховным, Сталин 10 июля 1941 г. поставил во главе групп фронтов (направлений) своих испытанных конармейских дружков: Ворошилова (Северо-Западное), Буденного (Юго-Западное), Тимошенко (Западное). Уже вскоре, в августе-сентябре, чахлое дитя приказало долго жить. В результате плачевных результатов этой акции всю троицу пришлось отстранить от руководства войсками и не допускать к этому занятию до самого конца войны. Несостоявшиеся стратеги содержались в почетном бездействии при Ставке и изредка выезжали "толкачами" на фронты. Ворошилова в 1944 г. даже вывели из Государственного Комитета Обороны.

22. ГАУ занимается вопросами оснащения войск артиллерийским и стрелковым вооружением, но не руководит боевым использованием артиллерии.

23. Воронов, ук. соч., с. 183. Ну чем не Раскольников, кричащий Порфирию: "Да кто же убил?!" – "Вы и убили, Родион Романович. Больше никому".

24. Воронов, ук. соч., с. 182.

25. См. воспоминания Л. Грачева. Дорога от Волхова. "Дружба народов", 1976, № 9, с. 171.

26. Допрос Кейтеля 17 июня 1945 г. "Совершенно секретно...", ук. соч., с. 648.

27. Цит. по: А. Василевский. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1976, с. 200.

28. Ряд мемуаристов, в том числе И. С. Конев, сообщает, что до этого – в 1944 – мелочная опека Сталина над фронтами заметно ослабла, и командующие получили определенную свободу действий.

29. Это была очередная фикция сталинского сознания. Да и какое это могло иметь значение, когда в Ялте уже договорились о контроле четырех держав над Берлином. Поэтому 3/4 города, добытого огромной кровью советских солдат, было отдано союзникам.

30. И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., Политиздат, 1948, с. 196, 197.

31. Куда более резко и правдиво высказались А. Еременко, И. Баграмян, Б. Ванников, Н. Воронов, Н. Кузнецов... Но пусть читатель будет осторожен и берет п е р в ы е издания их воспоминаний. В последующих бдительные редакторы самые острые оценки сгла-

дили, затушевали, выбросили. А сколько нельзя было сказать и поначалу...

32. "Военно-исторический журнал", 1965, № 12, с. 60. Сходные данные по состоянию на 31 марта 1945 г. приведены в: "Совершенно секретно...", ук. соч., сс. 714-715.

33. Последнее находит неожиданное подтверждение в официальном советском учебнике (Курс демографии. Под редакцией Боярского. М., 1967, с. 347). Там названа общая величина смертности для всех армий второй мировой войны 30 млн., для германской армии — 6 млн. Если вычесть также потери союзников и Японии, получим для нашей армии приблизительно 21 млн.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК ЛИЦ ВЫСШЕГО КОМАНДНОГО СОСТАВА РККА,
ПОГИБШИХ В РЕПРЕССИЯХ 1937–1938 гг.

Маршал Советского Союза

1. Блюхер В. К.
2. Егоров А. И.
3. Тухачевский М. Н.

Командарм I ранга (генерал армии)

4. Белов И. П.
5. Уборевич И. П.
6. Якир И. Э.

Армейский комиссар II ранга (генерал армии)

7. Гамарник Я. Б.

Командарм II ранга (генерал-полковник)

8. Алкснис Я. И.	13. Корк А. И.
9. Вацетис И. И.	14. Левандовский М. К.
10. Дубовой И. Н.	15. Седякин А. И.
11. Дыбенко П. Е.	16. Федько И. Ф.
12. Каширин Н. Д.	17. Халепский И. А.

Армейский комиссар II ранга (генерал-полковник)

18. Амелин М. П.	26. Ланда М. М.
19. Аронштам Л. Н.	27. Мезис А. Н.
20. Булин А. С.	28. Окунев Г. С.
21. Векличев Г. И.	29. Осепян Г. А.
22. Гришин А. С.	30. Славин И. Е.
23. Гутин Г. И.	31. Смирнов П. А.
24. Ипшо Б. М.	32. Шифрес А. А.
25. Кожевников С. Н.	32а. Хаханьян Г. Д.

Комкор (генерал-лейтенант)

33. Алафузо М. И.	58. Кутяков И. С.
34. Аппога Э. Ф.	59. Лавров В. К.
35. Базилевич Г. Д.	60. Лапин А. Я.
36. Баторский М. А.	61. Левичев В. Н.
37. Богомягков С. Н.	62. Лепин Э. Д.
38. Вайнер Л. Я.	63. Лисовский Н. В.
39. Василенко М. И.	64. Лонгва Р. В.
40. Великанов М. Д.	65. Меженинов С. А.
41. Гай (Бжишкян) Г. Д.	66. Мулин В. М.
42. Гайлит Я. П.	67. Петин Н. Н.
43. Гарькавый И. И.	68. Примаков В. М.
44. Геккер А. И.	69. Пугачев С. А.
45. Германович М. Я.	70. Путна В. К.
46. Гиттис В. М.	71. Сангурский М. В.
47. Горбачев Б. С.	72. Смолин И. И.
48. Грибов С. Е.	73. Соколов В. Н.
49. Грязнов И. К.	74. Стороженко А. А.
50. Ефимов Н. А.	75. Стуцка К. А.
51. Зонберг Ж. Ф.	76. Туровский С. А.
52. Ингаунис Ф. А.	77. Урицкий С. П.
53. Калмыков М. В.	78. Фельдман Б. М.
54. Ковтюх Е. И.	79. Фесенко Д. С.
55. Косоогов И. Д.	80. Хрипин В. В.
56. Криворучко Н. Н.	81. Чайковский К. А.
57. Куйбышев Н. В.	82. Эйдемман Р. П.

Корпусной комиссар (генерал-лейтенант)

83. Авиновицкий Я. Л.	95. Орлов Н. И.
84. Апсе М. Я.	96. Петухов И. П.
85. Артузов А. Х.	97. Прокофьев А. П.
86. Березкин М. Ф.	98. Родионов Ф. Е.
87. Берзин Я. К.	99. Савко Н. А.
88. Битте А. М.	100. Сидоров К. Г.
89. Гринберг И. М.	101. Троянкер Б. У.
90. Грубер Л. Я.	102. Хорош М. Л.
91. Ильин Н. И.	103. Шестаков В. Н.
92. Карин Ф. Я.	104. Штейнбрюк О. О.
93. Немерзелли И. Ф.	105. Ярцев А. П.
94. Неронов И. Г.	106. Ястребов Г. Г.

Коринженер (генерал-лейтенант-инженер)

107. Синявский Н. М.

Коринтендант (генерал-лейтенант)

108. Жильцов А. И.

110. Ошлей П. М.

109. Косич Д. И.

Корврач (генерал-лейтенант мед. службы)

111. Баранов М. И.

Корветврач (генерал-лейтенант мед. службы)

112. Никольский Н. М.

Корвоенюрист (генерал-лейтенант)

113. Розовский Н. П.

Комдив (генерал-майор)

114. Алкснис Я. Я.

133. Брянских П. А.

115. Андрияшев Л. П.

134. Буачидзе Ф. М.

116. Аплот Ю. Ю.

135. Букштынович М. Ф.

117. Артеменко Н. Ф.

136. Буриченков Г. А.

118. Артемьев К. П.

137. Бутырский В. П.

119. Атоян А. Т.

138. Вакулич П. И.

120. Бакши М. М.

139. Васильев Ф. В.

121. Балакирев А. Ф.

140. Венцов-Кранц С. И.

122. Белицкий С. М.

141. Визиров Г. М.

123. Белый С. О.

142. Вольпе А. М.

124. Берггольц А. И.

143. Гарф В. Е.

125. Бергстрем В. К.

144. Гермониус В. Э.

126. Блажевич И. Ф.

145. Головкин В. Г.

127. Бломберг Ж. К.

146. Горбунов М. Ю.

128. Бобров Б. И.

147. Горячев Е. И.

129. Бобров Н. М.

148. Григорьев П. П.

130. Бокис Г. Г.

149. Грушецкий В. Ф.

131. Бондарь Г. И.

150. Давидовский Я. Л.

132. Борисенко А. Н.

151. Данненберг Е. Е.

152. Демичев М. А.
153. Деревцов С. И.
154. Дикалов Е. П.
155. Добровольский В. П.
156. Замблацкий Г. С.
157. Зиновьев И. З.
158. Зюзь-Яковенко Я. И.
159. Иванов Я. К.
160. Инно А. А.
161. Казанский Е. С.
162. Какурин Н. Е.
163. Капуловский И. Д.
164. Карклин И. И.
165. Карпов М. П.
166. Кассин Г. И.
167. Карягин Г. Б.
168. Кауфельдт Ф. П.
169. Квятек К. Ф.
170. Кильвейн Г. Я.
171. Княгницкий П. Е.
172. Кожевников А. Т.
173. Козицкий А. Д.
174. Кольшейко Ф. А.
175. Королев Д. К.
176. Котов Н. Я.
177. Коханский В. С.
178. Кук А. И.
179. Кутателадзе Г. Н.
180. Кучинский Д. А.
181. Лазаревич М. С.
182. Лаур Ж. И.
183. Лопатин В. Н.
184. Максимов И. Ф.
185. Маслов К. В.
186. Медников М. Л.
187. Мелик-Шахназаров А. П.
188. Мурзин Д. К.
189. Нейман К. А.
190. Никитин С. В.
191. Никифоров Л. И.
192. Никонов А. М.
193. Овчинников Г. И.
194. Ольшанский М. М.
195. Ольшевский Ф. И.
196. Павлов А. В.
197. Пашковский К. К.
198. Перемытов А. М.
199. Пога Ж. Я.
200. Погребной В. С.
201. Покус Я. З.
202. Ракитин Н. В.
203. РAUDMEC И. И.
204. Ринк И. А.
205. Рогалев Ф. Ф.
206. Роговский Н. М.
207. Рохи В. Ю.
208. Рубинов Я. Г.
209. Саблин Ю. В.
210. Савицкий С. М.
211. Савченко С. Н.
212. Сазонтов А. Я.
213. Свечин А. А.
214. Семенов Н. Г.
215. Сердич Д. Ф.
216. Сергеев Е. Н.
217. Сидоренко В. С.
218. Соколов-Соколовский П. Л.
219. Сологуб Н. В.
220. Степанов В. А.
221. Степанов М. О.
222. Тальковский А. А.
223. Тарасенко В. В.
224. Тарасов А. И.
225. Тестов С. В.
226. Ткалун П. П.
227. Томашевич И. А.
228. Точенов Н. И.
229. Тризна Д. Д.
230. Тухарели Г. А.
231. Уваров Н. М.
232. Ушаков К. П.
233. Федотов А. В.
234. Фирсов Д. С.
235. Флоровский И. Д.
236. Хорошилов И. Я.
237. Чернобровин С. А.

- 238. Шалимо М. Н.
- 239. Шарсков И. Ф.
- 240. Шеко Я. В.
- 241. Широкий И. Ф.

- 242. Шмидт Д. А.
- 243. Щеглов Н. В.
- 244. Юшкевич В. А.

Дивизионный комиссар (генерал-майор)

245. Антонов М. А. 246. Бальченко Р. Л. 247. Баргер М. П. 248. Баузер Ф. Д. 249. Блаушвили Н. К. 250. Богданов П. П. 251. Бойцов Д. П. 252. Борович Я. А. 253. Бочаров Л. П. 254. Вайнерос И. Д. 255. Генин Я. Ф. 256. Гладышев Н. Я. 257. Горин Г. И. 258. Горностаев И. М. 259. Зайцев В. Е. 260. Зельдович М. Е. 261. Земсков С. И. 262. Зильберт Л. И. 263. Зиновьев Г. А. 264. Иванов С. Е. 265. Индриксон Я. Г. 266. Исаенко М. Г. 267. Кавалерс Р. Э. 268. Кальпус Б. А. 269. Каменский П. Г. 270. Колотилов В. Н. 271. Коновалов В. Ф. 272. Кропачев А. М. 273. Лавров М. В. 274. Левензон Ф. Я. 275. Марков Г. Н. 276. Миньчук А. И.	277. Мировицкий П. В. 278. Мустафин И. А. 279. Невраев Г. Ф. 280. Озол В. К. 281. Падарин Н. И. 282. Писманик Г. Е. 283. Плау Д. Д. 284. Рабинович И. Ю. 285. Рабинович С. З. 286. Риттель Г. И. 287. Сааков О. А. 288. Сафронов И. В. 289. Свинкин И. А. 290. Серпуховитин В. В. 291. Симонов М. Е. 292. Скворцов С. А. 293. Славин М. Е. 294. Славинский К. Э. 295. Смоленский Я. Л. 296. Соколенко Ф. Н. 297. Суслов П. В. 298. Тарутинский А. В. 299. Удилов П. С. 300. Усатенко А. В. 301. Фельдман П. М. 302. Харитонов Х. Х. 303. Хроменко А. Н. 304. Царев Я. Т. 305. Шимановский Г. С. 306. Щеголев Л. И. 307. Юнг Н. А. 308. Якубовский Л. Г.

Дивинженер (генерал-майор-инженер)

309. Аксенов А. М.	310. Андреев Е. С.

311. Бандин А. П.	314. Коннэрт В. С.
312. Баркалов Е. А.	315. Полищук К. Е.
313. Бордовский С. В.	316. Потапов Г. Х.

Дивинтендант (генерал-майор)

317. Анкудинов И. Я.	326. Князев П. Г.
318. Баков П. Г.	327. Курков П. И.
319. Беккер С. И.	328. Максимов С. М.
320. Ванаг А. Я.	329. Матсон-Крашинский О.П.
321. Горшков В. С.	330. Петерсон Р. А.
322. Гурьев К. П.	331. Прошкин И. Г.
323. Дзыдза Г. А.	332. Соколов А. М.
324. Зуев Н. Н.	333. Станьковский Н. В.
325. Иванов Б. Н.	334. Федоров В. Ф.

Дивврач (генерал-майор мед. службы)

335. Кючарианц А. Г.	336. Райнер Б. А.

Дивветврач (генерал-майор мед. службы)

337. Власов Н. М.	338. Петуховский А. А.

Комбриг (бригадный генерал*)

339. Агаладзе Л. М.	349. Базенков Н. Н.
340. Алексеев П. Г.	350. Балабин Б. Н.
341. Алехин Е. С.	351. Батенин В. Н.
342. Андрианов Н. Г.	352. Бахрушин А. М.
343. Андросюк Н. И.	353. Бебрис И. Г.
344. Антонов П. И.	354. Блюм И. Э.
345. Арсеньев Б. Н.	355. Блюм Н. Я.
346. Аусем-Орлов В. В.	356. Болотков М. И.
347. Афонский В. Л.	357. Бондарюк Г. М.
348. Бажанов Н. Н.	358. Борисов А. Б.

* Такого звания в советских Вооруженных силах в настоящее время нет. При введении новой номенклатуры званий в 1940 году избежавшие репрессий комбриги получали звание генерал-майора; единичные комбриги, вернувшиеся из лагерей (Иссерсон Г. С., Цалькович И. М. и др.), аттестовались полковниками.

359.	Бузанов Д. И.	401.	Закс Я. Э.
360.	Бюлер В. А.	402.	Залевский А. И.
361.	Вайнерх Д. А.	403.	Запорожченко М. И.
362.	Васильченко Н. Н.	404.	Заходер В. Н.
363.	Васнецович В. К.	405.	Зубок А. Е.
364.	Варфоломеев Н. Е.	406.	Зыбин С. П.
365.	Вишнеревский В. А.	407.	Иванов С. И.
366.	Волков Г. Д.	408.	Игнатов Н. Г.
367.	Воронков В. М.	409.	Игнеус-Матсон Э. Г.
368.	Вяземский М. Ф.	410.	Иконостасов В. М.
369.	Гавриченко Ф. Н.	411.	Каган М. А.
370.	Гаврюшенко Г. Ф.	412.	Кальван И. И.
371.	Генин В. М.	413.	Капцевич Г. А.
372.	Глаголев В. П.	414.	Карев Г. С.
373.	Голиков А. Г.	415.	Кармалюк Ф. Ф.
374.	Горев В. Е.	416.	Картаев Л. В.
375.	Горшков Б. Н.	417.	Касинов С. М.
376.	Гоффе А. И.	418.	Кевлишвили П. Г.
377.	Гравин Н. М.	419.	Кейрис Р. И.
378.	Грачев В. Г.	420.	Кириченко И. Г.
379.	Гречаник А. И.	421.	Киселев М. Ф.
380.	Гросберг И. К.	422.	Кит-Вайтенко И. П.
381.	Грудяев П. И.	423.	Клейн-Бурзин В. А.
382.	Гудков Д. И.	424.	Клементьев В. Г.
383.	Гуськов Н. Ф.	425.	Клочко И. Г.
384.	Данилюк Г. С.	426.	Клява К. Ю.
385.	Дашичев И. Ф.	427.	Ковалев Д. М.
386.	Добролеж А. Г.	428.	Козловский В. Н.
387.	Дотоль Ф. К.	429.	Колесниченко М. Я.
388.	Драгилев В. Г.	430.	Колтунов И. С.
389.	Дроздов А. К.	431.	Колчук Ф. С.
390.	Дьяков В. А.	432.	Коновалов Л. И.
391.	Евдокимов Я. К.	433.	Коробов И. А.
392.	Евсеев Н. Ф.	434.	Корчиц В. В.
393.	Егоров Н. Г.	435.	Косякин В. В.
394.	Емельнов П. В.	436.	Косматов А. В.
395.	Жабин Н. И.	437.	Крук И. М.
396.	Живин Н. И.	438.	Кузьмичев Б. И.
397.	Жигур Я. М.	439.	Кузнецов И. И.
398.	Житов А. А.	440.	Куницкий И. Ф.
399.	Жорков В. А.	441.	Кушаков В. А.
400.	Зайцев А. С.	442.	Лабас А. А.

443. Лавиновских Б. Я.
444. Лаковников П. И.
445. Лапчинский А. Н.
446. Лахинский К. К.
447. Лецкий Г. И.
448. Лунев Д. Д.
449. Лунев П. М.
450. Лукин Е. Д.
451. Любимов В. В.
452. Магер М. П.
453. Магон Э. Я.
454. Маловский А. Д.
455. Малофеев В. И.
456. Малышев А. К.
457. Малышенков Г. Ф.
458. Малышкин В. Ф.
459. Мамонов П. Д.
460. Маркевич Н. Л.
461. Мартыновский С. Л.
462. Марченко П. Г.
463. Матузенко А. И.
464. Махров Н. С.
465. Медведев М. Е.
466. Медянский М. С.
467. Мейер А. П.
468. Мернов В. И.
469. Мешков А. Т.
470. Милюнас И. А.
471. Миронов А. М.
472. Мишук Н. И.
473. Мозолевский В. А.
474. Молодцов П. П.
475. Мосин А. Н.
476. Муев Д. Д.
477. Муртазин М. Л.
478. Нахичеванский Д. Д.
479. Неборак А. А.
480. Нестеровский Н. А.
481. Никулин И. Е.
482. Обысов С. П.
483. Огородников Ф. Е.
484. Орлов А. Г.
485. Островский А. И.
486. Павлов П. А.
487. Павловский В. И.
488. Павловский К. В.
489. Петренко-Лунев С. В.
490. Петров М. И.
491. Петров М. О.
492. Петрусевиц Б. В.
493. Подшивалов В. И.
494. Подшивалов И. М.
495. Позняков С. В.
496. Полунов М. Л.
497. Поляков В. И.
498. Поляков Н. С.
499. Полянский Н. А.
500. Потапенко П. Р.
501. Прокопчук Н. А.
502. Ратауш Р. К.
503. Рачинский Н. И.
504. Резцов В. И.
505. Розынка А. Ф.
506. Росман И. Д.
507. Руденко Д. М.
508. Рудинский Н. С.
509. Рулев П. П.
510. Рыбаков М. А.
511. Рыбкин П. Д.
512. Рыженков М. М.
513. Самойлов И. Я.
514. Сатин А. И.
515. Свечников М. С.
516. Селиванов В. В.
517. Семенов Н. А.
518. Середин В. П.
519. Серпоккрылов М. С.
520. Скулаченко А. Е.
521. Смирнов С. С.
522. Соколов А. Д.
523. Соколов А. Н.
524. Соколов Г. И.
525. Соколов-Страхов К. И.
526. Соломатин М. Д.

527. Сонин К. А.	548. Ульман Ж. К.
528. Сорокин Я. В.	549. Федин А. Т.
529. Стаханский Н. М.	550. Федоров Н. Ф.
530. Стоилов А. Г.	551. Фесенко П. Г.
531. Сулейман Н. А.	552. Фогель И. И.
532. Суслов А. А.	553. Фокин И. В.
533. Сческулевич А. С.	554. Циэмгал А. И.
534. Сысоев П. В.	555. Чернов Ф. М.
535. Тантаевский Е. Б.	556. Чернозатонский Л. Н.
536. Тарновский-Тарлецкий А.М.	557. Черный И. И.
537. Титов А. П.	558. Чернявский М. Л.
538. Тихомиров Е. М.	559. Шафранский И. О.
539. Тихомиров П. П.	560. Шашкин В. В.
540. Тищенко З. П.	561. Шейдеман Е. С.
541. Ткачев М. Л.	562. Шипов В. Ф.
542. Толкачев Ф. А.	563. Шмай-Крейцберг А. И.
543. Трифонов А. П.	564. Шошкин М. А.
544. Труханов Н. Ф.	565. Шуваликов В. В.
545. Турчак В. М.	566. Якимов М. М.
546. Тылтынь А. М.	567. Якимов М. П.
547. Уласевич С. А.	568. Якубов Р. А.

Бригинженер*

569. Александров В. В.	586. Ласточкин А. Ф.
570. Аллилуев П. С.	587. Лилиенфельд А. Э.
571. Аргентов А. А.	588. Максимов Н. А.
572. Бруевич Н. Г.	589. Могилевкин В. Н.
573. Вентцель Д. А.	590. Новиков Л. В.
574. Гевелинг Н. В.	591. Оглоблин А. П.
575. Груздуп А. Х.	592. Павлов И. С.
576. Демьяновский В. В.	593. Петров О. Д.
577. Железняков Я. М.	594. Сакриер И. Ф.
578. Жуков Л. И.	595. Саравайский С. А.
579. Жуковский И. П.	596. Свиридов В. Д.
580. Жуковский Н. И.	597. Степанов Ю. А.
581. Земский Б. М.	598. Файвуш Я. А.
582. Исаков К. В.	599. Федоров И. А.
583. Иудин С. Д.	600. Хандриков В. П.
584. Козлов С. Г.	601. Хейль И. Г.
585. Кокадеев А. Н.	602. Шапиро С. Г.

* См. сноску на стр. 496.

603. Абол Э. Ф.	612. Купрюхин А. М.
604. Блинов С. В.	613. Певзнер И. Б.
605. Бузников А. Д.	614. Перцовский З. Д.
606. Витковский П. П.	615. Петрович Н. Г.
607. Глудин И. И.	616. Преттер К. А.
608. Евтушенко Н. Н.	617. Саттеруп Д. В.
609. Зафран И. И.	618. Труханян М. З.
610. Калинин С. И.	619. Чибарь Я. А.
611. Клатовский Н. А.	620. Щетинин П. А.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

СПИСОК ЛИЦ ВЫСШЕГО КОМАНДНОГО СОСТАВА ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА, ПОГИБШИХ В РЕПРЕССИЯХ 1937–1938 гг.

Флагман флота I ранга (адмирал флота)

1. Викторов М. В.	2. Орлов В. М.

Флагман флота II ранга (адмирал)

3. Кожанов И. К.	4. Муклевич Р. А.

Флагман I ранга (вице-адмирал)

5. Душенов К. И.	8. Лудри И. М.
6. Кадацкий-Руднев И. Н.	9. Панцержанский Э. С.
7. Киреев Г. П.	

Флагман II ранга (контр-адмирал)

10. Васильев А. В.	15. Озолин Я. И.
11. Васильев Г. В.	16. Самборский Е. К.
12. Виноградский Г. Г.	17. Сивков А. К.
13. Галкин Г. П.	18. Смирнов П. И.
14. Исаков Д. П.	

* См. сноску на стр. 496

19. Алякринский Н. В.

Инженер-флагман III ранга*

20. Анципо-Чикунский Л. В.	26. Мирошкин А. Ф.
21. Брыкин А. Е.	27. Моторный И. Д.
22. Васильев В. В.	28. Платонов А. П.
23. Горбунов Н. И.	29. Посаженников А. Д.
24. Горшков В. А.	30. Рашевич Ф. К.
25. Мессер П. В.	31. Хайт Н. М.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

СПИСОК ЛИЦ ВЫСШЕГО КОМСОСТАВА, ОСВОБОЖДЕННЫХ И РЕАБИЛИТИРОВАННЫХ ПОСЛЕ ИЮньСКОГО ПЛЕНУМА ЦК 1957 г.

Фамилия	Звание в момент ареста	Звание после реабилитации
1. Тодоровский А. И.	Комкор	Генерал-лейтенант
2. Говорухин Т. К.	Корпусной комиссар	Генерал-майор
3. Фишман Я. М.	Коринженер	Генерал-майор-инженер
4. Мелькумов Я. А.	Комдив	Полковник
5. Колосов П. И.	Дивизионный комиссар	Генерал-майор
6. Иссерсон Г. С.	Комбриг	Полковник
7. Юнгмейстер В. А.	Комбриг	Полковник
8. Цалькович И. М.	Бригинженер	Полковник-инженер

* Соответствует бригадному звену сухопутных войск. См. сноску на стр. 496.

Примечания

К Приложениям I и II. Формирование перечней велось, главным образом, на базе сопоставления официальных списков на присвоение воинских званий, опубликованных в 1935 и 1940 гг. Поэтому воз-

можны отдельные неточности в бригадном звене, поскольку в настоящее время нет возможности провести доскональную проверку.

К Приложению III. Список неполный. Всего к этой категории относится приблизительно 15 человек, однако остальных установить не удалось.

Помимо этого, существовала большая группа командиров, которые были репрессированы, но освобождены перед началом войны и участвовали в боевых действиях. Сюда относятся маршал К. К. Рокоссовский, генерал армии А. В. Горбатов, генерал-лейтенанты Л. Г. Петровский, Г. Д. Стельмах и другие; всего человек 70.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

НАУМ ЭТТИНГОН

Сведения о Науме Яковлевиче Эттингоне до смешного скудны. Между тем это личность удивительная. На протяжении многих лет, до конца 30-х годов, он был главным организатором диверсий НКВД на Западе.

О происхождении Эттингона мы знаем только, что "его отец основал госпиталь в Лейпциге, там его именем названа улица. После смерти он оставил сыновьям 20 миллионов марок"*.

Сыновей было двое. Марк Эттингон — врач-психиатр, ученик Зигмунда Фрейда и друг принцессы Марии Бонапарт. В течение многих лет он был щедрым покровителем Надежды Плевицкой. Она даже проговорила на суде, что он "одевал ее с головы до ног". Он же финансировал издание двух ее автобиографических книг**. Только он вряд ли делал это из одной любви к русскому вокалу. Более вероятно, что он выступал как связной и финансовый агент своего брата Наума.

Наум Эттингон начал службу в ЧК еще во время гражданской

*. Из свидетельских показаний Леонида Райгородского на процессе Плевицкой в Париже. — Б. Прянишников, ук. соч., с. 353. Здесь дается другой вариант фамилии — Эйтингтон. Относительно 20 млн. марок: даже если свидетель назвал сумму правильно, бешеная инфляция в Германии 20-х годов могла превратить эти деньги в бумагу.

** См. И. Нестьев. Звезды русской эстрады. М., "Советский композитор", 1970.

войны. Есть указания на то, что летом 1919 года он завербовал Плевицкую. Певица в то время появилась в Одессе, где установила тесный контакт с верхушкой местной советской власти. Она вместе с популярной эстрадной певицей Изой Кремер была постоянной участницей концертов-попоек в здании военной комендатуры и дарила своей благосклонностью помощника коменданта Шульгу.

В 30-х годах Наум Эттингон стоит за кулисами многих (может быть, всех) заграничных диверсий НКВД — в частности таких, как похищение генерала Кутепова, внука Троцкого, генерала Миллера. Проживал он постоянно на Западе, прикрытием служила торговля советскими мехами в Лондоне. Наум Эттингон стоял у руля диверсионной машины НКВД, нажимал на многочисленные кнопки, но умел оставаться незамеченным. Интересно, что в русской эмигрантской печати среди многочисленных публикаций о действиях советской разведки его имя не упоминается. Меньше повезло его брату. На суде над Плевицкой было установлено, что Марк Эттингон был в Париже в сентябре 1937 г. и покинул его 20-го — за два дня до похищения генерала Миллера. Скоблин и Плевицкая проводили его на вокзал. Он отбыл во Флоренцию, а оттуда в Палестину.

Последней из крупных известных операций Эттингона было убийство Л. Троцкого. После этого его отозвали в Москву, но, в отличие от его многочисленных коллег по НКВД, не для расправы. Прямо с вокзала Эттингон был доставлен в Кремль на аудиенцию к Сталину, где присутствовал и Берия. Эттингону вручили причитающийся ему орден Ленина, но это была не вся награда. Сталин был исключительно сердечен. Он обнял Эттингона и заверил, что, пока он, Сталин, жив, ни один волос с головы Эттингона не упадет.

Эттингон получил назначение на пост заместителя начальника Главного Разведывательного управления при Генштаба. Пробыл он в этой должности свыше 10 лет. Использовали его по специальности — он продолжал руководить диверсиями, но уже из Москвы. В конце 40-х — начале 50-х его начальнику, генералу Судоплатову, стали намекать на то, что Эттингон действует по старинке, берет на себя слишком много, выходит за рамки данных ему полномочий. Вполне возможно, что Эттингон, действительно, был чересчур самостоятелен и не принимал каких-то новых веяний в советской диверсионной политике. Но нельзя также забывать, что это было время активного антисемитизма, когда евреев убирали с руководящих постов.

Судоплатов довольно долго игнорировал подаваемые ему сигналы. Он, видимо, считал Эттингона специалистом своего дела и полностью ему доверял; кроме того, трогать ставленника Сталина было не очень осмотрительно. Все же году в 52-м недоброжелатели Эттин-

гона дошли до Сталина и представили его деятельность в невыгодном свете. Сталин распорядился Эттингона от работы отстранить, но окончательного суждения о его дальнейшей судьбе не высказал. Так бывало не часто, но бывало.

МГБ, не имея точных указаний, не рискнуло оставить Эттингона на свободе, но и заточить его в тюрьму тоже не осмелилось. Его поместили на специальную подмосковную дачу, где он жил в полном довольстве и строгой изоляции — никаких посетителей, без газет и радио*.

После смерти Сталина об Эттингоне вспомнили не сразу. Было много других дел, в частности, 1953 год был посвящен ликвидации Берии и бериевцев, а также реорганизации МВД—МГБ. Но дошла очередь и до нашего героя. Его вызвал на допрос следователь Прокуратуры СССР. Эттингон стал прикидываться, что ему нечего говорить, что он старый больной человек и т. п. Когда следователь указал ему, что нечего валять ваныку, а надо давать показания, Эттингон горестно заметил:

— Умер Иосиф Виссарионович Сталин.

— При чем тут Сталин?

— В свое время Иосиф Виссарионович обещал, что, пока он жив, ни один волос с моей головы не упадет. А вы так со мной разговариваете, что я понимаю: нет в живых товарища Сталина.

Эттингона судили и приговорили к 12 годам заключения. Видимо, в его деятельности обнаружились какие-то нарушения социалистической законности. Но, скорее всего, истинная причина была в том, что его квалифицировали как сторонника Берии. Это было в конце 1953 г. или в самом начале 1954 г.

Эттингон отбыл свои 12 лет и вернулся в Москву. На вокзале его встретила — с цветами и шампанским — группа бывших сослуживцев. Они приготовили ему приятный сюрприз — ордер на комнату в Москве.

Через некоторое время в издательстве "Международная книга" появился занятный старичок. Новый редактор владел пятью или шестью языками, но ни на одном из них ничего не рассказывал о себе.

Больше о судьбе Эттингона ничего не известно.

* Так же жили Ежов в 1939, Абакумов — в 1951—1954 гг.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Абакумов В., 504
Азеф Е. Ф., 188
Азин В. Н., 42
Александров В., 331–333, 477–478
Алексеев М. А., 38
Алкисис Я. И., 15, 227, 229, 345, 347, 348, 369
Ангарский М., 467
Андреев А. А., 138, 274
Антипов, 324
Антонов, председатель Тамбовского ГубЧК, 108
Антонов А. И., 87, 94, 104, 105, 108, 109, 318, 367
Антонов Д. И., 109
Антонов-Овсеенко В. А., 108, 138, 146
Апанасенко И. Р., 46, 48
Аронштам Л. Н., 42, 339
- Бабель И. Э., 55
Бабиев, 83
Баграмян И. Х., 487
Базаревский, 215
Бакаев, 293
Балтийский, 215
Барбович, 83–85
Барбюс А., 401
Барклай де Толли М. Б., 441
- Бармин А., 477
Бекаури В. И., 229
Белинков А. В., 129, 405
Белинский В. Г., 13
Белицкий С. М., 171
Белов И. П., 14, 42, 345, 356
Бенеш Э., 334
Бергавинов С. А., 324
Беренс Г., 333, 378
Бердяев Н. А., 401
Берзин Р. И., 51, 53
Берия Л. П., 147, 207, 208, 303, 357, 423, 459, 479, 503, 504
Берман М., 294
Берман-Юрин, 474
Берут Б., 284, 401
Берхин И., 132, 466
Бесядовский, 215
Бехтерев В. М., 210, 292, 469
Бирюзов С. С., 319
Бисмарк, 424
Бланки О., 211
Блинов, 49
Блюмкин, 475
Блюхер В. К., 18, 41, 149, 151, 206, 302–304, 339, 347, 348, 357, 361, 370, 474
Боголепов, 248
Болдырев, "хоперческий коммунист", 69

* Указатель не охватывает персональных таблиц и списков, а также газетных выдержек из главы "Глаз народа".

Болдырев Г. В., 42
Бонч-Бруевич М. Д., 152
Борисенко А. Н., 362
Борисов В. Е., 154
Борман М., 333
Бочаров К., 221
Боярский, 488
Браухич В. фон, 447
Брехт Б., 401
Брусилов А. А., 171
Бубнов А. С., 47, 101, 138, 143
Буденный С. М., 14, 18, 46–50, 54, 56, 78, 83, 84, 87, 91, 135, 136, 149, 179, 227, 228, 317, 339, 345, 347, 356, 357, 369, 468, 470, 480, 487
Булатов Д. А., 104
Булгаков М. А., 399, 400
Булин А. С., 42, 300, 476
Буров, 87
Бурцев В. Л., 477
Бухарин Н. И., 113, 116, 118, 121, 123–126, 139, 174, 201, 254–258, 261, 263, 273, 286, 294, 295, 323, 324, 329, 371, 463, 465, 473
Бэлл, 20

Вагнер Р., 483
Вакулин, 87
Ванников Б. Л., 419, 487
Варейкис И. М., 250, 324
Варов Д., 71
Вафоломеев Н. Е., 157, 171, 231
Василевский А. М., 318, 443, 487
Васильевы, бр., 467
Ватутин Н. Ф., 318, 447
Вацетис И. И., 39, 41, 65, 135, 150, 171
Вегер В., 363

Великанов А. Д., 42
Верховский А. И., 171, 215, 216
Верховский Б. К., 215, 216
Винер Н., 23
Виноградов, 473
Владимиров М., 98
Вознесенский Н. А., 206
Волленберг Э., 478
Вольпе А. М., 171
Воронов Н. Н., 317, 445, 446, 454, 459, 485, 487
Ворошилов К. Е., 15, 18, 21–23, 36, 37, 40–46, 49, 54, 55, 83, 84, 93, 101, 113, 114, 129, 135–139, 142, 143, 146–150, 152, 173, 175–183, 215, 216, 223–229, 238, 250, 266, 274, 280, 295, 297–303, 322, 331, 337, 338, 348, 349, 355, 356, 362–365, 370, 415, 418, 419, 465, 466, 468, 473, 479, 486, 487
Ворошилова Е. Д., 479
Врангель, 33, 54, 83–85, 89, 98, 99, 141
Высоцкий, 215
Вышинский А. Я., 14, 278, 279, 295, 296, 323–330, 341, 347, 350, 474, 475

Газукин И., 222
Гай (Бжишкян) Г. Д., 41, 301
Гальдер Ф., 416, 421, 436, 444, 482, 486
Гамарник Я. Б., 16, 227, 228, 300, 323, 324, 328, 329, 335, 337, 338, 362, 363, 411, 474, 476
Гамелен М., 20, 415
Ганнибал, 231
Гарькавый И. И., 297, 300, 364
Геббельс, 344, 383

Гейдрих Р., 331, 334, 478
Геккер А. И., 300
Геллер А., 292
Георг V., 20
Гесс Р., 333
Гетль В., 333
Гинденбург П., 361
Гитлер А., 22, 25, 93, 220, 235,
243, 257, 274, 332, 333, 344,
410–416, 421–430, 433–435,
444, 447, 448, 452, 483, 484
Гоглидзе С. А., 302, 303, 480
Голиков, командир 23-й диви-
зии, 68
Голиков Ф. И., 415, 432, 441,
442, 454, 486
Голиков И. Т., 51
Голубев А. В., 467
Голубенко Н., 293
Голубинцев, 215
Гомулка В., 284
Горбачев Б. С., 48, 49, 328,
356
Городовиков О. И., 83, 91, 228
Горький М., 64, 206, 473
Горячев Е. И., 14, 356
Готвальд К., 284, 401
Граховский П. И., 229
Грейлих, 131
Гречко А. А., 45, 46
Григорьев, атаман, 74
Гринько Г. Ф., 323, 324
Грош В., 477, 478
Гудериан Г., 235
Гумилев Л. Н., 462
Гумилев Н. С., 90
Гусев С. И., 83, 138, 139
Гутор А. Е., 171

Давид Ф., 474
Даладзе Э., 478
Данила князь, 12
Дегтярев, 229

Дельбрюк Г., 163
Деникин А. И., 33, 39, 40, 45,
47, 49, 50, 64, 66, 67, 74–81,
158, 178, 179, 219, 366
Деннис Ю., 401
Дерибас Т., 480
Джилас М., 482
Дзенит, 470
Дзержинский Ф. Э., 43, 53, 81,
82, 89, 101, 113, 116, 121, 145,
146, 174, 176, 206, 475
Димитров Г., 401, 412, 413
Дмитриевский А., 153
Докукин В., 107, 108
Доливо-Добровольский, 215
Достоевский Ф. М., 208, 469
Драйзер Т., 401
Дрейцер, 293
Дубовой И. Н., 322, 339, 363,
364, 369
Дубчек А., 284
Думенко Б. М., 48, 49
Дунаевский А., 476
Дунаевский В., 221
Душицкий И., 221
Душенькин В. В., 57, 84, 304
Дыбенко П. Е., 14, 33, 101,
149, 206, 299, 345, 348
Дэкс П., 401

Евгенов С., 106, 108
Евдокимов И., 277, 278
Евфорицкий, 104
Егоров А. И., 15, 22, 26, 28, 46,
51, 53, 54, 83, 138, 146, 149–
151, 179–182, 227, 228, 238,
239, 335
Егорьев В. Н., 215, 216
Ежов Н. И., 206, 207, 281, 284,
294, 304, 321, 331–333, 340–
342, 347, 350, 355–357, 364,
459, 473, 478–481, 504
Елагин Ю., 483

Енукидзе А., 329
Еременко А. И., 46, 445, 487
Ермаков, 68

Жданов А. А., 206–208, 281,
412, 415, 424, 442, 454, 473
Желябов А. И., 209
Жид А., 401
Жилин, 165
Жуков Г. К., 165, 318, 419,
432, 440, 441, 443, 449, 450,
454, 485

Зайончковский А. Н., 152, 171
Зайцев, 69
Заковский Л. М., 333, 350,
479
Захаров М. В., 318
Зеленский И., 474, 475
Зедин К. Я., 36
Землячка Р. С., 99
Зиновьев Г. Е., 113–123, 128,
132, 133, 136–140, 142, 147,
151, 174, 177–190, 254, 255,
258, 260, 261, 277, 278, 280,
281, 291, 294, 345, 363–365,
473
Зорге Р., 433, 434, 443, 486,
487

Иван IV, 12, 194
Иллирицкая Т. А., 47
Ильющин, 229
Иост, 257
Иссерсон Г. С., 21, 22, 24, 27,
28, 171, 231, 232, 235, 237,
471
Ишин, 104

Кабачков, 191, 264
Каганович Л. М., 207, 208, 255,
274, 280, 327, 466, 474
Кадишев А., 467

Казаков, 473
Кайгородов, 109
Какурин Н. Е., 109
Калинин М. И., 66, 75, 82, 86,
87, 89, 90, 91, 116, 117, 207,
465
Калинников, 248
Калиновский К. Б., 171, 231
Калнин, 39
Каменев Л. Б., 82, 89, 113–
123, 135–137, 145, 174, 178,
189, 190, 201, 254, 255, 258,
260, 261, 277, 278, 280, 281,
290, 294, 465, 473
Каменев С. С., 41, 47, 51, 84,
101, 146, 150, 151, 171, 182
Камо (Петросян), 444
Канарис В., 333
Карамышев П. Е., 350
Карл I Стюарт, 194
Касаткин, 142
Катуков, 46
Кафка Ф., 341
Каширин Н. Д., 14, 41, 345,
348
Квириг Э., 147, 466
Кейтель В., 487
Керенский А. Ф., 134, 196
Керзон, 52
Кестлер А., 401
Киндерманн, 487
Киров С. М., 206, 207, 250,
254, 262, 263, 274, 276, 277,
286, 404
Кирпонос М. П., 319
Клаузевиц К., 162, 234
Клембовский В. М., 171
Климовских, 486
Ключевский В. О., 187, 359,
422
Княгницкий, 60
Козловский, 102
Колегов, 215

- Коллонтай А. М., 463
 Колобино Э., 464
 Колчак А. В., 33, 41, 43–45, 74, 141, 158
 Конев И. С., 449, 450, 487
 Конквест Р., 331–333, 478
 Коржавин Н. (Мандель Э.), 211, 244, 271, 407
 Корк А. И., 14, 157, 300, 326, 330, 335
 Коркин П. А., 350
 Корнилов Л. Г., 38
 Королев С. П., 230
 Косиор С. В., 206, 274, 359, 362, 363
 Котляр, 446
 Котов, 229
 Котовский Г. И., 361, 367, 464
 Кочубей, 40
 Краснов П. Н., 36, 38, 39, 59, 60, 73
 Крестинский Н. Н., 82, 119, 174, 323, 325–329
 Кржижановский Г. М., 265
 Кривицкий В., 477
 Крипс С., 433
 Криворучко, 369
 Крюков Н., 64
 Кузнецов А. А., 206
 Кузнецов Н. Г., 441, 485, 487
 Кузнецов Ф. И., 319, 485
 Кузьмичев Б., 293, 296, 322, 324, 364
 Куйбышев В. В., 207, 225, 226, 248–251, 253, 274, 277, 278, 465, 473
 Куйбышев Н. В., 129, 137, 206, 207, 350, 404
 Кулик Г. И., 46, 418, 419, 436, 437, 445, 454
 Кун Б., 98, 99, 464
 Курский, 468
 Курчевский Л. В., 229
 Кутепов А. П., 331, 503
 Кутузов М. И., 441
 Кутузов, участник "рабочей оппозиции", 463
 Кутяков И. С., 462
 Кучинский Д. А., 301, 338
 Лавут П. И., 99
 Лазимир П. Е., 40
 Лангемак Н. Э., 229
 Лапин А. Я., 302
 Ларин, 69
 Лашевич М. М., 41, 43, 137, 139, 147, 466
 Лебедев П. П., 135, 138
 Левандовский, 151, 356
 Левин, 143, 277, 473
 Легран Б. В., 40
 Ленин (Ульянов) В. И., 32, 33, 35, 36, 44, 52, 55, 65, 66, 69–72, 75, 78, 79, 82, 84, 85, 88–90, 96–98, 103, 105, 108, 113, 114, 116, 117, 120, 124, 128, 130–138, 145, 147, 148, 155, 174–176, 178, 189, 191–193, 196, 197, 201, 202, 206, 209, 219, 258, 260, 264, 286, 371, 444, 463, 464, 466, 468, 472
 Леонов Л., 399
 Лермонтов М. Ю., 452
 Лигнау А. Г., 215
 Лиддел Гарт Б., 236, 241, 471
 Линдов, 467
 Литвинов М. М., 415
 Литовский О., 106, 108
 Ливший Я., 294, 297
 Ломинадзе В. В., 255, 264, 273
 Лукин М. Ф., 15, 297, 435, 436
 Лукирский С. Ф., 215
 Лукомский, 40

Луний М., 461
Лурье М., 474
Лурье Н., 474
Люшков, 476
Любченко, 323
Людовик XVI, 194

Мархлевский, 53
Маслаков, 56
Май-Маевский, 47
Макаров, 69
Максимов-Диковский, 277, 278
Малевский А. Д., 215
Маленков Г. М., 207, 208, 424, 459, 460
Мамонтов, 47, 49
Мандельштам О. Э., 29, 111, 400
Мандрыка, 142
Маркиш П., 400
Маркс К., 124, 127, 198, 211, 260, 287, 479
Марлинский А. А., 452
Марр Н. Я., 212
Мартынов Е. И., 432, 484
Матвеев, 40
Махно Н. И., 85, 86, 93–95, 110
Маяковский В. В., 99, 284
Медведев Р. А., 57
Медведев, участник "рабочей оппозиции", 463
Медичи Л., 269
Меженинов С. А., 42, 43
Менжинский Р., 126, 127, 206, 473
Мерецков К. А., 419
Меркуров К. А., 46
Мессинг, 219
Мехлис Л. З., 207, 302, 355, 370, 454
Мехоношин К. А., 40
Микеладзе, 49

Микоян А. И., 207, 280, 482
Миллер, 331, 503
Милютин Д., 132
Минин С. К., 36, 37, 40
Миронов Ф. К., 49, 58, 60, 61, 65–94, 99
Михайлова, 357
Михеев, 215
Мобуту С., 275
Мовчин Н. Н., 231
Молотов В. М., 49, 208, 247, 249, 274, 280, 327, 337, 412, 424, 446, 454, 459, 460, 465, 474, 482–484
Москаленко К. С., 46
Мрачковский, 293, 321
Муклевич Р., 225–227
Муралов Н. И., 146
Муссолини Б., 274, 482

Набоков Н. Д., 465
Найда С., 32, 467
Нансен Ф., 43
Наполеон, 271, 424
Незнамов А. А., 153, 154, 171
Неманов, 332
Неров, 468
Нечаев С., 211
Николаевский Б. И., 477, 478
Николай, полковник, 331, 332, 478
Николай I, 195, 461
Николай II, 93, 153
Никулин Л., 148, 330
Новицкий В. Ф., 171
Ногин В. П., 115
Нойокс, 333, 334
Норд Л., 478
Носович, 59

Озерянский, 324
Окулов А. И., 37
Ольберг В., 474

Орджоникидзе Г. К. (Серго): 55, 121, 129, 138, 146, 147, 206, 207, 249, 250, 274, 277, 280, 281, 364, 404, 474

Орлов В. М., 15, 298

Орловский, 55

Орузл Дж., 401

Отто, герм. посол в Токио, 434

Охотников Я., 291–293

Павленко Н. Г., 461

Павлов Д. Г., 317, 318, 486

Павлов П. А., 109

Пархоменко А. Я., 55

Пастернак Б. Л., 5, 321, 400, 481

Паустовский К. Г., 399

Пересыпкин, 318

Петенко В., 292

Петерс, 262

Петерсон, 329

Петлюра С. В., 74

Петр I, 194, 462

Петреченко, 102

Петров Ю., 352, 353

Пик В., 20

Пикель, 293

Пильняк Б., 144, 400, 405

Пилсудский Ю., 51, 52

Платон, 210

Платонов А., 399, 400, 472

Плевицкая Н., 331, 477, 503

Плетнев, 277, 473

Победоносцев, 229

Покалюхин М., 109

Поликарпов В. Д., 47, 48

Поликарпов, авиаконструктор, 229

Поллит Г., 401

Полуян Д., 78, 83

Попов М. М., 319

Поскребышев А. Н., 207

Постышев П. П., 206, 207, 262, 335, 404

Преображенский Е. А., 247, 255, 264, 280

Примаков В. М., 14, 18, 206, 299, 321, 329, 335, 349, 360, 474

Проскуров И. Н., 318

Пришвин М. М., 399

Прянишников Б., 477, 479, 502

Путна В. К., 14, 151, 293–296, 301, 302, 322, 332

Путциг Ф., 334

Пушкин А. С., 152, 213, 431

Пятаков Ю. Л., 145, 282, 294, 323–326, 329, 332, 472, 474

Радек К. Б., 282, 295, 296, 326, 329, 331, 332, 475, 476, 478

Ракоши М., 284, 401

Ранц, 215

Раскольников Ф. Ф., 405, 477

Рейнгольд, 493

Рейтлингер, 477

Риббентроп И. фон, 416, 421, 434, 482, 483

Рогачев, 69

Розанов, 142

Розенберг А., 93, 332, 333

Розенголыц А. П., 324, 326–328

Рокоссовский К. К., 42

Роллан Р., 401

Рудзутак Я. Э., 207, 250, 324, 327, 400, 465

Руссо Ж.-Ж., 210

Рухимович И., 466

Рыбаков, 79

Рыбалко, 46

Рыдз-Смигла, 51

Рыков А. И., 113–115, 117, 121, 123, 124, 138, 174, 255,

262, 263, 294, 323, 324, 465,
466, 473, 474

Рычагов П. В., 318

Рютин М. Н., 139, 257, 273,
274, 474

Саблин Ю., 293

Савинков Б. В., 14, 475, 476

Сапожков, 110

Сапожников, 215

Саровский, 332

Сартр Ж.-П., 401

Свердлов Я. М., 39, 40, 64,
65, 116, 189

Светоний, 269, 468

Свечин А. А., 23, 24, 154, 156,
157, 160–169, 171, 215, 216–
223, 234, 235, 368, 441, 470,
471

Сегер, 215

Седов Л., 284, 326

Седякин А. И., 301, 338, 361

Семанов С., 102

Серебряков, 280, 282, 294

Серж В., 477

Склянский Э. М., 78, 138, 146

Скобиненко, 88

Скоблин Н. В., 330–334, 477–
479, 503

Славин И. Е., 301, 338

Слепков А., 257, 273

Слуцкин И., 221

Смилга И. Т., 75, 76, 78, 80, 81,
86, 90, 98, 174

Сирнов А. П., 262, 274

Смирнов И. Н., 146, 278, 279,
293

Смородинов, 300

Смушкевич Я. В., 317

Снесарев А. Е., 36, 37, 39, 171,
215, 216

Соколов, 215

Соколовский В. Д., 42

Сокольников Г. Я., 50, 60, 64,
78, 119, 135, 146, 174, 280,
282, 294

Солженицын А. И., 400, 481

Солсбери Г., 442

Сорокин, 40

Станкевич Н. В., 13

Сталин (Джугашвили) И. В., 7,
18, 21, 23, 25–28, 35, 37, 38–
41, 43, 46, 51–53, 55, 59, 79,
83, 93, 113–128, 133, 136, 139,
141–145, 147, 150, 152, 156,
165, 173–183, 188–194, 198–
209, 213, 215, 216, 223, 226–
228, 231, 238, 242, 244–247,
253–267, 269, 271–284, 286–
296, 298–303, 318, 320, 321,
327, 331–335, 337–345, 347–
350, 354–357, 359–370, 397,
399, 403, 410, 412, 413, 415–
424, 426–430, 432, 433, 436,
437, 441–454, 459, 460, 465,
466, 468, 470–472, 479, 480,
482–484, 487, 503, 504

Стариков С., 57

Столыпин П. А., 335

Стученко А. Т., 48

Стэн И., 259

Суворов А. В., 26

Суворов, военспц, 215

Судоплатов, 503

Сулейман Н. А., 171

Суслов П., 221

Сухов В. Г., 215

Сырцов С. И., 60, 273, 463,
473

Сытин П. П., 39, 40

Табуи Ж., 478

Танев, 413

Твардовский А. Т., 5, 400

Телятников И. А., 466

Тимошенко С. К., 45, 46, 48,

49, 157, 165, 318, 418, 432, 440,
 441, 447, 454, 483, 485, 487
 Тодорский А. И., 24, 27, 148,
 216, 217, 230
 Токарев, 229
 Токмаков, 105
 Толмачев, 274
 Толстой А. Н., 469
 Толстой Л. Н., 80, 320, 452
 Тольятти П., 401
 Томский М. П., 114–117, 121–
 126, 174, 254, 255, 262, 263,
 465
 Торез М., 401
 Тредиаковский В. К., 5
 Триандафиллов В. К., 21, 157,
 224, 227, 231, 235, 470, 473
 Трибуц В. Ф., 485
 Трифонов В., 66, 70
 Троцкий Л. Д., 39, 54, 55, 60,
 65, 66, 75, 79–82, 89, 101, 113,
 114, 116, 117, 119, 120–123,
 133–142, 145, 148, 155, 156,
 160, 174, 175, 178, 179, 190,
 193, 201, 247, 260, 278, 284,
 285, 287, 291, 293, 295, 324–
 326, 330, 342, 345, 464–467,
 469, 503
 Трутко Ф., 154
 Тупиков, 433
 Туполев А. Н., 229
 Тухачевский М. Н., 7, 14, 17–
 22, 24–28, 41, 47, 51, 52, 54,
 93, 95, 101, 103, 109, 146,
 148–152, 157, 169–171, 180,
 182, 206, 217–224, 226–231,
 235, 266, 267, 288, 295, 296,
 298–300, 323–325, 331–335,
 337, 340–342, 347, 354, 355,
 357, 359–370, 415, 418, 466,
 470–473, 481
 Тютюнник, 95

Уборевич И. П., 14, 18, 22, 42,
 46, 49, 206, 227, 231, 298, 300,
 326, 464
 Угланов Н. А., 124, 139
 Ульбрихт В., 401
 Ульрих В. В., 14, 18
 Уманский К., 433
 Уншлихт, 53, 131, 206
 Уоллес С., 433
 Урицкий С. П., 101, 102, 369

Федин К., 399
 Фелько И. И., 350, 357, 369
 Фейхтвангер Л., 281, 401
 Фельдман Б. М., 14, 206, 300,
 331, 335, 359, 368
 Фендель И., 222
 Фриновский М., 294, 302, 303
 Фрунзе М. В., 41, 55, 56, 83, 84,
 86, 98, 99, 113, 132, 135, 138–
 146, 148, 150, 155, 157, 166–
 169, 174, 206, 361, 405, 464
 Фурманов Д., 467
 Фурье Ф., 209, 210

Халепский И. А., 229, 369, 418
 Хатаевич М. М., 227, 363
 Хаханьян, 364, 369
 Хассель фон, 484
 Хвесин, 66
 Хейвен, 249
 Хлебников Н. Н., 462
 Хлопов, 433
 Хрулев А. В., 446
 Хрущев Н. С., 208, 447, 471,
 477

Ц. И., 103
 Цандер, 230
 Цюрюпа, 39

Чайковский Н. В., 42
 Чан Кай-ши, 151

Чапаев В. И., 42, 162, 467

Червиченко Я. Т., 319

Черчилль У., 203

Чернов В. М., 133

Чуйков В. И., 42, 449

Шамиль, 452

Шапиро-Дайховский Н. Е., 350

Шапошников Б. М., 14, 15,
18, 317, 335, 345, 347, 356,
357, 415, 418, 419, 483

Шверник Н. М., 137, 139

Шелленберг, 333, 477

Шепелев, 55

Шептицкий, 51

Шестов, 474

Шкуро, 45, 47

Шкирятов, 142

Шляпников А. Г., 463, 465

Шмидт Д. А., 17, 292, 293, 296,
297, 321, 324, 349, 364,

Шнурре Ю., 482

Шолохов М., 64

Шорин В. И., 41, 49, 50, 141,
179, 180

Шостакович Д. Д., 365

Шоу Б., 401

Шпенглер О., 257

Шпигельглас А., 332

Штеменко С., 443, 449, 486,
487

Штерн Г. М., 317, 418, 483

Штраус Р., 483

Шуленбург Ф., фон, 483

Шаденко Е. А., 46, 49, 149,
355

Щербаков А. С., 206, 207, 473

Эйдеман Р. П., 182, 292, 300,
321, 326, 335

Эйсмонт, 262, 274

Эйхе Р. И., 206, 404

Энгельс Ф., 124, 211, 258, 260

Эпаминонд, 231

Эренбург И. Г., 356

Эттингон М. Я., 331, 502, 503

Эттингон Н. Я., 331, 502–504

Эрикссон Дж., 477

Юденич, 33, 45, 158, 177

Ягода Г. Г., 207, 277, 281, 294,
323, 324, 329, 331, 332, 474
Якир И. Э., 7, 14, 17–19, 22,
46, 63, 93, 151, 206, 227, 228,
230, 231, 296–300, 322–324,
326, 335, 337, 339, 340, 347,
349, 354, 355, 359–366, 368–
370, 474, 476

Якир П. И., 297

Якир С. Л., 51

Янушкевич, 154

Яковлев А., 479

Яковлев Я. А., 324

Ясенский Б., 400

О Г Л А В Л Е Н И Е

Пролог. НАКАНУНЕ КАТАСТРОФЫ	9
Глава 1. Ассамблея на Никольской	11
Глава 2. Разногласия перед лицом угрозы	20
Часть первая. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА: НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ	29
Глава 3. 1918: день рождения РККА	32
Глава 4. 1918: Царицын	35
Глава 5. 1918–1919: Восточный фронт	41
Глава 6. 1919–1921: Первая Конная	45
Глава 7. Миронов	57
Глава 8. 1921: Усмирение	95
Часть вторая. ЭТИ БУРНЫЕ ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ	111
Глава 9. Партия: Борьба линий или драка за портфели	113
Глава 10. Троянский конь и конармеец	130
Глава 11. Ученые споры	153
Глава 12. Психическая атака	173
Часть третья. ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ	185
Глава 13. Личность в истории: роль и стиль	187
Глава 14. Удар по штабам	215
Глава 15. Краткая пора расцвета	223
Глава 16. XVII Съезд: победители роют себе могилу	244

Часть четвертая. ЗАГОВОР ПРОТИВ РККА	269
Глава 17. Политический фон: государственный переворот	271
Глава 18. Приготовление к жатве	288
Глава 19. Страда	298
Глава 20. Палачи: образ действий	320
Глава 21. Жертвы: мотивы бездействия	359
Глава 22. Глас народа	371
Эпилог. КРОВАВОЕ ПОХМЕЛЬЕ	407
Глава 23. Заговор против мира	409
Глава 24. Ослепление	422
Глава 25. Расплата	431
Послесловие	457
Примечания	461
Приложения	489